

*ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
НА ПЕРЕКРЁСТКЕ КУЛЬТУР*

**Социальные
и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке**

**The Humanities
and Social Studies
in the Far East**

*THE RUSSIAN FAR EAST
AT THE CULTURAL CROSSROAD*

№ 4 (52) 2016

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО

«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 4 (52) 2016

Хабаровск, 2016

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **М.Г. Лебедько**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Р.Р. Чайковский**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Л.П. Лазарева**, д-р пед. наук, проф.;
Н.Е. Мерецкий, д-р юрид. наук, проф.; **В.В. Романова**, д-р ист. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
А.М. Шкуркин, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

Ю.В. Пономарчук, канд. физ.-мат. наук (web-мастер);
Е.В. Листопадова (технический секретарь); **Е.Л. Рябкова** (переводчик);
Е.Ю. Мальнева, канд. филол. наук (переводчик)

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по отраслям научного знания, в рамках которых осуществляется профессиональная экспертиза публикаций: 09.00.00 – философские науки; 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание; 19.00.00 – психологические науки.

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.
Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. Дальний Восток на перекрёстке культур: к итогам конференции.....	6
СТАТЬИ	8

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Нижников С.А.</i> Духовное познание в культурах Запада и Востока	8
<i>Маниковская М.А.</i> Дальний Восток на перекрестке культур: коммуникативное измерение	13
<i>Сердюков Ю.М.</i> Формирование научного и паранаучного знания в классической китайской культуре	18
<i>Арутюнян М.П.</i> Россия–Китай: приоритеты «экоцентризма» на пересечении ценностей культуры и цивилизации	37
<i>Рудецкий О.А.</i> Дальний Восток России: от мультикультурности к мультикультурализму?	44
<i>Зангиров В.Г., Зангирова О.А.</i> Жизнь на перекрестке духовных культур: Дальний Восток России на пути к самоопределению	49
<i>Шкуркин А.М.</i> Социальная адаптация в неравновесном социуме и трансформация дальневосточного труда	55
<i>Фещенко Н.В.</i> К современной модели экономической интеграции российского Дальнего Востока и стран Азиатско-Тихоокеанского региона.....	60
<i>Любичкая Г.С., Спасский Е.Н.</i> Фрагментарное образование и образовательное поведение школьников и студентов г. Хабаровска.....	65
<i>Соболева Т.Н., Хренов Н.Д.</i> Компонентный анализ профессионального самоопределения в сфере безопасности движения поездов различных групп специалистов Дальневосточной железной дороги.....	70

ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Пиотрович А.А., Ежеля У.В.</i> Стальной путь длиной в 140 лет (к юбилею железных дорог Китая)	78
<i>Ковальчук М.А., Гапоненко Ю.М.</i> «Биробиджанский проект» и судьба Биробиджанского железнодорожного техникума.....	87
<i>Кузьмин В.Л., Нечитайлов С.М.</i> Возникновение организаций меньшевиков и их деятельность на Дальнем Востоке России до 1917 года	92
<i>Белых А.С.</i> Основные виды хозяйственно-бытовой деятельности в семьях русских крестьян Нижнего Амура во второй половине XIX – начале XX века.....	99
<i>Редчун В.М.</i> Некоторые аспекты семантики и иконографической специфики орнитоморфных образов в декоре текстиля славян-переселенцев Дальнего Востока России.....	105
<i>Ульянова М.В.</i> Общественное мнение Запада о Русско-японской войне 1904–1905 годов (на примере карикатур)	114
<i>Габрильчук М.А., Горшков М.В., Масахиро Фукуда, Куникита Даи.</i> Кондонский слой поселения Харпичан-4 (Солнечный район Хабаровского края). Исследования 2015 г.	120

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

<i>Прошина З.Г.</i> Смена парадигмы в языковом образовании: от изучения английского как иностранного языка (EFL) к английскому как международному языку (EIL).....	128
<i>Мальнева Е.Ю.</i> Когнитивный романтизм как когнитивный стиль и «великая китайская мечта»: в поисках мистического «шестого чувства»	135
<i>Агранат Ю.В., Рябкова Е.Л.</i> Обучение основам межкультурной коммуникации в контексте подготовки студентов к участию в программах академической мобильности вуза.....	144
<i>Гладкая Е.Ф.</i> Дебаты как средство формирования поликультурной компетентности российских и иностранных обучающихся дальневосточного технического вуза	147

Маринич Л.Ф., Прыткова Ж.И. Современная профессионально-ориентированная учебная книга на английском языке для студентов технического вуза – от теории к практике 151

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Лившиц Р.Л. «Конфликт мифологий» или изъян стратегии? О перспективах эволюции Дальнего Востока России 157

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 165

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ 166

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЗА 2016 г. 181

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК НА ПЕРЕКРЁСТКЕ КУЛЬТУР: К ИТОГАМ КОНФЕРЕНЦИИ

В последние десятилетия внимание отечественных учёных, в том числе представителей общественных и гуманитарных наук, в значительной степени обращено к проблемам Дальнего Востока. Об этом свидетельствует рост числа конференций и семинаров, монографий и научных статей, посвящённых отдельным аспектам изучения региона: археологии, этнографии, истории заселения и освоения, политического и социально-экономического развития и т.д. Указанная тенденция вполне соотносится с возрастающим интересом мировой науки к проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона в целом. В числе приоритетных направлений научных исследований стоит указать национальную политику и безопасность, международное научно-техническое и экономическое сотрудничество, транслингвальные и транскультурные контакты в зоне АТР.

19–20 мая 2016 г. в Дальневосточном государственном университете путей сообщения состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Дальний Восток на перекрёстке культур». Конференция была организована Правительством Хабаровского края, Администрацией города Хабаровска, Дальневосточным государственным университетом путей сообщения, Дальневосточным институтом психологии и психодиагностики, Дальневосточной федерацией дзюдо.

В работе конференции приняли участие учёные, преподаватели, аспиранты, магистранты, студенты из г. Москвы, Благовещенска, Комсомольска-на-Амуре, Петропавловска-Камчатского, Хабаровска. Иностранные участники конференции были представлены учёными КНР и Японии. Общее число участников конференции составило более 200 человек.

Конференция носила комплексный характер и была призвана содействовать обсуждению ключевых вопросов регионального развития. Привлечение широкого круга специалистов позволило обозначить некоторые современные методологические подходы к решению практических задач развития институтов государственной власти и местного самоуправления, региональной экономики, транспортной, энергетической и информационной инфраструктур. Научная дискуссия позволила наметить перспективные пути решения проблем формирования национальной и региональной идентичности, гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений. Актуальные вопросы исто-

рической памяти и кросскультурных связей были подняты в рамках отдельных докладов участников конференции.

19 мая 2016 г. в ДВГУПС состоялось пленарное заседание конференции. С пленарными докладами выступили:

- *Нижников Сергей Анатольевич*, д-р филос. наук, проф., профессор кафедры истории философии РУДН (г. Москва) (тема доклада – «Духовное познание в культурах Запада и Востока»);

- *Кудрявцев Сергей Анатольевич*, д-р техн. наук, проф., проректор по научной работе ДВГУПС (г. Хабаровск) (тема доклада – «Научно-техническое сотрудничество стран АТР в решении проблемы сейсмоустойчивости зданий и сооружений»);

- *Ямамото Хироюки*, генеральный консул Японии в Хабаровске (Япония) (тема доклада – «Проблемы и задачи современной Японии»);

- *Прошина Зоя Григорьевна*, д-р филол. наук, проф., профессор кафедры теории преподавания иностранных языков Факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва) (тема доклада – «Смена парадигмы в языковом образовании: от изучения английского как иностранного языка (EFL) к английскому как международному языку (EIL)»);

- *Сердюков Юрий Михайлович*, д-р филос. наук, проф., профессор кафедры «Философия, социология и право» ДВГУПС (г. Хабаровск) (тема доклада – «Трансцендентальный опыт в психофизических трансформациях мастеров "внутренних школ"»);

- *Лившиц Рудольф Львович*, д-р филос. наук, проф., профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин АмГПУ (г. Комсомольск-на-Амуре) (тема доклада – «Константы дальневосточной идентичности»).

20 мая участники конференции продолжили работу в рамках двух секций:

- «Межкультурная коммуникация» (председатель – *Прошина Зоя Григорьевна*, д-р филол. наук, проф., профессор кафедры теории преподавания иностранных языков Факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова);

- «Философия, наука и культура на Дальнем Востоке» (сопредседатели – *Спасский Евгений Новомирович*, д-р полит. наук, проф., заведующий кафедрой «Философия, социология и право» ДВГУПС; *Ким Александр Сергеевич*, д-р полит. наук, проф., профессор кафедры социологии, политологии и регионоведения ТОГУ).

На секционных заседаниях были представлены доклады по различной проблематике: духовной культуре дальневосточных стран; национальной политике и государственной безопасности; толерантности и межэтническому согласию на территории Хабаровского края; научно-техническому сотрудничеству на Дальнем Востоке; этнопсихологии народов Дальнего Востока; археологии и этнографии Приамурья; освоению и заселению Приамурья в XVII–XX вв.; философско-психологическим и прикладным аспектам восточных единоборств; о роли Приамурья в системе экономических и политических связей АТР; о месте Приамурья в образовательном пространстве АТР.

В рамках конференции состоялось заседание

межкафедрального научно-методологического семинара по предварительному обсуждению докторских и кандидатских диссертаций по философским наукам (сопредседатели – *Сердюков Юрий Михайлович*, д-р филос. наук, проф., профессор кафедры «Философия, социология и право» ДВГУПС; *Нижников Сергей Анатольевич*, д-р филос. наук, проф., профессор кафедры истории философии РУДН).

В тематический номер журнала вошли статьи, подготовленные по материалам конференции.

От имени редакции журнала
и оргкомитета конференции
О.А. Рудецкий

СТАТЬИ

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ДУХОВНОЕ ПОЗНАНИЕ В КУЛЬТУРАХ ЗАПАДА И ВОСТОКА

С.А. Нижников

Нижников Сергей Анатольевич – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (г. Москва).

Контактный адрес: niznikovs@mail.ru

Представлены различные модели развития современной цивилизации, наиболее реалистичной из которых признается концепция «осевого времени» К. Ясперса. Анализируется духовное познание в культурах Востока и Запада, выявляется инвариантное понятие духовного архетипа человечества. Духовное познание представлено как процесс развертывания сущности человека. Вскрывается общность этических оснований различных культур, обосновывается необходимость реализации принципа ненасилия, что позволяет избегать конфликтов в современном глобализирующемся мире.

Ключевые слова: духовное познание, духовный архетип человечества, «осевое время», ненасилие, сущность человека, мораль, трансцендентное.

Анализируя историю культуры, можно прийти к выводу, что человек во все времена переживал духовный кризис той или иной глубины, противоречия которого заставляли его духовно развиваться, однако ситуация в современном мире особенно угрожающа, ибо в результате всевозможных видов глобальных катастроф может погибнуть уже не отдельное племя или государство, но весь человеческий род. Духовный кризис приобрел угрожающие масштабы и глубину. Это, прежде всего, проблемы войны, экологии и нравственности, которые тесно взаимосвязаны. Человечество теряет явленность своего духовного архетипа, человек теряет человечность. Поэтому так необходимо выявить с новой силой извечные ценности, которые присутствуют во всех духовно-культурных традициях народов, населяющих землю.

Между тем в последние десятилетия появляются концепции, отнюдь не направленные на решение данных проблем. Так, с идеей «конца истории» выступил Френсис Фукуяма, имея в виду завершение «идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [8: с. 135]. Постистория ограничена только теми, кого Фукуяма причисляет к авангарду человечества. Однако концепция «конца истории» упрощает мировое развитие, когда достижениям и успехам западной цивилизации придается статус универсальных, общечеловеческих ценностей. Наряду с универсализацией здесь присутствует и идеализация, оправдывающая доктрину однополярного мира. О реальных проти-

воречиях говорится лишь вскользь как о досадных издержках светлого настоящего.

Другой американский ученый, Самюэль Хантингтон, в знаменитой книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996) уже радикально по-иному и более реалистично оценивает международную ситуацию. Он отмечает, что соперничество супердержав (СССР и США в прошлом) уступает место столкновению цивилизаций [10: с. 536]. Автор признается, что в политике ведущих западных стран присутствует двойная мораль и двойные стандарты. Фактически все внимание он уделяет неизбежности возможного будущего конфликта между Западом и исламским миром, Западом и Китаем и нисколько не говорит о том, как этого избежать. Н.С. Кирабаев отмечает, что «После опубликования в 1993 г. известной статьи С. Хантингтона "Столкновение цивилизаций" уже вся мусульманская цивилизация стала восприниматься как потенциальный источник конфликтов в современном мире» [4: с. 8]. На наш взгляд, столкновение цивилизаций, как и соответствующая теория, являются рукотворными. Такого не должно быть, если проводить политику, учитывающую интересы различных стран и народов.

Третий американский политолог, Збигнев Бжезинский, еще более откровенен и конкретен в своей книге «Великая шахматная доска» (1997) [1]. Острые его внимания обращено на постсоветское, евразийское пространство, где он обнаруживает жизненные интересы Америки. Состоят они в недопущении возрождения России как сильной ядер-

ной державы, даже как мощного регионального центра. Для этого необходимо расчленение России на ряд территорий, а прежде всего от нее необходимо навсегда отколоть Украину, без которой, как полагал Бжезинский, Россия уже никогда не сможет восстановить свой статус сверхдержавы, фактически лишится доступа к Черному морю. Также ее необходимо отрезать и от Тихого океана, вернув, по сути, к границам московского княжества.

Престарелый советник американских президентов и сейчас не отказывается от своих планов по будущему развалу России. Он высказывает сожаление, что «Америка не сумела обратить себе на пользу распад СССР». Связывает он свои надежды с новым «гражданским обществом», «оппозиционным интернациональным средним классом», который в год выборов стал выходить на улицы и площади российских городов [7].

Этим экспансионистским, фактически колониальным планам необходимо противопоставить гуманистическое видение, не оправдывающее конфликты и войны, а призывающее к миру и взаимовыгодному сотрудничеству. Этому соответствует, на наш взгляд, концепция «осевого времени». Данное понятие разработано Карлом Ясперсом (1883–1969) в работе «Истоки истории и ее цель» (1948). Он полагал, что человечество имеет единое происхождение и единый путь развития. Данная концепция нацелена на построение единой мировой цивилизации как «ответа» на «вызов», заключенный в глобальных проблемах современности.

По его словам, в период «осевого времени» складывается достаточно однородное культурно-мировоззренческое пространство, связывающее Восток и Запад в единую зону («ось») духовного родства. Философии и религии этой эпохи, будь то учение Гераклита о *Логосе*, метафизика *Дао* Лао-Цзы или доктрина спасения Будды, обнаруживают готовность к коммуникации и диалогу. Когда эти учения соприкасаются, оказывается, что «в каждом из них речь идет об одном и том же». Память об этой творческой эпохе сопровождает человечество на протяжении всей последующей истории. Сознательно или подсознательно современный человек угадывает в ней свою духовную прародину [11: с. 31]. Возврат к открытым тогда духовно-нравственным идеям и восстановление их первородной глубины и общечеловеческой значимости есть первый шаг на пути к духовному единству человечества, без которого невозможно решение глобальных проблем современности.

Вначале возникает принцип, провозглашенный, пожалуй, впервые Конфуцием: «Относись к другим так, как бы ты хотел, чтобы относились к тебе», засвидетельствованный также в Евангелии, затем, в качестве основного этического императива, –

И. Кантом. Этот принцип можно назвать *минимумом морали*, позволяющим выжить человеческому обществу в качестве человеческого. Максимумом же морали можно назвать принцип *возлюби*, и не только ближнего своего (к которому относятся все люди), но и врага. Этот высший духовный принцип – вечная задача для воплощения; его могли в той или иной степени реализовать лишь святые и великие гуманисты. При этом нельзя впадать в пацифистскую трактовку данного положения. Оно не отменяет борьбы со злом, но разделяет человека и овладевшее им зло.

В «осевое время» мудрецы Запада и Востока озабочены одним: каким образом сохранить и нормировать человеческое существование. Согласно К. Ясперсу, был ими найден и завещан последующим поколениям кодекс общечеловеческой мысли, веры и морали, способных образумить человечество и оправдать смысл и назначение его существования. В «осевое время» происходит духовная революция, когда возникают личностные виды творчества: развитые формы религии, философия, независимые искусство, наука и мораль. Человечество до сих пор живет теми идеями, которые были рождены в то далекое время, – именно тогда был задан духовный горизонт развития. В ту эпоху произошел сдвиг колеса истории, – человечество начало осознанное историческое бытие. Это духовное единство «осевого» человечества можно выявить через анализ оснований метафизики и этики.

Феномен духовного, реализуемый как процесс самопознания, при котором разворачивается сущность человека, обнаруживает себя во все большей степени очеловечивания человека. Основные моральные заповеди рождены как откровение в глубинном опыте самопознания, на какой бы основе оно ни осуществлялось. А это значит, что духовное познание непосредственно связано с моралью. Так, например, родилась заповедь «Не убий!», понимание того, что жизнь каждого отдельного человека сверх всякой цены, и никто не имеет нравственного права ее отнимать. Зло не побеждается злом, но лишь добро способно преобразовывать его. Наиболее принципиальное отрицание насилия мы можем найти в даосизме, Упанишадах, Библии, Коране, философии (Сократ, Махатма Ганди) и т.д.

Духовное познание разворачивает человечность в человеке, ведь она, по сути, может выявляться лишь в своем собственном существовании. «Человечность человека, – писал в данной связи М. Хайдеггер, – ...покоится в его существе». И соответственно: «бес-человечным, «не-гуманным» (называем мы человека. – С.Н.) ...отпавшего от своей сущности» [9: с. 196]. Из этого можно заключить то, что человек по сущности, по своей духовной природе добр, и зол он лишь тогда, когда забы-

вает себя, отдаляясь от своей сущности. Из такого забвения человеком самого себя и вырастает духовный кризис человечества как потеря человеком человечности, гуманизма, своего собственного лица. «Начинает казаться, что человеку повсюду предстает уже теперь только он сам, – пишет далее Хайдеггер. – Между тем на самом деле с самим собой, т.е. со своей сущностью, человек как раз уже нигде не встречается». От человека его сущность скрывает как техника, так и собственная неодоухотворенная чувственность.

Именно из духовного познания вырастает и истинный гуманизм, который является сущностной характеристикой духовного феномена. Именно в духовном творчестве человек обретает свободу и достоинство. Духовные акты порождают смыслы и действительные ценности, социальные и правовые нормы, нравственность. Нравственность «нравственна» лишь тогда, когда она рождается из глубин духовного.

Духовное познание, развертываясь на материале различных культур, языков и символов, тем не менее обнаруживает принципиальное единство своих характеристик. Отметим основные из них:

- поиски смысла жизни;
- трансцендирование;
- экзистирование;
- разотождествление *Я* и *не-Я*;
- самопознание;
- самосозидание как высшую форму творчества;
- развертывание собственной сущности;
- формирование моральной личности;
- обожение, спасение души, очищение сознания (достижение *нирваны*, *самадхи*, *сатори*).

Духовная истина является продуктом осмысления человеком своего положения в мире, которое в своей сущности не разнится в зависимости от культур, и даже осмысляется тождественными методами – умозрением в *логосе* и *теосе*, однако опыт такого умозрения запечатлевается на разном культурном материале, в разных понятиях и символах. И, тем не менее, глубинное содержание этих единиц умозрительного в своей сущности одно и отражает антропологическое единство положения человека в мире, его духовный архетип.

Вершины духовного треугольника выражают собой одновременно и формы духовного познания: Истину стремится постичь философия, Добро представлено в религии, а Красота выражается через искусство. Это духовный треугольник, который мы можем обнаружить в каждой культуре с очевидностью или под покровом различной символики.

Понятие духовного представлено как в древнеиндийских *Упанишадах*, так и в буддизме, несмотря на отрицание в последнем всякой субстанциальности бытия. И, может быть, в силу именно этого отрицания рождается духовное как трансцендентное – *нирвана*. Буддизм в высшей степени исполь-

зует метод апофатики, но его же мы находим и в христианской традиции. Определяя Божество, Псевдо-Дионисий Ареопагит пишет: «...несмотря на то, что оно является Причиной всякого бытия, само оно – не существует, так как за пределами какому бы то ни было существованию» [5: с. 157]. Понятие нирваны обладает такими же характеристиками. Из понимания духовного как духа рождается и соответствующая этика, добродетелями которой становятся созерцание за пределами, бесстрастие, отрешенность и т.д. Возникает новый идеал святости.

В философской мысли человек решает одни и те же проблемы, – как тысячи лет назад в рамках ветхозаветных традиций, так и сейчас, в экзистенциализме XX и XXI вв. Ведь речь идет о вечной проблеме, проблеме человеческого бытия, с тех пор как он осознал себя как бытие, вычленив из сущего, и тем самым пришел в противопоставление себя всему наличному. В философии эта антиномия осмысливается через диалектику понятий сущего, мышления и бытия, в религии – через символы грехопадения и искупления. Однако в основе как одного, так и другого метода разрешения противоречий лежит единый акт самосознания.

Генезис понятия духовного является одновременно становлением человека как духовного существа и запечатлением этого процесса в философских понятиях, религиозных символах и произведениях искусства. Они важны именно тем, что играют креативную, творческую и созидательную роль в духовном познании: опираясь на эти духовные орудия, человек все с большей глубиной способен осмыслить свое положение в мире, задуматься над смыслом собственной жизни. Генезис понятия духовного осуществляется как в истории, так и в каждой отдельной личности, но уже экзистенциально. Как в первом, так и во втором случае развертывается духовный архетип человечества через раскрытие сущности человека. В истории духовной культуры образовались два систематических метода познания, которые осуществляются в *логосе* или *теосе*. Анализ генезиса понятия духовного целесообразно осуществлять путем исследования глубины умозрения, которое идет от *мифа* к *логосу*, от *апейрона* к *нусу*, от *имманентного* к *трансцендентному* и обратно. Сущность человека начинает мыслиться уже не как душа, а как дух. Рождается понятие бытия как трансцендентного, что открыло человеку совершенно невиданные, новые горизонты духовного познания, однако принесло с собой и массу проблем, таких как необходимость соотношения трансцендентного и имманентного, сущего и бытия, бытия и мышления, взаимоотношений и связи тела, души и духа, человека и Бога, мира и Бога и т.д. Вся духовная культура пытается разре-

шить эти задачи и снять оппозиции, которые являются движущей силой самой духовной культуры и философии.

Но что же такое духовное в общечеловеческом плане, не является ли оно некоей надстройкой над, например, национальными интересами? На этот вопрос ясно ответил Ф.М. Достоевский, осознавший, что общечеловеческое рождается из расцвета национального. И действительно, все лучшее и глубочайшее, созданное национальными культурами, уже тем самым есть и общечеловеческое. Дао дэ цзин, Веды и Упанишады, Дхаммапада и Бхагавадгита, Библия и Коран, изречения ранних греческих философов и диалоги Платона, трагедии Эсхила и творчество Шекспира – все это великие образцы духовных традиций неповторимых национальных культур, и вместе с тем они являются достоянием всего человечества как целого, каждого культурного человека. И среди этих образцов нет лучшего или худшего, к ним вообще не может быть применима никакая шкала ценностей, ибо они самоценны, лучше сказать, – бесценны и сами выступают мерилем ценности. Нет культуры, религии или философии как глубокой духовной традиции, лучшей или худшей, богатой или бедной, – здесь все самобытно и уникально. Однако общечеловеческое не является механическим набором определенных идей или произведений, оно является ядром каждого из них. Можно сказать и по-другому: духовный архетип человечества светится различными гранями своих национальных культур, через каждую из которых он видится целиком и полностью, но специфическим образом, и чем больше у него граней, тем богаче спектр духовного содержания архетипа. Поэтому действительное единство людей не в лозунгах и идеологиях, – оно обретается, как сказал Чингиз Айтматов, созиданием общих духовных ценностей.

Таким образом, за всеми формами и проявлениями в культуре феномена духовного прослеживается некий инвариант – духовный архетип человечества. Так, исследователь древней мифологии Я.Э. Голосовкер писал о наличии «имагинативного абсолюта культуры», в котором сгущаются все ее смыслообразы [2: с. 139]. Духовный архетип можно представить в виде равнобедренного треугольника, вершинами которого будут являться Истина, Добро и Красота. Проведя круг и соединив эти вершины, мы получим Любовь. Круг, взятый в целом, определяется как Бытие, Единое, Благо, Бог, – в зависимости от традиции и символа, который она использует. Духовный архетип человечества представляет собой также развернутую сущность человека. В религии это Бог. В философии – Абсолют, Бытие, Сущность, Дух. То, что объединяет все три вершины духовного треугольника, есть Любовь. Шар же

как целое есть Бог, Абсолют, Бытие. Каждый человек призван развернуть в себе свою собственную сущность – в этом заключается высший смысл его жизни. Одновременно сущность человека представляет собой духовный архетип человечества, который развертывается в человечестве исторически, в личности – экзистенциально. Когда мы развертываем свою сущность и обнаруживаем духовный архетип человечества, исчезают межнациональные и межкультурные конфликты. А ведь именно эти проблемы сегодня наиболее остры. В этом случае мы осознаем, что нам всем присуща общая, единая человеческая природа, не только биологическая, но и духовная. Поэтому религия говорит, что человека создал Бог из праха земного и вдохнул в него дыхание жизни – вложил свою божественную частичку – душу.

Данную диалектику мы обнаруживаем не только в авраамической, библейской традиции, ставшей основой для таких мировых религий, как ислам и христианство. Если говорить в терминах индийской философии, то сущность человека там определяется как *Атман*, а Бог – как *Брахман*. Постигший своего *Атмана*, постиг и *Брахмана*. Атман же скрыт в тайнике человеческого сердца. В китайском даосизме *Дао* – универсальный источник жизни, которому должен следовать человек как своей естественной природе.

Сущность человека развертывает себя через философствование – методом мышления, которое ищет истину; через веру в религии, которая выражает добро; через творчество в искусстве, которое создает красоту. Данное представление формально, так как все эти области взаимопроницаемы, а архетип существует лишь в целостном виде. И вместе с тем его представляет каждая область проявлений духовного в целом, но присущим ей специфическим образом и методом. Данное понимание духовного архетипа человечества вносит некую ясность, в которой снимаются противоречия, ибо во всех культурах человечества выражен единый архетип под оболочкой различных символов. В архетипе все задано в единстве, которое изначально не по времени, но по сущности, к которой стремится духовное познание, пытаюсь обрести свой целостный вид. Духовный архетип человечества может развернуться в истории лишь через воплощение в каждой личности, – через развертывание ее сущности.

Таким образом, мы акцентировали внимание на анализе того общего, что объединяет все культуры человечества и всех людей, однако это не должно нивелировать особенное, специфическое и даже уникальное в каждой из них (вспомним Константина Леонтьева, по которому многообразие украшает истину, а национальные культуры – человечество).

Именно благодаря многоцветию культур духовный архетип человечества приобретает большую глубину и многоаспектность.

Теперь, чтобы не быть голословными, конкретизируем сказанное, проанализировав методы обоснования этики в различных духовных культурах.

Казалось бы, даосская методология обоснования нравственного поведения прямо противоположна дуалистической, конфуцианской и монотеистической. В даосизме диалектика вытекает из центрального понятия – *Дао* и основополагающих принципов его бытия (естественность, ненасилие, недеяние, безмолвие, бесстрашие и т.д.). *Дао* имманентно, естественно и личностно, оно внутренне диалектично (*инь – ян*) и не является волевым началом. Все эти основополагающие онтологии даосизма непосредственно сказываются и на построении этики.

Дуалистическая и теологическая этика вытекает из личностно заданных императивов Бога или *Тянь* (Неба) – заповедей, которые строго регламентируют, оценивают действия человека, располагая их по бинарным оппозициям основных этических категорий – добра и зла. Даосская этика пытается стать «по ту сторону» добра и зла, устранить саму причину этой дихотомии через возвращение к исконному естественному началу бытия – *Дао*.

Тем не менее даосизм не уничтожает этику и не ставит ее «по ту сторону» добра и зла, а утверждает абсолютное добро, которое с этой точки зрения и есть естественность. Однако и в конфуцианстве, и в христианстве добро метафизически абсолютно, оно должно восторжествовать, а зло будет наказано. Таким образом, даосизм, конфуцианство и христианство идут к единой цели, но различными (до противоположности) методами. Метафизика и ритуализм Конфуция, трансцендентный персонализм христианства и онтология даосизма кажутся несовместимыми, однако черты идеала совершенного мудрого и святого совпадают. Поведение того и другого характеризуется ненасилием, постоянством, бесстрашием и безмолвием. В определении идеала духовной личности еще больше принципиального сходства, ведь недаром даосизм называют культурой молчания, а ядром христианской духовной практики является безмолвная умно-сердечная молитва, о чем говорит исихазм. Высшим продуктом духовного познания и совершенствования в двух традициях является достижение состояния бесстрастия, которое и есть естественность – божественная естественность, а не следование страстям. В христианстве естественное состояние можно рассматривать как догреховное – райское, или осу-

ществляющееся через святость жизни, что приводит к преодолению грехопадения, спасению.

Итак, формально принципиально различаясь (в метафизике и догматике), даосизм, конфуцианство и христианство обнаруживают единство, или, как минимум, схожесть в результатах духовного познания. Их этика, исходя из разных систем координат, достигает единства своих категорий. Понятие духовного архетипа и сущности человека, таким образом, снимает и этические противоречия, о которых задумался и о которые споткнулся Дмитрий Карамазов в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Ибо что такое добродетель? – отвечай ты мне, Алексей, – обращается он к своему брату. – У меня одна добродетель, а у китайца другая – вещь, значит, относительная. Или нет? Или не относительная? Вопрос коварный! Ты не засмеешься, если я скажу, что я две ночи не спал от этого. Я удивляюсь теперь только тому, как люди там живут и об этом ничего не думают. Суэта!» [3: с. 32]. Теперь можно с уверенностью сказать, что Дмитрий Карамазов мог бы спать спокойно: у китайцев, европейцев и всех вообще разумных существ одна мораль, хотя основана она может быть на разных метафизических посылах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бжезинский, Зб.* Великая шахматная доска / Зб. Бжезинский. – М. : Международные отношения, 1999. – 256 с.
2. *Голосовкер, Я.Э.* Логика мифа / Я.Э. Голосовкер. – М. : Наука, 1987. – 218 с.
3. *Достоевский, Ф.М.* Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский // Полн. собр. соч. В 30 т. Т. XV. – Л. : Наука, 1976. – 624 с.
4. *Кирабаев, Н.С.* Политическая мысль мусульманского средневековья / Н.С. Кирабаев. – М. : РУДН, 2005. – 256 с.
5. *Мистическое богословие.* – Киев : Путь к истине, 1991. – 392 с.
6. *Семушкин, А.В.* «Осевое время» как условие и предпосылка генезиса философии на Западе и Востоке / А.В. Семушкин // Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2. – М. : РУДН, 2009. – С. 17–32.
7. *Симонова, И.* Збигнев Бжезинский – «КП»: Америка не сумела обратить себе на пользу распад СССР [Электронный ресурс] / И. Симонова // Комсомольская правда. – 2012. – 14 февраля. – Режим доступа: <http://kp.ru/daily/25829/2805033/>.
8. *Фукуяма, Фр.* Конец истории? / Фр. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
9. *Хайдеггер, М.* Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие. – М. : Республика, 1993. – С. 192–220.
10. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / С. Хантингтон // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология. – М. : Академия, 1999. – С. 528–556.
11. *Ясперс, К.* Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Республика, 1994. – 527 с.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР: КОММУНИКАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

М.А. Маниковская

Маниковская Мария Алексеевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: mary.manikovskaya@gmail.com

Метафорический образ перекрестка феноменально отражает особенность дальневосточной культуры. Валидное постижение ее многогранности и смыслового универсума становится возможным благодаря коммуникативному измерению. Этот парадигмальный ракурс раскрывает, как направленные коммуникативным разумом отношения культур обуславливают взаимоотношения согласия, солидарности, социальную интеграцию.

Ключевые слова: перекресток культур, коммуникативный разум, коммуникативное действие, жизненный мир, социальная интеграция.

Особая констелляция различных культур, детерминированная их пространственно-временным пересечением, взаимопроникновением и зафиксированная валидным метафорическим образом «перекрестка», образует и одновременно манифестирует такой феномен, аутентичное постижение которого, как нам представляется, возможно, исходя из его многосложной субстанциальной основы, благодаря «единству разума во множественности его голосов». Эта парадигмальная новация Ю. Хабермаса, взятая нами на методологическое вооружение, обещает приоткрыть теоретико-философскую глубину, масштаб и универсум смыслов заявленной темы. Дальний Восток феноменально представляет само существо *перекрестка культур* и демонстрирует экзистенциально-онтологические смыслы *бытия* на перекрестке культур. Данная многогранная тема буквально взывает к философской рефлексии, ибо она не просто исключительно насущна. Ее злободневность и острота усиливаются концентрически представленным проблемным контекстом. Самый широкий круг – глобализация и вызванные ее контрверсами неоднозначные следствия. Внутри – расходящиеся круги от мощной миграционной волны, риски, обусловленные вынужденной гигантской горизонтальной мобильностью населения Ближнего Востока и Африки, несущие угрозу стабильности базовой культурной субстанции, исторически сформировавшейся культурной идентичности тех стран, где более всего укореняются мигранты. В горизонте пунктирно обозначенного проблемного контекста представляется еще более очевидным, что содержание и масштабы эпистемологического поля, образованного темой исследования, актуализированы необходимостью постижения и осмысления судьбы и перспективы Дальнего Востока, обреченного быть на перекрестке культур. В этой исследовательской перспективе концептуальное значение приобретают методологические проблемы определения типа

дальневосточной культуры и осмысления условий сохранения и упорочения ее подвижной устойчивости и многосложного единства.

Аналитика Дальнего Востока на перекрестке культур неизбежно отсылает к интерпретации самого феномена «перекресток», ибо этот метафорический образ, возникший, по определению, на основе переноса значений, обладает семантическим многообразием. Его полисемия обусловлена как возможностью горизонтальной проекции, так и вертикальной, как пространственным, так и временным пересечением культур. Приставка пере-, указывая на изменение временного и пространственного местоположения, задает определенные смыслы. Внедрение в континуум другой культуры влечет за собой как минимум: а) ассимиляцию чужого в свое; б) переделку своего на манер чужого; в) взаимооплодотворение, порождающее новое, небывалое; г) стремление сохранить культурную автономию, самобытность в рамках иной культуры.

Перекресток культур свидетельствует о пересечении, преодолении границы. Следует акцентировать весьма конструктивную интерпретацию понятия границы не как барьера, препятствия, а как ее способность отделять инаковость другой культуры. Методологическое предпочтение такого толкования дает основание характеризовать границу «как место перехода из одного пространства в другое» [9: с. 244], что обеспечивает условия творческого сотрудничества культур. Данное понимание границы согласуется с убедительным обоснованием Н. Луманом границ, которые «существуют как указание себя пересечь» [4: с. 25–42].

На перекрестке культур рождается энергия сложного сопряжения и преодоления, которая порой гаснет в однородной среде, где подобное сочетается и пересекается с подобным, подчиняясь однозначной и предсказуемой логике. Явления культуры, структурируясь в иное целое, вовсе не стираются, а, напро-

тив, могут резче проявляться в своей специфике, которая заостряется на контрастном для нее фоне. Вместе с тем префикс пере- структурирует также и смысл уничтожения, перечеркивания. Графически, визуально представляемый образ перекрестка имеет центр, «средокрестие» и периферию, что свидетельствует о разной степени интерференции, граничности, проникновения, смешения, укоренения культур.

Герменевтическая процедура, выявляющая суть перекрестка культур, предполагает рассмотрение семантики и значения диалога культур с целью установления связи и различия данных феноменов. У перекрестка и диалога есть нечто общее: они выражают отношения культур. Однако характер этих отношений различный. Диалог манифестирует установку на сотрудничество культур, предполагающее их обоюдную активность. Это, конечно, не исключает, как отмечал Ю.М. Лотман, что в силу каких-либо причин одна из сторон может занимать позицию большей активности и ее культурные ценности получают широкое распространение. Усвоение же этих ценностей в продуктивном диалоге происходит органически, способствуя обогащению культуры и накоплению такого потенциала, который стимулирует взрыв ее самобытной активности. Диалог характеризует не только обоюдное признание самодостаточности другой культуры, глубинной симметрии, но и добровольное намерение и способность выстраивать взаимоотношения, исключающие одностороннюю экспансию культурных ценностей, культурную интервенцию, насильственную ассимиляцию культур. Несомненная конструктивная роль диалога культур, ставшая общепризнанным достоянием благодаря глубоким философско-методологическим изысканиям, убедительно свидетельствует, что при «...диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются» [1: с. 335].

Выявляя качественную определенность феномена перекрестка культур, необходимо установить его отличие от близкого понятия «диффузия культуры». Оно по преимуществу указывает на одностороннее проникновение, активность распространения одной культуры в другой, в то время как перекресток своим смыслом полагает энергию взаимного пересечения. Понятие перекрестка отражает противоречивое, амбивалентное состояние, в плавильном тигле которого формируются, упрочиваются как плодотворные качества, тенденции, универсальные ценности, так и нечто, чреватое утратой идентичности, аннигилирующее укорененность, нечто способное подорвать прочность и стабильность, придать ризомный характер.

Несомненно, дальневосточная культура – неотъемлемая, органическая часть российской культуры. Вместе с тем она обретает специфику

дальневосточности не только вследствие характера собственной географии, но главным образом благодаря способности сохранять культурную идентичность, будучи открытой для иных культур.

Уникальность дальневосточного региона обусловлена пространственно-временным проникновением культур коренных народов и переселенцев из западных регионов России, пересечением западной и восточной культур, обладающих радикально отличными порождающими матрицами, усиливающейся миграцией носителей культуры бывших республик Советского Союза. Становление дальневосточной уникальности происходило и происходит в сложных противоречивых условиях. Онтологически обусловленная возможность перекрещивания культур не всегда становилась действительностью как самотекущий процесс, как взаимооплодотворение на основе коллективных и индивидуальных опытов интеграции. Порой под предлогом эмансипирующей миссии чрезвычайно жестко проявлялось стремление распространить чуждые традиционному укладу иноположенные культурные формы и насильственно подчинить им прежде существовавшее культурное творчество.

Освоение чужеземной культуры, в частности японской и китайской, в отдельные периоды, в том числе и в недавней истории, осложнялось военнополитическими конфликтами, что порождало в массовом сознании настроение отчуждения, состояние настороженности и неприятия культурных ценностей этих восточных соседей. Достаточно напомнить японскую интервенцию на Дальнем Востоке (1918–1922), как «в паровозных топках сжигали нас японцы...» (В. Маяковский), события в районе озера Хасан (1938), на Халхин-Голе (1939), созданный в составе Квантунской армии так называемый отряд 731 – «фабрику» по производству смертоносного бактериологического оружия, чудовищные преступления которого были обнародованы во время судебного процесса, состоявшегося в Хабаровске (декабрь 1945), поражающие своим вероломством военные конфликты на советско-китайской границе, кровавые события на Даманском острове (март 1969). Но, вместе с тем, предваряя аналитику роли и значения коммуникативной практики в осуществлении перекрестка культур, нельзя не отметить необыкновенно теплую волну сочувствия и сострадания японцам со стороны наших сограждан после ядерных бомбардировок американцами Хиросимы и Нагасаки, бесчисленное количество бумажных журавликов, сделанных дальневосточниками и отправленными в Японию как выражение искренней надежды на исцеление больных.

Проблемы перекрестка культуры в настоящее время актуализированы не только более интенсивной вынужденной миграцией, но и теми предпринимаемыми мерами, направленными на развитие Дальнего

Востока, которые в перспективе могут обеспечить по иному мотивированных потенциальных мигрантов. Речь идет о создании территорий опережающего развития (ТОР), свободного порта Владивосток и «дальневосточном гектаре». В связи с этими обстоятельствами тематизация перекрестка культур предстает в более сложном ракурсе и демонстрирует противоречивое напряжение между реалистическими и нормативными ориентациями. Усиливающаяся миграция узбеков, таджиков, украинцев, переселенцев и беженцев из других регионов на Дальний Восток выдвинула на повестку дня ряд задач, требующих не только незамедлительного практического решения, но и теоретического их осмысления, прогнозирования последствий. Как вынужденные мигранты, вырванные из своих культурных традиций, так и переселенцы, добровольно оставившие прежний уклад жизни, готовы освоить политическую и правовую культуру их новой родины, не отказываясь при этом от культурных ценностей и культурных форм жизни тех стран, откуда они родом. Сохранение своей культурной идентичности не только не противоречит нормам международного права, но и согласуется с логикой развития мировой культуры, жизненность которой поддерживается не унификацией, а многообразием национальных, этнических культур. Наблюдения показывают, что порой носители иной культуры осваивают дальневосточные культурные ценности и нормы, исходя из собственных культурных установок и ресурсов, и пытаются их подчинить своим культурным меркам. В этой связи необходимы ограничения, обеспечивающие стабильность базовой культурной субстанции, ее целостности и одновременно – открытости.

Из пропедевтически представленного видения Дальнего Востока на перекрестке культур очевидно, что постижение этой исключительно насыщенной и масштабной темы нуждается в таком теоретико-философском ключе, каким обладает коммуникативный разум, воплощающий «единство разума во множественности его голосов». Фундаментальная, обстоятельно развернутая, логически непротиворечивая концепция Ю. Хабермаса убеждает, что современное человеческое сообщество может существовать только как коммуникативно-рациональное [10]. Парадигма коммуникативного измерения обретает философско-методологическую убедительность объяснительной силы, раскрывая, каким образом направляемые коммуникативным разумом отношения перекрещивающихся культур обуславливают взаимопонимание, согласие, социальную интеграцию и тем самым обеспечивают *единство и открытую целостность* дальневосточной культуры.

В условиях тотальной критики разума, осуществляемой неклассической философией, особенно пост-модернистской, Ю. Хабермас выступает его фило-

софским защитником. В соответствии с сутью философии как культуры критического разума концепция немецкого теоретика направлена на установление и раскрытие границ или возможностей разума. Вскрывая негативные последствия раскола разума на три его ценностные сферы: науку, мораль и искусство, обстоятельно показывая ограниченность инструментального разума, односторонне сориентированного на науку и технику, Хабермас полагает, что реализовать свой потенциал разум может не как «ополовиненный», а в единстве его голосов как коммуникативный, который реализуется не в естествознании и технике, а в интеракциях, целью которых является универсальное согласие и взаимопонимание. Коммуникативная рациональность ориентирована на сотрудничество и связь, ее пафосом является общественная солидарность, социальная интеграция. В ситуации перекрестка культур коммуникативная рациональность проявляет свою рационализирующую роль в том, что она способствует взаимному согласованию деятельности носителей различных культурных ориентаций, определению такой меры реализации своих культурных предпочтений и интересов, которая бы упрочивала социальную стабильность. Потенциал коммуникативного разума воплощается в коммуникативном действии.

Сущностным содержанием коммуникативного действия является символически опосредованная интеракция, в процессе которой достигается взаимопонимание участников путем согласования и координации планов своих действий; «...при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется intersубъективным притязанием на значимость» [7]. В отличие от целерационального действия, ориентированного на инструментальный успех, коммуникативное действие направлено на взаимопонимание, сочувствие, солидарность. Коммуникативное действие осуществляется в горизонте жизненного мира, поэтому Ю. Хабермас считает их «дополняющими понятиями».

Исходя из замысла осуществляемого исследования, мы полагаем, что жизненный мир выступает хронотопом перекрестка культур. Бахтинское понятие хронотопа фиксирует единство пространственно-временных характеристик. Принципиально важное для современной социальной теории различение системы и жизненного мира обещает прояснить, как структурирован перекресток культур в повседневную жизнь дальневосточника, каким интегративным потенциалом обладает жизненный мир и как он способствует обеспечению социальной интеграции и неискаженной коммуникации. По замечанию У. Бека с прямой ссылкой на Ю. Хабермаса, «...все, что в системно-теоретической перспективе видится раздельным, становится неотъемлемой составной частью индивидуальной биографии... индивидуаль-

ные ситуации располагаются *поперек* различия система–жизненный мир» [2: с. 200].

Как известно, понятие жизненного мира, иницированное феноменологической традицией Э. Гуссерля, благодаря глубокой разработке его Ю. Хабермасом [9; 10], становится классическим, получает широкое признание в качестве фундаментального философско-методологического концепта.

В свете современных теоретических изысканий жизненный мир – это «фактическое человеческое общежитие» (Н. Луман), сфера повседневной самопонятности, в которой разворачивается наша жизнь и осуществляется коммуникация. Он представляет собой повседневный опыт, дотеоретическую данность непосредственной действительности в intersubъективном мире. В противоположность «объективной» научной картине мира, вынужденно исключаящей из своего рассмотрения ценности и цели человека, жизненный мир включает в себя субъективные значения различных явлений повседневного опыта. По характеристике Н.В. Мотрошиловой, в жизненном мире воплощается коммуникативное измерение. Это своего рода кровеносная и нервная система жизненного мира, «...которая проходит через культуру как через свой мозг и сердце, а затем вплетается и в государственно-политическую сферу» [5].

В рамках жизненного мира осуществляются процессы культурной репродукции, социальной интеграции и социализации, которые обеспечиваются его структурными компонентами: культурой, обществом, личностью. При этом необходимо иметь в виду, что в хабермасовой схематике система–жизненный мир данные понятия отличаются особым содержанием. *Культура* – это запас знаний, но знаний особого рода, выступающих в качестве образцов интерпретаций, к которым обращаются участники интеракций с целью достижения консенсуса.

Легитимные социальные системы, ставшие источником солидарности для вступающих в межсубъектные отношения участников коммуникативного действия, называются *обществом*, которое понимается в узком смысле слова как структурный компонент жизненного мира.

Личность в парадигме жизненного мира – искусственно образованное слово для обозначения приобретенных субъектом таких полномочий, которые он использует для достижения взаимопонимания и согласия в коммуникации, сохраняя при этом свою собственную идентичность в интеракциях, с их постоянно изменяющимися взаимосвязями [8].

Жизненный мир берет на себя функцию накопителя *ресурсов*, который включает широкий диапазон невысказываемых предположений относительно взаимного понимания благодаря культуре и пониманию другой культуры, совокупность солидаристских намерений, обусловленных ее воздействием. Этот потенциал используют участники интеракций, заим-

ствуя из него высказывания, образцы интерпретаций, которые помогают достичь консенсуса. Переселенцы, носители иной культуры, благодаря импортируемым своим культурным формам могут расширить или сделать более многообразными те перспективы интерпретаций, которые пополняют запас intersubъективно разделяемых образцов. Жизненный мир как источник такого рода ресурсов «...образует консервативный противовес рискованным последствиям процессов взаимопонимания, происходящих в рамках вербального выражения притязаний тех или иных намерений на значимость-значение» [8: с. 336].

Формирование intersubъективно разделяемых образцов интерпретаций, служащих основой взаимопонимания и выполняющих функцию координации, согласования действий, чревато рисками. Аутентичное понимание иной культуры невозможно, даже если соблюдены все герменевтические правила. Абсолютное взаимопонимание сопряжено с утратой идентичности. Понимание принадлежит сфере смысла. Разность культур неизбежно детерминирует смысловой разрыв, нивелировать который призвано общение, однако несмотря на установку «как бы» встать на место другой культуры, чтобы изнутри (в другом ракурсе, в близкой оптике) видеть ее сущность, возможности, не позволяет ликвидировать смысловой зазор. В такой ситуации явления иной культуры оказываются включенными в семантическое поле, где осуществляются отношения подобия, и формы другой культуры интерпретируются исходя из собственных ресурсов и в собственном видении. Отсюда вытекает возможность трансформации смыслов, таких коннотаций, которые не исключают консенсуса, не блокируют солидаристских намерений, а, напротив, углубляют и расширяют смыслы, благодаря обогащению запаса знаний, фундирующих образцы толкований. Так, одним из самых притягательных явлений японской культуры стало садово-парковое искусство, о чем свидетельствует множество «японских» садов и садиков, сделанных нашими согражданами. Вряд ли их творцы в полной мере постигли универсум смыслов глубокого и удивительного искусства, заложенного первоначально синто, языческой религией японцев, а затем – мировоззрением дзэн-буддизма. В большинстве своем они к этому и не стремились. Но что бесспорно, авторы этих не всегда безупречных созданий руководствовались пониманием непреходящей ценности природы, ее образцового совершенства, стремлением эстетического преобразования окружающей человека предметно-пространственной среды, желанием в рукотворном воплотить гармонию и целительную красоту.

В жизненном мире находятся корни системы, выкристаллизовавшейся в процессе усложнения и дифференциации общества и образовавшей свои

структурные элементы, главными из которых являются экономика и государственное управление, т.е. отношения обмена и власти. Система ответственна за воспроизводство совместной жизни. Становясь сложнее и самостоятельнее, она начинает колонизировать жизненный мир. Формы жизни людей все больше монетаризируются и бюрократизируются.

Жизненный мир подвергается «коррозии» и вследствие причин другого плана. Перекресток культур порождает порой напряжение, вызванное неприятием проникающих культурных ценностей, притязанием на значимость иноположных форм культуры. Образцы цивилизованного общения, терпимость к другой культуре как имеющей право оставаться другой вытесняются невежеством, безрассудством и глупостью, раскалывшимися эмоциями, несдерживаемыми страстями. Однако жизненный мир содержит потенциал сопротивления «квазисоциопатогенным» вторжениям в свою сферу. Этим потенциалом является коммуникативный разум, благодаря которому обеспечивается рационализация жизненного мира. Жизненный мир может считаться рациональным, если взаимоотношения участников интеракций направляются коммуникативно достигаемым согласием. Согласие может быть достигнуто не в результате действия жизненных привычек, а посредством обоснования, рационального дискурса. В процессе интеракции ее участники выдвигают положения, обладающие притязанием на значимость. Эти притязания должны быть обоснованы посредством аргументативной речи, черпающей ресурсы в коммуникативном разуме, свободном от односторонностей. Философия, выступая хранителем рациональности, видит свою роль в реконструкции интуитивного дотеоретического знания участников коммуникации, способствуя тем самым актуализации потенциала рациональности, имманентно присущей коммуникативному действию. В таком случае коммуникация исключает любое насилие и принуждение, предполагает власть аргументации в духе коммуникативной рациональности, выработку целостных общезначимых культурных смыслов. Таким образом, дискурс выступает средством достижения рационального консенсуса на фоне определенного жизненного мира благодаря диалогически равноправной процедуре обоснованной аргументации, свободной от принуждения и опирающейся на потенциал коммуникативного разума, исключающего редукцию к когнитивно-инструментальному измерению.

Акцентируя необходимость рационального дискурса, свободных дискуссий в выработке смыслов, фундирующих единство и открытую целостность культуры, духовные ориентиры осуществления индивидуального жизненного проекта при обязательном условии «равного уважения к каждому и

солидарности со всеми, кто имеет человеческое лицо» [6: с. 27], следует отметить и значение искусства. Его уникальная, ничем не заменимая изобразительно-выразительная образность обладает мощным диапазоном воздействия, силой проникновения в, казалось бы, недостижимые глубины души, способностью вызывать широчайшую гамму чувств и сопереживания. Художественные творения, не назидательно открывая универсум смыслов, способны «перенастраивать» душу человека, вызывать чувства добрые, формировать самые прочные духовные скрепы, единящие людей разных культур, осуществлять взаимопонимание и согласное общение. В японском искусстве чайной церемонии бытовое явление питья чая поднято до уровня человеческого бытия. Японское *тядо* значит путь чая. Этот полисемичный образ содержит и смысл невербального общения: путь от сердца к сердцу. Теоретик и историк Окакуро Какудзо, автор знаменитой «Книги о чае», убедительно выразил смысл чайного действия как коммуникативного действия: «Давайте будем меньше упражняться в хитрословии и станем если не мудрее, то терпимее относиться друг к другу ради взаимной же пользы. Мы долго шли разными путями, но нет причин не дополнять нам друг друга» (Цит. по [3]).

Итак, перекресток культур, являясь сложным, противоречивым феноменом, демонстрирует присущее ему коммуникативное измерение в той мере, в какой взаимодействие осуществляется на основе коммуникативно-достигнутого согласия, благодаря интeрcубъeктивнo разделяемым культурным смыслам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
3. Григорьева, Т.П. Красотой Японии рождённый / Т.П. Григорьева. – М. : Искусство, 1993. – 464 с.
4. Луман, Н. Понятие общества / Н. Луман // Проблемы теоретической социологии. – СПб. : Петрополис, 1994. – С. 25–42.
5. Мотрошилова, Н.В. О лекциях Ю. Хабермаса в Москве и об основных понятиях его концепции / Н.В. Мотрошилова // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: [Московские лекции и интервью] / Ю. Хабермас. – М. : Академия, 1995. – С. 113–167.
6. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность: [Московские лекции и интервью] / Ю. Хабермас. – М. : Академия, 1995. – 246 с.
7. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2000. – 377 с.
8. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2003. – 416 с.
9. Ячин, С.Е. Состояние метакультуры / С.Е. Ячин. – Владивосток : Дальнаука, 2010. – 268 с.
10. Habermas, J. The theory of communicative action / J. Habermas. – Boston : Beacon Press, 1984. – 457 p.

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО И ПАРАНАУЧНОГО ЗНАНИЯ В КЛАССИЧЕСКОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Ю.М. Сердюков

Сердюков Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: editor@festu.khv.ru

По мнению автора, генезис научного и паранаучного знания имеет универсальный характер и состоит в постепенной рационализации исходных форм знания. При этом некоторая часть знания получает эмпирическое подтверждение и превращается в науку, а другая, обретая подобно науке рационалистическую форму, утрачивает интуитивные основания своей прежней достоверности и все менее отражает реальное положение дел. Характерный пример такой рационализации – мантический ритуал *ши*, который за несколько тысяч лет своего институционального бытия превратился из нерелексивной формы прогностики в формально стройный, но практически бесполезный метод.

Ключевые слова: наука, паранаука, Китай, мантический ритуал *ши*.

В течение последних полутора столетий европейская ориенталистика уделяла самое пристальное внимание изучению классической китайской культуры. Это внимание было настолько систематическим и серьезным, что на сегодняшний день почти невозможно отыскать сколь-либо значимые явления и процессы, не отраженные в специальной синологической литературе. Лучшим подтверждением этого является энциклопедическое издание *Science and Civilization in China*, публикация которого началась в 1954 г. [59] и продолжается до сих пор [61], а также отечественная пятитомная энциклопедия «Духовная культура Китая», увидевшая свет в 2006–2009 гг. [7].

В такой ситуации непросто сказать что-то новое, в том числе и по обозначенной в названии статьи теме, хотя бы потому, что в энциклопедии «Духовная культура Китая» науке посвящен отдельный тысячестраничный том [7: т. 5]. Поэтому задача автора является весьма скромной и состоит в подтверждении *идеи о единстве культурно-исторического происхождения и философско-методологических принципов классической китайской науки и паранауки*.

Но где проходит граница между китайскими наукой и паранаукой? К какой сфере следует отнести, например, даосскую алхимию или геомантию? Ответ на этот вопрос не менее сложен, чем решение проблемы демаркации научного знания как такового. Очевидно, что он должен быть предметом отдельного рассмотрения и вряд ли впишется в формат журнальной статьи. Поэтому я ограничусь частным примером, взяв в качестве «эталонного» представителя генезиса паранауки мантический ритуал *ши*, который примерно за две тысячи лет претерпел удивительную трансформацию от «чистой» нерелексивной формы прогностики до нумерологии Шао Юна [57] и рационалистических интерпретаций Чжу Си [23].

В современной идеологии, до сих пор испытывающей влияние постмодерна, отношения между обществом и наукой, наукой и паранаукой складываются очень непросто. Через средства массовой информации паранаука оказывает мощное негативное воздействие на культуру, и именно сейчас особенно важно держать под прицелом критики и ее основания, и ее конкретно-исторические формы. Поэтому статья адресована не только и даже не столько знатокам китайской философии и культуры, сколько широкому кругу философов и ученых, неравнодушных к современному состоянию дел в научной среде.

Но они порой немного знают об основах классической китайской культуры, ее философии и методологии, а тем более об ицинистике и мантическом ритуале *ши*. Поэтому краткому, сухому изложению сути вопроса я предпочел весьма подробный и развернутый текст, из которого, надеюсь, будут понятны и общие основания науки и паранауки, и эволюция их конкретных форм.

1. Общие основания науки и паранауки

Текстологическим основанием формальной методологии классической китайской философии и культуры, в том числе и мантического ритуала *ши*, является «Книга Перемен» – «Чжоу и» [10; 45; 63], без общего представления о происхождении, структуре и идеях которой понять нашу проблему почти невозможно. Поэтому сначала – немного о ней.

Классическая китайская «Книга Перемен»

Впервые словосочетание «Чжоу и» встречается в «Цзо чжуани» («Комментарии г-на Цзо»), тексте, составление которого приписывается традицией кисти Цзо Цюмина¹, одного из учеников Конфуция, однако фактически он появился не ранее IV в. до н. э. и охватывает события с 722 по 468 г. до н. э. Смысл бинома

¹ Цзо Цюмин – историограф государства Лу, живший в VI–V вв. до н. э.

«Чжоу и» многогранен, поэтому уже в эпохи Хань и Тан среди исследователей не было единства в его понимании. Например, если для Лу Дэмина² иероглиф *чжоу* – это и имя исторического периода, и полный круг, и повсеместность, и полнота, то для Кун Инда³, современника Лу Дэмина, – исключительно название исторического периода, указывающего на время создания текста. А так как имеется минимум два подходящих значения иероглифа *и*, то словосочетание «Чжоу и» может быть истолковано в четырех основных смыслах: [канон] перемен [эпохи] Чжоу; легкий [канон эпохи] Чжоу; всеохватно-круговые переменные; всеохватно-круговой легкий канон [11: с. 458].

По своей структуре «Чжоу и» является достаточно сложным текстом, включающим каноническую («И цзин») и комментирующую («И чжуань») части.

История создания текста **канонической части** «Чжоу и» – «И цзин» насчитывает несколько веков и может быть датирована первой половиной первого тысячелетия до новой эры. Если быть чуть более точным, то можно предположить, что она была записана в VIII–VII вв. до н. э.

«И цзин» состоит, во-первых, из особых графических символов – гексаграмм⁴ (*гуа*), сформированных путем чередования целой и прерванной черт, где целая черта символизирует *ян*, а прерванная – *инь*. Всего ГГ – 64 (*люшисы гуа*), и их система является исчерпывающим набором различных комбинаций двух видов графем. Во-вторых, каждая ГГ имеет свое особое имя. В-третьих, к каждой из ГГ прилагается афоризм. В-четвертых, афоризмы прилагаются и к каждой отдельной графеме. В-пятых, прерванная черта (*инь*) имеет числовое значение «шесть», сплошная (*ян*) – «девять». Эти числа получаются в результате мантической операции *ши*, когда путем деления оставшихся стеблей получается шесть, семь, восемь или девять пучков, каждый из которых содержит по четыре стебля⁵. Числа «семь» и «восемь» в парафразах к гексаграммам не фигурируют. Обычно семерка отождествляется с девяткой, а восьмерка с шестеркой. Самостоятельное значение они приобретают как обозначение «молодых» *инь* и *ян*, остающихся в процессе модификации исходной гексаграммы в произ-

водную неизменными, в то время как «старые» *инь* и *ян*, обозначаемые числами «шесть» и «девять», переходят каждая в свою противоположность: *инь* в *ян*, и наоборот. Помимо названных четырех чисел, в комментарии к канону содержится обозначение *ян* числом «три», а *инь* – числом «два», из чего нумерологи эпохи Хань были склонны выводить числовые значения триграмм (ТГ), где, например, ТГ «Цянь», состоящая из трех «сильных» (янских) черт, обозначалась девяткой, а ТГ «Кунь», состоящая из трех «слабых» (иньских) графем, – шестеркой. Другие ТГ, находящиеся в диапазоне между «Цянь» и «Кунь», имели числовые значения «семь» и «восемь», поскольку сумма составляющих их черт была равна именно этим числам⁶.

Издавна считается, что имя и отдельные афоризмы ГГ тесно связаны с ее графическим образом. Эта зависимость заключается, во-первых, в нередко встречающемся соответствии места расположения графемы и объекта, о котором идет речь, в сопутствующей глоссе. Например, в парафразах к нижним графемам часто говорится о вещах, расположенных внизу (ноги, погреб, сандалии и проч.), а к верхним – о вещах, расположенных сверху (голова, небо, уши и проч.). В некоторых ГГ, например в ГГ «Сянь» («Взаимодействие»), в зависимости от положения графемы выбираются образы соответствующих участков тела: «...от больших пальцев ног переходят к икрам, затем к бедрам и далее к мышцам спины и частям лица» [23: с. 48]. Аналогичная картина наблюдается в ГГ «Цянь» («Творчество»), «Бо» («Разорение»), «Гэнь» («Сосредоточенность») и др. Во-вторых, наблюдается связь имени ГГ с ее графическим образом. Некоторые из них, например ГГ «Ши хэ» («Сжатые зубы»), весьма точно воплощают в своей графике образ названного объекта. Связь графического образа ГГ с сопутствующим ему текстом отмечается и теми современными исследователями классической китайской философии, кто склонен к рационализации и даже к некоторой схематизации канона. Так, например, в одной из работ А.Е. Лукьянова находится описание параллелей графических образов ГГ с субъектами творчества, в качестве которых выступают легендарные мудрецы древности (Фу-си⁷,

² Лу Дэмин (Лу Юаньлан, 550–630) – жил в области У округа Сучжоу (современный уезд Усянь провинции Цзянсу), канонист, филолог. Основное сочинение – «Цзин дьянь цзэ вэнь» («Лексический разбор канонической классики»).

³ Кун Инда (Кун Чуньюань, 574–648) – канонист округа Хэнэй. Был главным редактором составленного по указанию императора Тай-цзуна фундаментального сборника «У цзин чжэн и» («Правильные толкования «Пяти канонов»), в котором сведены в единую систему толкования канонистов так называемой «северной» и «южной» школ V–VI вв.

⁴ В дальнейшем – ГГ.

⁵ Подробно об операции со стеблями тысячелестника будет сказано в третьей части статьи.

⁶ Анализ числового аспекта «Чжоу и» является отдельной темой, потому я ограничусь ссылкой на работы А.И. Кобзева и А.А. Крушинского [14; 18].

⁷ Фу-си (Паоси, Баоси) – культурный герой, родоначальник китайской цивилизации, возможно, первопродок восточно-китайских племен. Почитался как основоположник искусства охоты, рыболовства, кулинарии, создатель графической системы *гуа*, орудий лова, института брака. По некоторым версиям, изобрел иероглифическую письменность вместо узелкового письма. В историзирующей конфуцианской традиции – правитель в 2852–2737 гг. до н. э., имевший также имя Тайхао.

Шэнь-нун⁸ и др.), и предметами (лемех, соха, рыболовная сеть и проч.), создаваемыми по образу идеи-образа – ГГ, в графическом образе которой запечатлена схема орудия труда [22: с. 135–137].

Комментирующая часть «Чжоу и» – «И чжуань», или, как было принято называть ее ранее, «Чжоу и да чжуань» («Великое приложение к чжоуским переменам»), состоит из семи отдельных текстов, три из которых имеют по две части. Всего комментариев соответственно десять. Поэтому древние называли их «Ши и» – «Десять крыльев» («И цзина»). Авторство комментариев издавна приписывалось Конфуцию, но на самом деле они сложились не ранее V–IV вв. до н. э. [45].

Как уже было сказано, каноническая часть «Книги Перемен» состоит из особых символов – ГГ, расположенных в порядке, получившем свое название по имени одного из основателей династии Чжоу – Вэнь-вана, и афоризмов, истолкование которых настолько затруднительно, что в европейской синологии Ю.К. Щуцким было выявлено 19 способов интерпретации канона. Говорилось, что «Книга Перемен», это: 1) гадательный текст; 2) философский текст; 3) гадательный и философский текст одновременно; 4) основа китайского универсизма; 5) собрание поговорок; 6) записная книжка политика; 7) политическая энциклопедия; 8) толковый словарь; 9) бактрийско-китайский словарь; 10) фаллическая космогония; 11) древнейший исторический документ Китая; 12) учебник логики; 13) бинарная система; 14) тайна кубокуба; 15) случайные толкования на комбинации черт; 16) фокусы уличного гадалца; 17) ребячество; 18) бред; 19) ханьская подделка [45: с. 112]. Причем проблема понимания истинного смысла афоризмов актуальна не только для западной синологии: в ицзинистике Европы и Америки она пришла из Китая, где начиная с момента возникновения комментаторской традиции была чуть ли не самой важной.

Традиционный способ интерпретации афоризмов «И цзин» предполагал широкое использование наиболее древних комментариев к тексту – чжуаней, без которых смысл парафраз был бы совсем уж темен и непонятен. Несколько позднее стали широко использоваться разъяснения наиболее авторитетных исследователей эпох Хань, Тан и Сун, среди которых особо выделяются имена Чэн Ичуаня⁹ и Чжу Си¹⁰, поскольку именно их тексты легли

в основу книги Рихарда Вильгельма – одного из наиболее квалифицированных и основательных переводов «Чжоу и» на европейские языки [63].

Другой серьезной проблемой, с которой на протяжении многих веков сталкиваются исследователи «Чжоу и», является принцип расположения ГГ в тексте канона. Из трех известных на сегодняшний день порядков расположения ГГ: по Фу-си, по Вэнь-вану и так называемого мавандуйского [47] – легко объясним и понятен лишь один – по Фу-си, поскольку во всех возможных способах расположения ГГ в пределах данного порядка – линейном, круговом, квадратном – прослеживается смещение доминанты *инь* в движении по направлению к *ян*, и наоборот. В ицзинистике это объясняется тем, что порядок расположения ГГ (так же, как и порядок расположения ТГ) по Фу-си описывает стационарное состояние Поднебесной, характеризующееся абсолютным равновесием – *инь* уравнивает *ян*, и наоборот, – и покоем.

В отличие от порядка расположения ГГ по Фу-си каноническое расположение ГГ по Вэнь-вану (ибо именно оно представлено в тексте «И Цзин») описывает состояние Поднебесной в ее развитии, динамике, где уже нет и не может быть абсолютной устойчивости мира, идеального равновесия между *инь* и *ян*. Проблема расположения ГГ в порядке Вэнь-вана издавна привлекала внимание китайских нумерологов, философов и ученых, предложивших несколько способов объяснения. Среди них традиционно выделяется концепция танского нумеролога Кун Инда, выраженная формулой: «*эр эр сян оу, фэй фу цзе бянь*», где «*эр эр сян оу*» – «парное построение», подразумевающее что все 64 ГГ разбиты на пары, которые образуют отдельные группы, а «*фэй фу цзе бянь*» – «...если невозможно отношение обратности, то прибегают к помощи супротивности» – обозначает, что каждая отдельная пара ГГ образуется если не при помощи отношения «обратности», то при помощи отношения «супротивности» [23: с. 30–31]. Предложенная Кун Инда схема получила широкое распространение и среди китайских, и, позднее, среди европейских ученых. В ицзинистике она стала весьма популярна, а излагаемая в ней версия начала казаться столь очевидной, что ее репродукция нередко даже не сопровождается упоминанием имени автора. Однако широкая распространенность данной схемы не является свидетельством ее безупречности. И это потому, что ГГ «Тай» и «Пи», «Цзи цзи» и «Вэй цзи», будучи парными, не вписываются в отношения «обратности» и «супротивности». Следовательно, при упорядочении ГГ древние мужи руководствовались не только, а может быть даже и не столько описанными Кун Инда формальными принципами.

Проблема структуры и происхождения «Чжоу и» далеко не ограничивается тем исключительно

⁸ Шэнь-нун («Божественный земледelec») – преемник Фу-си, основатель земледелия.

⁹ Чэн Ичуан (1033–1107) – один из основоположников неоконфуцианства.

¹⁰ Чжу Си (Чжу Юаньхуэй, 1130–1200) – философ, ученый-энциклопедист, литератор, текстолог и комментатор конфуцианских канонических произведений, педагог, главный представитель неоконфуцианства, придавший этому учению универсальную и систематизированную форму.

кратким описанием, которое было представлено выше, ибо, являясь одним из канонических текстов конфуцианства и оказав значительное влияние на формирование идей философии даосизма, на протяжении двух с половиной тысяч лет своего текстологического существования «И Цзин» породил вокруг себя громадную массу комментаторской литературы, сравнимой по объему с библеистикой. Начиная с «Си цы», «Шо гуа» и других ранних комментариев, объединенных в уже упоминаемое приложение «Чжоу и да чжуань», китайскими учеными скрупулезно исследовались все возможные аспекты «Канона Перемен» – от мантического до натурфилософского и естественно-научного. Поэтому только «автохтонных» точек зрения на упомянутый текст столько, что даже простое их перечисление весьма затруднительно. К тому же среди китайских, японских и прочих издавна занимавшихся ицзинистикой ученых нет и никогда не было единства мнений по большинству исследуемых аспектов канона [23; 45].

То же самое можно сказать и о философии европейской [13]. С момента появления на Западе первых сведений об «И Цзин» [19] и до наших дней, а этот период насчитывает уже около трехсот лет, ицзинистика стала одним из приоритетных направлений ориенталистики вообще и синологии в частности. Причем в последнее время она развивается столь быстрыми темпами, что идеи, казавшиеся на рубеже 1950–60 гг. перспективными и просто обреченными на долготлетие, через двадцать-тридцать лет уже считаются устаревшими [27].

Таковы самые общие сведения о «Книге Перемен», вполне достаточные для дальнейшего понимания существа нашего вопроса.

«Книга Перемен» является существенным синтезирующим фактором классической китайской культуры, однако первостепенная роль в качестве исходного интегративного основания науки и паранауки в Китае принадлежит все-таки не ей, а *элементам примитивного мышления*, занимающим в менталитете китайской цивилизации эпохи древности и средневековья важное место. По отношению к этим элементам «Книга Перемен» вторична, поскольку лишь отразила особенности духовной жизни Китая, но не породила их.

Теперь перечислим указанные элементы по порядку, чтобы потом, опираясь на их изложение, рассмотреть движение мантического ритуала *ши* от исходной, абсолютно иррационалистической формы к паранауке и, далее, выяснить, каким именно образом те же самые особенности при их натуралистической интерпретации оказываются релевантными принципам европейской науки.

Представления об Универсуме

Субстанциальное единство мира. Первым и наиболее существенным из этих элементов являет-

ся представление о *ци* как универсальной энергетической основе реальности, близкой по своим свойствам представлениям о мистической силе.

Концепция *ци* имеет глубокие исторические корни, о чем, например, свидетельствуют образы древних пиктограмм. На одной из них идея развития жизни, расширяемости и цикличности Космоса изображается в виде готового взойти зерна с расходящимися оболочками. А мысль о проникновении *ци* повсюду отражена в расположенных сверху пиктограммы трех параллельных чертах, символизирующих основную космологическую триаду китайской философии – Небо, Землю и Человека [6: с. 14; 11: с. 431].

В более поздней терминологии категория *ци* истолковывается в нескольких смыслах, также отражающих и конкретизирующих идею ее универсальности. В большинстве имеющихся определений она понимается, во-первых, как бестелесное первовещество, из которого состояла Вселенная в исходной фазе своего развития, называемой Хаосом (хун дунь), «Великим пределом» (тай цзи), «Великим единым» (тай и), «Великим началом» (тай чу) или «Великой пустотой» (тай сюй). Во-вторых, как источник дифференциации сущего на *инь* и *ян*, а также на «пять элементов» (у син). В-третьих, как фундаментальная субстанция, лежащая в основе устройства Вселенной, где все существует благодаря ее видоизменению и движению. В-четвертых, как связанный с кровообращением наполнитель человеческого тела, способный уточняться до состояния «семенной души» (цзин) и «духа» (шэнь). В-пятых, как проявление психического центра, «сердце» (юань), управляемое волей (чжи) и управляющее чувствами (цин).

Из изучения комплекса значений категории *ци* можно сделать ряд интересных выводов. Одним из них, важным для решения нашей основной задачи, является *идея о возможности управления энергией тела посредством волевого акта*. Она была известна еще в глубокой древности, о чем свидетельствует изречение Мэн-цзы: «Воля руководит *ци*, а *ци* наполняет тело. Воля – главное, а *ци* – второстепенное» [26: с. 232], и оказала глубокое влияние на формирование и развитие даосской «внутренней алхимии» *нэй дань* [43] и эффективной системы развития потенциальных возможностей человеческого организма *цигун* [50].

Другой вывод состоит в том, что комплекс значений категории *ци* выходит за рамки дихотомии идеальное/материальное, так как в нем отражены отличительные признаки и разума, и природы, и чувственной, и сверхчувственной сторон реальности. Более того, при обзоре понятийного аппарата классической китайской философии выясняется, что в ней вообще отсутствует термин, отражающий разделение реальности на мир идей и мир материи,

поскольку понятия *у* и *ли*, с которыми в синологии нередко ассоциируется идеальная сфера бытия, на самом деле имеют несколько иные смыслы. Термин *у* обычно обозначает «отсутствие/небытие» (особенно у даосов) [14], а термин *ли* – принцип/закон [11: с. 166]. Эта нерасчленимость реальности на мир идей и мир материи исключила формирование идеализма и психофизического дуализма – наиболее существенных и распространенных философских оснований паранауки.

Подобие микро- и макрокосмов. Другим элементом архаических представлений в китайской культуре является принцип *подобия микро- и макрокосмов*. Он пронизывает все области духовной деятельности китайской цивилизации эпохи древности и средневековья и зафиксирован в канонических книгах основных философских традиций.

Так, например, в одном из *конфуцианских* текстов – «Шо гуа чжуань» мы находим уподобление органов человеческого тела природным явлениям, произведенное через систему 8 ТГ: «Цянь (Небо) – голова, Кунь (Земля) – живот, Чжэнь (Гром) – ступни, Сюнь (Ветер) – бедра, Кань (Вода) – уши, Ли (Огонь) – глаза, Гэнь (Гора) – руки, Дуй (Водоем) – рот» [38: с. 240]. В *даосском* «Хуайнань-цзы» имеется уподобление органов и свойств человека важнейшим сферам Универсума: «... (у человека. – Ю.С.) голова круглая, как небо, ступня прямоугольная, как земля. У неба есть четыре времени года, пять стихий, девять выходов, триста шестьдесят шесть дней. У человека тоже есть четыре конечности, пять внутренних органов, девять отверстий, триста шестьдесят шесть суставов. Природе известны ветер и дождь, холод и жар. Человек также способен брать и отдавать, радоваться и гневаться. Желчный пузырь – это облака, легкие – эфир, печень – ветер, почки – дождь, селезенка – гром... А сердце всему господин. Уши и глаза – это солнце и луна, кровь и эфир – ветер и дождь» [35: с. 30]. Последние три предложения цитируемого фрагмента явно указывают на возможность медицинской интерпретации аналогий, основы которой содержатся в «Хуан Ди Нэйцзин»: «От Неба и Земли происходит все великое множество предметов; и от Начала до Завершения ими управляют девять законов. Первый закон – это Небо. Второй закон – это Земля. Третий закон – это Человек. Четвертый закон – Время. Пятый закон – Звук. Шестой закон – Ритм. Седьмой закон – Звезды. Восьмой закон – Ветер. Девятый закон – Пространство... В теле человека эти законы находят себе следующие соответствия: Кожа соответствует Небу. Плоть – Земле. Кровь и пульсирующие сосуды – Человеку. Связки – Времени. Слух – Звуку. Инь-Ян – Ритму. Зубы, лицо, глаза – Звездам. Энергия ци – Ветру. Девять отверстий организма и триста шестьдесят пять его сосудов – Пространству» [6: с. 9].

Генерализирующие классификации. На уровне методологии все известные случаи уподобления анатомических, родовых и социальных структур явлениям природы были связаны двумя универсальными системами классификации *у син* («пять элементов») и *ба гуа* («восемь триграмм»), систематизирующими «тьму вещей» (*вань у*) на различных основаниях. Эти системы не слишком различаются по времени создания¹¹, и их многовековое параллельное сосуществование объясняется неодинаковыми основаниями для классификации явлений.

Так, например, основным организующим принципом системы *ба гуа* является тезис о поляризации всего сущего на *инь* и *ян*. В графической форме он выражен в известной трехступенчатой схеме дифференциации *Тай цзи* (Великого предела) до уровня восьми ТГ. На первой ступени Великий предел поляризуется на *инь* и *ян*. На второй ступени удвоение *ян* порождает *тай ян* (великий *ян*), а соединение с *инь* порождает *шао инь* (молодую *инь*). В свою очередь, удваиваясь, *инь* порождает *тай инь* (великую *инь*), а соединяясь с *ян*, порождает *шао ян* (молодой *ян*). На третьей ступени из четырех ранее полученных элементов путем последовательного прибавления к ним базовых графем *инь* и *ян* получается восемь триграмм – система *ба гуа*. В роли классификационной системы ее суть состоит в отождествлении вещей и явлений мира с какой-нибудь из 8 ТГ. Здесь каждая триграмма выступает в качестве предельно общего признака, служащего основанием для отнесения различных феноменов к одному классу. Например, если базовым избрать порядок расположения ТГ по Вэньвану, а рассматриваемыми феноменами определить: 1) положение, занимаемое человеком в роду; 2) явление природы; 3) сторону света; 4) животное; 5) время года; 6) время суток; 7) изначальное свойство; 8) вторичное свойство; 9) тип людей; 10) часть тела, то перед нами предстанет следующая система соответствий.

• *Цянь* – отец; небо; северо-запад; конь; поздняя осень; ранняя ночь; существование, сила, широта, округленность; твердость, дарующий принцип; правитель; голова.

• *Кунь* – мать; земля; юго-запад; корова; позднее лето; время после полудня; послушание, поддержка сущест, квадратность, сгущение; мягкость, принимающий принцип; народ; живот.

• *Чжэнь* – старший сын; гром; восток; дракон; весна; утро; движение, скорость, дороги, молодые побеги; движение, стимулирующий принцип; молодые люди; ступни.

¹¹Точные даты сейчас установить невозможно, а в сформировавшемся виде и *ба гуа*, и *у син* мы встречаем в текстах IV–II вв. до н. э.

• *Кань* – средний сын; вода; север; кабан; середина зимы; полночь; опасность, крутизна, изгибающиеся вещи, колеса, пропасти, умственная ненормальность; погружение, принцип текущего движения; воры; уши.

• *Гэнь* – младший сын; гора; северо-восток; собака; ранняя весна; раннее утро; проходы, ворота, стражи ворот, фрукты и плоды диких растений; остановка, принцип поддержания неподвижного состояния; привратники; руки (пальцы).

• *Сюнь* – старшая дочь; ветер; юго-восток; курица; поздняя весна; утро; растительная сила, размеренная работа; проникновение, принцип продолжительности действия; купцы; бедра.

• *Ли* – средняя дочь; огонь; юг; фазан; лето; середина дня; оружие, сухость, сухие деревья, яркость, слияние огня и света, моллюски; сияние, принцип соединения (слияние); женщины-воительницы; глаза.

• *Дуй* – младшая дочь; водоем; запад; овца; середина осени; вечер; отражения, зеркальные образы, разорванное и вылитое; радость, принцип безмятежности, ясности; чародейки; рот и язык.

Согласно одному из наиболее авторитетных комментариев к «И цзин» – «Си цы чжуань» – возглавляемые триграммами гомологические ряды могут содержать до 11 520 элементов, поскольку именно таково предельное количество вещей (классов вещей) мира: «Стеблей двух частей (Неба и Земли. В данном разделе текста описывается процесс гадания, а потому упоминаются стебли тысячелетника. – Ю.С.) – 11 520, что соответствует числу тьмы вещей» [30: с. 211]. В другом философском комментарии – «Шо гуа чжуань» – содержатся базовые, канонические версии значений всех 8 ТГ, которые впоследствии развивались и дополнялись китайскими мыслителями эпохи древности и средневековья. Так, например, в 11 чжане (главе) о ТГ *Ли* сказано следующее: «Ли – огонь, солнце, молния, средняя дочь, латы и шлем, копье и меч; она в человеке – большой живот; это триграмма сухости; съедобная черепаха, краб, раковина, жемчужная устрица, черепаховый щит; в дереве она – засохшие верхние побеги» [38: с. 243].

Теперь обратимся к системе пяти элементов у *син*, представление о кажущейся простоте которой пропадает уже на уровне изучения форм ее экспликации в классических текстах. Здесь исследователь почти сразу сталкивается с рядом проблем, порожденных, во-первых, существованием разных наименований системы¹². Во-вторых, неодинаковым объяснением причин происхождения

элементов¹³. В-третьих, различными вариантами их численности и набора¹⁴. В-четвертых, существованием разных порядков расположения [60: с. 253–256].

Эти сложности породили множество вариантов объяснения существа системы у *син*. Не вдаваясь в их перечисление, выделим одну, традиционно считающуюся наиболее обоснованной и достоверной: в системе у *син* все вещи Универсума классифицируются по родам в соответствии с преобладанием в них какой-либо из пяти «природ». Например, если основной природой кислого вкуса является дерево, то горького – огонь, сладкого – почва и т.п.

Последовательная реализация принципа родовых соответствий привела к образованию схем, систематизирующих основные феномены социума и природы по заданным основаниям – элементам системы у *син*. Поясним это утверждение на примере, где заданы матрица – набор элементов и порядок их расположения и группа классифицируемых явлений.

Если за матрицу принять *дерево, огонь, почву, металл, воду*, а классифицируемыми явлениями обозначить времена года, этапы развития, стороны света, дни недели, проявления климата, цвета, запахи, эмоции, полезные злаки, полезное мясо, планеты, числа и ноты китайской пентатоники, то гомологические ряды будут построены следующим образом.

Дерево – весна, рождение, восток, четверг, ветер, зеленый (голубой), кислый, зловонный, гнев, пшеница, курятина, Юпитер, 3 и 8, цзюэ.

Огонь – лето, рост, юг, вторник, жара, красный, горький, острый, радость, просо, баранина, Марс, 2 и 7, чжэн.

Почва – долгое лето, зрелость, центр, суббота, влага, желтый, сладкий, душистый (приятный), зима, рожь, говядина, Сатурн, 5 и 10, гун.

Металл – осень, старость, запад, пятница, сухость, белый, острый, пресный, грусть, рис, конина, Венера, 4 и 9, шан.

Вода – зима, смерть, север, среда, холод, черный, соленый, затхлый (плесень), страх, бобы, свинина, Меркурий, 1 и 6, юй [39: с. 26].

Если теперь сравнить приведенные ассоциативные гомологические ряды у *син* и *ба гуа*, то можно сказать, что обе классификационные системы есть не что иное, как способы генерализирующего обобщения, существо которого состоит в выделении из класса предметов наиболее представительного (репрезентативного), в наибольшей степени отвечающего представлениям об идеальном (совершенном)

¹² В «Шу цзин» они названы «лю фу» (шесть складов), а в «Цзо чжуань» – «у цай» (пять материалов) [из которых созданы вещи. – Ю.С.].

¹³ Например, в «Цзо чжуани» говорится о том, что их родило Небо, а в «Гуань-цзы» их создание приписывается Хуан-ди.

¹⁴ В «Шу цзин» и «Цзо чжуань» к вышеперечисленным элементам добавляются злаки, а в «Ли цзи» отсутствует почва, но присутствуют питье и вода.

состоянии предметов представляемого класса, а потому обладающего наибольшей ценностью.

Здесь репрезентант является одновременно и единичным предметом, и, в качестве представителя целого класса, – их общим именем¹⁵, в отличие от абстрагирования, где представителем класса предметов является общее понятие, содержащее в своем объеме информацию о наиболее существенных признаках каждого из предметов ряда и одновременно отличное от каждого из них. Известно, что в европейской культуре развитие процесса абстрагирования привело к отчуждению сущности от явления, образованию представлений об особом мире идеального и формированию идеи высшего сакрального объекта – Бога. Поэтому специфика процесса обобщения является одним из наиболее значимых факторов, позволивших китайской культуре сохранить в неприкосновенности представления о субстанциальном единстве сущего.

Представления о времени. Еще одним примером преобладания в процессах обобщения генерализации над абстрагированием было отсутствие в классической китайской философии концепции абстрактного времени, подобной ньютоновской [56].

В Китае время понималось как нечто совершенно конкретное, имеющее неоднородную качественную структуру и непосредственно связанное с пространством. В практическом плане неоднородность, или дискретность, времени означала существование в нем «самом по себе» благоприятных и неблагоприятных моментов для различных видов деятельности. Нормативно это было закреплено в одном из основных тезисов «Книги Перемен», гласящем: каждое действие должно быть своевременным, оно успешно при совпадении с благоприят-

ным моментом времени и неудачно при совпадении с неблагоприятным¹⁶.

Идея дискретного характера времени в китайской культуре, авторство которой принадлежит М. Гранэ [54], неразрывно связана с тезисами о различной плотности и прерывности пространства, единстве времени, пространства и событий, наличии у пространства и времени центра. Она также конкретизируется характерными для китайцев представлениями о цикличности развития сущего, в котором периодически повторяются три разных по своей длительности отрезка времени: историческая эпоха, сезон года и благоприятный случай [15: с. 89], когда повторение сезонов года происходит в рамках исторических эпох, а благоприятных случаев – в пределах сезонов года. По мнению некоторых последователей Гранэ, идея цикличности времени составляет важнейшую особенность китайского мышления и китайской культуры [65].

Вторым следствием влияния процесса генерализации на формирование представлений о времени является отсутствие в китайской культуре дихотомии время/вечность, аналогичной той, которая сложилась и до сих пор функционирует в иудео-христианской и исламской культурах. Причина этого заключается в почти полном отсутствии представлений о втором члене отношения время/вечность: время полагалось единственно возможным способом существования вещей Универсума, а принцип перемен был универсален. Для классической китайской традиции было характерно мыслить время и вечность в нераздельном единстве, и преобладающая в ней тенденция состояла не в том, чтобы преодолеть время, а в том, чтобы приспособиться к нему [55].

В соответствии с этим общим принципом истолковывались три важнейшие теоретические и экзистенциальные проблемы: личного бессмертия, начала мира во времени и бытия трансцендентного. Рассмотрим их по порядку.

Проблема личного бессмертия имела две ипостаси [53]: первая состояла во влиянии совершенных человеком при жизни дел на дальнейшее развитие общества (отсюда такой пиетет к деяниям предков и другие факторы культуры, относящиеся к проблемам родства и клановости), а вторая – в сохранении в неизменном или несколько преобразованном виде собственного тела, что полагалось возможным при осуществлении особых процедур, согласованных с порядком расположения ГГ по Вэнь-вану, а значит – соответствующих пути Уни-

¹⁵ При описании классификационных схем *ба гуа* и *у син* мы уже сталкивались с ситуацией, в которой ТГ в одном случае и элемент – в другом одновременно обозначают и самих себя, и элементы представляемого ими класса. Ниже приведем другие примеры, иллюстрирующие и дополняющие постулируемый тезис.

- Небо (тянь) – это и элемент космологической триады «небо, человек, земля» (тянь, жэнь, ди), и обозначение ее в целом в значении «природа».
- «Пневма» (ци) – элемент гносео-психологической триады «пневма – душа-семя, дух-божество» (ци, цзин, шэнь) и одновременно обозначение каждого из трех его элементов (сань ци – три пневмы).
- «Индивидуальная природа (характер)» (син) – элемент антропологической пары «индивидуальная природа, чувственность» (син, цин) и ее обобщающее обозначение.
- «Тело (кожный покров)» (шэнь) – один из элементов пятеричного набора органов чувств человека, язык, нос, уши, глаза» (шэнь, шэ, би, эр, ян) и их совокупность в значении «целостный, обладающий душой и телом человеческий организм» [14].

¹⁶ Эта мировоззренческая установка во многом объясняет широкое распространение в китайской культуре мантического ритуала *ши*, поскольку именно определение благоприятных моментов является его основной задачей.

версума. Бессмертие достигалось согласованием *дао* человека с *дао* Неба и Земли [33; 36].

Проблема возникновения мира во времени в классической китайской философии и мифологии до сих пор весьма туманна, поскольку в древней и средневековой литературе существует множество ее версий. Философские варианты можно обнаружить во второй главе «Хуайнань-цзы» «О начале сущего» [5: с. 46–55], в «Лин сянь» Чжан Хэна (раздел «Законы действия животворных сил») [5: с. 328–329], в предельно сжатой, лапидарной и символической форме – в «Си цы» и «Шо гуа», а также в различных мифологемах [52: с. 121–137]. Но среди всего многообразия идей без особого труда прослеживается, что почти во всех случаях истоки культуры и цивилизации китайцы относили к эпохе первопредков и совершенномудрых правителей, тем самым полагая ее начало во времени.

С тех пор, по их мнению, общество постоянно деградировало, поэтому времена правления Яо, Шуня и Юя¹⁷ считались «Золотым веком», а деяния совершенномудрых правителей – образцом для подражания. Именно древность была эпохой, оставившей эталонные способы действий, точное повторение которых считалось невозможным: уже Конфуций учил, что нельзя достичь полного соответствия древним безукоризненным образцам, но стремиться к уподоблению им – священный долг каждого благородного мужа и правителя. Поэтому новации не поощрялись, и наиболее распространенным предлогом для выражения собственных мыслей считалось восстановление истинного значения классических книг, исправление «вреда», нанесенного ему неправильными, тенденциозными толкованиями в прошлом. Многозначность терминологии и устойчивая письменная традиция создавали для этого неплохие условия. И чем древнее была книга, тем большей степенью достоверности обладал содержащийся в ней материал; чем ближе к основателям китайской цивилизации¹⁸ и совершенномудрым правителям находился источник информации, тем ближе был он к Истине, дарованной человеку Небом.

Теперь обратимся к *проблеме существования вневременных, трансцендентных сущностей*, в которой можно выделить минимум три аспекта.

Первый из них заключается в том, что моральные нормы и правила ритуала были эталоном организации жизнедеятельности людей, и с момента их письменной фиксации в конфуцианском каноне

имели императивный, неизменный и в этом смысле трансцендентный характер. Их ценность значительно превышала значимость всех последующих действий и служила надежной гарантией высокого авторитета древности, сохранения в неизменном виде предначертаний первопредков и совершенномудрых правителей, постоянное обращение к их заповедям.

Вторым трансцендентным фактором китайской традиции можно считать ГГ «И Цзина», происхождение которых на заре цивилизации было окутано тайной и традиционно связывалось с образом Неба и фигурами первопредков, а функциональная значимость в темпоральном отношении состояла в том, что, находясь в неизменности, они через мантический ритуал *ши* помогали человеку проникать в ткань времени и согласовывать свои действия с волей Неба.

Третьим трансцендентным фактором китайских представлений о реальности является покой, считавшийся базовым состоянием Универсума, в отличие от его манифестации – движения. Идея фундаментальности покоя содержится в даосской («Дао дэ цзин») и конфуцианской («Си цы чжуань») литературе, а также в тексте «И Цзин», где выражена словосочетанием *тун бянь*: иероглиф *тун* имеет значения «универсальное», «неизменное», «оставляющее неизменным», а иероглиф *бянь*, напротив, – «изменяющееся», «частное», «изменять». После исследований Ф. Текеи [64] принято считать, что оба иероглифа отражают концепцию изменения как вариации неизменного, частичного движения в неподвижности целого, чего-то случайного во всеобщности неизменного, по существу, незначительного движения на фоне вечного застоя. Близкое по духу заключение было получено Г. Вильгельмом в результате изучения иероглифа *и*, с которым обычно связывают идею движения (перемен). Он установил, что иероглиф *и*, заключая в своем значении и динамический, и статический моменты, исключает сугубо релятивистское истолкование канона: концепция движения в классической китайской философии предполагала наличие стабильных (покоящихся) структур Универсума [2].

Символизм. Среди наиболее ярких, значительных и заметных архаических элементов китайской культуры следует отметить *символизм ее знаковых средств* – иероглифов, триграмм, гексаграмм и элементов системы *у син*. Этот символизм пронизывал ментальные основания цивилизации и позволял избегать противоречий между несовместимыми, на европейский взгляд, вещами. Так, например, в отличие от европейской традиции, где ученый противопоставлялся поэту, а воин – художнику, в Японии и Китае считалось обязательным изучение различных искусств, чтобы в результате их синтеза появился целостный взгляд на вещи. Пожалуй,

¹⁷ Яо (2356–2255 до н. э.), Шунь (2255–2205 до н. э.), Юй (считался основателем легендарной династии Ся, 2205–2197 до н. э.), Тан (или Чэн Тан – основатель династии Шан, 1766–1753 до н. э.), Вэнь-ван, У-ван, Чжоу-гун (основатели и первые правители династии Чжоу, XI в. до н. э.).

¹⁸ Фу-си, Хуан-ди, Шэнь-нун.

наиболее существенным элементом, делающим этот когнитивный синтез возможным, является *иероглиф*, вполне конкретная, «вещная» форма которого позволяет мыслить знак и в качестве равноправного члена ряда обобщаемых им предметов, и одновременно в качестве их общего имени, репрезентанта, близкого по смыслу к системам тотемических классификаций.

Иероглифический характер китайской культуры, относительная стабильность смыслового поля каждого иероглифа стали препятствием на пути развития формальной логики, которая без операции абстрагирования и в отсутствие переменных, способных принимать произвольное значение, немислима. Ее место в классической китайской философии и культуре занимало *сян шу чжи сюэ* – учение о символах и числах [14], основанное на принципах «Книги Перемен». И именно отсутствие формально-логических законов – особых правил организации понятий, суждений и умозаключений – явилось важнейшей причиной сохранения в китайской культуре представлений о единстве Универсума; он не был разделен на два мира, в каждом из которых действовали собственные законы: в мире вещей – законы природы, в мире идей – законы логики¹⁹.

Ближайшим следствием этого феномена стало отсутствие в многочисленных системах китайской философии, имеющих автохтонный характер, концепции противоречия как контрадикторного отношения между противоположностями. Здесь противоположности, как правило, не являются взаимоисключающими компонентами отношения, и существование одной не исключает существования другой: всепробивающее копьё может существовать наряду с непробиваемым щитом.

С символическим характером китайской культуры самым непосредственным образом связано интенсивное использование терминологического аппарата, в широком смысле слова совпадающего с естественным языком в его письменной форме (*вэньяне*), а в узком, специальном смысле сравнительно ограниченного по объему. По разным оценкам, число составляющих его терминов колеблется в диапазоне от 115 до 60 с лишним иероглифов [14]. Проводя аналогию с первобытным мышлением, можно сказать, что техника бриколажа проявляется здесь в максимально эффективном использовании небольшого по численности понятийного аппарата. В классических китайских текстах употребляемые понятия постоянно меняют свое значение. Многие из них

¹⁹ В этой части статьи я весьма упрощаю ситуацию, поскольку изложенный взгляд на китайскую логику далеко не бесспорен. Имеются серьезные аргументы в пользу близости «китайской» и «европейской» логики. См., напр.: Крушинский А.А. Логика Древнего Китая. М.: ИДВ РАН, 2013. 382 с.

есть, в некотором смысле, переменная, принимающая тот или иной смысл в зависимости от целей автора и контекста главы или фразы²⁰.

Совпадение естественного языка с языком философским, а также широкое использование философских терминов в других отраслях знания породило феномен глубокой философичности китайской литературы, с одной стороны, и беллетристичности и поэтичности философских текстов,²¹ с другой. На практике они трудно различимы, и их общей характеристикой, иногда не без оснований, считают мифопоэтичность, которой присущи практически все черты, определяющие тропический характер мифа.

Бинарные оппозиции. Последний элемент близости менталитета китайской и архаической культур²² состоит в существовании универсальной бинарной оппозиции между первичными модификациями *ци – инь* и *ян*. Они пронизывали своими эманациями всю тьму вещей Универсума и противоплагались друг другу, а общим правилом снятия противоречия являлось сведение противоположащих элементов к некоторому среднему члену. Необходимость такого баланса выражалась в высшей ценности гармоничного устройства макрокосма и двух микрокосмов – человека и общества [34].

Так, например, в области этики и социологии идея гармонии имела вид учения о середине, на которое должен ориентироваться благородный муж и которому следовали совершенномудрые [20], а в формальной методологии ее основой была доминирующая во всех областях культуры идея центра: «Поднебесная» называлась срединным государством, центральное поле в стандартном девятиклеточном квадрате считалось главным и заполнялось наиболее значимыми элементами, третья (средняя в числе пяти) нота пентатоники – *гун* – была среди всех прочих главной и т.п.

2. Методологическая адекватность китайской науки

Теперь посмотрим, каким образом особенности примитивного мышления, зафиксированные в методологии «Книги Перемен», претворялись в конкретных областях научного знания, в частности в медицине.

²⁰ Данную особенность иероглифа не стоит понимать слишком буквально, ибо иероглиф – это, конечно, не переменная, имеющая произвольный диапазон значений, а термин с ограниченной областью смыслов.

²¹ Так, например, «Дао дэ цзин» является поэтическим произведением.

²² Строго говоря, этот пункт имеет двойственный характер. С одной стороны, он свидетельствует о близости классической китайской философии и культуры принципам первобытного мышления, с другой – о ее соответствии принципам организации мышления вообще.

Сначала следует отметить, что в специальных исследованиях по рефлексотерапии и *чжэнь-цзю* терапии (иглоукальвание и прижигание) упоминается о тесной связи традиционной китайской медицины с принципами «И Цзин» является обязательным и чуть ли не повсеместным. Редкий труд в этой области обходится без краткого или развернутого изложения учения об *у син, ба гуа*, числовых системах «Хэ-ту» и «Ло-шу», других числовых, символических и категориальных структурах, находящихся в основании учения о человеке, его месте в Космосе, взаимосвязи и взаимовлиянии происходящих в организме процессов. И это так именно потому, что основополагающие трактаты по китайской медицине периода формирования ее канона (династии Цинь и Хань), в первую очередь, «Хуан Ди Нэйцзин Су Вэнь Лин Шу» («Трактат Желтого императора О Внутреннем» [37]) и «Ба Ши И Наньцзин» («Трактат Восьмидесяти Одной Трудности»), представляют собой использование классических представлений об Универсуме в медицинских целях [6].

Использование триграмм и гексаграмм в процессе диагностики заболевания и его лечения можно проиллюстрировать на следующем примере [39: с. 152].

Больная 49 лет. На приеме у врача 26 апреля (сезон «долгое лето», «почва»). Жалобы на боли в правой руке, в руке нет силы, больная не может брать и удерживать предметы. В области точки Хэ-Гу имеется сильная боль, увеличивающаяся при отведении большого пальца.

Диагноз. Боль, отсутствие силы в правой руке, а также болезненность в районе точки Хэ-Гу обусловлена нарушением в меридиане толстого кишечника, который управляется триграммой Чжэнь.

Согласно принципу «Восемь триграмм балансируют друг с другом» в качестве «функции» выбирается триграмма Цянь, которая в сумме с триграммой Чжэнь формирует гексаграмму «У ван» («Беспорочность»), которая, однако, является неблагоприятной для данного момента времени, и решено исправить ее на гексаграмму «Родня» («Гун жэнь»).

Лечение. Упомянутое выше изменение гексаграммы стало возможным благодаря преобразованию третьей черты триграммы Чжэнь на противоположную, что было достигнуто укальванием 3-й точки меридиана толстого кишечника – Сань-Цзянь. Кроме того, в связи с принципом «Восемь триграмм балансируют друг с другом» было нанесено раздражение на меридиан желчного пузыря слева, в точке Цзу-Линь-Ци, которая была болезненной, а также представляла собой важный пункт на меридиане «функция» в тактике лечения основного заболевания. Всего до 13 мая больной было проведено 6 процедур, после чего наступило окончательное выздоровление.

Комментарий. Момент времени проведения лечения соответствует элементу «почва» (весной). Гексаграмма «У ван» является неблагоприятной, так как она соответствует элементу «дерево», который разрушает элемент «почва». В связи с этим по правилу, на котором основан данный метод, в нижней триграмме «тело» Чжэнь была произведена замена на триграмму «Ли», что привело к формированию гексаграммы «Гун жэнь», которая принадлежит элементу «огонь». Согласно алгоритму цикла *у син* «огонь» порождает «почву», поэтому данная гексаграмма в этот момент времени дает хороший терапевтический эффект. Точка, которая была задействована в лечебный процесс, – Сань-Цзянь. Что касается точки Цзу-Линь-Ци, то она является симметричной точке Хэ-Гу относительно пупка. В течение шести процедур больной колось одни и те же точки.

Вплоть до второй половины XX в. для подавляющего большинства европейцев *чжэнь-цзю* терапия, в частности, и методология китайской медицины, в целом, были непонятны. В ученой среде Европы способы лечения заболеваний, подобные описанному, считались чем угодно: шарлатанством, фокусами, магией, но только не равноправной системой медицинских знаний, а их несомненная действенность игнорировалась или отвергалась. И, наверное, основная гносеологическая причина этого неприятия состояла в доминанте представлений о возможности выражения истины в единственно правильной форме, под которой, естественно, в западной культуре понималась собственная формальная методология – классическая логика Аристотеля. В то время Запад, впрочем как и Восток, еще не был способен найти общее основание для разных методологических схем, а потому преимущественным отношением к чужому было его отрицание.

Но за последние пятьдесят-шестьдесят лет ситуация в этой области самым существенным образом изменилась. И хотя даже сейчас многое в наследии классической китайской культуры остается для нас непонятным, тщательное исследование ее мировоззрения и менталитета, а также смена некоторых принципиальных установок европейской науки позволили выразить записанные на языке *сян шу чжи сюэ* теории в понятной европейцу форме. И одним из наиболее существенных факторов, способствовавших реализации этого процесса, явился отход от позитивистской идеи науки как некоей идеальной, заранее заданной схемы и признание равноправия ее культурно-исторических форм.

Развернувшаяся в шестидесятые годы двадцатого века критика неопозитивизма не обошла стороной и синологию, где Натаном Сивином на основании сравнительного изучения европейской науки, с одной стороны, и китайской астрономии и алхи-

мии, с другой стороны, было дано антропологическое определение науки, позволяющее соединить в ее понятии различные мировоззренческие схемы. Согласно этому определению в качестве науки должны рассматриваться все систематизированные абстрактные представления о природе, причем термин «абстрактное» может означать не только выражение понятия в более общей форме, но и выявление объективно движущих сил внутри самой природы [9: с. 111].

Отсюда следует, что каждая система представлений о природе, выявляющая ее объективно движущие силы, может быть названа научной, в том числе и та, которая базируется на принципах генерализирующего обобщения, давно, кстати сказать, включенного в «официальную» методологию научного знания.

Основным критерием адекватности выявления законов природы или, по выражению Натана Сивина, ее объективно движущих сил, является применение полученных знаний на практике. Соответствие результата воздействия на объект прогнозу означает истинность представлений, несоответствие – наличие заблуждения либо в теории, либо в схеме действия, либо в методике элементов. По отношению к проблеме адекватности методологии классической китайской медицины это значит, что если *чжэнь-цзю* терапия приводит к реальному результату – излечению больного, следовательно, и теоретическая схема, по которой проводится и диагностика заболевания, и его лечение, соответствует реальным процессам жизнедеятельности организма и потому является научной. В этой связи еще одним весьма убедительным экспериментальным подтверждением адекватности классических китайских представлений о принципах функционирования человеческого организма можно назвать результаты изучения способности направленного излучения *ци* – универсальной энергии тела, являющейся основой всех физиологических процессов и каналом влияния на внутренние и внешние объекты [1; 50]. В качестве примера реальности и объяснимости феномена *ци* можно привести следующие опыты.

Опыт с инфракрасной аппаратурой. Был использован инфракрасный теплометр типа HD-II (в диапазоне 8–14 мкм). Линь Хоушэн держал ладонь на расстоянии одного метра от прибора и посылал устойчивое излучение внешнего *ци* на прибор, точка лао-гун²³ давала сигналы инфракрасного излучения, которые отличаются от тепла, излучаемого обычными людьми, более низкой частотой.

Опыт с приборами статического электричества. Во время эксперимента мастера цигуна Чэн Чжицзю и Лю Цзиньжун излучали *ци* всеми точка-

ми своего тела. При этом сигналы регистрировались на расстоянии 2 см от точки ин-тан²⁴ у Чэн Чжицзю и на расстоянии 5 см от точки бай-хуй²⁵ у Лю Цзиньжуна, величина сигнала колебалась от 10^{-14} до 10^{-11} Кл (это примерно равно заряду в 100 000–1 000 000 электронов). Обнаружено также, что при изменении характера упражнений изменялись величина статического электричества и форма сигнала, его мощность и полярность.

Эксперименты с приборами, регистрирующими магнитное излучение. Во время опытов Лю Цзиньжун направил свое излучение на точку бай-хуй, его партнер наносил по этой точке удары металлической пластиной (шириной 5 см, длиной 76 см, толщиной 4 мм). Пластина гнулась, но Лю боли не ощущал. Измерения с помощью двухполюсной магнитной трубки показали, что Лю Цзиньжун излучает из точки бай-хуй магнитные сигналы [21: с. 70].

Универсальность *цигун* – квинтэссенции традиционного опыта управления *ци* – представлена в определении этого термина, отличающемся расплывчатостью, неопределенностью и широким диапазоном значений. Однако на основании изучения посвященных *цигун* современных европейских и китайских публикаций можно утверждать, что он представляет собой традиционную систему (или совокупность систем) психофизиологического тренинга, в результате которого человек способен не только регулировать жизненно важные процессы в своем теле, но и входить в ИСС и путем произвольных манипуляций с *ци* вызывать к жизни «паранормальные» феномены, с ними связанные [50].

Не менее корректным и оправданным видится существование в теоретической схеме реальности представлений о первичных модификациях *ци* – *инь* и *ян*, которые сами китайцы называют не иначе как *инь-ци* и *ян-ци*, подчеркивая тем самым их энергетический характер. Это так, поскольку в контексте европейской науки *инь-ци* и *ян-ци* вполне согласуются с общими представлениями о двух противоположных типах энергии в различных ее модификациях. Например, в механике *ян-ци* (движение) достаточно точно выражает идею кинетической энергии, а *инь-ци* (покой) – идею энергии потенциальной, а в теории электромагнитного взаимодействия – феномены положительно и отрицательно заряженных элементарных частиц. В европейской культуре универсальность принципа описания процессов только двумя типами знаков, подобными *инь-ци* и *ян-ци*, была понята еще Г. Лейбницем при создании им системы двоичного исчисления [19]. Не случайно изучению китайской философии великий немецкий ученый посвятил послед-

²³ Точка лао-гун расположена в центре ладони.

²⁴ Точка ин-тан расположена чуть выше переносицы.

²⁵ Точка бай-хуй расположена на макушке.

ние годы своей жизни, и не случайно именно двоичная система исчисления стала математическим инструментом программирования ЭВМ. Здесь, с одной стороны, она является единственно возможной, поскольку электронная система способна реагировать только на наличие электрического импульса или на его отсутствие, а с другой стороны, с помощью кодов двух начальных состояний электронной системы – 0 и 1 – оказалось возможным манипулировать громадными объемами информации и создавать чрезвычайно сложные искусственные информационные системы. В процессе программирования ЭВМ исходные числа 0 и 1 выступают в двух ипостасях – регулятора энергетического воздействия на электронную систему и носителя информации, поскольку в ЭВМ информационные процессы кодируются в виде электрических сигналов.

Следующие после *инь-ян* уровни – *ба гуа* и *люшисы гуа* (шестьдесят четыре гексаграммы) сейчас также поддаются вполне свободной и корректной интерпретации в контексте европейской науки, примеры которой мы можем встретить в произведениях и отечественных, и зарубежных авторов [2; 48].

Большинство из них сходятся в том, что символы «Книги Перемен» отражают энергетическое состояние объекта или процесса, а превращение *гуа* из одной в другую следует интерпретировать как изменение энергетических характеристик системы в целом или ее отдельного элемента. Например, причиной широкого применения гексаграмм в китайской медицине было убеждение в том, что поскольку основой физического и психического здоровья человека является энергетическая сбалансированность его организма, а причиной заболевания – нарушение природной гармонии физиологических систем, то схема восстановления энергетического равновесия может быть адекватно представлена символической системой динамики энергетических процессов – графемами *люшисы гуа*. В другой области – внутренней алхимии даосов (*нэй дань*) – процесс достижения адептом бессмертия выражен также посредством системы *люшисы гуа* в их каноническом расположении (в порядке Вэнь-вана) [36], что зафиксировано в одном из классических трактатов, принадлежащем кисти Чжан Бо-дуаня [43].

Еще две интересные аналогии, касающиеся современной интерпретации *гуа*, обнаруживаются в сфере генетики. Первая из них состоит в том, что 64 гексаграммы, кодирующие, согласно традиции, весь набор общих процессов Универсума, равны по численности 64 возможным тройкам нуклеотидов ($4^3 = 64$), кодирующим 20 аминокислот [28] и несущим всю возможную наследственную информацию. Вторая заключается в том, что, с одной стороны, посредством чередования графем, обозначающих *инь* и *ян*, в триграммах фиксировалась самая

общая, первичная информация о процессах микро- и макрокосмов, с другой стороны, в реализации генетической информации первичный процесс представляет собой считывание последовательности мРНК, происходящее группами по 3 нуклеотида. Каждая аминокислота соответствует определенному сочетанию трех оснований – так называемому триплету (отсюда – триплетный код), или кодону [28: с. 98]. Если указанные совпадения не случайны, то достаточно вероятной представляется интерпретация триграмм и гексаграмм в качестве символов, выражающих объективные процессы субъективного структурирования мира, которые были получены, скорее всего, интуитивным путем. В этом случае проблема адекватности китайской методологии получает новое, теперь генетическое, подтверждение.

Хотя в дополнение к сказанному можно привести еще немало примеров релевантности методологии «И Цзин» [58] принципам европейской науки, мы ограничимся изложенным и обратимся к следующему вопросу – превращению гадания на стеблях тысячелистника из примитивного иррационального мантического ритуала в паранауку.

3. Превращение мантического ритуала *ши* в паранауку

В классической китайской культуре при составлении прогноза грядущих событий было принято учитывать и данные рассудка, и предсказания оракула. Их «каноническое» соотношение зафиксировано в одном из фрагментов «Хун фань», называемом «Об использовании сомнений»²⁶.

Согласно этому каноническому тексту при принятии какого-либо важного, но не очевидного решения правитель должен был руководствоваться следующими правилами: «Если у Вас, государь, возникнут большие сомнения, то обдумайте их сначала в своем сердце, затем обсудите их со своими чиновниками и сановниками, посоветуйтесь со своим многочисленным народом и спросите ответа у гадателей на черепаших щитах и стеблях тысячелистника. Если ваше решение, и решение, [полученное путем гадания] на черепаших [щитах], и решение, [полученное путем] гадания на стеблях тысячелистника, и решение сановников и чиновников, и решение многочисленного народа будут положительными, то это называется великим согласием. Тогда благополучие и могущество будут Ва-

²⁶ С китайского языка «Хун фань» обычно переводится как «Великий закон», но в синологии встречаются и другие варианты перевода: «Великий закон об управлении», «Величественный образец» и т.д. Этот текст является одной из глав «Шу цзин» («Книга истории») и считается наставлением последнего сановника династии Инь Ци-цзы основателю династии Чжоу У-вану.

шим уделом, а счастье будет сопутствовать Вашим сыновьям и внукам.

Если положительными будут Ваше решение и решение, [полученное в результате гадания] на черепаших [щитах], и решение, [полученное путем] гадания на стеблях тысячелистника, а вразрез с ним пойдут решение сановников и чиновников и решение многочисленного народа, то счастье [все равно] будет сопутствовать [Вашим начинаниям].

Если решение сановников и чиновников, и решение [полученное в результате гадания] на черепаших [щитах], и решение [полученное путем] гадания на стеблях тысячелистника, будут положительными, а вразрез с ними пойдут Ваше решение и решение многочисленного народа, то [тем не менее] счастье будет сопутствовать [Вашим начинаниям].

Если решение многочисленного народа, и решение, [полученное в результате гадания] на черепаших [щитах], и решение, [полученное путем] гадания на стеблях тысячелистника, будут положительными, а вразрез с ними пойдут Ваше решение и решение сановников и чиновников, то все же счастье будет сопутствовать [Вашим начинаниям].

Если, однако, Ваше решение и решение, [полученное в результате гадания] на черепаших [щитах], будет положительным, а решение, [полученное путем] гадания на стеблях тысячелистника, и решение сановников и чиновников, и решение многочисленного народа пойдут вразрез с ними, то счастье будет сопутствовать [только Вашим] внутренним начинаниям, внешние же начинания потерпят неудачу²⁷.

Если же решение, [полученное в результате гадания] на черепаших [щитах], и решение, [полученное путем] гадания на стеблях тысячелистника, [будучи отрицательными], разойдутся с [решениями] людей²⁸, то счастье будет сопутствовать Вам в бездействии, активные же начинания потерпят неудачу» [44: с. 108–109].

Из пяти содержащихся в данном фрагменте факторов: 1) собственного мнения государя; 2) прогноза, полученного в результате гадания на панцирях черепахи (мантический ритуал *бу*); 3) прогноза, полученного в результате гадания на стеблях тысячелистника (мантический ритуал *ши*); 4) мнения сановников и чиновников; 5) мнения народа – три (мнения государя, чиновников и народа) являются рациональными формами прогностики. Именно их следует учитывать в первую очередь, призывает классический текст. Иррациональные способы получения информации – мантические ритуалы *бу* и *ши* находятся на втором плане,

²⁷ Под внутренними начинаниями подразумеваются дела, совершающиеся внутри страны, такие как жертвоприношения, церемониал инициации, обряды венчания и др. Внешние начинания – это походы против других стран.

²⁸ То есть государя, сановников, чиновников и народа.

но, тем не менее, имеют весьма существенное значение, и потому их ни в коем случае нельзя игнорировать. Что же такое мантические ритуалы *бу* и *ши*?

Мантический ритуал *бу* – это гадание по панцирю черепахи и костям животных. Согласно тексту «Шо вэнь»: «Гадание по панцирю черепахи (*бу*) – это обжиг черепашого панциря до появления на нем трещин. Этот способ, согласно одним, напоминает известный прием местного прижигания черепашого панциря, а согласно другим – помещение его целиком в огонь» [23: с. 100]. Гадание на костях животных обычно представляло собой укол раскаленным металлическим стержнем очищенной от биомассы и высушенной коровьей лопатки. Составление результирующего заключения в обоих случаях представляло собой интерпретацию формы, числа, направления, расположения, величины возникающих при термическом воздействии трещин.

Принято считать, что мантическая операция *бу* имеет более древнее происхождение, нежели операция *ши*, поскольку первые известные науке памятники древнекитайской письменности, сделанные на панцирях черепах и костях крупного рогатого скота²⁹, были записями гаданий *бу*. Характер повреждений найденных предметов – специфические для операции *бу* трещины, – а также сопутствующая запись, содержащая, как правило, сведения о дате гадания, имени гадателя, заданном божеству вопросе и пометки о дальнейшем развитии событий, позволяют хронологически увязать возникновение в Китае письменности с ритуалом *бу*. Хотя, с другой стороны, на основании древнекитайских текстов можно сделать также вывод и о том, что с появлением письменности по времени совпадает именно ритуал *ши*, так как и иероглифы, и гексаграммы по преданию были составлены одним человеком – легендарным первопредком китайцев Фу-си.

Некоторое время *бу* и *ши*, – о времени возникновения ритуала *ши* мы можем только догадываться, или, полагаясь на авторитет классических текстов, датировать его легендарной эпохой Ся (2205–1766 до н. э.)³⁰ – успешно сосуществовали друг с другом, причем еще в период Чуньцю авторитет методики *бу* был несколько выше, что объясняется как традицией, так и чуть более высокой степенью достоверности его предсказаний [8]. Однако со временем гадание на костях животных и панцирях черепах отходит на второй план, уступая главенствующее место мантическим операциям со

²⁹ В Аньяне, где был обнаружен так называемый архив оракула, при проведении радиоуглеродного анализа слоя, содержащего гадательные кости с надписями, была получена дата 1115±90, т.е. XII в. до н. э. [32: с. 409].

³⁰ Некоторыми исследователями процедура удвоения триграмм датируется еще более ранним сроком – временами правления Фу-си.

стеблями тысячелистника, и уже в текстах эпохи Тан (VII–X вв.) мы совсем не встречаем упоминания о мантическом ритуале *бу*.

Согласно тексту одного из самых ранних письменных памятников эпохи Чжоу «Чжоу ли», в котором содержится описание установлений и порядков царства Чжоу, процедура «Великого гадания» (глава «Да бу» – «Великое гадание») имела три способа вычисления перемен, «Лянь шань» («Смыкающиеся горы»), «Гуй цзан» («Возвращение в сокровищницу») и «Чжоу и» («Чжоуские переменные»). В каждом из названных способов использовались 8 триграмм и 64 гексаграммы. По мнению восточно-ханьского каноноведа Чжэн Сюаня (127–200), зафиксированному в его работе «И цзан» («Восхваление перемен»), «Мужи династии Ся упоминают о "Лянь шань", мужи династии Инь – о "Гуй цзан", а мужи династии Чжоу – о "Чжоу и". Словосочетание "Лянь шань" указывает на непрекращающееся чередование, которое несет в себе образ гор; словосочетание "Гуй цзан" – на то, что среди 10 000 вещей нет ни одной, которая бы не вернулась в свое хранилище ("цзан"); словосочетание "Чжоу и" – на то, что нет пропусков во всепронизывающей круговой поступи пути перемен» [23: с. 5].

Из трех названных систем вычисления перемен до наших дней сохранилась лишь одна, по мнению специалистов, наиболее поздняя – «Чжоу и». И только на тексте этого памятника китайской культуры мы можем строить свои представления о мантическом ритуале *ши*, так как, судя по всему, системы «Гуй цзан» и «Лянь шань» безвозвратно утрачены, и остается лишь догадываться об их содержании.

В классической проблематике мантического ритуала *ши* выделяется три основных аспекта. Их эволюция представляет собой последовательную и систематическую рационализацию практики гадания и является ярким примером движения менталитета китайской культуры от нерелексивных форм получения информации к релексивным. Движения по отношению к мантическому ритуалу *ши*, как это будет видно в дальнейшем, в практическом отношении в высшей степени безуспешного.

Первый круг вопросов мантического ритуала *ши* состоит в проблеме выбора какого-либо одного способа составления гексаграммы из множества разнообразных методов, возникших в эпоху древности и средневековья. Их сравнение дает ясную картину постепенной *рационализации практики гадания в ее технической части*, перехода от совершенно случайных, ничем не обусловленных совпадений к формированию логических принципов, так и не получивших ввиду своей неэффективности широкого распространения в культуре. В качестве примера приведем три наиболее «теоретически обоснованных».

Первый, наиболее древний и почитаемый способ составления гексаграммы изложен в «Си цы чжуань» [30; 12: с. 522]. Его техника такова. Сначала необходимо взять 50 стеблей тысячелистника или другие заменяющие их предметы³¹. Они кладутся пучком на стол, покрытый тканью, желательна шелковой, и один стебель правой рукой сразу откладывается в сторону, более не используя, а оставшиеся 49 разделяются по центру обеими руками на два пучка³². Левый из них зажимается в левой руке, а из правого правой рукой берется один стебель и помещается между мизинцем и безымянным пальцем левой руки³³. Затем правой рукой из левого пучка вынимаются по четыре стебля³⁴. Остаток (1, 2, 3 или 4 стебля) помещается между безымянным и средним пальцами левой руки³⁵. Отсчитанные по четыре стебли возвращаются правой рукой налево, а правый пучок берется, и из него левой рукой извлекаются также по четыре стебля. Остаток помещается между средним и указательным пальцем левой руки. Всего между пальцами левой руки может оказаться 5 или 9 стеблей в следующих комбинациях: 1+1+3, 1+2+2, 1+3+1, 1+4+4. Они откладываются в сторону, а все оставшиеся стебли обеими руками вновь соединяются в один пучок, состоящий из 40 или 44 стеблей. С ним повторяется вся вышеописанная операция, называемая «изменением». В ее результате между пальцами левой руки оказываются 4 или 8 стеблей в комбинациях: 1+1+2, 1+2+1, 1+3+4, 1+4+3. После их откладывания оставшийся пучок может состоять из 40, 36 или 32 стеблей. Затем следует точно такое же третье «изменение», в результате которого между пальцами левой руки образуются те же самые комбинации стеблей, что и во втором «изменении».

³¹ Число 50 древние авторы объясняли по-разному. Например, в одном из произведений Чжу Си содержится объяснение этого вопроса Цзин Фаном (77–37 гг. до н. э.), согласно которому «число 50 получено в результате сложения 10 солнц, 12 циклических знаков и 28 созвездий. Их недействующая единица – это животворная пневма неба, которую берут для того, чтобы от пустоты перейти к наполненности. Поэтому-то в этом процессе (гадания. – Ю.С.) используют только 49 единиц» [23, 43]. Сам Чжу Си считал, что число 49 «производно от естественного хода событий, а не от способности счёта, свойственной человеку» [23: с. 104].

³² Согласно мыслителям эпохи Сун Шао Юну, Лу Сяншаню и др., пучок, оказавшийся под правой рукой, символизирует землю, а под левой – небо.

³³ Этот стебель изображает человека, что завершает формирование классической триады: небо, земля, человек.

³⁴ Каждый из четырех стеблей изображает одно из времен года, а все они вместе – полный годовой цикл перемен.

³⁵ Оставшиеся стебли обозначают дополнительные дни, которые составляют добавочный (эмболосмический) месяц в лунном календаре: за пять лет дважды вставляют по дополнительному месяцу.

После этой трехэтапной процедуры оставшийся пучок может состоять из 36, 32, 28 или 24 стеблей. При делении на 4 указанные суммы дают соответственно числа 9, 8, 7, 6, символизирующие черты гексаграмм: 9 – «старый *ян*», 8 – «молодая *инь*», 7 – «молодой *ян*», 6 – «старая *инь*». Зафиксировав полученную черту, следует аналогичным образом осуществить еще три изменения, которые позволяют получить вторую черту, располагаемую над первой (нижней). Все шестиступенное построение гексаграммы предполагает проведение 18 «изменений».

Второй, значительно более сложный способ, возник в эпоху Западная Хань (206 г. до н. э. – 6 г. н. э.), когда Цзинь Фань (77–37 гг. до н. э.) изобрел методику «*нацзя*». Ее описание Лю Дацзюнем выглядит следующим образом: «Согласно нормам гадания, получившим название метода "*нацзя*", 64 ГГ делятся на "восемь обителей" (*ба гун*) по 8 ГГ в каждой, а так как главенствующее положение в структуре ГГ принадлежит восьми классическим триграммам, то в соответствии с этим в каждой ГГ выделяли как "порождающие графемы" (*ши яо*), так и "порождаемые" (*ин яо*). После этого брали циклические знаки "10 небесных стволов и 12 земных ветвей" и в определенном порядке распределяли среди 6 графем восьми ТГ. Благодаря этому получали ГГ, которые были соотнесены с "земными ветвями" и с "пятью стихиями" и между которыми устанавливалось отношение взаимопорождения, характерное для учения о "пяти стихиях". В итоге это давало "шесть степеней родства" (*лю цин*) – "отец-мать", "старшие-младшие братья", "муж-жена", "дети-внуки", "тесть-зять", "свойственники" и, кроме того, "шесть гениев" (*лю шэнь*) – "молодого дракона", "пурпурного фазана", "Ковша Малой Медведицы", "летающей змеи Танша", "белого тигра" и "черного воинства", которые вместе с учением о взаимопорождении пяти стихий, соотнесенных с циклическими знаками и учением о правилах выбора дня гадания, служили общей основой для предсказания успеха или неуспеха грядущих событий. А так как доминирующее положение в ГГ занимают графемы "порождающие" и "порождаемые", то результирующий вывод или итоговая оценка характера ГГ в конечном счете определялся ими» [23: с. 154].

Третий способ составления ГГ был выдвинут в XI в. новой эры сунским нумерологом Шао Юном. Принципиальное отличие этого метода от прежних заключалось в приложении сформулированного Шао Юном нетрадиционного нумерологического принципа «числа рожают символы»³⁶ к практике

³⁶ Длительное время общепринятым был прямо противоположный тезис: символы (сян) рожают числа (шу). Он опирался на соответствующую фразу из «Си цы чжуань» и потому находился вне зоны критики.

гадания. В одной из построенных на этом принципе методик ГГ составлялась из двух ТГ, а те, в свою очередь, вычислялись по особой таблице, содержащей в качестве исходных данных числа лунного календаря, циклические знаки страж (двухчасий суток) и лет [57].

Различное отношение к рациональности трех изложенных способов составления гексаграммы очевидно: если при операциях со стеблями тысячелистника налицо случайный набор элементов, помещенных в контекст их мифопоэтического обоснования, то в системе Шао Юна налицо попытка подведения под мантический ритуал естественнонаучной и нумерологической методологии.

Второй круг вопросов возникает при интерпретации графического образа полученной ГГ, который часто был основанием для составления результирующего заключения.

Здесь, *во-первых*, следует отметить, что большую роль при интерпретации ГГ играли графические образы составляющих ее ТГ, поскольку начиная с исторических периодов «Чуньцю» (770–476 гг. до н. э.) и «Чжанго» и до образования Народной Республики (1911 г.) конфуцианцы, которые прямо или косвенно соприкасались с классическими гексаграммами «Чжоу и», опирались при его истолковании на графические образы триграмм. Например, нижняя ТГ обычно называлась «внутренней» и символизировала собой состояние и развитие внутренней или душевной жизни субъекта, а верхняя ТГ называлась «внешней» и описывала развитие ситуации вовне. В совокупности обе ТГ характеризовали развитие процесса от его зарождения до конца. Переход от верхней черты внутренней ТГ к нижней черте внешней ТГ считался моментом кризиса, преобразования внутренней ситуации в ситуацию внешнюю³⁷.

Во-вторых, согласно текстам «Си цы» и «Шо гуа» все шесть графем ГГ делились на три класса, где две верхние графемы обозначали небо, нижние – землю, средние – человека. В данном случае очевиден выход ГГ за пределы ее истолкования в качестве синтеза внутренней и внешней ТГ и подгонка под космологическую триаду: небо (тянь) – земля (ди) – человек (жэнь).

В-третьих, при интерпретации соотношения графем внутри ГГ и между собой учитывалось числовое отношение значений черт *инь* и *ян* (*инь* – четное, *ян* – нечетное) к занимаемым ими позициям ГГ, которые имели нумерацию от одного (начальная) до шести (верхняя). Помимо таких свойств,

³⁷ Вместе с тем следует заметить, что истолкование ТГ, составляющих ГГ, как «внутренней», так и «внешней», не единственно возможное, ибо, согласно сообщению «Цзо чжуани» и «Го юй», мыслители периода Чуньцю-Чжанго называли внутреннюю ТГ – чжэн – правильной, а внешнюю – хуэй – неправильной.

как «занятие своей позиции» и «смещение со своей позиции» (в первом случае черта занимает соответствующее ей место, например, *инь* – вторую, четвертую, или шестую позиции, во втором случае – нет), ханьскими нумерологами было установлено шесть типов отношений между отдельными графемами ГГ, которые получили названия *чэн*, *шэн*, *би*, *ин*, *цзюй*, *чжун*.

• *Чэн*, или отношение «принятия», указывает на такое расположение графем, когда черта *ян* находится над *инь*.

• *Шэн*, или отношение «оседлания», указывает на такое расположение графем, когда черта *инь* находится над *ян*.

Би, или отношение «уравнения», характеризует отношение графем, расположенных на соседних позициях: первой и второй, второй и третьей, третьей и четвертой и т.д. Если они заняты противоположными чертами, то говорят о сближении.

• *Ин*, или отношение «резонанса», возникает тогда, когда соответствующие позиции внутренней и внешней ТГ заняты противоположными чертами. Например, *ян* на первой (начальной) позиции резонирует с *инь* на четвертой, *инь* на второй – с *ян* на пятой.

• *Цзюй*, или отношение «опоры», описывает ситуацию, когда графема *ян* расположена над *инь*.

• *Чжун* – отношение между графемами, занимающими вторую и пятую позиции в ГГ, которые являются центральными во внутренней и внешней ТГ. Толкуется оно по-разному, и как *цзюй чжун* – находится в середине, и как *чу чжун* – располагаться в середине и т.д.

Поскольку одна и та же черта ГГ одновременно находится в целом комплексе отношений с другими графемами, то нумерологами эпохи Хань уделялось немало внимания исследованию указанных типов отношений. В ряде текстов, относящихся к данной эпохе, содержатся свидетельства, позволяющие нам судить о том, каким именно образом использовались указанные отношения при истолковании полученной в результате мантической операции ГГ такими видными мыслителями, как Юй Фань (164–233), Сюнь Шуан (128–190), Ван Би (226–249) и пр.

Хотя именно ханьской нумерологией был внесен наиболее существенный вклад в разработку и осмысление отношений между составляющими ГГ графемами, последующие поколения ицзинистов также придавали ей немаловажное значение, и, по словам Лю Дацзюня, «...начиная с ханьцев и кончая мыслителями династии Цин (1644–1911), когда ими предпринимались попытки толкования классического текста или описания его образов, вышеперечисленные отношения неизменно учитывались» [23: с. 54].

Описывая проблему отношений между графемами, следует указать на отсутствие сколько-нибудь обязательных нормативов при их практическом упо-

треблении в практике гадания. Весьма красноречивым свидетельством этого являются как примеры интерпретации, зафиксированные рядом классических текстов, так и произвольность самой классификации, где, например, расположение черты *ян* над чертой *инь* в одном случае носит название отношения *чэн* (принятия), в другом – *цзюй* (опоры).

Помимо названных отношений, графемы имели еще и «социальный» смысл, также использовавшийся в предсказании. При таком подходе начальная графема определялась как *юань ши* – старший из *ши*, графема на второй позиции – *да фу* (глава семьи), на третьей – *гун* (глава родовой общины), на четвертой – *чжухоу* (глава группы родовых общин), на пятой – *тянь цзы* (сын неба или владыка), а верхняя графема – *цзун мяо* (храм предков). Самой важной позицией считалась пятая.

В-четвертых, помимо этих способов интерпретации внутренней структуры ГГ существовал еще и механизм вычленения из исходной ГГ вторичной, когда тетраграмма, состоящая из четырех графем, занимающих вторую, третью, четвертую и пятую позиции, рассматривалась в качестве двух переплетенных между собой ТГ, вычленение которых и давало возможность получения вторичной ГГ: графемы, находящиеся на второй, третьей и четвертой позиции, образовывали внутреннюю ТГ, графемы, расположенные на третьей, четвертой и пятой позициях, – внешнюю ТГ.

Были также сформулированы и разработаны способы: *у хуа лянху* – последовательное переплетение пяти графем, *сы хуа лянху* – последовательное переплетение четырех графем, *фаньдуй чжи сянь* – получение новой ГГ путем переворачивания исходной «с ног на голову».

В целом, не останавливаясь более на рассмотрении этого достаточно специфического вопроса, заметим, что графический образ (*сянь*) считался наиболее важной частью при изучении «Чжоу и». На всем протяжении существования ицзинистики проблема его истолкования привлекала к себе самое пристальное внимание исследователей, результатом чего явилось создание комплекса представлений о внутренней структуре ГГ и отношениях между составляющими ее графемами. По словам Лю Дацзюня, «...в древности не было редким явлением простое игнорирование содержания поясняющего комментария к ГГ и получение результирующего заключения только на основе ее графического образа, что, кстати, успешно практиковалось в постдревний период китайской истории» [23: с. 153].

Третий круг вопросов связан с определением ключевой глоссы для составления ответа на заданный оракулу вопрос, поскольку в результате мантической операции мы можем получить не одну, а семь ситуаций. Мыслители эпох Хань и Тан не

обращали особого внимания на проблему отношения изменяющихся и неизменных графем в процессе гадания. И только в эпоху Сун один из основателей неоконфуцианства Чжу Си попытался внести в этот вопрос некоторую ясность. По его версии:

1) если все шесть графем ГГ оказываются неизменными, тогда гадают по объяснительному тексту к ГГ. При этом внутренняя ТГ называется «*чжэнь*» («нижней»), а внешняя – «*хуэй*» («верхней»);

2) если в ГГ только одна изменяемая графема, тогда предсказание делают на основе пояснительного текста к этой изменяющейся графеме;

3) если в ГГ две изменяемые графемы, тогда предсказание делают на основе пояснительного текста к обоим изменяющимся графемам, но при этом главной графемой считают ту, которая расположена выше;

4) если в ГГ три изменяемые графемы, тогда предсказание делают на основе пояснительных текстов ГГ, которые примыкают к исходной: при этом исходную ГГ считают «нижней», а примыкающие к ней – «верхними». В свою очередь, примыкающие ГГ делятся на десять предшествующих, которые считаются «нижними», и десять последующих, которые считаются «верхними»³⁸.

5) если в ГГ четыре изменяемые графемы, тогда предсказание делают на основе пояснительного текста к двум неизменным графемам, при этом главной графемой считают нижнюю;

6) если в ГГ пять изменяемых графем, то предсказание делают на основе пояснительного текста к неизменной графеме;

7) если в ГГ шесть графем изменяемы, тогда гадают по ГГ «двойного назначения» – ГГ «Цянь» и ГГ «Кунь», пояснительные тексты к которым дают основание для предсказания всем остальным ГГ [23: с. 114–115].

Предложенная Чжу Си система достаточно полно и ясно отвечает на вопрос о способе интерпретации ГГ, облакает мантическую операцию в некую устойчивую форму и снимает весьма существенную проблему выбора ключевого афоризма. Но, вместе с тем, она имеет весомый недостаток,

³⁸ «Каждая ГГ, в структуру которой входит три изменяемых графемы, может в результате превращений дать 20 производных ГГ: «десять предшествующих ГГ» – это те, у которых первая графема неизменна, а «десять последующих ГГ» – это те, у которых первая графема изменяется. Когда осуществляют превращение ГГ внутри десятки предшествующих, тогда предсказание делают на основе пояснительного текста «Туань» («Туань чжуань» – один из комментариев, составляющих «Чжоу и да чжуань». – Ю.С.) к основной ГГ. Когда же осуществляют превращение ГГ внутри десятки последующих, тогда упор делают на пояснительный текст «Туань» к производной ГГ... Подчеркнем, что в древних текстах мы не находим подтверждения данным разъяснениям Чжу Си» [23: с. 115].

почти полностью нейтрализующий ее видимые достоинства, поскольку не подкреплена соответствующей аргументацией, в качестве которой в данном случае могла бы выступить только ссылка на авторитет поколений, близких к создателям канона. Если бы Чжу Си было установлено, что при интерпретации ГГ древние руководствовались принципами, которые он описал, то это могло стать достаточным основанием достоверности предложенной им системы. Но она, напротив, не только не соответствует, но прямо противоречит сложившейся в эпоху Чуньцю-Чжанго практике гадания, так как ни в одном из сохранившихся в «Го юй» и «Цзо чжуань» примерах мантического употребления ГГ не содержится и намек на то, что древние придерживались вообще какого-либо принципа в этом вопросе, не говоря уже о правилах, постулируемых основателем неоконфуцианства. Поэтому система Чжу Си не получила сколь-либо широкого распространения и в многовековой истории ицзинистики осталась лишь одной из самых удачных попыток формализации мантической операции *ши*.

Множество китайских мыслителей, живших после Чжу Си, пытались найти рационалистическое объяснение гаданию по гексаграммам «Книги Перемен», не прекращаются эти попытки и в наше время, что свидетельствует о постепенном росте рефлексивных факторов в когнитивной деятельности ментальной информационной системы. Но их изложение уже не имеет особого смысла, поскольку сделанного нами обзора вполне достаточно для подтверждения тезиса о том, что адекватность или неадекватность мантического прогноза не зависит от соблюдения предсказателем формальных правил. Об этом свидетельствуют параллельное существование нескольких различных способов составления гексаграмм, сосуществование в ицзинистике различных и во многом расходящихся между собой способов интерпретации ГГ, в результате применения которых один символ мог иметь прямо противоположные аттестации, и афористический, малопонятный уже в древности текст глоссы, допускающий предельно широкий диапазон толкований.

Можно также утверждать, что история ицзинистики в части исследования мантического ритуала *ши* представляет собой постоянное стремление к его рационализации, стремление, по существу, бесплодное, поскольку ни одна из предложенных формальных схем не увеличивала степени достоверности результирующего заключения. От глубокой древности к средневековью постоянно увеличивалась степень мистифицированности гексаграммы, она постепенно превращалась из символа, знака природы в некоторую самостоятельную трансцендентную сущность, имеющую собственный глубокий смысл, правильное извлечение кото-

рого якобы позволяло получить истинное знание о грядущем. И если результатом рационализации теоретических принципов «Книги Перемен» и элементов первобытного мышления в области медицины стало возникновение китайской науки, то эволюция мантического ритуала *ши* есть не что иное, как превращение изначально весьма примитивного способа гадания в паранауку – рационализируясь и приобретая формальные признаки научности, китайская мантика утрачивает ее главный принцип – натуралистичность.

Выводы

Теоретическая мысль древнего и средневекового Китая многогранна и неоднородна. Но, подобно аристотелевской логике в Европе, ее объединяет и цементирует единое основание – «учение о символах и числах», – формальная методология классической китайской философии и культуры, исходной текстологической экспликацией которой является «Книга Перемен». Рациональность «учения о символах и числах» существенно отличается от рациональности аристотелизма [29], но чем пристальней вглядывается европейская цивилизация в цивилизацию Древнего Китая, тем понятней становятся принципы организации духовной культуры последней, в том числе генезис и структура науки.

Так же, как и в Европе, процесс генезиса научного знания в Китае был длительным и неоднородным. Он состоял не только в теоретической организации эмпирических данных и формировании научных концепций, но также в переосмыслении и рационализации традиционных форм духовной культуры. Одной из таких форм был мантический ритуал *ши*, прошедший от момента возникновения в эпоху Чжоу до эпохи Сун длительный путь усложнения и формализации. Но в отличие, например, от *чжэнь-цзю* терапии этот путь не был путем улучшения, движением по пути совершенства. Рационализация мантического ритуала *ши* не повышала степень достоверности результирующего заключения, а лишь придавала ему наукообразную форму, необходимую для сохранения авторитета среди правителей и ученых. На пике своей рационализации мантический ритуал *ши* превратился в некое подобие европейской астрологии: стал таким же специализированным, заумным и далеким от реального положения дел. И подобно астрологии так и не смог стать наукой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванденко, В.А. Интерпретация категориального аппарата традиционной китайской медицины в контексте европейской науки (статья первая: категории *цзин* и *ци*) / В.А. Ванденко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1. – С. 142–151.
2. Вильгельм, Р. Понимание «И цзин»: сб. / Р. Вильгельм, Г. Вильгельм. – М.: Алетея, 1998. – 208 с.
3. Давыдов, С.Д. О порядке ГГ в «Книге перемен» / С.Д. Давыдов // Общество и государство в Китае: 19-я науч. конф. Ч. 1. – М., 1980.
4. Долин, А.А. Кэмпо – традиция воинских искусств / А.А. Долин, Г.В. Попов. – М.: Наука; Вост. лит., 1990. – 432 с.
5. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. – М.: Наука; Вост. лит., 1990. – 523 с.
6. Дубровин, Д.А. Трудные вопросы классической китайской медицины / Д.А. Дубровин. – Л.: Аста-Пресс, 1991. – 227 с.
7. Духовная культура Китая: энцикл. В 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006–2009.
8. Зинин, С.В. Мантические ритуалы *бу* и *ши* в эпоху Чунь цю (VIII–V вв. до н. э.) / С.В. Зинин // Этика и ритуал в традиционном Китае: сб. ст. – М.: Наука; Вост. лит., 1988. – С. 155–172.
9. Зинин, С.В. Между универсализмом и релятивизмом: Натан Сивин в поисках китайской науки / С.В. Зинин // Восток. – 1997. – № 6. – С. 111.
10. И цзин. «Книга перемен» и ее канонические комментарии: пер. с кит. / предисл. и примеч. В. М. Яковлева. – М.: Янус-К, 1998. – 266 с.
11. Китайская философия: энцикл. слов. – М.: Мысль, 1994. – 573 с.
12. Кобзев, А.И. Гадания по «Канону Перемен» / А.И. Кобзев // Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга Перемен». – М.: Наука; Вост. лит., 1993. – С. 520–525.
13. Кобзев, А.И. Китайская книга книг / А.И. Кобзев // Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга Перемен». – М.: Наука; Вост. лит., 1993. – С. 8–49.
14. Кобзев, А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии / А.И. Кобзев. – М.: Наука, 1994. – 432 с.
15. Кроль, Ю.Л. Проблема времени в китайской культуре и «Рассуждения о соли и железе» Хуань Куаня / Ю.Л. Кроль // Из истории традиционной китайской идеологии. – М.: Наука; Вост. лит., 1984. – С. 53–127.
16. Крушинский, А.А. Исследования логической мысли Древнего Китая: тупики и выходы. В 2 ч. Ч. 1. Историография проблемы / А.А. Крушинский // Вопросы философии. – 2015. – № 4. – С. 170–184.
17. Крушинский, А.А. Исследования логической мысли Древнего Китая: тупики и выходы. В 2 ч. Ч. 2. Логика «И-цзиня» / А.А. Крушинский // Вопросы философии. – 2015. – № 10. – С. 163–180.
18. Крушинский, А.А. Логика Древнего Китая / А.А. Крушинский. – М.: ИДВ РАН, 2013. – 382 с.
19. Лейбниц, Г.В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления / Г.В. Лейбниц. – М.: ИФ РАН, 2005. – 404 с.
20. Ли цзи. Учение о середине / Ли цзи / Древнекитайская философия: собр. текстов. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1973. – С. 119–136.
21. Линь, Хоушэн. Секреты китайской медицины: 300 вопросов о цигуне / Линь Хоушэн, Ло Пэйюй. – Новосибирск: Наука, 1995. – 410 с.
22. Лукьянов, А.Е. Дао «Книги Перемен» / А.Е. Лукьянов. – М.: ИНСАН, РФК, 1993. – 240 с.
23. Лю, Дацзюнь. «И цзин» и историко-философская традиция древности и средневековья / Лю Дацзюнь. – М.: ИФ РАН, 1992. – 157 с.

24. *Меньшиков, Л.Н.* Из истории китайской книги / Л.Н. Меньшиков. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ин-та истории РАН «Нестор-История», 2005. – 324 с.
25. *Месаксуди, К.* О критерии расположения ГГ в порядке Вэнь-вана / К. Месаксуди // Общество и государство в Китае : 25-я науч. конф. – М., 1994.
26. Мэн-цзы // Древнекитайская философия : собр. текстов. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – С. 225–247.
27. *Нэвилл, Р.* Китайская философия в современном мире / Р. Нэвилл // Проблемы Дальнего Востока. – 1996. – № 4. – С. 49–56.
28. *Равич-Щербо, И.В.* Психогенетика / И.В. Равич-Щербо, Т.М. Марютина, Е.Л. Григоренко. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 447 с.
29. Рационалистическая традиция и современность. Китай. – М.: Наука; Вост. лит., 1993. – 207 с.
30. «Сицы чжуань» // Лукьянов А.Е. Дао «Книги Перемен». – М.: ИНСАН, 1993. – С. 204–229.
31. *Сердюков, Ю.М.* Альтернатива паранауке / Ю.М. Сердюков. – М.: Академия, 2005. – 312 с.
32. *Степугина, Т.В.* Первые государства в Китае / Т.В. Степугина // История древнего мира. Кн. 1. Ранняя древность. – М.: Наука; Вост. лит., 1989. – С. 401–444.
33. *Стулова, Э.С.* Даосская практика достижения бессмертия / Э.С. Стулова // Из истории традиционной китайской идеологии : сб. ст. – М.: Наука, 1984. – С. 230–271.
34. *Ткаченко, Г.А.* Космос, музыка, ритуал: Миф и эстетика в «Люйши чуньцзо» / Г.А. Ткаченко. – М.: Наука; Вост. лит., 1990. – 284 с.
35. *Ткаченко, Г.А.* Хаос и космос в традиционной китайской космологии и антропологии / Г.А. Ткаченко // Бог-человек-общество в традиционных культурах Востока. – М.: Наука; Вост. лит., 1993. – С. 30.
36. *Торчинов, Е.А.* Религиозная доктрина даосизма: учение о бессмертии и путях его обретения / Е.А. Торчинов // Чжан Бо-дуань. Главы о прозрении истины (У чжэнь пянь). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1994. – С. 7–53.
37. Трактат желтого императора о внутреннем : пер. Б. Виноградский. – М.: Чিতра, 2002. – 288 с.
38. Трактат «Шо гуа» из «И цзин» («Книга Перемен») // Человек как философская проблема: Восток-Запад. – М.: Изд-во УДН, 1991. – С. 239–249.
39. *Фалев, А.И.* Классическая методология традиционной китайской чжэн-цзю терапии (иглоукальвание и прижигание) / А.И. Фалев. – М.: Прометей, 1991. – 199 с.
40. *Филонов, С.В.* Даосская концепция жизни / С.В. Филонов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 1. – С. 86–96.
41. *Филонов, С.В.* Золотые книги и нефритовые письмена: даосские письменные памятники III–VI вв. / С.В. Филонов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. – 656 с.
42. *Хуань, Куань.* Спор о соли и железе (Янь те лунь). В 2 т. : пер. с кит., коммент. и прил. Ю.Л. Кроля / Хуань Куань. – М.: Вост. лит. РАН, 2001. – 407 с.
43. *Чжан, Бо-Дуань.* Главы о прозрении истины (У чжэнь пянь) : пер. с кит., предисл. и коммент. Е.А. Торчинова / Чжан Бо-Дуань. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1994. – 346 с.
44. Шу цзин // Древнекитайская философия : собрание текстов. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – С. 100–113.
45. *Щуцкий, Ю.К.* Китайская классическая «Книга Перемен» / Ю.К. Щуцкий; под ред. А.И. Кобзева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука; Вост. лит., 1993. – 606 с.
46. Этика и ритуал в традиционном Китае : сб. ст. – М.: Наука; Вост. лит., 1988. – 331 с.
47. *Яковлев, В.М.* К вопросу об истоках последовательности чисел-символов (*гуа*) в мавандуйском варианте «Книги Перемен» / В.М. Яковлев // Общество и государство в Китае : XXXIX науч. конф. / Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост. лит., 2009. – 502 с.
48. *Яковлев, В.М.* Предисловие к публикации / Лейбниц Г.В. Рассуждения о религии и философии в Китае. Письмо о китайской философии Николаю Ремону / В.М. Яковлев // Вопросы философии. – 1999. – № 12.
49. *Яковлев, В.М.* Принцип последовательности гуа чжюской «Книги Перемен» / В.М. Яковлев // Общество и государство в Китае : XXXVII науч. конф. – М., 2007. – С. 144–151.
50. *Ян, Цзюньмин.* Корни китайского цигун. Секреты успешной практики / Ян Цзюньмин. – М.: София, 2004. – 336 с.
51. *Ян, Цзюньмин.* Секреты молодости: Цигун изменения мышц и сухожилий. Цигун промывания костного и головного мозга / Ян Цзюньмин. – К.: София, 1997. – 272 с.
52. *Яншина, Э.М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии / Э.М. Яншина. – М.: Наука; Вост. лит., 1984. – 248 с.
53. *Cheng, Chung-ying.* Greek and Chinese Views on Time and the Timeless / Cheng Chung-ying // Philosophy East and West. – Honolulu, 1974. – Vol. 24. – № 2. – April. – P. 155–159.
54. *Granet, M.* Chinese Civilisation / M. Granet. – N.Y. : Meridian Books, 1960. – 508 p.
55. *Larre, Claude.* The Empirical Apperception of Time and the Concept of History in Chinese Thought / Claude Larre // Cultures and Time / The UNESCO Press. – Paris, 1976. – P. 35–62.
56. *Liu, Shu-hsien.* Time and Temporality: The Chinese Perspective / Liu Shu-hsien // Philosophy East and West. – Honolulu, 1974. – Vol. 24. – № 2. – April. – P. 145–153.
57. *Liu, Da.* I Ching Numerology: Based on Shao Yung's Classic «Plum Blossom Numerology» / Liu Da. – N.Y. : HarperCollins Publishers, 1979. – 145 p.
58. *Reifer, S.* I Ching: a new interpretation for modern times / S. Reifer. – Toronto; New York: Bantam Books, 1974. – IV. – 279 p.
59. Science and Civilisation in China. Vol. 1. Introductory Orientations / ed. by J. Needham. – Cambridge University Press, 1954. – 374 p.
60. Science and Civilisation in China. Vol. 2. History of Scientific Thought / ed. by J. Needham. – Cambridge University Press, 1956. – 696 p.
61. Science and Civilisation in China. Vol. 6. Biology and Biological Technology. P. 4, Traditional Botany: An Ethnobotanical Approach / ed. by Georges Metaillie. – Cambridge University Press; Bilingual edition, 2015. – 788 p.
62. *Sivin, N.* Cosmos and Computation in Early Chinese Mathematical Astronomy / N. Sivin // T'oung Pao. – 1969. – Vol. 55. – Livr. 1–3.
63. The I ching; Book of changes. The Richard Wilhelm translation rendered into English by Cary F. Baynes. Foreword by C. C. Jung. – Pref. to the 3d ed. by Helmut Wilhelm. – Princeton, 1967. – XII. – 740 p.
64. *Takei, F.* Genre Theory in China in the 3rd–6th Centuries (Liu Hsieh's Theory on Poetic Genres) / F. Takei. – Budapest, 1971. – P. 135–145.
65. *Wang, J.C.Y.* The Cyclical View of Life and Meaning in the Traditional Chinese Novel / J.C.Y. Wang; etudes d'histoire et de Literature chinoises offertes au Professeur Jaroslav Prusek. – P., 1976.

РОССИЯ–КИТАЙ: ПРИОРИТЕТЫ «ЭКОЦЕНТРИЗМА» НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

М.П. Арутюнян

Арутюнян Маргарита Павловна – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: mpa@email.su

Автор обсуждает проблему антропомерного и экоцентричного векторов развития современной цивилизации. Анализирует экзистенциальную природу экологических рисков и экологических мифов; рассматривает модели ментального и практического опыта России и Китая на пути воссоздания и конструирования цивилизационных ценностей «экоцентризма» и культурных основ новой экоцентричной, экологической цивилизации; обращается к потенциалу глубинной экологии культуры дзен-буддизма и глубинной онтологии в обосновании природы экополиса как «мира малого».

Ключевые слова: культура, цивилизация, глобализация, кризис идентификации, «экоцентризм», экологическая цивилизация, экополис, «мир малого», экологические риски, традиция, дзен-буддизм, целостное мировоззрение.

Современность многогранна и многолика. Наше время именуют по-разному: веком индустрии, научно-технической цивилизации, атомным веком; обществом досуга, информационным обществом; временем функциональной дифференциации; эпохой создания эпох; постконвенциональным, постевропейским веком; эпохой пост- и даже – постпостмодерна. Эта многоименность, как справедливо отмечает Одо Маквард, «...косвенно выраженная безымянность: наше время, наш мир испытывает кризис ориентации» [32: с. 29–45], *глубочайший кризис идентификации*. Выход из этого кризиса становится величайшей «заботой» (М. Хайдеггер) современной цивилизации. Преодоление растерянности и поиски «себя в мире» побуждают человека к самоанализу, к рефлексивному изучению «рисков» и «парадоксов бытия», к конструированию новых, онтологически емких и социально обоснованных моделей единения формообразований культуры и цивилизации. Именно таковым представляется ментальный дискурс «экоцентризма» и обоснование в его контекстах понятия *экоцентричной цивилизации*, проясняющее возможности гармонизации миров бытия и дальнейшего пути саморазвития человечества.

Проблема антропомерного и экоцентричного векторов человеческого Пути. Видный общественный деятель, основатель и первый президент Римского клуба Ауреллио Печчеи, в свое время остро обеспокоенный нарастанием глобальных проблем техногенной цивилизации, ее безудержной экспансией в мир природы, а также естественной ограниченностью ресурсов природы, обратился в докладах Римскому клубу с «воззваниями» ко всем людям планеты. Поставив еще в 70-х гг. двадцатого столетия вопрос «пределов роста», он развернул главную тему инновационного цивилизационного дискурса,

связав ее с ключевой, как оказалось, проблемой на этом пути – *«человеческих качеств»*. Обратил внимание на то, что именно те системные связи цивилизации, которые непосредственно зависят от человека, начинают играть в эпоху глобальной взаимозависимости свою решающую роль [20; 10: с. 794–796]. Перед человеческим разумом была поставлена глобальная проблема осознания необходимости и возможного осуществления кардинальной смены сложившихся приоритетов саморазвития цивилизации, по существу – утверждения *новой мировоззренческой идеи человечества*, связанной с «воссозданием» в жизнедеятельности форм *целостного мировоззрения*, т.е. гармонизации «духовного» и «практического» человеческой экзистенции, «реанимации» основательно трансформированного реалиями техногенной цивилизацией онтологически целостного исходного отношения «человек – мир (мир природы)»; переориентации человечества на путь *экоцентричного и антропомерного* векторов саморазвития цивилизации. Выбор приоритетных контекстов осмысления, форм, способов и механизмов решения этой задачи, а также меры озабоченности самой проблемой и степень вовлеченности сообщества в поиск оптимальных путей ее решения определяются многими факторами, в том числе ценностными установками, методологической ментальностью и активностью самих субъектов – социокультурных творцов действительной политики и истории.

На сегодняшний день в интерпретации экоцентричного вектора человеческого Пути и в прояснении понятий экоцентричной, экологической цивилизации уже сложились определенные подходы и сформировалась определенная традиция. Она касается обсуждения «ноосферных проектов социоприродной эволюции» [19]; вопросов «коэволюции человека и мира природы»; осмысления характера,

сущности, назначения и закономерностей становления экологической цивилизации [23]. Заметное место в этом дискурсе стала занимать и методологическая позиция обоснования цивилизационного статуса культур традиционных этносов, в том числе малочисленных народов Дальнего Востока [4; 9; 21; 22]. Обосновывается не только значение их опыта гармоничного бытия человека в мире и с миром Природы, но и их значимость для самосохранения и дальнейшего развития человеческой цивилизации в целом¹. Сложилось на этом пути и определенные рефлексивные подходы. Пожалуй, их различия не стоит оценивать мерой жесткости альтернатив складывающихся оппозиций. Скорее в их характеристиках, оценках и определениях самого феномена экоцентричной цивилизации можно увидеть точки рефлексивного роста на пути углубления его понимания – от исключительности акцентов на социально-экономических, технолого-производственных, политико-управленческих и правовых (несомненно, важных и значимых) аспектах изучения к ценностным аспектам *культуроемкого, антропомерного и мировоззренческого* содержания феномена.

Как правило, в первом направлении реализуются программы «устойчивого развития» в трех важнейших его составляющих – экономического роста, социального прогресса и сохранения окружающей среды [23: с. 8]. Заметим, что изначально понятие экологической цивилизации было введено в Китае именно для обозначения практических шагов человеческого сообщества на пути к ресурсосберегающему устойчивому развитию. Именно в данном контексте стали обсуждаться вопросы социальной экологии, социального строительства, экономических барьеров, эколого-экономической оценки природных ресурсов, вопросы экологического мониторинга, экологической политики, развития экологически чистых производств, экологизации потребления и т.д. [23]. Примечательно и то, что анализируя ситуацию в Китае и поднимая дальнейшие вопросы становления экоцентричного вектора развития современной цивилизации, Хе Цзенке рефлексивно связывает эти процессы не только с улучшением экологической среды, развитием эко-

логической экономики и приоритетами социалистической экологической цивилизации, но и с формированием в социуме состояний духовной гармонии с природой, уважения к природе, с развитием экологического образования, экологической культуры и экологической этики [23: с. 7]. Эти ценностные ориентиры постепенно становятся общезначимыми, характеризуют они и тенденции становления экологического сознания в России.

Вместе с тем на этом общем пути возникают новые сложные, не лежащие на поверхности восприятия проблемы, требующие своего философско-методологического осмысления. Прежде всего возникает вопрос, почему для самоутверждения экоцентричного вектора развития цивилизации становятся все более и более значимыми не только политические и идеологические установки, но и базовые основания мировоззренческой парадигмы сознания? Каковы основания размежеваний двух основных подходов к осмыслению становления экологической цивилизации – с одной стороны, доминанты технологических ориентиров и культуроемких, антропомерных – с другой. И, наконец, в каких формах и каким образом в XXI в. оживают формообразования целостного мировоззрения? Каково их место, значение в становлении экологической цивилизации? Как оживают традиции культурно-исторических типов целостного мировоззрения в условиях глобального мира?

Начнем с того, что в когнитивном аспекте феномен экоцентричной, экологической цивилизации представляет собой ментальное формообразование, особый идеальный конструкт, своеобразную модель, призванную зафиксировать настоящее человеческой цивилизации сквозь опыт и уроки прошлого в векторах будущего, т.е. дальнейших перспектив гармоничного саморазвития человечества и возможностей его бытия в глобальном мире. Такая цивилизация призвана задать приоритетные цели и ценности на пути комплексного преодоления сложившихся цивилизационных кризисов, рисков и «разрывов» бытия [2: с. 206–249; 8; 11], определить векторы целостного саморазвития и гармонизации его миров (природного, социального, знаково-символического универсума – мира культуры). Важно обозначить и тот факт, что строителем будущего, этих миров является сам человек [5; 6]. И осуществить это «эпохальное» строительство, преодолевающее «глобальные цивилизационные риски», он может и должен в реальности своей собственной жизнедеятельности – сфере повседневности. Сам человек становится творцом и одновременно мерой утверждения в бытии ценностей экологического вектора развития цивилизации.

Основополагающей методологической установкой в понимании ориентиров этого пути видит-

¹ Интересна в этом плане работа А.И. Субретто «Устойчивое развитие человечества и России в XXI в. в контексте проблемы сохранения этнокультурного и биологического разнообразия арктических регионов России» [9: с. 224–237]. Автор обосновывает, что культурное и биологическое разнообразие арктических регионов Земли в целом и арктических регионов Российской Федерации «...выполняет функцию сохранения не только механизма экологической самоочистки биосферы на глобальном уровне..., но и "генома" северных народов, без которого невозможно прогрессивное развитие "генома человечества" как хранилища наработанных популяционно-генетических механизмов адаптации к разным природным средам на Земле» [9: с. 236].

ся ключевая идея онтологической целостности «культура – цивилизация». В своем сущностном выражении культура и цивилизация неразрывны и представляют собой взаимодействующие формы проявления целостности бытия общества. Эти два основополагающих модуса социального бытия задают векторную направленность его саморазвития. Цивилизация как социальный организм, дочерний по отношению к культуре, удерживает и определяет своим саморазвитием соответственный набор культурных программ, «рабочих чертежей», обращенных в первую очередь к *практическим* потребностям и интересам человека. Проекты цивилизационного развития реализуются в облике самодостаточного и уникального общественного организма. По своему происхождению и в своей сущностной основе цивилизация, как отмечается в исследованиях, предстает, прежде всего, средством социальной интеграции общества разделенного труда и охватывает по преимуществу материальную, урбанистическую культуру. Соответственно в истории человечества практически все феномены цивилизации функционально «...служили либо целям социальной интеграции, либо были точками ее приложения» [12: с. 3–5, 185].

Напротив, особенность культуры, проявляющаяся во всех формах ее социального бытия и цивилизационного саморазвития, – это самосохранение в социуме глубоко личностного и персонифицированного начала. Культура ответственна за непрерывное воспроизводство и самосохранение целостности социума и его «человеческого лица». Культура, по меткому определению В. Селиванова, есть «система способов и результатов утверждения человеческой сущности посредством деятельности». Своей активной деятельностью (познавательной, коммуникативной, предметной) человек вписывается в бытие и утверждает в нем свой особый мир – мир ценностей и апробированные историческим опытом жизнедеятельности человечества основания проективного, созидającego идеалотворчества. Таким образом, антропологическое измерение является стержнем культуры. И она, как справедливо утверждает М. Мамардашвили, есть «усилие человека быть». Культура заявляет себя в социальном бытии, прежде всего, в качестве «антропомерных» миров «локального».

Однако именно «цивилизационная» составляющая целостности бытия заметно раздулась в современном мире; стала в мире глобализации визитной карточкой гипертрофированного самовыражения «социального» понятиями «техногенная культура» и «индустриальная цивилизация». Миры «малого» и «локального» в условиях глобализации либо ассимилируются, либо раскрывают свой собственный потенциал, обретая новые черты и новые уникаль-

ные функциональные назначения [3; 4; 7–9; 25]. Итак, проблема целостности «культура – цивилизация» весьма и весьма актуальна, более того, становится сегодня в своей реализации большой практической заботой. Обсуждая тему сознания и цивилизации, М. Мамардашвили следующими словами обозначает «болезненный нерв» своих переживаний и размышлений: «Это – ощущение, что из всего множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX век, одной главной и часто скрытой от глаз рассудка является *антропологическая* катастрофа... Я имею в виду событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в прямой зависимости от разрушения или отсутствия цивилизационных основ процесса жизни и общения...» [15: с. 95].

Цивилизационный кризис, экологические риски и глубинная экология. Заявленный в научном творчестве Ульриха Бека мыслеобраз «общество риска» оказался фундаментальной лексемой и метафорой современной цивилизации. Глобальные риски современности системны, взаимообусловлены и сами составляют определенную целостность [8]. *Экологические риски* в этой системе обретают особое место и значение. Они обращены к насущным заботам повседневности и одновременно к глубинным основаниям бытия человека в мире, включающем его собственную природу. Вместе с тем не так ясны и очевидны сами пути преодоления стихии саморазрушения человека и нарушений его онтологической целостности с природой. Дело в том, что сами риски не лежат на поверхности, адекватно не рефлексированы здравым смыслом, напротив, несут в себе «скрытые угрозы» человеку мира повседневности, угрозы, порождающие экзистенциальные страхи. Риски рефлексированы, как показал У. Бек, на уровне специализированного сознания экспертами. Они изучаются, обобщаются и могут фиксироваться в качестве производственных, социально-экономических и политических управленческих рекомендаций (это и составляет предметность технологической составляющей осмысления феномена экологической цивилизации). Однако риски, как правило, не улавливаются вектором осознанной личностной тревоги и заботы простым человеком в его повседневной жизни.

В условиях утраты целостности мировоззрения как миропонимания и мироотношения, господства в техногенном социуме разнообразных форм отчуждения, разрывов бытия, нарушений гармонии форм коммуникации страхи, порождаемые глобальными, в том числе экологическими, рисками, оказываются абстрактными. Они формально отстранены от насущных забот человека, его повседневных действий, его ценностных ориентаций, а

потому не становятся непосредственным стимулом и мотивом деятельности. Такая «превращенная» форма отношения к риску, с одной стороны, и объективная невозможность аутентичного бытия человека в состояниях перманентного и к тому же «абстрактного» страха, с другой, включает защитные механизмы самосохранения психики. И преодоление личностных страхов в отношении, к примеру, глобальных экологических рисков может идти по той же абстрактной и «превращенной», весьма поверхностной схеме: «меня и моих близких это не коснется»; «это слишком отдаленная перспектива»; «природных ресурсов на наш век хватит»; «исключительно искусственный, в том числе виртуальный мир – визитная карточка и сущее современной эпохи» и т.д. Во многом способствуют утверждению и закреплению подобных состояний сознания, как и восприятия экологических рисков, масштабно распространяющиеся цивилизационной коммуникацией так называемые экологические мифы [14]. Таким образом, личностное отношение к экологическим рискам в условиях повседневной стихии неуправляемого экологическим разумом социума способствует умножению состояний экологического кризиса, упрочения экологических рисков и экологических мифов повседневности. О безуспешности выхода из экологического кризиса исключительно техническими средствами, если общество не будет преобразовывать самое себя, свою нравственность, менталитет, понимание, писал в свое время Н. Моисеев.

В культуре Китая, где удерживаются цивилизационные ценности оснований глубинной экологии, воспроизводящиеся в культуре через традиции мировоззрения Востока, данная проблема не стоит так остро, как она заявляет себя сегодня в развитии западно-европейской цивилизации². Единство человека и мира, «духа человека» в традиции Востока раскрывают основы мировоззрения Дзен, обращенного к простому непосредственному, личному опыту. Внутренний духовный опыт без всякого сверхъестественного посредничества позволяет человеку обре-

сти, обнаружить в себе (в результате интуитивного постижения целого, «борения души», личного переживания, помощи учителя) «просветление» (ануттара-самьяksam-бодхи), называемое «сатори». Сатори является альфой и омегой дзен-буддизма, раскрытием «новой истины», способности по-новому смотреть на жизнь. «Сатори можно определить, – пишет Д.Т. Судзуки, – как интуитивное проникновение в природу вещей, в противоположность аналитическому или логическому пониманию этой природы. "Сатори" представляет нам весь окружающий мир в совершенно неожиданном ракурсе. Это – таинство и чудо, но, по словам учителей Дзена, оно происходит каждый день. Таким образом, познать "сатори" можно, только один раз испытав его» [24]. И, несмотря на то, что для установления гармонии с природой в мировоззрении Дзен приветствуется поведение *увей* – «недеяния», оно предполагает, по существу, «активное деяние» в самосовершенствовании человека – его тела и его духа. И через эту активность, обращенную к себе, через «делание себя» соответственно строгим правилам и нравственным нормам коммуникации – глубинной экологии (экологии тела и духа человека) – выстраивается отношение к миру, к другому человеку.

Тем самым дзен-буддизм в контекстах культурной традиции целостности бытия человека-в-мире с необходимостью воспроизводит основания онтологического «глубинной экологии» и возможности гармоничного восприятия миром повседневности эгоцентричного вектора развития современной цивилизации. Мировоззрение Дзен, несомненно, отлично от традиции западной ментальности, онтологически разделившей субъект и объект, сделавшей ставку в эпистемологии на понятийное логическое мышление, приоритеты рефлексивного пути познания, гиперактивности субъекта в его отношении к миру. Отрицается культурой Дзен и образ «догматичной», «книжной вторичности познания». Ей противостоит непосредственное восприятие реальности, передача знания без помощи слов³. Бессознательные психические возможности рассматриваются как дар Природы; и когда он входит в силу, что, без сомнения, происходит в состоянии *сатори*, это и есть ответ Природы, которой удается передать свою реакцию непосредственно сознанию, полагают ее (культуры Дзен) адепты.

² Ссылаясь на известные работы С. Кьеркегора, К. Маркса, Ф. Ницше, Л. Мэмфорда, П. Тиллиха и др., обращенные к проблемам кризисного саморазвития цивилизации, Э. Фромм со своей стороны ставит вопрос о «неосознаваемых переживаниях кризиса западной культуры в различных формах психических состояний человека», таких как «недомогание» («malaise»), «скука» («ennui»), «болезнь века» («maladie du siècle»), жизненная апатия, автоматизация человека, его отчуждение от самого себя, от другого человеческого существа, от природы [28]. Обсуждая проблему путей преодоления духовного, антропологического кризиса западной культуры, он обращается к экзистенциальному потенциалу психоанализа и сопоставляет его с восточной культурой, в частности с мировоззрением Дзен. Дзен-буддизм стал, по оценкам специалистов, квинтэссенцией мировоззрения Востока и, что составляет особый интерес для нашего исследования, рефлексии экологической цивилизации.

³ В процессе духовного обучения Дзен, кроме традиционных образцов, широко применяется методика *коанов*. Коан – парадоксальный вопрос, выражение или жест учителя. Это объект для медитации. Цель такого познания – полное разрушение рассудочного интеллекта – приводит к тому, что сознание лишается фундаментальных оснований. Сознание Дзен, по Сузуки, как отмечает К. Юнг, является «мимолетным взглядом в бессознательное». То, как бессознательная природа ученика отвечает учителю или реагирует на коан, и есть *сатори* [28].

Понятие *экополиса* в контекстах глубинной онтологии как основания разумного преодоления экзистенциальных экологических рисков. Логика разума ищет свои пути гармонизации мира. И в этом плане диалог Россия – Восток – Запад имеет свой смысл и свою ценность для утверждения в жизни основоположений и принципов экоцентричного вектора развития цивилизации с позиций онтологической меры экзистенции, идеалоплагающей и обосновывающей «человеческое в человеке», «человеческое качество бытия в мире». Именно осознанная, понятая и принятая личностью стратегия преодоления глобальных рисков, а с ними и личностных страхов, о чем ранее говорилось, становится возможной в основаниях глубинной онтологии «озабоченного» «здесь-бытия» – *Dasein*, по М. Хайдеггеру, – как «сущего, которое в своем бытии *понимающе* относится к своему бытию». Соответственно вне данной мировоззренческой установки человек, не обретающий в своей повседневной жизни сущностной экзистенциальной «озабоченности» бытием, обретает личностный риск утраты человечности, сущего своего человеческого бытия [2]. Сказанное не означает, однако, что каждый человек обречен стать мыслителем, дабы сохранить и воссоздать в себе человечность и реализовать свое сущее в гармонизации окружающего мира. Поднятые вопросы скорее разворачивают предметность самоопределения человека – жителя мира глобальных рисков – в русло обсуждения вопросов онтологии «мира малого». И именно в этом дискурсе, на мой взгляд, наиболее отчетливо проясняются особенности и экзистенциальный потенциал целостностей локальных миров – устойчиво функционирующих форм, способных к самосохранению в бытийных границах, способных к саморазвитию в «сопряжении» с гармонизацией окружающей среды, стабилизацией ее системных связей. Таковы потенциалы этносов как носителей традиционной культуры [4]; таков и потенциал «экополиса»⁴ – культуро-

емкой цивилизационной модели экологизации городской среды [3; 7; 17], ментально и практически адресованной преодолению экзистенциальных экологических рисков, вызванных и цивилизационной стихией процессов урбанизации.

Первым основанием понимания онтологии экополиса как мира «локального» является понятие его «границы». С одной стороны, экополис – это социальный конструкт, и вписанный в современную цивилизацию, он открыт влиянию ее проблем, рисков, противоречий. Но, с другой стороны, экополис защищен от их разрушающих воздействий своей трансцендентностью – открытостью идеалам, «вечности», воссозданием образа самоценной природы, своей неразрывной связью с феноменами духовной культуры и науки. Потенциал культуры, таким образом, воссоздавая целостность «духовного» и «практического» мировоззрения в основаниях ментальности экополиса, «ограждает» экополис, повышая меру его устойчивости от нежелательных внешних воздействий. Тем самым «граница» не только задает горизонты свободы и автономии экополиса как особого социоприродного организма, – она сохраняет его от разрушающих воздействий агрессивной среды.

Другая важная сторона онтологии экополиса как «мира малого» заключена в том, что он открыт личностному миру человека и способен воссоздавать формы целостного мировоззрения. Именно через «малое», замечает Р. Рорти в своей книге «Случайность, ирония и солидарность», «действительность является каждому», происходит «упорядочивание» и «составление узоров из всевозможных малых вещей», именно в малых формах мы себя в мире реализуем. В своем антропологическом измерении и глубинном онтологическом прочтении экополис и предстает малой формой и одновременно значимым условием становления и проявления целостного мировоззрения, экзистенциально ответственного за гармонизацию миров человеческого бытия, прежде всего, «ментально-когнитивного», «духовного» и «практического» планов жизнедеятельности человека. В этом смысле экополис обладает потенциалом воспроизведения и демонстрации экзистенциального опыта человеческого бытия в его целостности – через ценностное практическое действия, через активизирующие это действие ментальные смыслы и художественные образы, через мысль и волю, эмоции и чувства, через мир воображения человека и его переживания. Экополис своеобразно культивирует хронотоп экзистенции, регулируя восприятие настоящего, устремленного в будущее через ключевые проблемы и опыт прошлого. Такова, на мой взгляд, онтологическая природа экополиса и таков его глубинный сущностный потенциал. Он с необ-

⁴ Понятие экополиса вводится и интерпретационно определяется Д.Н. Кавтарадзе и А.А. Брудным в контекстах концепции «сопряженного развития природы и общества», коммуникативного методологического подхода и логики конструктивизма. Будучи идеальным конструктом, теоретической моделью, экополис, по мнению авторов, – феномен и понятие, выражающее устремленность «к полноценной среде жизни человека и взаимно согласованные отношения общества с природной средой». «Экополис – это, прежде всего, отношение жителей между собой и с экосистемами». Идеальная модель экополиса, полагают авторы, «необходима людям для объединения вокруг образа желаемого будущего». Построить «универсальный экополис» невозможно, это локальный конструкт, элемент мира как системного целого. И, что не менее важно, человек экополиса – сам творец, строитель этого мира. Данные позиции, на мой взгляд, и дают основания корреляции экополиса с «миром малого», «локального» как онтологической целостностью [17].

ходимость раскрывается в сфере образования, в том числе в контекстах экологизации образования, становления экологической культуры и экологического мировоззрения [2: с. 249–294; 29; 30].

В заключение отмечу следующее: *своеобразным критерием глубокого мировоззренческого кризиса современности становится утрата мировоззрением его стержневого механизма – «оборачивания» моральной нормы общества в нравственный поступок человека.* В результате действительная жизнедеятельность человека (при кумуляции богатого потенциала человечности, накопленного опытом культуры) экзистенциально воспроизводит качества «одномерного» человека (Г. Маркузе), «индивидуализированного общества» (З. Бауман), «общества риска» (У. Бек), реалии «фрагментарного» мира и «лоскутной» (А. Моль) культуры. Очевидным парадоксом экзистенции становится и тот факт, что человек, вошедший своей исторической и «психологической топологией Пути» (М. Мамардашвили) в подобные состояния повседневности, не только не преодолевает, но даже не фиксирует и не пытается осознать этой своей «одномерности». В этих основаниях проявляется и суть современного кризиса самопознания, идентификации, кризиса образования человека.

В этом плане «антропомерный» конструкт «экоцентричности», экологической цивилизации, ориентированный на глубинный потенциал культуры и экологию самого человека – в контекстах целостного мировоззрения как единства «духовного» и «практического» человеческой экзистенции, – может формироваться на разных основаниях и разными путями, как в основаниях глубин исторического опыта, культурно-исторической памяти и традиции народа, так и в контекстах оптимистичных «ноосферных» проектов, моделирующих и воплощающих в жизнь цивилизационные основания гармонично-разумного будущего. Диалог культур и их консенсус на пути решения этих общечеловеческих глобальных задач становится необходимым и особо значимым. Таковыми видятся приоритеты «экоцентризма» на пересечении ценностей культуры и судеб современной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян, М.П. Восточные единоборства как модель целостного мировоззрения / М.П. Арутюнян // Философско-психологические аспекты восточных единоборств : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Хабаровск, Уссурийск, Владивосток, 15–19 мая 2013 г.) / под ред. О.А. Рудецкого. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2013. – С. 55–62.
2. Арутюнян, М.П. Феномен мировоззрения: историко-философский и методологический анализ : моногр. / М.П. Арутюнян. – Хабаровск : КГБНУК Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2016. – 336 с.

3. Арутюнян, М.П. Онтология «экополиса»: мировоззренческие проблемы экологизации городской среды / М.П. Арутюнян // Экология и безопасность жизнедеятельности города: проблемы и решения : материалы 5-й Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (23–24 августа 2016 г.) / под ред. А.С. Кудрявцева, Л.И. Никитиной. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2016. – С. 65–60.
4. Арутюнян, М.П. Онтология этноса как «мира малого» / М.П. Арутюнян // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 71–78.
5. Арутюнян, М.П. Современность: экзистенциальные парадоксы человеческого «присутствия» / М.П. Арутюнян // Человек, мировоззрение, культура в мире глобализации: проблемы, поиски, решения / под ред. М.П. Арутюнян. – Хабаровск : Изд-во ДВГУ, 2012. – С. 7–25.
6. Арутюнян, М.П. Целостность мировоззрения как форма проявления и экзистенциальная мера качества жизни / М.П. Арутюнян // Формирование мировоззрения как фактор оптимизации качества жизни : сб. науч. тр. / под ред. И.Ю. Маховой. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмПГУ, 2013. – С. 5–14.
7. Арутюнян, М.П. Экополис как «мир малого» в цивилизации глобальных рисков: методологический подход / М.П. Арутюнян // Государственное управление: Российская Федерация в современном мире : материалы XI Междунар. конф. (30 мая – 1 июня 2013 г.). – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013.
8. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика : пер. с нем. / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2007.
9. Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия. – М. : ИФ РАН, 2010.
10. Глобалистика : энцикл. / гл. ред. и сост. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М. : ЦНПП «Диалог»; Радуга, 2003.
11. Гуревич, П.С. Расколотасть человеческого бытия / П.С. Гуревич. – М. : ИФ РАН, 2009.
12. Клягин, Н.В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект) / Н.В. Клягин. – М. : ИФ РАН, 1996.
13. Корнеев, М.Я. Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур [Электронный ресурс] / М.Я. Корнеев, Е.А. Торчилов. – Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/torchinov/0/.
14. Лосев, К.С. Мифы и заблуждения в экологии / К.С. Лосев. – М. : Научный мир, 2010.
15. Мамардашвили, М. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы / М. Мамардашвили. – М. : Логос, 2004.
16. Малявин, В.В. Китайская цивилизация / В.В. Малявин. – М. : ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»; Астрель; АСТ, 2013.
17. Урбанизация – Экополис XXI в.: теория, практика, сценарии, модели // Государственное управление: Российская Федерация в современном мире : материалы XI Междунар. конф. (30 мая – 1 июня 2013 г.). – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013.
18. Налимов, В.В. На грани третьего тысячелетия: что мыслим мы, приближаясь к XXI веку / В.В. Налимов. – М. : Лабиринт, 1994.
19. Олейников, Ю.В. Ноосферный проект социоприродной эволюции / Ю.В. Олейников, А.А. Оносов. – М. : ИФ РАН, 1999.
20. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. – М. : Прогресс, 1985.
21. Проблемы межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России: история и современность : сб.

науч. тр. по итогам работы региональной науч.-практ. конф. с междунар. участием (23–24 сентября 2011 г.) / под ред. В.В. Романовой. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2011.

22. Салин, Ю.С. Эволюционный тупик. Конструктивизм европейской теории познания и глобальный системный кризис / Ю.С. Салин. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2006.

23. Социальная экология и развитие экологического сознания в России и Китае : сб. ст. / под ред. Н.Г. Скворцова, Хэ Цзенке. – СПб. : Астерион, 2013.

24. Судзуки, Т.Д. Наука Дзен – Ум Дзен / Т.Д. Судзуки. – К. : Пресса України, 1992.

25. Сыроедова, А. Мир малого. Опыт описания локальности / А. Сыроедова. – М. : ИФ РАН, 1998.

26. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М., 2008. – 474 с.

27. Хейзинга, Й. Тени завтрашнего дня. Человек культуры. Затемненный мир : эссе / Й. Хейзинга. – СПб., 2010. – 456 с.

28. Что такое дзен? : сб. : пер. с англ. / Э. Фромм, К.Г. Юнг, А. Уоттс, Р.Х. Блис. – Львов : Инициатива; Киев : Airland, 1994.

29. Arutyunian, M. «Ecologizing» Education in Russia / M. Arutyunian // What Works: A Guide to Environmental Educa-

tion and Communication Projects for Practitioners and Donors / Edited by Martha C. Monroe. New Society Publishers. – 1999. – P. 42–43.

30. Arutyunian, M. Worldoutlook Context of Education and Problems of Intercultural Communication / M. Arutyunian // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии : материалы Второго междунар. симп. (18–19 мая 2006 г.). В 2 т. Т. 2. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2006.

31. Teaching Kinds to Love the Earth / M.L. Herman, J.F. Passineau, A.L. Schimpf, P. Treuer. – Prefer – Hamilton Publishes, 1991.

32. Marquard, O. Apologie des Zufalligen. Philosophische Studien. – Stuttgart : Philipp Reclam jun., 1996 (Цит. по: Одо Маквард. Эпоха чуждости миру : пер. с нем. Е. Либман // Отечественные записки. – 2003. – № 6 (15). – С. 29–45).

33. Mies, T. Weltanschauung / T. Mies // Enzyklopadie Philosophie. Band 2 – O – Z / Unter Mitwirkung von Detlev Patzold, Armin Regenbogen und Pirmin Stekeler-Weithofer, herausgegeben von Hans Jorg Sandkuhler. – Hamburg : Felix Meiner Verlag.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ: ОТ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ К МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМУ?

О.А. Рудецкий

Рудецкий Олег Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: rudetsky@mail.ru

Рассматривается философско-политический концепт мультикультурализма и перспективы реализации его ценностно-нормативных установок в общероссийском и региональном аспектах.

Ключевые слова: этнос, нация, мультикультурализм, Россия.

На фоне усложняющихся миграционных процессов, роста этнокультурных различий и обострения межэтнических отношений в мире чрезвычайно острым представляется вопрос о мультикультурализме как особом феномене этнополитической жизни современного социума. Подавляющее большинство наций¹ мультикультурно, однако, как показывает история, осознание этого факта сопровождается различной социальной реакцией: от молчаливого согласия до разрушительного натиска ксенофобии. С учетом полиэтничности российской нации и драматичности её исторической судьбы вопрос о мультикультурализме представляется особенно актуальным: *каковы концептуальные основы теории мультикультурализма? применимы ли западные модели этнонационального согласия для России? можно ли встроить элементы мультикультуралистской политики в стратегию развития регионов?*

Отметим, что дискурс мультикультурализма отличается чрезвычайной запутанностью. Российский философ и политолог В.С. Малахов справедливо замечает: «Слово "мультикультурализм" провоцирует недоразумения. Оно не было однозначным уже в пору своего возникновения, а за полтора десятилетия его использования в публичных дебатах обросло самыми противоречивыми, вплоть до взаимно исключаящих, значениями» [16: с. 48]. Н.С. Кирабаев полагает, что в качестве специфического термина мультикультурализм обозначает одновременно теорию, практику и политику «неконфликтного сосуществования в одном социальном пространстве многочисленных разнородных культурных сообществ» [12: с. 640]. Авторы «Большого этнологического словаря» В.И. Жуков и Г.Т. Тавадов указывают, что мультикультурализм есть также «...особая форма интегративной этнической идеологии, с помощью которой полиэтничные и поликультурные государства реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования культур состав-

ляющих их этносов» [10: с. 367]. Сегодня в дискурсе мультикультурализма мы можем наблюдать постоянное смещение смысловых акцентов, а также явные идеологические искажения. Так, Т.Ф. Кузнецова отмечает: «Под ним [мультикультурализмом] понимается в большинстве случаев не просто признание культурного многообразия и равноправия культур, а политика поощрения растущего культурного многообразия, автономий и самодостаточности культур» [13: с. 642].

В качестве теории мультикультурализм зародился в пространстве западной политической мысли, теснейшим образом связан с либеральной философией и идеологией и представляет собой форму переосмысления культурных различий, основанную на западных ценностях. Один из теоретиков мультикультурализма Ч.М. Тэйлор исходит из того, что в сложившихся условиях Запад должен признать «культурное разнообразие» как в рамках своей цивилизации, так и за ее пределами. Такая позиция означает опыт критического переосмысления фундаментальных явлений современной этносоциальной и этнополитической жизни, а именно: нации, национального государства, этноса и пр. Отстаивая путь мультикультурности как безальтернативный, Ю. Хабермас замечал: «Мы должны попытаться спасти республиканское наследие, выйдя за пределы национального государства. Нам следует привести свои способности к политическому действию в соответствие с глобализацией саморегулирующихся систем и сетей» [30: с. 379].

На уровне практики мультикультурализм выступает в форме различных национальных программ, соответствующих особенностям политической, социально-экономической и культурной жизни той или иной страны. Британский исследователь Ч. Кукатос отмечает, что общество может реагировать на культурное многообразие по-разному, и не всегда эта реакция означает признание идеи мультикультурализма. Среди исторических форм такой реакции Ч. Кукатос выделяет: изоляционизм, ассимиляторство, мягкий мультикультурализм, жесткий

¹ В политическом смысле (т.е. нация-согражданство).

мультикультурализм, апартеид [14]. Очевидно, что мультикультуралистские практики слишком многообразны, чтобы их можно было свести к одной универсальной модели. Канадский политический философ У. Кимлика, типологизируя их, выделяет сильные (Австралия и Канада); средние (Бельгия, Нидерланды, Новая Зеландия, Швеция, Великобритания, США); слабые (Австрия, Дания, Финляндия, Франция, Норвегия, Германия, Греция, Ирландия, Италия, Япония, Португалия, Испания, Швейцария) практики [2: с. 8]. При этом лишь в ограниченном круге государств идеи мультикультурализма органично встроены в правовую систему и реализуются планомерно.

С самого момента своего рождения мультикультурализм неоднократно подвергался критике, усилившейся к концу XX в. и включившей в себя два аспекта.

1. *Критика концептуальных основ.* Безусловно, социально-политическая жизнь многих современных наций отнюдь не соответствует либеральному курсу в его западных ценностно-нормативных установках. Всё громче звучит сегодня идея столкновения цивилизаций и исторического вызова для западного мира.

Критика концептуальных основ мультикультурализма отчётливо прослеживается в работе П. Бьюкенена «Смерть Запада». Данная книга предвещает грандиозный кризис США, который будет вызван разрушением самих основ американского мира и, в первую очередь, – культурных основ. Показательны в этом плане размышления автора о мексиканских мигрантах (чему он уделяет значительное место в своем исследовании). «Мексика исторически настроена против США, – пишет П. Бьюкенен. – Мексиканцы, мягко выражаясь, недолюбливают своего северного соседа. Они считают, что мы лишили их страну половины законной территории» [4: с. 175]. Естественно, идеалы мультикультурализма, поощрение этнических различий и социальная адаптация мигрантов не соответствуют, считает П. Бьюкенен, реальной ситуации и стратегическим интересам Америки. Широкий резонанс приобрела работа Т. Саррацина «Германия. Самоликвидация». Осуждаемый со стороны многих представителей европейской политической элиты Т. Саррацин подчёркивает губительность современной миграционной политики Германии, неспособность немецкого общества принять значительное число турецких мигрантов [27].

Интересной позиции в данном вопросе придерживается отечественный философ А.И. Липкин, считающий целесообразным чётко разделить разные типы мультикультурности. Один тип мультикультурности возникает в 1960–1980-е гг. в Западной Европе «на фоне существенного роста благосо-

стояния и досуга, отсутствия угрозы войн и серьёзных конфликтов между европейскими национальными государствами и интенсивного перемещения граждан в пределах Европы в поисках работы» [15: с. 32]. Именно этому типу мультикультурности пытается соответствовать современная политика мультикультурализма, в то время как актуальным стал второй тип, возникший в конце 1990-х гг. и связанный с массовой миграцией из исламского мира [15: с. 33]. По мнению А.И. Липкина, второй тип мультикультурности связан с вопросом существования европейской цивилизации, исторического вызова, брошенного ей в конце XX в. Очевидным пунктом критики мультикультурализма выступает и фактическая дефрагментация общества по этнокультурному принципу. В случае формирующейся национальной идентичности данное обстоятельство особенно опасно, в том числе на региональном уровне.

2. *Критика форм реализации.* Отметим, что сегодня данная позиция характеризует значительную часть сторонников политики мультикультурализма. Несмотря на то что тезис о крахе мультикультурализма неоднократно звучал из уст лидеров европейских государств, многие специалисты сохраняют уверенность в правильности выбора данного пути построения гармоничных социальных отношений. Такими авторами, как С. Бенхабиб, К. Малик, С. Жижек и др., отмечаются мировоззренческие противоречия и неумелая реализация идеалов мультикультуралистской концепции. Так, С. Бенхабиб заостряет внимание на противоречии между либеральным универсализмом и этнонациональными особенностями [3]. К. Малик видит решение сложившейся этнополитической ситуации в воссоздании гражданского общества: «Интеграция – продукт гражданского общества, личных связей между людьми и деятельности организаций, основанных на общих политических и социальных интересах. Основные проблемы и ассимиляционизма, и мультикультурализма связаны именно с разрушением этих связей и структур. ... Европе нужно не менять государственную политику, а восстанавливать гражданское общество» [18]. С. Жижек, в свою очередь, делает акцент на проекте новой интегрирующей культуры и борьбе за этот проект: «Если разные стороны не обладают одинаковой благовоспитанностью и корректностью, и не относятся к ним с уважением, то мультикультурализм превращается в некую форму узаконенного взаимного невежества или ненависти. Конфликт по поводу мультикультурализма уже превратился в конфликт по поводу господствующей культуры. ... Единственный способ вырваться из данного тупика – проявить инициативу и бороться за позитивный универсальный проект, с которым согласны все участники» [9].

Сегодня стало очевидным, что проблема гармонизации этноконфессиональных отношений в западном мире не решена. На фоне увеличения миграционных потоков из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Европе наблюдается рост этносоциальной напряжённости. Как считает Е.А. Нарочницкая, возникновение и расширение иноэтнических анклавов в Западной Европе «...не только порождает культурно-ценностный разлом, но и бросает вызов политико-правовой основе европейских государств, принципу универсальности светского права, конкретным законам» [19]. Критически стоит оценить и этнополитический опыт США. Историк В.В. Согрин отмечает, что расово-этнические конфликты являются одними из главных во внутриполитическом развитии США, и, несмотря на позитивный сдвиг в общественном мнении относительно афроамериканцев, уровень латентного расизма (например, нежелание жить в одних районах с чёрными) отнюдь не снижается [28: с. 474].

Реализация мультикультуралистского проекта в России представляет собой сложнейший вопрос, не имеющий однозначного решения. Ряд авторов провозгласили рождение феномена «русского мультикультурализма» [7], отмечается необходимость использования опыта стран с сильной мультикультуралистской политикой. Российский востоковед В.В. Наумкин отмечает, что мультикультурализм в ближайшей перспективе представляет собой «одно из эффективных средств предотвращения потенциальных конфликтов на этнической и религиозной почве и полезное орудие модернизации России» [20]. С.Р. Дерябина, в свою очередь, пишет: «Положительный опыт для России содержит канадский вариант мультикультурализма, поскольку он признает, прежде всего, коллективные права этнических и других меньшинств, что отличает канадское общество от традиционно индивидуалистического американского. Такой вариант этнического признания более подходит для России и в целом соответствует ее традиционному коллективизму» [8].

Вместе с тем в силу историко-культурных, политических, социально-экономических особенностей Россия не может полностью полагаться на позитивный опыт таких стран, как Австралия и Канада. Действительно, современная российская нация находится только на стадии формирования национального самосознания. Стоит согласиться с позицией российского социолога О.В. Щединой: «...Перед Россией стоят такие же задачи, как перед США в 1960-е годы, Австралией в 1970-е, Канадой в 1970–1980-е, а именно: интегрировать этнически и культурно отличающиеся народы, сформировать массовые представления о российской идентичности, консолидировать этнически разнообразное

население вокруг общих ценностей и целей» [31]. Однако не стоит забывать о том, что российская нация в отличие от американской, австралийской, канадской не является «нацией мигрантов». Даже для европейцев, как подчёркивает В.А. Ачкасов, мультикультурализм – это «иностранный рецепт» разрешения проблемы интеграции культурно разнородных иммигрантских меньшинств [1: с. 390].

Сложнейшим вопросом национальной истории выступает так называемый русский вопрос, т.е. вопрос о роли русского этноса в отечественной истории. Более того, неразрывная взаимосвязь общенациональной (русской) и этнической (русской) идентичности указана в ряде важнейших правительственных документов, например в «Стратегии государственной национальной политики до 2025 года», утверждённой Указом Президента РФ № 1666. В разделе II «Состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации» отмечается следующее: «Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию, на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов» [29].

Не стоит забывать о характерной идее, отражающей глубинный уровень национального самосознания и присутствующей в отечественной философии, художественной литературе, изобразительном искусстве и пр., а именно – идее противопоставления западной и российской цивилизаций. Иными словами, выбор России в пользу (или против) мультикультурализма может быть представлен как цивилизационный и неизбежно будет затрагивать область этнических чувств. В силу сложного характера этнической структуры, а также географической специфики России особенно громкое звучание проблема мультикультурализма приобретает на региональном уровне. Фактически от способности удерживать в едином национальном пространстве мультикультурные субъекты Федерации зависит будущее российского государства. При этом, как подчёркивает Э.А. Паин, с ростом этнического самосознания русских постепенно усиливается их общероссийская самоидентификация и ослабевает региональная. У нерусских же «титульных» народов республик Федерации, напротив, региональное сознание усиливается с ростом этнического [21]. Безусловно, радикальная трансформация этнической структуры может стать дестабилизирующим фактором в развитии Дальнего Востока.

Этническая структура Дальнего Востока России обладает рядом специфических черт, имеющих исторический характер. Вплоть до середины XIX в. славянское население Дальнего Востока было крайне малочисленным. Лишь с середины указанного столетия началась активная колонизация, приведшая к появлению районов компактного проживания переселенцев. Дореволюционный тип этнической структуры региона отличал ряд особенностей, включая значительную численность украинского и китайского населения. Большую группу составляли корейцы и представители коренных народов. В приблизительных же границах современного Дальневосточного региона (т.е. с учетом населения Якутской области) первое место по численности занимали якуты – 222 340 чел. (36,2 %), лишь второе – русские (193 025 чел., 31,5 %), а третье – украинцы (54 742 чел., 8,9 %) [22–25]. Интересной особенностью дореволюционной этнической структуры региона являлось формирование больших локальных групп поселенцев в рамках сопредельных государств.

Особенностью советского периода трансформации этнической структуры стал рост численности русского населения (фактически в 4 раза), в 1989 г. этот показатель составил 79,8 % [5]. Вторую и третью позицию по численности (к 1989 г.) занимали соответственно украинцы и якуты. Из крупных процессов трансформации этнической структуры региона стоит отметить увеличение численности белорусов, татар, немцев, чувашей, азербайджанцев, армян, а также резкое сокращение численности китайцев, еврейского населения (с кон. 1930-х гг.), некоторое уменьшение корейской диаспоры и численности мордвовцев (с 1950-х гг.).

Одной из важнейших тенденций постсоветской трансформации этнической структуры Дальнего Востока стало сокращение абсолютной численности русского населения. Основной отток русских пришёлся на северные районы. К 2002 г. численность русских в Якутии по сравнению с 1989 г. сократилась на 40,8 %, в Магаданской области – в 2 раза, в Камчатской области – на 31,8 %, в Чукотском АО – в 3,9 раза [6]. Кроме этого, в течение последних десятилетий наблюдалось сокращение общей численности украинцев, белорусов, татар, мордвовцев, евреев, чувашей, немцев; увеличение численности коренных малочисленных народов, армян, корейцев и китайцев.

Таким образом, традиционно этническую структуру Дальневосточного региона исторически образуют четыре ключевых компонента, а именно: а) русское население, б) крупные диаспоры из европейской части и Закавказья Российской империи, затем Советского Союза и, наконец, СНГ (украин-

цы, белорусы, татары, мордва, чуваша, немцы, азербайджанцы, армяне), в) коренные народы Дальнего Востока и г) восточные диаспоры (корейцы и китайцы). Вместе с тем можно выделить несколько актуальных сценариев вероятной трансформации этнической структуры дальневосточного региона [26], а именно:

1) сохранение этнической структуры региона с преобладанием русского населения и значительной долей других компонентов: крупных диаспор украинцев, белорусов, татар, азербайджанцев и армян, значительной долей китайского и корейского населения, а также коренных народов;

2) сокращение русского населения и увеличение доли выходцев из стран ближнего зарубежья;

3) сокращение русского населения и массовую китайскую миграцию.

По всей вероятности, в ближайшей перспективе трансформация этнической структуры Дальнего Востока будет связана в первую очередь с влиянием полиэтнических волн мигрантского населения. В случае же неэффективного управления процессами гармонизации межэтнических отношений данное обстоятельство может привести к болезненным социальным проявлениям, таким как рост ксенофобских и экстремистских настроений. Однако является ли мультикультурализм *необходимым инструментом* профилактики и разрешения этнонациональных противоречий?

Мультикультурализм представляет собой противоречивое явление, способное при неправильной реализации ряда его установок обернуться дестабилизацией социального пространства. Среди возможных последствий для Дальнего Востока политики мультикультурализма российский политолог А.С. Ким выделяет политизацию культурных различий и возникновение конфликтующих этнокультурных групп [11]. Опасным представляется и возможная радикализация большой группы русского населения на фоне фрагментации общества по культурному принципу, затянувшегося процесса формирования нового общероссийского самосознания, слабой выраженности региональной (дальневосточной) идентичности.

Политика мультикультурализма является естественной для целого ряда наций в силу определённых условий, таких как особенности ментальности, уровень развития социальной коммуникации, экономическое благополучие, геополитическая обстановка и др. В случае Австралии и Канады можно говорить о явном успехе данной политики. Однако для России, как и для большинства европейских наций, требуется критическое переосмысление теории и практики мультикультурализма, особенно в ключе регионального развития и новейших тенденций взаимовлияния стран и народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ачкасов, В.А.* Этнополитология / В.А. Ачкасов. – М. : Юрайт, 2015. – 495 с.
2. *Бабич, И.Л.* Теория и практика мультикультурализма / И.Л. Бабич, О.В. Родионова // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М. : ИЭА РАН, 2009. – Вып. 215. – 49 с.
3. *Бенхабиб, С.* Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. – М. : Логос, 2003.
4. *Бьюкенен, П.Дж.* Смерть Запада / П.Дж. Бьюкенен. – М. : АСТ; СПб. : Terra Fantastica, 2004. – 444 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1989 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6>
6. Всероссийская перепись населения 2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=7>
7. *Гасанова, Н.К.* Мультикультурализм в культурной политике / Н.К. Гасанова. – М. : Этносоциум, 2014. – 222 с.
8. *Дерябина, С.Р.* Россия и опыт мультикультурализма: за и против / С.Р. Дерябина // Этнопанорама. – 2005. – № 1–2. – С. 14–18.
9. *Жижек, С.* Сексуальные надругательства над детьми в Роттереме и наш долг задавать трудные вопросы [Электронный ресурс] / С. Жижек // The Guardian. – 2014. – 1 сентября. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0609/gazeta026.php>
10. *Жуков, В.И.* Большой этнологический словарь / В.И. Жуков, Г.Т. Тавадов. – М. : Изд-во РГСУ : Омега-Л, 2010. – 924 с.
11. *Ким, А.С.* Мультикультурализм и проблема регулирования этномиграционной ситуации на Дальнем Востоке России / А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов // Дальний Восток на перекрестке культур : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Хабаровск, 19–20 мая 2016 г.). В 2 т. Т. 1 / под ред. Ю.М. Сердюкова, С.А. Кудрявцева, О.А. Рудецкого. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2016.
12. *Кирабаев, Н.С.* Мультикультурализм / Н.С. Кирабаев // Глобалистика : энцикл. / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков ; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М. : Радуга, 2003. – С. 640–642.
13. *Кузнецова, Т.Ф.* Мультикультурализм / Т.Ф. Кузнецова // Глобалистика : энцикл. / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М. : Радуга, 2003. – С. 642–643.
14. *Кукатос, Ч.* Теоретические основы мультикультурализма [Электронный ресурс] / Ч. Кукатос. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/>
15. *Липкин, А.И.* Вызов новой мультикультурности / А.И. Липкин // Европейская культура: вызовы современности / под ред. Е.В. Водопьяновой. – М. : Ин-т Европы РАН, 2014. – С. 31–35.
16. *Малахов, В.С.* Зачем России мультикультурализм? / В.С. Малахов // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М., 2002. – С. 48–60.
17. *Малахов, В.С.* Мультикультурализм в Западной Европе: по ту сторону риторики [Электронный ресурс] / В.С. Малахов. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1155
18. *Малик, К.* Крах мультикультурализма [Электронный ресурс] / К. Малик // Foreign Affairs. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Krakh-multikulturalizma-17450>
19. *Нарочницкая, Е.А.* Мультикультурализм как философско-политическая концепция [Электронный ресурс] / Е.А. Нарочницкая. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=259962>
20. *Наумкин, В.В.* Многообразие против единства / В.В. Наумкин // Россия в глобальной политике. – 2011. – № 2.
21. *Паин, Э.А.* Динамика национального самосознания россиян / Э.А. Паин // Этнопанорама. – 2002. – № 1. – С. 10–18.
22. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. LXXII. Тетр. I. – СПб., 1899.
23. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. LXXII. Тетр. II. – СПб., 1899.
24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. LXXVI. Тетр. I. – СПб., 1899.
25. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. LXXVI. Тетр. III. – СПб., 1905.
26. *Рудецкий, О.А.* Интеграционные процессы мира глобализации и этническая структура российского Дальнего Востока / О.А. Рудецкий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 1. – С. 77–85.
27. *Саррацин, Т.* Германия. Самоликвидация / Т. Саррацин. – М. : Рид Групп, 2012. – 400 с.
28. *Согрин, В.В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя / В.В. Согрин. – М. : Весь мир, 2015. – 592 с.
29. Стратегия государственной национальной политики до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>
30. *Хабермас, Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства / Ю. Хабермас // Нации и национализм / Б. Андерсон [и др.]. – М. : Праксис, 2002. – С. 364–380.
31. *Щедрина, О.В.* Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? / О.В. Щедрина // Этносоциология. – 2004. – С. 67–75.

ЖИЗНЬ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДУХОВНЫХ КУЛЬТУР: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ НА ПУТИ К САМООПРЕДЕЛЕНИЮ

В.Г. Зангиров

О.А. Зангирова

Зангиров Владимир Гайфулович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: wzangirov@gmail.com

Зангирова Ольга Александровна – социолог (г. Хабаровск).

Контактный адрес: zangirovs@mail.ru

Статья посвящена анализу духовной культуры современного Дальнего Востока России, переживающего значительные социально-экономические и духовно-политические трансформации. Рассматриваются основные составляющие духовной жизни региона, наиболее важные факторы культурной консолидации общества. Особое внимание обращено на значение духовной культуры для оптимального самоопределения российского Дальнего Востока в качестве важнейшего форпоста страны.

Ключевые слова: духовная культура, ценностная система, социальное единство, общественное сознание, социальное пространство, интегративный потенциал культуры, духовное самоопределение.

История Дальнего Востока России сейчас подошла к такому рубежу, за которым открывается насущная необходимость сложного и малопредсказуемого самоопределения. Этот большой регион попал в поле пересечения мощных геополитических, экономических, социальных и духовных сил. Сегодня Россия заново выстраивает свои отношения с международным миром, поэтому Дальний Восток России вовлечен в общий процесс перемен, из которых наиболее чувствительны те, что связаны с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Быть форпостом страны уже не на словах, а на деле – вот труднейшая задача, поставленная самой жизнью перед российским Дальним Востоком. Прежде всего чувствительны взаимоотношения с нашим могучим соседом – с Китаем. Эта держава по-своему реализует свою тенденцию к мировой гегемонии, отличаясь от стратегических устремлений США. Дальний Восток России находится в непосредственной близости к региональной деятельности Китая, испытывая на себе все нюансы реализации внешней стратегии соседа. Для нас стало привычным само физическое присутствие китайцев в нашем социальном пространстве, дотоле замкнутом для внешнего мира по канонам «железного занавеса». Это обстоятельство накладывает заметный отпечаток на наше культурное состояние, включая сферу духа.

Духовная культура Китая стала в XX в. заметным явлением международной жизни. Интерес к ней объясняется не только ее своеобразием и сложным содержанием, но и ее потенциалом, суть которого в наличии в ней мощного общечеловеческого начала.

Духовная жизнь Китая осмотрительно миновала опасные ситуации глобальной вестернизации, сумев сохранить значение базовых мировоззренческих ориентиров. Сегодня эта культура приходит на Дальний Восток России через структуры разнообразных межсоседских отношений, дополняя формы экономического, политического и социального сближения. Курс на добрососедство, став стратегической линией отношений между Россией и Китаем, предполагает уважительное внимание и к духовной культуре Китая. Россия стремится постичь духовную загадку Китая, чтобы знать, как строить отношения с великим соседом. Дальний Восток России приобретает поистине ключевое значение как выстроенная самой жизнью территория исследования внутреннего мира нашего самого влиятельного международного партнера. Здесь речь идет уже не о теоретических концепциях, а о реальных ситуациях многоуровневых экзистенциальных коммуникаций, в контексте которых только и можно понять особенности духа другого народа. Мы имеем возможность непосредственно воспринимать, как духовная культура китайцев модифицируется на уровне повседневного поведения, выражающего глубинные черты ментальности. Перед нами буквально витает дух трудолюбия и предприимчивости, являемый рядовыми представителями населения Китая.

Придя на Дальний Восток России, китайцы не торопятся расставаться со смыслами, значениями и символами своей культуры. Здесь они по возможности устраивают свой собственный мир, воспроизводя базовые черты своего образа жизни, трудо-

вой деятельности и быта. Китайский сегмент культуры постепенно заполняет наиболее незащищенные фрагменты социального пространства. По отношению к русской культуре он является конкурентным, что сказывается на цельности духовного климата. Мы не сможем построить здесь дальневосточный форпост России, если будет и дальше размываться слой культуры, служивший интегративным фундаментом всего социального здания российского Дальнего Востока. Это напоминает проблему амурского речного фарватера, когда идет размывание российского берега, когда граница двух государств сдвигается внутрь нашей территории. Надо помнить и о незабываемости духовных границ, о сбережении нашей духовной территории.

Почему важен разговор о духовной культуре, если речь идет о месте Дальнего Востока России в современном мире? Восточный регион России стал полем развертывания интенсивных социальных процессов, вызванных экономическими и политическими преобразованиями в мире в целом. Один из таких современных процессов – *миграция* населения, имеющая целый веер существенных направлений. Спросим себя, какие внутренние побуждения ценностно-мотивационного характера сдвигают массы людей в поисках более оптимальных условий жизнедеятельности? Что заставляет большое количество дальневосточников России, в том числе коренных жителей, покидать насиженные места и устремляться в западные регионы, заново выстраивая свой быт? В том, что у них есть причины духовного свойства, сомнений не возникает. Но каковы эти субъективно-внутренние соображения, чаще всего точно не известно. А какие духовные причины лежат в основе мощной миграции на Дальний Восток России большой массы жителей Средней Азии, чей внешний облик сегодня стал привычным в картине жизни городов и сел нашего региона? Разве нет реальной духовной трансформации, происходящей сегодня как результат этих двух диаметрально-противоположных миграционных процессов, меняющих корневые основы дальневосточной социальной структуры? То, что вместе с уезжающими в западные регионы врачами, учителями, преподавателями, инженерами, управленцами, художниками, архитекторами, рабочими, крестьянами, воспитателями детских садов, спортсменами, тренерами Дальний Восток России теряет связанную с ними духовную культуру, может не понимать разве что младенец. Урон в духовной сфере жизни не менее опасен, чем интенсивно обсуждаемые сегодня потери в сфере экономики, политики и социальности.

В понимании этих вопросов необходимо ориентироваться на зрелые теории духовной культуры, давно выработанные передовой философской мыслью. В них мы найдем руководящие указания на то,

чем является духовная культура в контексте целостного бытия человека в мире, бытия как личностного, так и общественного. Духовная культура имеет два взаимосвязанных аспекта – *субъективный*, выраженный в феноменах внутреннего мира отдельных личностей, своеобразии их мыслей, чувств, эмоций, мотивов, интересов, потребностей и т.п.; *объективный*, выраженный во внешних символических формах ценностных систем морали, права, религии, философии, искусства, литературы, науки и т.п. Личность является полем пересечения этих аспектов духовной культуры, становясь субъектом ценностного отношения к миру. Дальний Восток России сегодня переживает реальное столкновение нескольких влиятельных ценностных систем. Сюда прибыли не просто мигранты, а реальные носители жизненных ценностных представлений, отличающихся от таковых у тех лиц, которые издавна составляют постоянное население региона. Здесь нет ничего оригинального: то же самое происходит в центральных регионах России, сходные явления переживает и сегодняшняя Европа, в которую хлынули потоки искателей счастья на чужих берегах. Это столкновение не является обычным межличностным взаимоотношением – это прежде всего встреча различных духовных миров.

Российская философская мысль имеет серьезный опыт анализа духовной составляющей общественной жизни. Здесь мы можем найти теоретические основания для понимания того, что происходит сегодня на Дальнем Востоке России. О закономерностях духовной жизни писал С.Л. Франк в своей книге «Духовные основы общества. Введение в социальную философию». Для Франка общественное бытие есть бытие конкретное, живущее, протекающее во времени. Это бытие предполагает не просто бытие людей, но их подчинение данному явлению, тому, что имеет силу над душами участников этого общественного явления государства, права, учреждений и т.п. Объективно-идеальное бытие общественного явления мы можем усмотреть в том, что «...оно есть образцовая идея, идея-образец, т.е. идея, самый смысл которой заключается в том, что она есть цель человеческой воли, телеологическая сила, действующая на волю в форме того, что должно быть, что есть идеал. Поскольку общение между людьми совершается просто в порядке фактического взаимодействия их, фактической встречи и переплетенности их душевных процессов, оно еще не есть общественное явление. Лишь когда единство, лежащее в основе этого общения, воспринимается и действует как сила или инстанция, которой подчинены участники общения, как образцовая идея, которую они должны осуществить в своем общении, мы имеем подлинно общественное явление» [5].

Спросим себя, не утрачиваем ли мы все, живущие на Дальнем Востоке России, черты подлинно общественного явления, когда наш общий ценностный мир становится аморфным, расплывчатым, ненадежным, когда он перестает быть скрепляющей силой социума? Франк доказывает, что общественная жизнь стоит на духовном основании, на объективно-идеальной силе духовной солидарности, без которой распадаются дружеские союзы, государства, монархии и все, что основано на душевной поддержке духовного условия общественного единения. В нашей жизненной ситуации речь идет о размывании единой духовной субстанции общества, о потере общего телеологического ориентира жизни. Наш разговор о духовной культуре явно обретает черты актуального практического вопроса: быть или не быть единому в объективно-идеальном смысле Дальнему Востоку России? За формально-статистическими показателями социальных перемещений важно увидеть духовную трансформацию нашего региона, обусловленную появлением большого количества реальных носителей других ценностных систем.

Главное назначение духовной культуры – формировать идеально бытующий ценностный мир, в котором отдельные представители определенного социального сообщества могут найти устойчивые ориентиры общей жизненной телеологии для упрочения своего бытия в мире как в целом, так и в различных сферах своей жизнедеятельности. Духовная культура России сегодня еще не способна внятно и недвусмысленно сформулировать центральные пункты российской телеологии, в которой мы могли бы обрести ясность не только относительно главных целей страны, но и относительно средств достижения этих целей. По крайней мере, мы не можем сказать, что для каждого из нас главной личной задачей является благо России, в то время как для каждого китайца благо его страны было и остается центральным звеном всех его жизненных устремлений. Россия проигрывает своему великому соседу прежде всего по части этого общего устремления народа к одной главной цели, которая будет организовывать все частные сферы жизни одним своим наличием. Общая телеология страны для россиян затруднительна в силу своеобразия наших реформ, приведших к духовному расколу страны в результате экономического и политического раскола, принявшего сугубо негативный характер.

Целевые ориентиры России сегодня разбалансированы прежде всего в области экономического сознания. Олигархия безраздельно владеет основными производственными и финансовыми активами, открыто демонстрируя беззастенчиво кричащую роскошь и не считая возможным прятать свой пещерный нравственный уровень. Власть преде-

жащие избрали коррупцию как единственно возможный для себя способ вмешаться в способ распределения материальных благ. Коррупция выгодна и олигархии, поскольку позволяет подобрать ключики к жаждущей богатства власти, имеющей юридические рычаги регламентирования отношений собственности. Идеальный стержень центрального экономического менталитета страны – это государственно-олигархический капитализм. Нетрудно представить себе, насколько минимальна степень легитимации этой идеологии в глазах обычного населения, не имеющего доступа ни к богатству, ни к власти. Неуклюжие попытки идеологических лакеев предложить России новую «национальную идею» лишним раз вскрывают духовную пропасть между «успешными личностями» и так называемыми лохобродами, которые еще умудряются учить детей в школе, студентов в вузе, лечить людей в плохо оборудованных больницах, держать на уровне обороноспособность страны, беречь леса, реки, поля, озера, трудиться на предприятиях, уже не претендуя на профессиональное достоинство. Экономически расколотое общество идейными скрепами объединить невозможно.

Положение российского Дальнего Востока усугубляется тем, что здесь уровень жизни основного населения гораздо ниже, чем в центральных регионах России. Демографические потери региона давно стали общепризнанным фактом действительности. Теперь надо считаться и с другим фактом – с заметным наплывом в регион представителей бывших среднеазиатских республик Советского Союза. С увеличением их количества неуклонно меняется духовный облик Дальнего Востока. Полумафиозный характер их экономической деятельности вряд ли обретет нравственную поддержку основного населения. К этому добавляется существенный конфессиональный контекст, состоящий в том, что общий имидж мусульман давно подорван террористическими группировками, нагло эксплуатирующими религиозные символы ислама, сами по себе вполне уважаемые, но в руках террористов становящиеся частью боевого оружия. Если российский Дальний Восток станет зоной интересов джихадистов, то будет вырыта конфессиональная пропасть регионального масштаба. Вместе с притоком мусульманского населения будет меняться общий духовный климат российского Дальнего Востока. Понятие регионального патриотизма, привычка рассматривать территорию, на которой живут, в качестве родной земли, могут уступить место менталитету мигрантов, решающих здесь свои временные задачи. Это будет столкновение двух культур, которые не могут быть совместимыми.

Еще одна ветвь духовной культуры российского Дальнего Востока представлена коренными

народами, берегущими свой язык, свой фольклор, свой эпос, свои нравственные ценности. Когда здесь появилось русское население, коренные народы сохранили свою самобытность и вместе с тем переняли многие компоненты пришедшей сюда материальной культуры, значительно обогатив свой образ жизни. Так получается, что именно коренные народы оказались наименее восприимчивы к явлениям культурной вестернизации, затронувшей социальное пространство всей России. Наличие этой ветви духовной культуры придает нашему региону своеобразный позитивный колорит, служит визитной карточкой для дальневосточного туризма, вызывает интерес научного сообщества. Коренные народы по-другому строят свои отношения с природой, могут служить примером экологического поведения. Их духовная культура воспринимается русским населением как органическая часть духовной жизни российского Дальнего Востока, как нечто близкое, привычное, доверительное. А вот китайские и среднеазиатские диаспоры были и останутся духовно чужды как коренным народам, так и основному русскому населению российского Дальнего Востока. Их представители занимают пустующее социальное пространство и не считают для себя обязательным интегрироваться в основную духовную культуру региона. Здесь меньше всего надо питать иллюзии, видя, что творится в странах Западной Европы после наплыва мигрантов с Юга. Духовная культура выявляет себя во внешних формах поведения, в отношении к правилам, обычаям, традициям. Российский Дальний Восток далек от мысли усваивать законы шариата или конфуцианской системы поведения. Но его территория пополняется как раз теми, для которых немисливо думать, чувствовать и жить иначе, чем они привыкли на своей родной земле.

Духовная культура коренных народов российского Дальнего Востока оригинальна, вписана в основные взаимоотношения человека с природой. Но она не может служить основой главных социально-экономических и духовно-политических преобразований, которые здесь начались. По сути, у каждого малочисленного народа выстроен свой культурный мир, защищающий свою автономию. Главной несущей конструкцией масштабных преобразований призвана стать большая русская культура, при условии возврата ей яркого национального содержания. Эта культура пришла сюда для того, чтобы придать жизни мощный импульс творческого созидания, и она должна оставаться такой. Ей предстоит вернуть не просто созидательный потенциал – ей необходимо вернуться к своему изначальному предназначению, к своей миссии духовного владычества. Территория – не просто земля под ногами, но главным образом физическое вместилище духа.

Что касается материальной культуры, то здесь наблюдается повсеместное усвоение одних и тех же достижений современной цивилизации. В большей степени это относится к техническим ресурсам современной жизни. Материальная культура в меньшей степени привязана к особенностям национальной жизни. На примере коренных народов российского Дальнего Востока хорошо видно, как в их жизнь вошли те достижения цивилизации, которые значительно облегчают адаптацию к непростым природным условиям. Именно в области материальной культуры создаются предпосылки для дальнейшего прогресса благосостояния нашего региона, для выравнивания условий жизни населения. Это обстоятельство порождает массу требований к образовательной системе, в целом к духовной культуре. Мы полагаем, что важной составной частью духовной культуры является управленческая культура, которая не должна быть пассивным следованием стандартам менеджмента, а должна иметь характер творческого применения основных методов управления. На сегодняшний день управленческая культура в регионе находится на низком уровне, что обусловлено многолетним положением российского Дальнего Востока в качестве социального пространства, якобы не требующего повышенного внимания и излишних расходов. Теперь оказалось, что это не только равноправный регион, но от него еще требуется быть на уровне конкурентного состояния по отношению ко всему Азиатско-Тихоокеанскому региону. Ясно, что для соответствия этим требованиям региону нужны как новая культура производства, так и новая культура управления. Актуальным является вопрос о духовных качествах дальневосточных управленцев. Для сложного в экономическом, политическом и социальном смысле региона недостаточно иметь просто грамотный менеджмент. Решение задач прорывного характера невозможно без подлинных духовных лидеров, на которых мог бы равняться весь управленческий корпус. Это могут быть лица, выдвинутые на руководящие должности не по принципу вербовки «своих людей» или поделщиков в темных делишках, а в силу своего явного превосходства в нравственности, управленческой квалификации и региональном патриотизме.

Вышеуказанные требования в буквальном смысле слова вытекают из основных стратегических положений о переходе российского Дальнего Востока к программе опережающего социально-экономического развития. Управленческий корпус региона должен ясно понять, что здесь имеется в виду не простой переход к новым технологиям, отраслям, ресурсам, а целостное качественное преобразование всех подходов к организации жизни территории. Речь может идти не об опережении, а

только о выравнивании возможностей российского Дальнего Востока в сравнении с ведущими регионами России. Слишком запущен Дальний Восток, чтобы ставить далеко идущие задачи. Здесь надо начинать со стабилизации положения, остановки набравших силу негативных тенденций. Это означает, что скорость перемен на Дальнем Востоке России должна быть значительно выше, чтобы хотя бы в обозримой перспективе приблизиться в качестве жизни к ведущим регионам страны. Не опередить, а только скорее приблизиться. В этой области нужен реализм, позволяющий оградить себя от безответственной мечтательности. Дальневосточники очень сильно привыкли к тому, что на их головы вываливаются масштабные программы развития, не обеспеченные необходимыми ресурсами. Опасение, что программа создания ТОСЭР может стать повторением уже известного, вполне основательно. Этот духовный феномен нельзя игнорировать.

В названии недавно состоявшейся научной конференции фигурирует метафора «перекресток», которая позволяет взглянуть на духовную жизнь российского Дальнего Востока не только в терминах наук об обществе, но и образно-символически. Представим себе перекресток дорог, который плохо оборудован, где совершенно не обустроены указательные знаки, разделительные линии, где нет светофоров, переходов, дорожек, где само дорожное полотно оставляет желать лучшего. Не всегда хочется лишний раз попадать на этот перекресток, зная, что здесь встречаешься с повышенным риском. Если же вести речь о культуре, то наш культурный «перекресток» подчас путает культурные ценности с суммами расходов на так называемые культурные мероприятия, культурные традиции – с повседневными привычками, культурные ограничения – с желанием насадить всюду административные регламенты, культурное творчество – с доморощенной отсебятиной. Метафора перекрестка подсказывает нам, что он является точкой схождения нескольких дорог, центром выбора, способом регуляции, местом перераспределения. Если эту метафору спроецировать на духовную культуру, то на Дальнем Востоке России мы сегодня попадаем в зону повышенного риска потерять основные ценностные ориентиры, указывающие нам путь дальнейшего движения, предостерегающие от катастрофических столкновений. Мы явно рискуем потерять единство своего общественного бытия, так как из под ног уходит общее объективно-духовное основание. Духовный перекресток Дальнего Востока нуждается в тщательном планировании своего обустройства, в пересмотре основных линий движения.

Культура в своем материальном и духовном обличье тем и хороша, что в ней есть универсальные механизмы социализации личности и гуманизации

общества. Эти механизмы отрабатываются веками, чтобы служить развитию общественной жизни, быть надежным ориентиром для дальнейшего движения. Вся наша жизнь есть схождение культур в одной точке, на одном «перекрестке». Здесь нет важного и неважного, существенного и малозначимого. Каждая отрасль культуры отвечает своему исконному назначению, обслуживая соответствующие потребности жизни. Но есть еще одна черта любой культуры – необходимость создать перекрестья между отраслями культуры – между экономикой и политикой, моралью и правом, искусством и наукой, философией и религией, образованием и воспитанием. Об этом прекрасно мыслил М.М. Бахтин, говоря в своих работах, что культура живет на своих границах, между отдельными территориями [1; 2]. Метафора перекрестка как раз имеет в виду эту жизнь на границах, на взаимовлиянии, взаимосогласованности. Пока российский Дальний Восток находится в состоянии только начальной работы над преодолением распада культурных отраслей.

Есть еще один метафорический перекресток, на котором решаются ключевые задачи жизни, – это система образования. Именно здесь пересекаются основные духовные потребности общества, на которые институт образования дает ответ в виде создания разветвленной многоуровневой системы подготовки. Если брать эту систему в целом, то образование есть в том числе и духовная форма бытия культуры, смысловое выражение всех видов деятельности. Здесь требования интеграции отраслей жизни еще более высоки, ибо если распадается духовная связь жизни, то все другие связи распадаются следом. Это обстоятельство накладывает на систему образования непреложное требование создавать возможность духовной интеграции общества, помимо утилитарных целей специализированной подготовки различных специалистов. Интегративный потенциал института образования состоит в том, что образовательное учреждение имеет дело с представителями различных этнических групп, вероисповеданий, образа жизни, культуры, объединяя их, формирует такую стратегию и такую политику, в которых упор делается на задачи всеобщего социализирующего характера. Кто бы ни пришел в систему образования России, первое, что он должен сделать, – это сформировать представление о том, какое личное место он может занять в общей жизнедеятельности страны, по отношению к которой у него есть долг всемерно заботиться о ее процветании. Это требование не угрожает этническому или конфессиональному своеобразию, но позволяет создать условия самореализации в сферах жизни, возвышающихся над уровнем разделения. Например, возможность защиты личного достоинства человека предполагает создание как со-

ответствующего нравственного климата, так и необходимого правового механизма. Это задача всех и каждого; она не решается силами отдельных групп. Духовный фундамент решения этой задачи лежит именно в системе образования.

Возвращаясь мысленно к метафоре перекрестка, скажем, что для обустройства дорожного перекрестка необходимо сначала выяснить состав встречающихся участников движения, регулярные направления их перемещений, ключевые ситуации, возникающие на дороге. Без этого нельзя ничего спланировать, нельзя оптимизировать транспортные потоки. Это предварительная духовная работа, позволяющая создать оптимальный дорожный интеграл. Но в еще большей мере это относится к устройству жизни территории, которая призвана стать форпостом России на Дальнем Востоке, в окружении динамично развивающихся соседей, в атмосфере постоянно растущих конкурентных требований. Чтобы правильно обустроить экономическую, политическую и социальную жизнь этого региона, нужна предварительная внимательная духовная работа по самоопределению, по выяснению того, кто мы и что мы можем. На всех ступенях общественного развития эту задачу решала духовная культура. Она располагает, прежде всего, ценностными ресурсами вовлечения отдельных личностей в единую созидательную деятельность. Именно на уровне ценностей культуры решающее значение приобретает единство общества, состоящего, по определению Т. Парсонса, из отдельных спонтанных личностей [4]. Без духовной интеграции социальная организация российского Дальнего Во-

стока все время будет распадаться, впадать в хаотическое состояние. Какая отрасль духовной культуры станет ключевой, покажет сама жизнь, но ни одна из ее отраслей не может быть упущена из виду в процессе планирования общих региональных задач. Вся духовная культура работает над созданием общих правил движения, без которых все перекрестки жизни общества парализуются, хаотизируются.

Смысл самоопределения состоит в том, что никто извне не может быть субъектом самодвижения, самосознания, т.е. всего того, что именуется «заботой о себе», имея в виду человеческую субъективность вообще. Для российского Дальнего Востока духовная культура является способом самосознающего понимания, уяснения себе самому целей и средств дальнейшего развития. Это задача, решаемая на перекрестке мотивов и интересов, усилий и ресурсов, энергии и траектории. Задача, актуальная для всех и каждого.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979.
2. *Бахтин, М.М.* Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1972.
3. *Зиммель, Г.* Избранное. В 2 т. Т. 1. Философия культуры / Г. Зиммель. – М. : Юрист, 1996.
4. *Парсонс, Т.* Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1988.
5. *Франк, С.Л.* Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М. : Республика, 1992.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В НЕРАВНОВЕСНОМ СОЦИУМЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ТРУДА

А.М. Шкуркин

Шкуркин Анатолий Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения, ведущий научный сотрудник ИКАРП ДВО РАН (г. Хабаровск).

Контактный адрес: shkurkinam@mail.ru

В статье исследуется сущность социальной адаптации в условиях усиления процессов трансформации социальных систем. Выявляются механизмы социализации личности, когда происходит формирование предпосылок становления высокого динамизма и нестабильности социокультурной среды. Рассматриваются индивидуальные личностные стратегии, направленные на эффективное приспособление личности к условиям кризисного социума. Описываются: 1) процессы перехода социальных систем с одного уровня неравновесности к другому; 2) соотношения между индивидуальным и целым; 3) результаты социальной адаптации; 4) отражение неравновесных условий социальной адаптации на потребностях, мотивациях, ценностях дальневосточного населения и их отношении к труду.

Ключевые слова: социальная адаптация, личность, социум, социализация, неравновесность, кризис, бифуркация, механизмы самоорганизации, система, российский Дальний Восток, население, миграция, труд, молодежь, образование, самоактуализация.

Прошедший век оказался полигоном испытания на жизнестойкость практически всех сфер существования человека. Общество погрузилось в стадию высокой динамичности, неравновесности, усиления социального хаоса. В этот все углубляющийся титанический разлом в планетарном социуме оказалось ввергнуто и человеческое сознание, ценности, цели, смысл жизни, «глобальный гештальт» в целом. А одновременно с этим подверглась сокрушительной трансформации и вся система взаимодействий между личностью и социумом. В результате, с одной стороны, картина мира оказалась размытой. Более того, в какой-то степени «образ мира» стал подобен квантово-механическому «волновому пакету», состоящему из отдельных мозаичных фрагментов социальной реальности, в восприятии которой человек потерял ориентиры. С другой стороны, многие исследователи отмечают общее снижение чувства безопасности и защищенности современного человека.

Этот вал неустойчивости мира затронул как глубинные механизмы социальной адаптации, так и ее результативность. Видимо, не случайным поэтому является резкое увеличение в последние годы числа публикаций, посвященных проблемам социальной адаптации. Считается, что в условиях высокого динамизма основная причина объективного запаздывания приспособительных реакций на возникающие вызовы – возрастание времени на преодоление разнообразных и разноуровневых адаптивных барьеров.

С этим утверждением трудно не согласиться. О наличии адаптации в любой системе можно говорить только в том случае, если у нее в наличии

имеется способность к опережающему восприятию и переработке информации внешней среды с целью выработки такой стратегии поведения, которая обеспечивает самосохранение, устойчивость жизнеобеспечения, воспроизводство и обучение новым формам адаптации. Всякая асимметрия – это, в том числе, и усиливающийся разрыв между стимулом и реакцией, между поиском личностных ресурсов и их актуализацией, между осознанием целевых функций, самого смысла существования человека и формированием индивидуальной стратегии, направленной на эффективное приспособление к социальной среде. Но такое представление о проблеме социальной адаптации в кризисном социуме, на наш взгляд, это только видимая часть, того социального «айсберга», глубинная сущность которого ускользает от исследования. Требуют прояснения, прежде всего, вопросы о том, какие новые характерные черты приобретает процесс социальной адаптации и какие социальные последствия детерминируются ростом асимметричности во взаимодействиях «индивид–социум». Необходимо ответить и на вопрос о том, как именно увеличение *социального хаоса* в обществе отражается на процессах формирования личностного потенциала и его использования.

По нашему мнению, исследование особенностей социальной адаптации в условиях высокого динамизма, смещения социума в предкризисные (или кризисные) фазы своего функционирования предполагает, прежде всего, их рассмотрение на уровне тех изменений, которые обуславливаются фундаментальными воздействиями механизмов самоорганизации.

Существует множество определений социальной адаптации. Нет необходимости приводить здесь их классификацию, проводить какие-либо эпистемологические оценки или выделять семантические особенности. Во всей многообразной палитре толкований этого термина имеется некоторое содержательное ядро, которое позволяет сблизить разные точки зрения. Предполагается (хотя иной раз и не оговаривается специально), что социальная адаптация личности осуществляется в *адаптирующемся социуме*. Если механизмы адаптации на уровне социума в целом начинают по какой-либо причине не обеспечивать надлежащее качественное и количественное воспроизводство, то следует ожидать незамедлительных дисфункциональных проявлений этих процессов на индивидуальном уровне. Иными словами, процесс социальной адаптации личности осуществляется в фазовом пространстве адаптации социумов. А потому социум для индивида предстает не столько внешней средой, к которой нужно адаптироваться, сколько активным субъектом, транслирующим свои механизмы, стратегии, ресурсные возможности, обучающие программы, опыт и правила успешной адаптации, все множество архетипов, культуру общества в целом.

Ключевым процессом здесь является социализация личности, интернализация индивидом культурологических ценностей общества. В этой связи, видимо, правомерно было бы говорить о соотношении двух процессов – социализации и адаптации, а следовательно, между успешностью социализации индивида и эффективностью его социальной адаптации. В дихотомическую связку «индивид–социум» опосредованно включена и природная среда. Поэтому отмеченную проблему можно сформулировать и в расширительном контексте: влияние асимметрии в соотношении между «вызовами-ответами» в социоприродной системе на социальную адаптацию личности.

Рассмотрим только часть этой многогранной социально значимой темы: как в социальной адаптации индивида отражается влияние социума, находящегося в фазе высокого динамизма и нестабильности. Основная исследовательская предпосылка нами видится в том, что анализ социальной адаптации личности требует включения в качестве необходимых процедур оценку: принципиальных изменений в адаптации кризисного социума к природной среде; характера и полноты отражения этих изменений в соотношении «индивид–социум»; наиболее перспективных направлений в изучении особенностей социальной адаптации в трансформирующемся социуме.

С этой целью рассмотрим, прежде всего, те сферы трансформирующегося социума, в которых происходят изменения адаптивных способностей.

В социальных системах адаптация является одним из важнейших свойств поддержания устойчивости системы. Адаптивные свойства системы развиваются в процессе длительной эволюции и формируют способности систем сохранять свою интегративную целостность в определенных границах под воздействием различных проявлений внешней среды и внутренней дифференциации. Чем эти границы устойчивости шире, тем более эффективна совокупность адаптивных свойств системы и тем, следовательно, выше уровень устойчивости социального объекта.

Всякий социальный объект, точно так же, как и живой организм, является сложной системой, в которой одни процессы могут протекать в различных условиях неравновесности. Но в целом, если система находится в условиях стационарности, доминировать должны процессы, определяющие устойчивость социальной системы. Например, чтобы дифференциация, по Т. Парсонсу, способствовала сбалансированности, большей развитости системы, она должна усиливать адаптивность системы в отношении первичной интегративной функции, т.е. должно проявляться свойство *адаптивного усиления цикла эволюционного изменения* [3: с. 516]. В социальной системе в процессе функционирования происходят два типа взаимодействий, которые влияют на ее устойчивость. С одной стороны – это различного рода взаимодействия, в которые вступают составные части социальной системы (различные социальные институты, социальные группы, индивиды и т.д.). Эти постоянные, многоуровневые взаимодействия формируют устойчивые связи между элементами и структурами социальной системы, которые, по существу, и являются аналогом адаптивных свойств. С другой – в социуме происходят постоянные процессы социальной диффузии, *флуктуации*, вызываемые условиями, может быть, и локальной, но, главное, сильной неравновесности. «Между устойчивостью, обеспечиваемой связью, и неустойчивостью из-за флуктуаций имеется конкуренция. От исхода этой конкуренции и зависит порог устойчивости» [4: с. 250].

Таким образом, в условиях стационарности для того, чтобы осуществился переход системы от одного качественного состояния к другому, необходимы сильные возмущения в системе. Этого требуют выработанные в ходе процесса эволюции адаптивные условия, оказывающие «сопротивление» возможности осуществления такого перехода. Совсем иначе обстоит дело в условиях бифуркации, когда переход от одного состояния к другому осуществляется практически незаметно для системы. Происходит то, что И. Пригожин называет *спонтанной адаптивной организацией системы* [4: с. 222]. Иными словами, в условиях бифур-

кации снижаются до минимума функции адаптации системы к старому режиму и происходят их качественные изменения в отношении происходящих перемен в социальной системе.

Проведенный нами анализ [7: с. 196–214] показал принципиальные различия в поведении социальных систем в условиях сильной неравновесности (бифуркации) и стационарности.

В условиях бифуркации в поведении социальных систем усиливаются элементы иррационального, вступает в силу *принцип эндогенерации*¹, максимально затрагивающий уровень индивидуального сознания, повышается вероятность прохождения морфогенезисных процессов, которые могут сформировать «новый порядок» функционирования систем.

Следует различать особенности процессов, которые направлены на сохранение уже существующего социального порядка, и процессов, которые приводят к его перерождению, качественной трансформации. В социальных системах, ориентированных на сохранение существующего порядка, в силу их слабой чувствительности к микрофлуктуациям происходит усиление однородности, симметричности во всех структурах. Увеличивается интенсивность процессов интеграции вокруг центрального ядра социальной системы. Резко повышается приоритет целого и, напротив, снижается значимость, роль индивидуального. Периферийные зоны социальной системы теряют многие из существующих степеней свободы, делегируя их центру под его нажимом. Увеличивается разрыв между центральным ядром и периферийными сегментами социальной системы в части программирования стратегии развития. Доминирующей становится тенденция роста стагнационных процессов.

Системы, которые вследствие особенностей их состояния ориентированы на зарождение нового социального порядка, обладают высокой чувствительностью к флуктуациям на микроуровне. В связи с этим в системах такого типа резко увеличивается роль тех факторов, которые детерминируют неоднородности, разнообразие, особенно на верхних иерархических уровнях. Происходит разрушение симметрии в социальных отношениях, усиливаются процессы дифференциации. Резко ослабляется центральное ядро социальной системы и увеличивается

независимость, самостоятельность его периферийных зон, происходит перераспределение все большего числа прав от центра к периферии. Возрастает социальная активность периферийных зон, особенно в части принятия стратегических решений и программирования будущего социальной системы.

Выявленные особенности поведения социальных систем в условиях бифуркации позволяют ожидать трансформаций в процессе социальной адаптации личности, прежде всего в следующих его элементах.

Снижение адаптационного потенциала социума повышает вероятность изменения значимости адаптационных социально приемлемых индивидуальных стратегий, их востребованности и определенности. Возрастает возможность образования определенного вакуума в образцах приспособительного целеполагания.

Образующийся в рамках той или иной социокультурной парадигмы дефицит стандартных индивидуальных адаптационных моделей, с одной стороны, может резко усилить элементы иррациональности вследствие недостаточно эффективной социализации, снизить степень участия в этом процессе социальных институтов более высокого уровня, детерминировать образование смыслообразующих пустот, «экзистенциального вакуума». В этих условиях процессы индивидуальной социальной адаптации в значительной мере могут реализовываться методом «проб и ошибок». Стихийность процессов социальной адаптации в известной степени компенсирует ослабление, понижение результативности адаптационной функции кризисного социума, ибо в их отсутствие возникает угроза еще большей дестабилизации и снижения социального порядка. Это тот случай, когда возрастающая роль индивидов в социальных процессах формирует отрицательные автокорреляции.

С другой стороны, в результате повышения активности периферийных зон может измениться соотношение между свободой и необходимостью. Недоучет со стороны государства значимости проблем социальной адаптации, как показывает исторический опыт разных стран, актуализирует накопленный на латентном уровне протестный потенциал населения, влияет на криминализацию и маргинализацию социума. Причем в числе маргинальных моделей поведения отдельных социальных групп могут формироваться новые стандарты социальной адаптации, что есть проявление человеческой свободы, ее временная «победа» над необходимостью. Этот автокорреляционный контур управления в последующие фазы функционирования социума «обречен» пройти испытание на прочность, которой его подвергнут беспощадные механизмы самоорганизации.

¹ Личность, индивидуальное сознание в периоды смещения социальной системы в зону бифуркации становятся предельно открытыми, в высокой степени восприимчивыми и чувствительными. Обобщение этой закономерности позволяет сформулировать «синергетический принцип эндогенерации», в соответствии с которым в условиях бифуркации в социальных системах отклик на рост энтропии системы смещен вовнутрь данной системы и максимально затрагивает уровень индивидуального сознания [7: с. 198–200].

Проиллюстрируем выделенные нами закономерности социальной адаптации в условиях неравновесности на примере формирования «духовных координат» труда в условиях российского Дальнего Востока (ДВ).

Выделим ключевые особенности российского ДВ, формирующие «изгибы» дальневосточного труда, связанные с деформацией его духовных координат.

Во-первых, практически во все времена существования ДВ все его сферы жизнедеятельности были пронизаны высоким уровнем нестабильности населения. Высокий миграционный оборот (в том числе и холостой), низкий уровень приживаемости мигрантов, отрицательный квалификационный дисбаланс труда, низкая удовлетворенность условиями труда и жизни, неудовлетворенность заработной платой создавали ориентации на высокую миграционную и трудовую мобильность.

В настоящее время для значительной части трудоспособного населения сложилась предельно низкая цена труда, несоответствующая прожиточному минимуму. Происходит рост удорожающих дальневосточных факторов воспроизводства населения. Эти и другие особенности способствуют формированию социальных стандартов, включающих растущее безразличие, в том числе и к собственной судьбе; развитию у населения социальной апатии; смещению у значительной части людей потребностей до уровня физического выживания и безопасности; росту масштабов и уровня асоциального поведения; разрушающему воздействию на трудовую мотивацию.

Во-вторых, географическое положение ДВ создает ощущение оторванности от центра России. Суженный рынок жилья на большинстве дальневосточных территорий, отсутствие необходимых денежных средств, высокого профессионально-квалификационного уровня для большинства населения, значительные перекосы между спросом и предложением на совокупном рынке труда Дальнего Востока не позволяют через внутреннюю миграцию снизить степень неудовлетворенности условиями жизни и труда. Как следствие, нереализованные миграционные намерения загоняются вовнутрь, что ведет к росту трудовой мобильности, снижению мотиваций к качественному труду, потребности в повышении квалификации и профессионализма.

В-третьих, ДВ – это регион, где многие производства в значительной степени используют разнообразные виды дискретного, сезонного и разового труда. Характер приложения труда в таких производствах сочетает как краткосрочные, эпизодические работы, так и экспедиционные, сезонные.

Существуют специальные исследования, в которых изучались проблемы, связанные с регуляр-

ной, но неритмичной включенностью человека в дискретный труд, в том числе и в крайних своих формах, которые ведут к ресоциализации личности² [2; 5; 6].

Тесно связана с этой характеристикой и вторая его особенность, влияющая на духовные координаты «дальневосточного труда».

Психологами открыт так называемый северный синдром отложенной жизни. Его смысл состоит в том, что, приезжая на север, многие люди зарабатывают себе на «будущую жизнь». Жизнь откладывается «на потом». Причем иной раз такое зарабатывание происходит во все экзистенциальное время, до самой смерти.

Это не только личная трагедия отдельных людей. Это трагедия и тех, с кем эти люди сталкиваются. Формула «законсервированной жизни» приводит к постоянным напряжениям в тех социумах, где такие люди зарабатывают себе деньги «на будущую жизнь». Но на самом деле масштабы этой трагедии еще больше. Северный синдром отложенной жизни может в различных формах быть связан не только с мигрантами, но и с постоянным населением региона.

Мотивация на выезд с Дальнего Востока нарастает ежегодно. И особенно у молодежи.

Проведенные в разных регионах Дальнего Востока социологические исследования показывают, что свыше 90 % студенческой молодежи, несмотря на безграничную любовь к дальневосточной природе, ориентированы при ближайшей благоприятной ситуации переехать в «поисках счастливой жизни» в западные территории РФ³.

Понятно, что у большинства молодых людей потребность переезда в западные районы по различным причинам едва ли может быть удовлетворена. Но в таком случае синдром отложенной жизни будет доминантным очень многие годы со всеми вытекающими последствиями. Известно, что «будущее – это недовоскрешенное прошлое». Но если нет настоящего, то как можно воскресить прошлое? А стало быть, «нет и жизни человека» (как актуализированной личности).

² Сравнение русских и китайских рабочих, их интенсивности труда в конце XIX в. занимало многих предпринимателей, исследователей, местную администрацию. Дело дошло даже до того, что по распоряжению генерал-губернатора Приамурского края была создана в 1890 г. специальная комиссия с целью сравнения интенсивности труда китайцев и русских. Эти исследования показали, что русские рабочие предпочитают труду монотонному и постоянному труд дискретный, связанный с героизмом [1].

³ «Отвечая на последний вопрос, скажу, что я родился на Сахалине и безмерно люблю ДВ с его роскошной природой, даже с его мерзким климатом. Но думаю, что я буду сильнее любить его на расстоянии» (Алексей, студент 3-го курса).

По этой причине следует отметить еще одну проблему, связанную с формированием самоактуализирующихся личностей, как доминантную цель наполнения дальневосточного труда духовностью.

Сегодня происходит обесценивание вузовского образования на рынке труда. Это с неизбежностью приводит к снижению качества обучения и создает разрыв между вузовским дипломом и фактическим качеством общей и специальной профессиональной подготовки выпускника высшей школы.

Параллельно с этим не может не произойти снижение мотивации к получению качественных знаний. Острота этой проблемы состоит в том, что уже на студенческой скамье начинает формироваться разрыв между двумя целевыми установками будущих специалистов с высшим образованием: повышением статусной позиции личности и развитием профессионального и квалификационного качества человека как специалиста. Этот разрыв в настоящее время начинает возрастать в той мере, в какой все более высокий рейтинг занимает доминирующая цель – инвестиционные вложения как семьи, так и самого студента в получения вузовского диплома самого по себе.

Проведенные нами социологические исследования ценностных ориентаций к получению знаний и отношению к учебному процессу у студентов разных курсов полностью подтверждают этот вывод [8].

Динамика формирования у студента «интереса к учебе», независимо от его специализации и будущей профессии, отражает значительную девальвацию этой социально значимой цели, что ведет к снижению мотивации самоактуализации, формированию комплекса Ионы⁴.

Ядро потенциала труда любой территории – молодежь, вектор развития которой неразрывно связан с профессионализмом и любовью к своей «малой родине». Российский Дальний Восток – не исключение. Однако неравновесные условия, в которых происходит социальная адаптация дальневосточного населения, в настоящее время содержат в себе значительный импульс разрушения духовных координат труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Граве, В.В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции / В.В. Граве. – СПб., 1912.
2. *Маслоу, А.Г.* Дальние пределы человеческой психики / А.Г. Маслоу. – СПб. : Евразия, 1997. – 432 с.
3. *Парсонс, Т.* Понятие общества: компоненты их взаимодействия / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль : тексты. – М., 1996. – С. 494–525.
4. *Пригожин, И.* Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
5. *Сартр, Ж.П.* Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.П. Сартр // Сумерки богов. – М. : Политиздат, 1989. – С. 319–344.
6. *Шимановский, А.Г.* Человек творческий. К новому мировоззрению / А.Г. Шимановский, Ю.О. Шимановская. – Минск : Экономпресс, 2000. – 304 с.
7. *Шкуркин, А.М.* Концепции труда в истории философской мысли / А.М. Шкуркин. – Владивосток – Хабаровск : ДВО РАН, 2003. – 407 с.
8. *Шкуркин, А.М.* Демографический фактор рынка труда региона / А.М. Шкуркин. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2011. – 176 с.

⁴ Комплекс Ионы (А. Маслоу) – нежелание индивида реализовать свои природные способности. Подобно тому, как Иона пытался избежать ответственности пророка, многие люди тоже избегают ответственности, опасаясь в полной мере использовать свои возможности. Они предпочитают ставить перед собой незначительные цели, не стремятся добиться успеха в карьере и проявить себя. Такое отношение к жизни распространено среди студентов, которые живут себе помаленьку, используя только часть своих талантов. Корни комплекса Ионы можно увидеть в том, что люди боятся изменить свое неинтересное, ограниченное, но налаженное существование, боятся оторваться от всего привычного, потерять контроль над тем, что уже есть [2].

К СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Н.В. Фещенко

Фещенко Николай Васильевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: srs@festu.khv.ru

Прямым следствием особенности геополитического положения российского Дальнего Востока является наличие международных и внешнеэкономических связей со странами АТР. В настоящее время существуют огромные возможности для многосторонней экономической кооперации. Распределение ресурсов, капитала, рабочей силы, рынков, технологий и доходов способствует желаемому дополнительному экономическому развитию соседствующих стран. Будущее социально-экономических отношений во многом зависит от того, насколько правильно будут определены сферы взаимной заинтересованности соседствующих стран и устранены препятствия на пути их экономической кооперации.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, геополитическое положение, внешнеэкономическая ориентация, международный капитал, иностранные инвестиции, банковская сфера.

Издавна интересы России как евразийской державы были одновременно обращены и на Запад, и на Восток. Причем с точки зрения перспектив развития и в связи с возрастающей ролью АТР увеличивается и ценность Дальнего Востока для этого стремительно развивающегося региона. Российский Дальний Восток традиционно является регионом с развитыми внешнеэкономическими связями. Прямым следствием особенности геополитического положения региона является наличие международных и внешнеэкономических связей со странами АТР.

Среди основных мотивов интеграционных процессов в странах тихоокеанского региона прежде всего следует назвать расширение рынков, которые, в свою очередь, способствуют росту эффективности всей экономической системы. Последовательное усиление интеграции и формирование внутреннего регионального рынка содействуют либерализации экономических отношений между их участниками в финансовых сферах, в вопросах рабочей силы, увеличения продаж товаров и услуг. В конечном итоге все это способствует всемерному расширению функций интеграционных институтов рыночной экономики.

Координация политики азиатских стран до недавнего времени не играла важной роли в развитии региональной экономики Дальнего Востока. Расширение масштабов торговли и инвестиций происходило в результате частных инициатив и односторонних реформ стран региона. Однако рост взаимных хозяйственных интересов стран АТР и глобальное значение характера их экономического развития вызвали необходимость координации экономической политики и послужили причиной создания межправительственного форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. На страны АТЭС приходится

30 % мирового географического пространства, половина мирового ВВП и 46 % всей мировой торговли.

Характерной особенностью партнеров российского Дальнего Востока являются необычно высокие темпы прироста экономики. Этому способствуют глобальные экономические связи, сформированные в последние десятилетия. К тому же следует отметить и относительно низкую цену рабочей силы, и наличие развитого японского сегмента, который обеспечивает технологическую и инвестиционную подпитку стран-партнеров. Благодаря этим факторам в большинстве стран АТР значительно возросла их доля в мировой экономической системе, при этом был создан новый глобальный центр производства и потребления инновационных товаров и услуг. Ключевую роль в этом играют Китай, Япония и Республика Корея при тесном взаимодействии со странами АСЕАН.

Следует также отметить, что и Россия активно позиционирует себя на восточно-азиатских рынках, защищая свои интересы во взаимовыгодном внешнеэкономическом партнерстве. Однако позитивные тенденции очень серьезно сдерживаются таможенными ограничениями и нетарифными барьерами. При этом все же наблюдаются положительные сдвиги в отношениях со странами Восточной Азии, что объясняется близостью и большой емкостью территориальных рынков и их потребностью в сырье и продукции предприятий Дальнего Востока. Одновременно национальные корпорации этих стран, специализирующиеся на производстве и экспорте товаров и услуг производственного и инвестиционного характера, не упускают возможности усилить свои позиции на российском рынке.

В настоящее время в АТР входит несколько субрегионов, в том числе Юго-Восточная Азия (ЮВА) и

Северо-Восточная Азия (СВА). В рамках ЮВА страны-члены АСЕАН предприняли ряд важных шагов на пути перехода к общему рынку и созданию свободной торговли, цель которой – привлечение больших объемов иностранных инвестиций путем проведения различных финансово-экономических мероприятий (табл. 1).

В отличие от Юго-Восточной Азии, где кооперация происходит на уровне политической гармонизации и заключается в установлении общих правил, норм и принципов, в субрегионе Северо-Восточной Азии присутствуют определенные проблемы политического диалога вследствие ряда факторов, таких как недостаток экономических инициатив, существование несовместимых хозяйственных и политических систем, изобилие лучших экономических возможностей в мире и т.д.

И все же за 2001–2014 гг. торговля стран СВА выросла в 4 раза – с 392,6 млрд до 1,6 трлн долл. При этом экспорт увеличился в 3,8 раза, импорт – в

4,4 раза. Отрицательная динамика внешней торговли КНДР сформирована под влиянием политических факторов [1].

Одновременно менялись масштабы и структура внешнеэкономических связей стран данного региона. Так, доля экспорта стран в пределах региона СВА в общем экспорте этих стран снизилась за период 2001–2014 гг. с 20,8 до 17,7 %, т.е. при общем росте торговли между странами в пределах СВА в большей степени увеличились экспортные потоки стран этого региона с остальным миром (табл. 2, 3).

Из приведенных таблиц следует, что безусловным лидером в регионе является КНР. За период 2001–2014 гг. экспорт увеличился в 8,8 раза, импорт – в 8 раз, достигнув к концу 2014 г. 2,3 и 2 трлн долл. соответственно. При этом товарооборот со странами, расположенными за пределами СВА, превышает 2 раза по экспорту и 1,7 раза по импорту (табл. 4).

Таблица 1

Макроэкономические показатели стран АСЕАН, 2014 г. [1]

Страна	Площадь территории, кв. км	Население, тыс. чел.	ВВП, млн долл. США	Внешняя торговля товарами, млн долл. США		
				Экспорт	Импорт	Оборот
Бруней	5769	413	17 108	10 584	3597	14 181
Камбоджа	181 035	15 184	16 771	10 681	18 973	29 655
Индонезия	1 860 360	252 165	983 571	176 293	178 179	354 472
Лаос	236 800	6809	11 777	2640	2749	5389
Малайзия	330 290	30 262	326 346	234 161	208 918	443 079
Мьянма	676 577	51 486	65 765	11 031	16 226	27 257
Филиппины	300 000	101 175	284 910	61 819	67 757	129 567
Сингапур	716	5470	307 872	409 769	366 247	776 016
Таиланд	513 120	68 657	373 225	227 574	227 957	455 526
Вьетнам	330 951	90 630	186 224	148 092	145 686	293 777
АСЕАН	4 435 618	622 250	2 573 589	1 292 634	1 236 284	2 528 917

Таблица 2

Экспортные потоки стран Северо-Восточной Азии за 2001–2014 гг., % [1]

Страна, регион	Экспорт, всего	Экспорт в страны СВА	Экспорт в «остальной мир»
Япония	171,1	318,2	146,4
Республика Корея	146,4	307,6	433,0
КНР	880,3	507,9	990,7
КНДР	348,5	701,9	92,3
Монголия	1287,6	1751,6	394,3
Россия	498,5	340,6	514,9
СВА, всего	446,5	379,2	464,1

Таблица 3

Импортные потоки стран Северо-Восточной Азии за 2001–2014 гг., % [1]

Страна, регион	Импорт, всего	Импорт из стран СВА	Импорт из «остального мира»
Япония	232,5	302,5	212,0
Республика Корея	179,0	381,1	97,3
КНР	803,9	540,1	920,3
КНДР	137,8	211,7	36,0
Монголия	814,4	867,4	677,0
Россия	684,7	2145,9	559,7
СВА, всего	425,8	537,7	421,7

Таблица 4

**Объемы взаимной торговли стран
Северо-Восточной Азии за 2014 г. [1]**

Страна	Экспорт	Импорт
Япония	КНР (18,3 %) Республика Корея (7,5 %)	КНР (22,3 %) Республика Корея (4,1 %)
Республика Корея	КНР (25,4 %) Япония (5,6 %)	КНР (17,1 %) Япония (10,2 %)
КНР	Япония (6,4 %) Республика Корея (4,3 %)	Республика Корея (9,7 %) Япония (8,3 %)

Таким образом, в Северо-Восточной Азии существуют огромные возможности для многосторонней экономической кооперации. Так, распределение ресурсов, капитала, рабочей силы, рынков, технологий и доходов способствует желаемому дополнительному экономическому развитию соседствующих стран субрегиона. Будущее экономической кооперации во многом зависит от того, насколько правильно будут определены сферы взаимной заинтересованности стран и устранены препятствия на пути их экономической кооперации.

Развитие любой страны в соответствии с основными стандартами научно-технического прогресса невозможно в отрыве от международного капитала. Российский Дальний Восток испытывает острую потребность в притоке иностранных инвестиций, но экономика на данной территории малопривлекательна из-за общего неблагоприятного инвестиционного климата, неустойчивого и противоречивого законодательства. Однако общая ситуация в регионе не исключает финансового и технологического сотрудничества российских предприятий с иностранными компаниями.

К сожалению, одной из приоритетных сфер деятельности иностранного капитала является отрасль топливно-энергетического комплекса, куда вложения могут быть более реальными и прибыльными. С 2007 г. наблюдается снижение российского экспорта черных и цветных металлов, а также продукции лесной и деревообрабатывающей промышленности, что связано с падением стоимостных и физических объемов поставок в страны Восточной Азии. Однако импорт из этих же стран характеризуется значительно большим товарным разнообразием в таких группах, как: оборудование и механические устройства (20,2 %); электрические машины и оборудование (20,1 %); средства наземного транспорта (15,7 %); продукция легкой промышленности (11,2 %) [15].

По доле эффективных товарных групп приоритетным партнером является российско-китайское сотрудничество – более 91 %, далее следуют внеш-

неэкономические отношения со странами АСЕАН – примерно 70 %. Объем экспортных поставок по данным товарным группам составляет в Японию из России 14 %; в Республику Корею – 8,3 %. К экспортным товарным группам из России в Китай относится практически вся продукция, имеющая высокую долю в общей стоимости экспорта: нефть (68,3 %), продукция лесной и деревообрабатывающей промышленности (6,6 %), руда (5,5 %), удобрения (3,1 %), драгоценные металлы (1,5 %) [4].

Перспективным направлением российского экспорта обозначенных групп товаров для конкретного рынка станут: для всех стран АТР – морепродукты; для Китая, Республики Кореи и АСЕАН – удобрения; для Китая и стран АСЕАН – продукция машиностроения, цветной и черной металлургии, нефть и нефтепродукты, топливо, изделия бумажно-картонной промышленности; для Японии – продукция лесной отрасли.

Увеличение объемов поставок в Россию в целом и на Дальний Восток в частности будет определяться следующими товарными группами: из всех стран Восточной Азии – электромеханическими машинами, оборудованием и другими высокотехнологичными устройствами; из Республики Кореи и Японии – высококачественным топливом; из КНР, Республики Кореи и Японии – продукцией черной металлургии; из КНР и стран АСЕАН – продукцией легкой и пищевой промышленности; из Японии и стран АСЕАН – плавучими конструкциями различного назначения, рыболовецкими, торговыми и грузовыми судами. Все эти торговые группы имеют значительное ценовое преимущество по сравнению с аналогичными товарами иных стран, не являющихся участниками данных внешнеэкономических отношений.

В этой сфере вполне вероятны масштабные соглашения о совместном бизнесе на основе принципа «раздела продукции». Участие в этих проектах может открыть большие возможности для этой отрасли.

Одним из условий экономического роста и развития территорий являются инвестиции. По данным МВФ за 2012 г., обеспеченность мировой экономики капиталом во всех формах, включая долевые и долговые инструменты и банковские активы, составляет около 380 % ВВП, а в Европейском союзе еще больше – 562 % [2]. Сравнительно недавно инвестиционная политика не относилась к числу приоритетов интеграционных институтов, которые полагались на распространенный тезис о том, что положительные эффекты региональной интеграции автоматически ведут к росту инвестиций [2; 9; 10; 13]. Макроэкономические инвестиционные процессы и вопросы их регулирования традиционно лежат в плоскости решений национальных правительств. До

2009 г. большинство стран самостоятельно заключали инвестиционные соглашения и определяли приоритеты в этой сфере. Соответствующие межправительственные соглашения, принятые в 2007 г. и ратифицированные в 2009 г., заложили нормативно-правовые основы для формирования и реализации общей инвестиционной политики в отношении прямых иностранных инвестиций.

Вопросы финансирования национальных экономических систем, проблемы преодоления внешне-торговых дисбалансов в каждой стране решаются почти самостоятельно, при этом их возможности существенно ограничены принципами конкуренции и иных рыночных механизмов. В рамках стратегических мероприятий по укреплению социально-экономической и территориальной целостности стран АТР проводится соответствующая политика, направленная на сокращение разрывов в уровне их развития и преодоление отставания [2]. Она реализуется для отдельных регионов с неблагоприятными природно-климатическими, демографическими условиями либо с кардинальными индустриальными преобразованиями. Все происходит при помощи соответствующих структурных фондов. Общепринятым инструментом структурных реформ является дальнейшая либерализация товарных рынков, рынка труда, налоговой и административной систем [12].

На сегодняшний день проблема иностранных инвестиций связана больше со структурой и эффективностью их последующего использования, чем с объемом. Так, в последние годы более половины иностранных инвестиций приходилось на европейскую часть страны. Это объясняется наличием развитого диверсифицированного производственного потенциала, насыщенностью институтами рыночной инфраструктуры, сравнительно высокой обеспеченностью финансовыми и материальными ресурсами и преимущественно федеральной поддержкой.

Одна из причин, вызывающая проблемы национально-региональных промышленно-производственных структур, заключается в недостатках региональной политики по привлечению иностранного капитала, прежде всего, по вопросам страхования экономико-финансовых рисков, валютного запаса, гарантий, безопасности инвесторов, а также в недостатке социально-экономической информации.

Привлечение иностранного капитала может стать очень важным для Дальнего Востока. Однако для сохранения самостоятельности отечественной экономики нельзя допустить, чтобы приток иностранного капитала сопровождался образованием иностранных анклавов в отечественной промышленности.

Для сбалансированного развития рыночных партнерских отношений необходимы последова-

тельные решения в изменении отраслевой структуры иностранных инвестиций, которые могут быть обеспечены только на основе рациональной федеральной и региональной политики с применением налоговых и таможенных льгот, предоставляемых иностранным партнерам, вкладывающим капитал в экономику региона. Для этого необходимо создание законодательной базы, нужна разумная государственная политика в области внешнеэкономических отношений, базирующаяся на конкретной экономической ситуации.

Оценка реальных возможностей усиления внешнеэкономической ориентации Дальнего Востока базируется на оценке потенциальной готовности зарубежных партнеров принять в качестве равноправного партнера российский Дальний Восток и на оценке готовности самого Дальнего Востока выступить таким партнером.

Еще одним направлением сотрудничества может стать банковская сфера, которая имеет значительно больший масштаб, чем аналогичные отношения в промышленных областях. Развитию международной кооперации банков способствует сама специфика банковского дела: однородность, взаимозаменяемость и взаимодополняемость банковского «продукта»; географическая мобильность кредитования, его масштабы и т.д.

Особенности становления стран АТР предопределили формирование внутрисубрегиональных коопераций финансово-банковской системы, таких как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Азиатский банк развития. АСЕАН как финансовая корпорация создана для активизации частного капитала в странах – членах этой организации, содействия в координации их инвестиционной политики и развития взаимного сотрудничества. Азиатский банк развития учрежден по решению Экономической комиссии ООН для содействия экономическому развитию стран Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ) посредством инвестиций, финансово-кредитной и технической помощи.

В последние несколько лет страны АТР стали использовать денежную единицу КНР в качестве платежа в торговых операциях как с Китаем, так и между собой. По состоянию на 2013 г. 12 % всех внешне-торговых мероприятий Сингапура проводятся в CNY, в 2015 г. 54 % платежей между Сингапуром и КНР осуществлялись в юанях, и в это же время между Филиппинами и Китаем – уже 73 %. Следует отметить, что китайская национальная валюта поднялась с 20-й строчки в январе 2012 г. на 5-е место в мире (с долей 2,1 %) в рейтинге наиболее применяемых для расчетов в системе SWIFT валют. Среди валют стран АСЕАН в этом рейтинге присутствуют тайский бат – 10-я строчка и 1 % до-

лей в международных расчетах, а также сингапурский доллар – 12-е место при доле 0,9 % [3].

Продвижению юаня в мировые валютные механизмы способствует заключение банком КНР валютных соглашений с центральными банками других стран, т.е. соглашений об обмене оговоренного объема национальной валюты на валюту другой страны. Такие соглашения позволяют странам-контрагентам осуществлять взаимные расчеты в их собственной национальной валюте, не прибегая к посредническим валютным услугам [3].

Вхождение российской банковской системы и ее региональных секторов в одну из подобных коопераций при выполнении определенных условий вполне возможно. Потенциал экономики российского Дальнего Востока и банковских структур таков, что позволяет поддерживать на определенном уровне сотрудничество с банками АТР.

Таким образом, геостратегический статус Дальнего Востока в АТР в силу его географического положения, сырьевой базы, научно-производственного потенциала еще до конца не утрачен. И вопрос состоит в том, чтобы научиться их использовать во благо как ныне живущих, так и последующих поколений россиян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардаль, А.Б. Рынок транспортных услуг Северо-Восточной Азии: Тенденции и перспективы / А.Б. Бардаль // *Пространственная экономика*. – 2016. – № 1. – С. 132–162.
2. Гурова, И.П. О многомерной модели евразийской экономической интеграции / И.П. Гурова // *Пространственная экономика*. – 2016. – № 1. – С. 14–19.
3. Демина, Я.В. Координация валютной политики стран АСЕАН: влияние на параметры внешней торговли / Я.В. Демина // *Пространственная экономика*. – 2015. – № 4. – С. 98–116.
4. Изотов, Д.А. Либерализация торговли между Россией и странами Восточной Азии / Д.А. Изотов // *Пространственная экономика*. – 2015. – № 4. – С. 75–97.
5. Казаченко, Е.В. Региональная составляющая в национальной инновационной системе / Е.В. Казаченко, Н.В. Фещенко // *Повышение эффективности транспортной системы региона: проблемы и перспективы* : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (21–22 октября 2015 г.). В 3 т. Т. 1 / под ред. В.А. Подоба. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2015. – С. 88–94.
6. Фещенко, Н.В. Механизм формирования и реализации региональной социальной политики : моногр. / Н.В. Фещенко. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2008. – 120 с.
7. Фещенко, Н.В. Вопросы экономического управления процессами инновационного развития территорий опережающего развития / Н.В. Фещенко // *Актуальные вопросы проектного и процессного менеджмента* : тр. Всерос. науч.-практ. конф. ученых транспортных вузов и представителей акад. науки (10–12 декабря 2014 г.) / под ред. С.Н. Третьяка. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2014. – С. 272–276.
8. Фещенко, Н.В. Региональные кластеры и вопросы их организации как условие повышения конкурентоспособности региона / Н.В. Фещенко // *Повышение эффективности транспортной системы региона: проблемы и перспективы* : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (21–22 октября 2015 г.). В 3 т. Т. 1 / под ред. В.А. Подоба. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2015. – С. 258–263.
9. Baltagi, B.H. Estimating Regional Trade Agreement Effects on FDI in an Interdependent World / B.H. Baltagi, P. Egger, M. Pfaffermayr // *Journal of Econometrics*. – 2008. – Vol. 145. – Issues 1–2. – P. 194–208.
10. Borensztein, E. How Does Foreign Direct Investment Affect Economic Growth? / E. Borensztein, J. De Gregorio, J-W. Lee // *Journal of International Economics*. – 1998. – Vol. 45. – Issue 1. – P. 115–135.
11. Carrère, C. Revisiting the Effects of Regional Trade / C. Carrère. – Paris, 2015.
12. Korea, China, Japan See Progress on Trilateral FTA [Electronic resource] // *Asia News Network*. – 2013. – 03 August. – URL: <http://www.asianewsnet.net/Korea-China-Japan-see-progress-on-trilateral-FTA-49849.html>
13. MacDermott, R. Regional Trade Agreement and Foreign Direct Investment / R. MacDermott // *The North American Journal of Economics and Finance*. – 2007. – Vol. 18. – Issue 1. – P. 107–116.
14. Structural Reforms in Europe // *Achievements and Homework*. – 2015. – April. – Paris : OECD, 2015. – 15 p.
15. UNCTADstat [Electronic resource]. – URL: <http://unctadstat.unctad.org/EN> (accessed: may 2015).

ФРАГМЕНТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ Г. ХАБАРОВСКА

Г.С. Любичкая

Е.Н. Спасский

Любичкая Галина Степановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: srs2@festu.khv.ru

Спасский Евгений Новомирович – доктор политических наук, профессор кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: srs2@festu.khv.ru

В статье рассматриваются характеристики и противоречия современного образования: его фрагментарность и незавершенность, порождаемые конфликтом традиционной и новой образовательных парадигм. Показаны условия, складывающиеся в процессе обучения, препятствующие глубокому освоению знаний.

Ключевые слова: Дальний Восток, фрагментарное образование, концепция личностно-ориентированного образования.

Понятие фрагментарного образования в научном дискурсе появилось давно и было связано с процессом ограничения его тем возрастным барьером, до достижения которого человек считался способным к обучению (К. Мангейм) [3]. В современном обществе понятие «фрагментарное образование» интерпретируют по-иному, не детерминируя его возрастными критериями. По мнению С.А. Шароновой, понимание фрагментарности образования связано с иными ограничениями: с сужением его содержания, формами организации учебного процесса и функциональной грамотностью, которая противостоит формированию фундаментального знания [5: с. 361–363].

Фрагментарность образовательного содержания проявляется в том, что прежний эталон приверженности самосовершенствованию в одной профессии уступает место адаптивности к условиям, связанной со способностью менять профессию в зависимости от складывающейся экономической ситуации. Фрагментарность форм организации в образовании также обусловлена стратификационной структурой общества. В данном случае формируется неустойчивая образовательная структура, уровни которой задают социальные слои. И, наконец, фрагментарность как функциональная грамотность, которая противопоставляется методологической основе фундаментального знания. В качестве положительного результата фрагментарного образования специалисты отмечают его открытый характер, доступность. Но это сомнительное достоинство: идет процесс омассовления высшего образования. Интернет-обучение как один из важных ре-

сурсов обеспечивает широкий доступ к информационным базам данных. Но бессистемное использование информационных ресурсов без необходимого методического сопровождения приводит к тому, что у обучаемого складывается фрагментарное, мозаичное сознание без системных представлений о мире, затормаживается процесс самостоятельного мышления, которое сводится к набору шаблонов и трафаретов. В вуз приходят люди, уже не способные мыслить самостоятельно.

Как отмечает С.А. Шаронова, в России образовательная система всегда выстраивалась на основе фундаментального знания, которое строилось на глубоком усвоении теоретических основ дисциплин, философских представлениях и энциклопедических знаниях других наук. Фундаментальность обучения раздвигается сегодня новым предметным знанием, которое носит междисциплинарный характер. Каждый новый виток таких междисциплинарных конструкций все меньше опирается на собственные фундаментальные теории, захватывая лишь верхушки научного знания. Логика изучения дисциплин носит скорее ознакомительный характер, чем доскональное и последовательное изучение. Обучаемые обладают основами правовой, экономической, компьютерной грамотности, но при этом целостность образования личности заменяется мозаичным набором знаний, вытесняя процесс развития мышления, формирования миропонимания. Знание перерождается в элементарные формы поиска информации и её поверхностного усвоения. Результатом такого обучения становится лишь формирование дееспособ-

собного потребителя, необходимого для успешного функционирования рынка.

Сегодня идет процесс институционализации инноваций в образовательных технологиях в обучении, начиная от изложения учебного материала и включая контроль остаточных знаний. Вместе с тем увлечение инновационностью форм подачи учебного материала нередко вступает в противоречие с его содержательным ядром. Так, презентации лекций сводят материал к абстрактным схемам, доносят его до студента в формально-тезисной форме. Отсутствие навыков конспектирования, которое характерно для большинства студентов, сдерживает мыслительный процесс личности. Столь популярное тестирование очень часто не соответствует принципу валидности: при контроле остаточных знаний имеет место элемент угадывания. Из учебного процесса уходят те формы обучения, которые заставляют студента рассуждать, рассматривать явления через проблемный подход. Логика изучения дисциплин часто носит ознакомительный характер и не способствует последовательному и глубокому обучению. Современные учащиеся и студенты приобретают функциональные умения поиска информации и ее внешнего представления, нежели формирования глубоких знаний теоретических основ дисциплин, философских представлений. Передача интеллектуальной функции компьютеру сдерживает развитие мышления школьников и студентов, препятствует превращению информации в знания, тормозит формирование образовательных навыков. Результатом этого стало появление функциональной неграмотности: поверхностное усвоение информации, сдерживание умения анализировать и систематизировать.

Растущий динамизм социальных взаимодействий, расширение пространства свободы и ответственности индивида в современном обществе способствуют росту социальной неопределенности и усилению рисков в молодежной среде. На их преодоление ориентирована инновационная функция, обеспечивающая развитие личности, значимость которой растёт. Ее формирование непосредственно связано с социальным институтом образования, главной целью которого должно стать не только формирование адаптивных свойств личности, но и создание ее творческого потенциала. Между тем мозаичность сознания, формируемая фрагментарным образованием, сдерживает развитие творческого мышления.

Современные преобразования разрушили прежнюю концепцию образования, для которой была характерна методологическая связь между предметами по горизонтали (последовательное изложение преподаваемых дисциплин), и по вертикали (преемственность со знаниями, получаемыми в высшей

школе), при этом учитывалось не только формирование системы знаний, но и ее воздействие на формирование целостной личности. Проблемой стало и то, что глобализированное информационное общество создаёт новые условия идентификации, где факторами социализации личности все более становится виртуальное пространство, а не непосредственное взаимодействие внутри первичных групп.

Чем более фрагментарным становится образование, тем более востребованным становится фундаментальное знание. Принципы фрагментарного образования противоречат и разрушают традицию, сложившуюся в российском образовании.

Социальные практики в сфере образования тесно связаны с образовательным поведением молодежной когорты 18–24 лет. Оно связано с получением профессионального образования в специальных учебных заведениях. Исследования Г.А. Чередниченко показали, что в российском обществе уровень образования молодежи (законченное образование на момент исследования) изменялся следующим образом [6]. В 2011 г. по сравнению с 2002 г. существенно снизилась доля молодежи, имеющей незаконченное среднее образование, возросла численность молодых людей, получивших среднее специальное, незаконченное высшее и высшее образование. Следует отметить, что возросло количество молодежи, выбирающей среднее специальное образование (в 1997 г. доля таковой составляла 29,4 %). Заметна тенденция «омолаживания» группы, получающей высшее образование: в два раза чаще его приобретают люди в возрасте до 24 лет. Между тем уровень образования лишь косвенно свидетельствует о его качестве. Многие в процессе подготовки высококвалифицированных кадров зависят от ценностной составляющей базовых характеристик отношения молодых людей к образованию. Качество образования в значительной мере определяется мотивами его приобретения, тем, какое место среди них занимает сама ценность образования и приобретаемого знания.

Обращает на себя внимание низкий процент молодых людей, связывающих смысл образования с познанием. Несмотря на рост образовательного уровня молодежи, невысокие значения терминальных ценностей образования и знания не позволяют сделать вывод об удовлетворительном состоянии базовых характеристик отношения молодежи к образованию. Это сказывается на качестве подготовки высококвалифицированных специалистов. Поэтому потенциал, заложенный в сравнительно высоком уровне образования молодежи, может быть реализован только при условии формирования мотивации, адекватной современным вызовам.

Направленная социализация в вузе предполагает формирование активного образовательного интере-

са, признание значимости когнитивных установок, которые начинают складываться еще в школе и необходимы в условиях динамично развивающегося общества и востребованности непрерывного образования. Реализация функций развития молодежи – воспроизводственной, трансляционной, инновационной – начинается в профессиональных учебных заведениях. Являясь субъектом воспроизводства социальных отношений, молодежь находится в противоречивых отношениях с обществом. Как было указано выше, современные исследования выявляют рост численности молодежи, получившей среднее и высшее образование, но при этом формальное наличие диплома не обеспечивает ее защищенности на рынке труда. Таким образом, налицо противоречие между высокими образовательными требованиями, предъявляемыми к молодежи на рынке труда, и тем качеством образования, которое она получает. Иными словами, социальный институт образования оказывается дисфункциональным, не достигая своих основных целей.

Образование сегодня позиционируется как личностно-ориентированное: смысл обучения сводится к тому, чтобы в условиях его коммерциализации удовлетворить ученика процессом обучения, создать ему некую психологическую комфортность. Степень усвоения учебного материала, успешность прохождения дисциплины отходят на второй план. Многовариантность, поливариантность содержания образовательных курсов, надуманность некоторых новых дисциплин нарушила общую структуру знания, способствуя его мозаичности. Концепция жесткого стандарта, характерная для советского периода и обеспечивающая связь школьных предметов и специального профессионального обучения, оказалась разрушенной и канула в Лету.

Главной целью социального института образования должно стать выполнение функций, которые обеспечивают реализацию образовательного права, получение знаний, обеспечивающих профессиональный статус личности. И при этом очень важно сохранить преемственность в системе образования: сохраняя инструментальный подход к образованию, не забывать о традиционно сложившемся в России сакральном отношении к знанию, его значимости в формировании способной к самостоятельному мышлению личности.

Целью образовательных институтов в условиях постиндустриального общества является формирование в первую очередь так называемой компетентной личности: обеспечение качеств специалиста уходит на второй план. Компетентностный подход, доминирующий в системе современного обучения, предполагает акцентировать внимание на формировании личностных характеристик и моральных установок. В учебных программах по

направлению подготовки бакалавров процесс углублённого освоения знаний становится второй-степенной задачей.

Многочисленные компетенции, заявленные в нескончаемых образовательных стандартах и учебных программах, формально целесообразны, так как связаны с изменениями в обществе и транслируют его ожидания к сегодняшнему выпускнику. Однако определяющей целью образования становится ориентация на ожидание рынка и потребности предпринимателей. Студенты весьма чутко реагируют на эти запросы, что отражается на их самооценке личностного потенциала. Данные социологических исследований [4] показывают, что студенты в первую очередь ценят в себе адаптивные качества: умение общаться с людьми, работоспособность, нацеленность на результат. Способность к самосовершенствованию и быстрому обучению оказывается в рейтинге качеств не на первом месте. Теоретические знания, эрудиция располагаются в шкале признаков на последнем. Но снижение качества образования, связанное с сокращением компонента знаний, может стать сдерживающим фактором общественного воспроизводства и глубоких социальных дисфункций.

В исследованиях российских социологов (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, Г.А. Чередниченко) [2; 6] сложившиеся социальные практики в сфере образования анализируются через призму реализации функций воспроизводства и инноваций.

Рискологическая концепция молодежи Ю.А. Зубок рассматривает социальные транзиты молодежи (переход к взрослому состоянию) в условиях рисков. Риск понимается как деятельность в условиях перехода от неопределенности к определенности (или наоборот) и связана со свободой выбора при достижении результата с учетом действующих моральных норм. Ситуации риска в молодежной среде связаны с переходом состояния молодости от относительной определенности, обеспечиваемой родителями, к неопределенности самостоятельной жизни. В российском обществе риска образовательные отношения молодежи складываются при росте неопределенности и постоянной изменчивости макросреды. Во-первых, условия ее социализации находятся под воздействием этих влияний. Во-вторых, молодежь подвержена влиянию условий, которые могут иметь судьбоносные последствия: остаться без работы, подвергнуться маргинализации, что влияет на процесс профессионального самоопределения.

К объективным условиям рисков относится коммерциализация образования, что приводит к тому, что высшее образование становится доступным для молодежи благодаря родителям. Поэтому часто будущую профессию выбирают родители. Социальная адаптация молодежи требует совмеще-

ния учебы и подработок. При пересечении образовательных и трудовых траекторий студентов приобретает профессиональный опыт, но это отражается на отношении к учебе. С одной стороны, формируются коммуникативные навыки, умение соответствовать ожиданиям окружающих, что успешно интегрирует их в трудовой коллектив, с другой – снижается качество приобретаемых знаний. Знания утрачивают свою терминальную ценность. Но молодежь начинает сама калькулировать риски: трудовой опыт студентов позволяет им более осознанно относиться к получению второго высшего образования. С одной стороны, разочарование в получаемой профессии как ресурсе успешного включения в рынок труда, поступление в вуз под давлением родителей, с другой – самостоятельность при выборе второго образования. Существующие стереотипы о жесткости корпоративной культуры в условиях рынка порождают страхи молодых людей в отношении вступления во взрослую трудовую жизнь, и они стараются его оттянуть, получая дополнительное образование. И это определяет субъективные условия рисков.

Следует отметить, что образовательное поведение молодежи в условиях рынка меняет социальную политику государства. Рост безработицы привел к тому, что политика государства направлена на то, чтобы увеличить период социального взросления молодежи и задержать ее в вузе с целью уменьшения бремени молодежной безработицы. Открываются факультеты дополнительных профессий, но нередко студент идет туда за вторым дипломом, но не за знаниями.

Источником риска становится стремление молодежи к новому с наименьшей рефлексией по поводу возможных последствий, связанных с неопределенностью. Риск, будучи макросоциальным фактором, определяет характер микросреды молодежи. В этих условиях, характеризующих жизнедеятельность молодежи в состоянии неустойчивости, перед ней постоянно стоит проблема выбора с низкой степенью предсказуемости результатов. Поэтому образовательные стратегии молодежи как реализации притязаний посредством обучения связаны с диспозициями социально-статусными, а не с познавательными. Особенностью образовательных стратегий молодежи в этих условиях является формирование ценностных ориентаций под воздействием рыночных отношений, коммерциализации образования и превращения образования в товар, в образовательную услугу. Мотивация поведения при получении профессионального образования тесно связана с рационализацией действий молодежи, когда на первый план выходят прагматические интересы, отесняя эвристические и морально-этические.

Эффективность подготовки и дальнейшего использования квалифицированных кадров оценивается на эмпирическом уровне посредством показателей соответствия приобретенной специальности фактически выполняемой работе, ценности знаний и ценности труда, гармонизации этих ценностей в профессиональной деятельности.

Сложившиеся в последнее время социальные практики пересечений образовательных и профессиональных траекторий не всегда играют позитивную роль в профессиональной социализации молодежи. Чередниченко Г.А. дает положительную характеристику раннего выхода подрабатывающих студентов на рынок труда. Пересечение образовательных и производственных практик, по ее мнению, наращивает человеческий потенциал, оптимизирует процесс адаптации к рынку [5]. Но наблюдение за студентами ДВГУПС, которые с младших курсов начинают трудовую жизнь параллельно с обучением, показывает, что это существенно снижает и до того невысокое качество их образования.

Получение фундаментального образования связано с желанием личности учиться, пониманием того, что образовательная деятельность – это напряженный труд. Ориентация на создание психологического комфорта, а не на усвоение учебного материала не решила важной задачи: превращения образовательных потребностей в интерес, в образовательные установки. В процессе школьного обучения формирующаяся личность должна обрести когнитивные потребности, освоить навыки обучения, рационально подойти к выбору профессии.

В 2011–2014 гг. кафедрой «Социальная работа и социология» ДВГУПС проводились исследования профориентационных установок школьников города Хабаровска (N = 150 человек), а также образовательного поведения студентов университета путей сообщения.

На вопрос: «Интересно ли вам учиться в школе?» 58 % опрошенных в 2013 г. и 53,6 % в 2014 г. ответили положительно, 42 % (2013) и 43,6 % (2014) ответили отрицательно. При этом на вопрос: «Куда они будут поступать после получения аттестата?» 97 % респондентов ответили (2014), что будут поступать в вузы, 3 % опрошенных (2014) – в профессиональные учебные заведения. При подготовке к сдаче ЕГЭ школьник выбирает важные для себя предметы, необходимые для поступления в вуз, часто снижая активность в освоении других дисциплин. Дальнейшее обучение этих ребят в профессиональных учебных заведениях показывает, что у многих из них не сформированы образовательные установки.

Последствия этого печальны. Исследователи констатируют приход в вуз неподготовленных,

«необучаемых» студентов [1]. Может ли вуз снять риски, связанные не только с социальной нестабильностью, но и успешно адаптировать к процессу обучения набираемый контингент абитуриентов?

Изучение образовательного поведения студентов первого курса ДВГУПС показало, что для большей части студентов образовательная деятельность не стала трудом, требующим усилий. Преобладающее число студентов предпочитали подробные лекции (72 %) использованию дополнительной литературы. В ходе исследования выяснялась активность на семинарах: желание задавать вопросы докладчикам, самим выступать с добавлениями, которые оценивались бы более высоко. Ответы респондентов показали, что доля предпочтений активного поведения довольно высока (соответственно 20 и 25 % респондентов указали на готовность использовать эти формы работы на семинаре). Тем не менее реальные образовательные практики на семинарах выявляют преобладание пассивных форм работы: подготовку сообщений, рефератов, докладов, взятых готовыми из Интернета. Следует отметить, что значительная часть студентов слабо включена в образовательный процесс: 70 % студентов не успевали конспектировать лекции, 30 % – готовиться к семинарам, 50 % пропускали занятия. Следует отметить, что, если студенты технических специальностей указывали в ответах на стремление получить любую оценку на семинарах, студенты-гуманитарии претендовали на более высокие отметки. Однако опрос выявил преимущество результатов студентов-технарей над гуманитариями. Сравнение этих результатов свидетельствует о большей организованности и подготовленности к процессу обучения студентов технических специальностей, что объясняется лучшей образовательной подготовкой тех школьников, которые их выбрали.

В исследовании формулировались вопросы, выявляющие признаки отличия обучения в школе от вузовской учебы. Значительное количество студентов (42 %) отметили более высокий уровень требований, в то же время для 42 % студентов учеба представляется более легкой и интересной. При этом подготовку к экзаменам 20 % респондентов начинают за 2–3 дня до него, 4 % – в ночь перед экзаменом, 2 % студентов идут на экзамен неподготовленными. Более того, некоторые студенты (9 %) считают, что из вуза трудно быть отчисленным, так как в сохранении контингента обучающихся заинтересованы все участники образовательного процесса, в том числе администрация факультета и руководство университета. Таким образом, налицо снижение селективной функции высшего образования, что ухудшает его качество.

Как показывают исследования, новое поколение ориентировано в основном на сегодняшний день и немедленное удовлетворение своих потребностей, оно мало верит в какие-либо социальные идеалы. Очевидна существенная переориентация молодежи с духовных ценностей на прагматические. Поэтому целью современной образовательной политики должны стать как определение путей и способов формирования нового, инициативного мышления молодежи, активизации ее интеллектуального потенциала, так и формирование единой системы социальных норм, поощрение законопослушного правового поведения. Образование не только воспроизводит элементы культуры, но и осуществляет селекцию инноваций в этой сфере, противодействуя тем из них, которые носят деструктивный характер.

Выводы. Современные преобразования в системе российского образования разрушили его целостность: нарушены принципы, обеспечивающие равновесие в соотношении фундаментального и специализированного знания. Концепция личностно-ориентированного образования понижает значимость фундаментальных знаний. Не выработаны методические основания для объединения «компетентностного» и «знаниевого» подходов в обучении. Стремление создать условия для удовлетворения ученика процессом обучения приводит к тому, что институт образования начинает утрачивать важную функцию формирования интеллектуального потенциала обучаемой личности. Образовательные стратегии молодежи в этих условиях структурируют образовательное поведение в соотношении с потребностями, интересами, ценностями, которые ориентированы на адаптивность, но не способствуют формированию обладающей высоким интеллектуальным потенциалом творческой личности, востребованной в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Денисова-Шмидт, Е.В.* Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов / Е.В. Денисова-Шмидт, Э.О. Леонтьева // Социс. – 2015. – № 9. – С. 83–90.
2. *Зубок, Ю.А.* Молодежь в условиях риска / Ю.А. Зубок. – М., 2002. – 256 с.
3. *Мангейм, К.* Диагноз нашего времени / К. Мангейм. – М., 1994. – 245 с.
4. *Мягков, А.Ю.* Студенты технического вуза: профессиональные компетенции и ожидания на рынке труда / А.Ю. Мягков // Социс. – 2016. – № 6. – С. 102–109.
5. *Шаронова, С.А.* Социология образования / С.А. Шаронова. – М., 2011. – 380 с.
6. *Чередниченко, Г.А.* Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований) / Г.А. Чередниченко. – М.: ЦСП и М, 2014. – 582 с.

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ ПЕЗДОВ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП СПЕЦИАЛИСТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Т.Н. Соболева

Н.Д. Хренов

Соболева Татьяна Николаевна – кандидат психологических наук, доцент Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: t.n.s.25vivat@mail.ru

Хренов Николай Дмитриевич – руководитель курсов повышения квалификации по безопасности движения поездов для специалистов РЖД в Институте дополнительного образования Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: n.d.h.1549@mail.ru

Актуальность исследования компонентного анализа профессионального самоопределения в безопасности движения поездов (БДП) обусловлена решением вопроса об индивидуальных различиях самоопределения между узкоспециализированными группами работников одной отрасли. Основным методологическим подходом является системогенез профессиональной деятельности, разрабатываемый В.Д. Шадриковым. Экспериментальное исследование позволило установить, что профессиональное самоопределение в сфере БДП включает такие взаимосвязанные компоненты, как осознание, самоконтроль, когнитивные стратегии и нравственные ориентиры. Установлено, что повышение уровня технического знания безопасности движения поездов способствует повышению уровня самоопределения. Экспериментально доказано, что нравственные ориентиры регулируют уровень проявления самоопределения и технического знания.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, технические знания, безопасность движения поездов, индивидуальные различия.

На железнодорожном транспорте специалисты практически всех уровней решают проблему безопасности движения поездов, и залог успешной её реализации состоит в принятии профилактических мер, ориентированных, прежде всего, на сознание человека. Одним из эффективных направлений, на наш взгляд, является профессиональная, психологическая подготовка специалистов в области безопасности движения поездов. В Институте дополнительного образования ДВГУПС осуществляется повышение профессиональной квалификации различных групп специалистов по направлению «Безопасность движения поездов» под руководством Н.Д. Хренова. Проведённое нами пилотажное исследование уровня технических знаний по вопросам безопасности движения поездов различных групп специалистов позволило обнаружить противоречие между тем, что в условиях производства специалисты получают полную информацию, отражённую в нормативных документах, регламентирующих их деятельность, и тем, что специалисты демонстрируют объективно низкий уровень знаний, которыми они владеют. Выявленное противоречие определило дальнейший путь исследования, а именно: нас заинтересовал вопрос профессионального самоопределения специалистов в области безопасности движения поездов.

Самоопределение относится к интегральному феномену, включающему формирование процессов осознания, самоконтроля, когнитивных стратегий принятия решений, практических действий, нравственно-духовных качеств под влиянием содержания, требований и условий конкретной деятельности (Е.А. Климов, В.А. Бодров, А.Л. Журавлёв, А.Б. Купрейченко, Д.Н. Завалишина, Н.С. Пряжников, Ю.П. Поварёнков, В.А. Пономаренко, В.Д. Шадриков и др.). По мнению большинства авторов, сущность профессионального самоопределения состоит в формировании личностной значимости профессии на стадиях выбора, освоения и реализации трудовой деятельности, в постепенном наращивании полноты и глубины смысла и на этой основе выработке индивидуального способа деятельности субъектом [1–5].

В.Д. Шадриков считает, что выбор профессии человеком осуществляется на основе оценки того, какие потребности в деятельности и через деятельность будут удовлетворены, т.е. в процессе проецирования мотивационной сферы на содержание, требования и условия деятельности у индивида рождается желание принимать и выполнять профессию определенным образом [5]. Ю.П. Поварёнков справедливо отмечает, что решение задач профессионального самоопределения завершается компромис-

сом, в результате которого профессия принимается индивидом по основным позициям, причём субъект осознаёт, что данная профессия может удовлетворить только отдельные потребности и обеспечить реализацию только части его потенциала, а также то, что отдельные условия и требования профессии могут оказать на него негативное влияние [2].

Вместе с этим к содержательно-процессуальным характеристикам профессионального самоопределения многие авторы относят: во-первых, осознание человеком уровня развития своих профессиональных способностей, полноты реализации профессиональных мотивов, знаний и навыков в соответствии с требованиями конкретной деятельности; во-вторых, переживание этого соответствия как чувства удовлетворенности выбранной профессией, выполняемой работой, а также условиями труда и общественными отношениями. Профессиональное самоопределение реализуется через формирование отношения к себе как к субъекту профессиональной деятельности на основе самооценки своего уровня профессионализации. Процесс профессионального самоопределения не является завершённым, поскольку по мере повышения объективного уровня профессионализации растут и усложняются критерии оценки этого уровня [1; 3; 4].

По мнению В.Д. Шадрикова, в процессе освоения профессии и профессионализации субъект придерживается принципа достаточности, а не принципа максимума, поскольку принцип достаточности способствует освоению и реализации деятельности в той индивидуальной мере, в которой это позволяет достичь цели деятельности. Принцип достаточности содействует проявлению принципа перманентного профессионального совершенствования, когда субъект достигает успешного выполнения профессиональных требований по параметрам качества и производительности, демонстрируя подлинное мастерство [5: с. 253–254]. В этой связи профессиональное самоопределение в ходе профессионализации изменяется, наполняется новым качеством в соответствии с формированием у субъекта новых критериев предпочтительности и достаточности в отношении реализации деятельности, её мотивов, целей, программы, процессов принятия решений, что способствует профессиональному совершенствованию. Профессиональное самоопределение индивидуализировано, может проходить неравномерно и гетерохронно в трудовой жизни субъекта в соответствии с неравномерным и гетерохронным характером освоения и реализации деятельности [2; 5].

Б.Ф. Ломов, В.А. Бодров, В.А. Пономаренко, Ю.К. Стрелков, Л.Г. Дикая, В.Д. Шадриков, Ю.Я. Голиков, А.Н. Костин и др. отмечают, что уровень профессионализма, обусловленный развитием профессиональных способностей, профессио-

нальной подготовленностью, личной и социальной ответственностью, нравственностью, совестью и т.п., определяет индивидуальную сущность и вектор профессионального самоопределения, которые способствуют обеспечению эффективной и безопасной или/и неэффективной и опасной деятельности в трудовой жизни человека. Основная причинно-следственная связь между эффективностью, безопасностью деятельности и индивидуальным профессионализмом субъекта является детерминирующей в формировании профессионального самоопределения.

С позиции системогенетической концепции профессиональной деятельности психологический анализ профессионального самоопределения включает: во-первых, выявление индивидуально-психологических качеств, входящих в структуру профессионального самоопределения и обуславливающих эффективность и безопасность выполнения деятельности; во-вторых, изучение функциональных связей, в-третьих, анализ изменений качественно-количественных показателей индивидуального развития субъекта в процессе реализации деятельности. Профессиональное самоопределение мы понимаем как качественное сочетание процессов осознания, самоконтроля, когнитивных стратегий, нравственных ориентиров, как системное качество субъекта, формирующееся под влиянием требований и условий конкретной деятельности, имеющее индивидуальную меру выраженности и проявляющееся в эффективной, безопасной реализации деятельности.

Мы предположили, что профессиональное самоопределение в сфере БДП проявляется как качественное сочетание процессов осознания, самоконтроля, когнитивных стратегий, нравственных ориентиров, как системное качество субъекта, проявляющееся в индивидуальной мере, которая обусловлена как индивидуальными, так и межгрупповыми различиями в уровне технического знания БДП специалистами различной профессиональной направленности в сфере железнодорожного транспорта.

При изучении профессионального самоопределения мы использовали авторский опросник субъективной оценки профессионального самоопределения в области безопасности движения поездов (5-балльная шкала), разработанный на основе компонентного состава самоопределения, а также структурно-функционального анализа той стороны деятельности, которая связана с выполнением трудовых действий, направленных на обеспечение безопасности движения поездов основными группами специалистов железнодорожного транспорта. Вместе с этим был разработан тест в целях оценки уровня технического знания (5-балльная шкала) на основании анализа требований безопасности движения поездов, предъявляемых к различным группам специа-

листов железнодорожного транспорта. Структурно-функциональный анализ деятельности и анализ требований безопасности движения поездов реализовался следующими методами: 1) анализом нормативных документов, должностных инструкций; 2) интервью с двумя руководителями высшего командного состава; 3) экспертной оценкой опросников двумя руководителями высшего командного состава и тремя руководителями среднего звена.

В результате анализа экспертного мнения об общем характере знания в области безопасности движения поездов для основных групп специалистов были выявлены четыре фактора, в рамках которых сформулированы вопросы теста: первый фактор – БДП с точки зрения законодательства РФ; второй фактор – БДП при строительстве, модернизации, комплексной реконструкции, капитальном ремонте (СМКР); третий фактор – БДП, регламентированная Правилами технической эксплуатации (ПТЭ); четвёртый фактор – БДП, регламентированная дополнительными инструкциями (РДИ).

В исследовании приняли участие четыре группы специалистов (руководителей среднего звена), непосредственно обеспечивающих безопасность движения поездов: 1-я группа – специалисты дирекции по перевозкам; 2-я группа – специалисты дистанции сигнализации, централизации и блокировки (СЦБ); 3-я группа – специалисты дистанции пути; 4-я группа – специалисты дистанции энергоснабжения. Исследование проводилось по плану формирующего эксперимента. Этап воздействия осуществлялся через обучение техническим конструктам, моделям, стратегиям, методам, отвечающим нормативным требованиям в обеспечении безопасности движения поездов. Исходя из переосмысления своего 30-летнего опыта работы руководителем высшего командного состава, изучения новых нормативных документов по обеспечению безопасности движения поездов и учёта недостатков в обучении на производстве, а также анализа методов обучения, используемых профессорско-преподавательским составом на курсах повышения квалификации, Н.Д. Хреновым была разработана программа обучения по безопасности движения поездов для основных групп специалистов, которая включала следующую тематику: 1) факторы, влияющие на безопасность движения поездов; 2) классификацию нарушений БДП и методы их расследования; 3) обеспечение БДП при строительстве, модернизации и комплексной реконструкции инфраструктуры железных дорог; 4) государственные и корпоративные подходы в обеспечении БДП; 5) комплексный анализ причин нарушения БДП и методы их профилактики; 6) роль охраны труда и техники безопасности в обеспечении БДП; 7) юридические вопросы в обеспечении БДП; 8) психологический анализ челове-

ческого фактора в нестандартных ситуациях; 9) практикум ограждения места производственных работ, места препятствия, аварийного поезда, а также методов профилактики при организации, планировании, подготовке и проведении этих работ; 10) перспективные и современные методы строительства, обслуживания и эксплуатации путевого хозяйства как основного элемента инфраструктуры железных дорог; 11) комплексный подход к эксплуатации рельсовых цепей как основного элемента технической информации в обеспечении БДП; 12) перспективные и современные методы энергообеспечения инфраструктуры железных дорог как важнейшего фактора в обеспечении БДП; 13) обеспечение БДП при содержании и эксплуатации подвижного состава; 14) систему организации движения поездов, маневровой работы, погрузочно-разгрузочных операций в обеспечении БДП; 15) перспективные и современные технологии в управлении БДП. Программа рассчитана на 40 часов для каждой группы специалистов.

В соответствии с нашим планом были сформированы восемь выборок испытуемых, состоящих из 23 испытуемых в каждой, всего 184 человека, прибывших из различных депо (станций) ДвостЖД для повышения квалификации в ДВГУПС (г. Хабаровск). Соотношение стажа деятельности в выборках приблизительно одинаковое. Первые четыре выборки исследовались в первый день недельного периода повышения квалификации по обеспечению БДП, вторые четыре выборки – в последний день означенного периода. Во всех восьми выборках оценка уровня технического знания осуществлялась как до, так и после недельного обучения.

В результате проведенного исследования нами были получены значения восьми переменных профессионального самоопределения и технического знания на каждого из 184 испытуемых. Обработка и интерпретация полученных данных осуществлялась в несколько этапов: 1) определялись статистически значимые различия между первыми четырьмя выборками, которые исследовались до обучения, а также между вторыми четырьмя выборками, которые исследовались после обучения; 2) определялись статистически значимые различия во всех восьми выборках по параметру технических знаний (до и после обучения); 3) определялись статистически значимые различия между объединёнными выборками: первой четвёркой групп (92 испытуемых), которые исследовались до обучения, и второй четвёркой групп (92 испытуемых), которые исследовались после обучения; 4) определялись корреляционные связи между переменными в объединённых выборках (92 испытуемых), которые исследовались до обучения, а также в объединённых выборках (92 испытуемых), которые исследовались после обучения.

Самоопределение и технические знания проявляются неравномерно и гетерохронно в первой четвёрке групп специалистов, которые исследовались до обучения (табл. 1).

В группах различной специализации одни и те же показатели имеют как максимальный, так и минимальный уровень проявления. Индивидуальные различия самоопределения и технических знаний в сфере БДП формируются именно под влиянием требований деятельности по обеспечению БДП. Для всех групп специалистов характерна высокая продуктивность по показателю «осознанность» и низкая продуктивность по показателю «нравственные ориентиры» в самоопределении. Кроме того, по параметру технических знаний БДП продуктивность ниже в сравнении с параметром самоопределения в сфере БДП во всех четырёх группах (см. табл. 1).

Математический сравнительный анализ позволил установить статистические различия на высоком ($P \leq 0,01$) и низком ($P \leq 0,05$) уровне значимости между четырьмя группами по пяти показателям. Различия указывают на индивидуальность формирования самоопределения в сфере БДП и технических знаний БДП, а в большей степени – самоопределения под влиянием требований узконаправленных задач, решаемых специалистами различных профилей железнодорожного транспорта. В целом на этапе до обучения преимущественно доминируют межгрупповые различия, нежели межгрупповое сходство (табл. 2).

На этапе после обучения во второй четвёрке групп самоопределение в сфере БДП и технические знания БДП проявляются неравномерно и гетерохронно (табл. 3).

Таблица 1

Средние арифметические значения, стандартные отклонения показателей самоопределения и технических знаний в сфере БДП в первой четвёрке групп, прошедших исследование до обучения

Параметр	Показатель	Группы специалистов							
		дирекции по перевозкам		дистанции СЦБ		дистанции пути		дистанции энергоснабжения	
		\bar{M}	σ	\bar{M}	σ	\bar{M}	σ	\bar{M}	σ
Самоопределение в сфере БДП	1. Осознанность	16,04	2,65	17,13	2,36	14,65	2,8	16,56	2,17
	2. Когнитивные стратегии	12,47	4,75	12,56	4,14	11,52	2,35	13,04	3,86
	3. Самоконтроль	14,34	3,91	15,3	3,8	12,78	3,2	13,65	3,6
	4. Нравственные ориентиры	11,39	5,31	12,17	3,97	16,43	2,27	12,65	4,29
Технические знания БДП	5. БДП на основе законодательства РФ	6,34	4,06	5,3	2,99	6,34	2,49	4,78	2,59
	6. БДП при СМКР	7,82	3,45	6,26	4,46	8,39	3,2	7,6	3,63
	7. БДП, регламентируемая ПТЭ	9,69	4,56	7,3	3,95	9,04	3,03	4,52	3,69
	8. БДП, регламентируемая РДИ	5,91	4,17	4,73	4,26	3,04	2,42	6,13	4,03

Примечание: \bar{M} – среднеарифметическое значение; σ – стандартное отклонение.

Таблица 2

Статистические различия по *H*-критерию Крускала–Уоллиса самоопределения и технических знаний в сфере БДП между четырьмя группами до обучения

Параметр	Показатель	Сравнительная статистика, <i>H</i> -критерий Крускала–Уоллиса		
		χ^2	Степень свободы	Уровень значимости
Самоопределение в сфере БДП	1. Осознанность	13,047	3	0,01
	2. Когнитивные стратегии	4,052	3	–
	3. Самоконтроль	7,812	3	0,05
	4. Нравственные ориентиры	19,405	3	0,01
Технические знания БДП	5. БДП на основе законодательства РФ	4,167	3	–
	6. БДП при СМКР	2,932	3	–
	7. БДП, регламентируемая ПТЭ	18,778	3	0,01
	8. БДП, регламентируемая РДИ	9,236	3	0,05

Таблица 3

Средние арифметические значения, стандартные отклонения показателей индивидуального самоопределения и технических знаний в сфере БДП во второй четвёрке групп, проходивших исследование после обучения

Параметр	Показатель	Группы специалистов							
		дирекции по перевозкам		дистанции СЦБ		дистанции пути		дистанции энергоснабжения	
		\bar{M}	σ	\bar{M}	σ	\bar{M}	σ	\bar{M}	σ
Само-определение в сфере БДП	1. Осознанность	17,17	2,32	17,21	1,95	17,08	2,39	17,56	1,82
	2. Когнитивные стратегии	14,47	2,46	14,17	4,01	14,56	3,23	14,3	3,46
	3. Самоконтроль	16,43	2,46	14,95	3,3	16,3	2,89	15,3	3,36
	4. Нравственные ориентиры	13,34	3,12	15	2,98	12,78	3,07	12,65	4,35
Технические знания БДП	5. БДП на основе законодательства РФ	19,17	1,33	15,73	3,97	19,39	1,58	19,86	0,45
	6. БДП при СМКР	18,34	2,03	16,08	3,07	19,17	1,87	18,6	1,82
	7. БДП, регламентируемая ПТЭ	18,78	2,02	16,13	3,2	19,17	1,92	18,78	1,38
	8. БДП, регламентируемая РДИ	18,6	2,62	15,3	4,39	18,78	3,75	19,47	1,34

Примечание: \bar{M} – среднееарифметическое значение; σ – стандартное отклонение.

В группах различной специализации одни и те же показатели имеют как максимальный, так и минимальный уровень проявления, но исключение составляют показатели осознанности и когнитивных стратегий самоопределения в сфере БДП, которые характеризуются идентичной продуктивностью. Наряду с этим после обучения для четырёх групп характерна низкая продуктивность показателя нравственных ориентиров самоопределения в сфере БДП в сравнении с другими показателями. Практически по всем показателям технических знаний БДП отмечается высокая продуктивность, проявляющаяся во всех группах после обучения. На наш взгляд, полученные результаты свидетельствуют об интеграции целенаправленного обучения техническому знанию в сфере БДП и сложившегося качества самоопределения в сфере БДП и технического знания БДП под влиянием требований деятельности, что способствовало максимально равному проявлению значений самоопределения и кардинально различному уровню проявления технических знаний в четырёх сравниваемых группах.

Данные, представленные в табл. 4, свидетельствуют об отсутствии значимых различий по параметру самоопределения в сфере БДП и о наличии значимых различий по параметру технические знания БДП между четырьмя группами специалистов, прошедших исследование после обучения, что указывает на высокий уровень специализации технического знания БДП и на некоторую сформированную общность в уровне проявления самоопределения. Обучение техническим знаниям в сфере БДП привело к усилению межгруппового сходства по параметру самоопределения в сфере БДП, а по параметру технических знаний БДП – к усилению межгрупповых различий.

Вместе с этим установлены статистические различия на высоком уровне значимости ($P \leq 0,01$) t -критерием Стьюдента по всем показателям технического знания в сфере БДП до и после обучения в каждой из восьми групп. С нашей точки зрения, полученные различия по показателям технических знаний свидетельствуют о сформировавшейся их структурности благодаря, с одной стороны, стихийно сложившемуся интуитивному опыту решения вопросов безопасности движения поездов, когда специалисты в реальной рабочей обстановке сталкиваются с нестандартными ситуациями и, с другой стороны, целенаправленному обучению техническим модулям в сфере БДП, когда специалисты получают возможность переосмыслить индивидуальный опыт, установить причинно-следственные связи между «старым» и «новым» знанием и вывести его на уровень осознанного понимания.

Далее нами рассматривался вопрос о статистически значимых различиях между объединёнными выборками до и после обучения: первой объединённой четвёркой групп (92 испытуемых), которые исследовались до обучения, и второй объединённой четвёркой групп (92 испытуемых), которые исследовались после обучения, – параметрическим t -критерием Стьюдента, поскольку сравниваемые выборки распределены по нормальному закону. Данные, представленные в табл. 5, указывают на ключевую роль целенаправленного обучения техническим знаниям БДП в росте как уровня профессионального самоопределения, так и уровня технического знания специалистов железнодорожного транспорта. Исключение составляют нравственные ориентиры, являющиеся показателем самоопределения в сфере БДП, которые после обучения остались на том же уровне проявления, что и до обучения (табл. 5).

Таблица 4

Статистические различия по *H*-критерию Крускала–Уоллиса самоопределения и технических знаний в сфере БДП между четырьмя группами после обучения

Параметр	Показатель	Сравнительная статистика, <i>H</i> -критерий Крускала–Уоллиса		
		χ^2	Степень свободы	Уровень значимость
Само-определение в сфере БДП	1. Осознанность	0,435	3	–
	2. Когнитивные стратегии	0,050	3	–
	3. Самоконтроль	3,791	3	–
	4. Нравственные ориентиры	6,309	3	–
Технические знания БДП	5. БДП на основе законодательства РФ	29,164	3	0,01
	6. БДП при СМКР	23,272	3	0,01
	7. БДП, регламентируемая ПТЭ	24,982	3	0,01
	8. БДП, регламентируемая РДИ	27,306	3	0,01

Таблица 5

Средние арифметические оценки, стандартные отклонения, значимость различий между независимыми объединенными выборками до и после обучения техническим знаниям в сфере БДП

Параметр	Пара показателей	Эффективность				Значимость различий	
		до обучения (<i>n</i> = 92)		после обучения (<i>n</i> = 92)		<i>t</i> -критерий Стью-дента	двух-сторонняя
		\bar{M}	σ	\bar{M}	σ		
Само-определение в сфере БДП	Пара 1. Осознанность – до и после обучения	16,09	2,63	17,26	2,11	3,3	0,01
	Пара 2. Когнитивные стратегии – до и после обучения	12,40	3,85	14,38	3,29	3,74	0,001
	Пара 3. Самоконтроль – до и после обучения	14,02	3,7	15,75	3,04	3,45	0,001
	Пара 4. Нравственные ориентиры – до и после обучения	13,16	4,48	13,44	3,5	0,47	–
Технические знания БДП	Пара 5. БДП на основе законодательства РФ – до и после обучения	5,69	3,12	18,54	2,76	29,55	0,001
	Пара 6. БДП при СМКР – до и после обучения	7,52	3,74	18,05	2,51	22,39	0,001
	Пара 7. БДП, регламентируемая ПТЭ, – до и после обучения	7,64	4,29	18,21	2,51	20,39	0,001
	Пара 8. БДП, регламентируемая РДИ, – до и после обучения	4,95	3,93	18,04	3,57	23,59	0,001

Приведённые в табл. 6 и 7 данные свидетельствуют о различном характере взаимосвязей между переменными в объединенных выборках. Под влиянием обучения техническим знаниям БДП изменились взаимосвязи между компонентным составом как самоопределения, так и технического знания. Примечательным является тот факт, что в первой объединенной выборке (до обучения) корреляционные связи распадаются на два фактора, между которыми нет взаимосвязей, а во второй объединенной выборке (после обучения) имеются корреляционные связи, образующие два фактора, и связи, которые их объединяют. Связующим звеном между факторами оказалась значимая отрицатель-

ная связь нравственных ориентиров с БДП с точки зрения законодательства РФ и БДП, регламентируемая дополнительными инструкциями. Данный результат является значимым для нашего исследования, поскольку указывает на особый статус нравственных ориентиров в структуре профессионального самоопределения. В этой связи считаем необходимым отметить, что нравственные ориентиры корректируются, формируются у работников под влиянием ценностей, которые провозглашает компания на официальном и неофициальном уровне. К сожалению, в практике решения вопросов по безопасности движения поездов порой требования руководителей среднего, высшего командного со-

става не согласовываются с официальными требованиями компании, тем самым поощряется политика «двойных стандартов». Мотиваторами такого поведения руководителей выступает, как правило, стремление обеспечить перевозки любыми средствами, силами, способами, добившись высокого экономического эффекта, во чтобы то ни стало не попасть в негативные условия, когда тебя перестанут уважать, не повысят в должности, лишат премии, уволят и т.п. и т.д. Взаимодействие по принципу «двойных стандартов» способствует реализации у сотрудников безнравственных поступков, направленных на стяжательство, предательство, ложь и т.п. Поэтому объяснимо, что в нашем ис-

следовании нравственные ориентиры отрицательно взаимосвязаны с такими показателями технического знания, как БДП с точки зрения законодательства РФ и БДП, регламентируемая дополнительными инструкциями, что указывает: во-первых, на факт переосмысления специалистами своего опыта через призму технического знания, получаемого в ходе обучения, их готовности и способности качественно выполнять работу; во-вторых, на факт понимания специалистами того, что на обновленном уровне знаний они не смогут реализовать работу в соответствии с требованиями безопасности движения поездов в силу безнравственной атмосферы, которая царит во взаимоотношениях.

Таблица 6

Матрица интеркорреляций первой объединенной выборки до обучения (n = 92)

Показатель	Осознанность	Когнитивные стратегии	Самоконтроль	Нравственные ориентиры	БДП на основе законодательства РФ	БДП при СМКР	БДП, регламентируемая ПТЭ	БДП, регламентируемая РДИ
Осознанность		,335***	,391***	,145	-,062	,048	,022	,178
Когнитивные стратегии			,673***	,325***	-,035	,065	-,088	,177
Самоконтроль				,142	-,052	-,052	-,066	,105
Нравственные ориентиры					-,174	-,029	-,118	-,189
БДП на основе законодательства РФ						,384***	,482***	,310***
БДП при СМКР							,501**	,586***
БДП, регламентируемая ПТЭ								,378***
БДП, регламентируемая РДИ								

Таблица 7

Матрица интеркорреляций второй объединенной выборки после обучения (n = 92)

Показатель	Осознанность	Когнитивные стратегии	Самоконтроль	Нравственные ориентиры	БДП на основе законодательства РФ	БДП при СМКР	БДП, регламентируемая ПТЭ	БДП, регламентируемая РДИ
Осознанность		,145	,267*	,266*	,041	,072	,067	,074
Когнитивные стратегии			,328***	,280**	,040	-,187	-,010	-,021
Самоконтроль				,222*	,144	,045	,106	,049
Нравственные ориентиры					-,215*	-,181	-,192	-,236*
БДП на основе законодательства РФ						,556***	,498***	,613***
БДП при СМКР							,619***	,607***
БДП, регламентируемая ПТЭ								,625***
БДП, регламентируемая РДИ								

Примечание к табл. 6 и 7: * – значимая корреляционная связь на уровне достоверности $P \leq 0,05$; ** – значимая корреляционная связь на уровне достоверности $P \leq 0,01$; *** – значимая корреляционная связь на уровне достоверности $P \leq 0,001$.

Итак, полученные результаты исследования свидетельствуют о правомерности нашей гипотезы в том, что профессиональное самоопределение в сфере БДП проявляется как качественное сочетание процессов осознания, самоконтроля, когнитивных стратегий, нравственных ориентиров, как системное качество субъекта, проявляющееся в индивидуальной мере, которая обусловлена как индивидуальными, так и межгрупповыми различиями в уровне технического знания БДП специалистов различной профессиональной направленности в сфере железнодорожного транспорта.

Таким образом, на основании представленных в данной статье результатов можно сделать следующие выводы.

1. Компонентный состав профессионального самоопределения в сфере БДП включает качественное сочетание процессов осознания, самоконтроля, когнитивных стратегий, нравственных ориентиров и характеризуется своей устойчивостью как до, так и после обучающего воздействия.

2. Осознание, самоконтроль, когнитивные стратегии, нравственные ориентиры образуют взаимосвязанную структуру, обладающую свойством целостности, лежащую в основе системы субъекта деятельности.

3. Профессиональное самоопределение в сфере БДП, являясь независимым качеством по отношению к техническим знаниям, формируется под влиянием требований деятельности.

4. Индивидуальные различия самоопределения в сфере БДП между специалистами, относимыми к различным профессиональным группам, обусловлены требованиями узконаправленных задач в единой системе требований безопасности движения поездов.

5. Повышение уровня технического знания БДП связано с возможностью переосмысления интуитивно сложившегося опыта, обогащения его обновлённым пониманием под влиянием целенаправленного обучения.

6. Обновлённый уровень технического знания БДП способствует снижению индивидуальных раз-

личий самоопределения в сфере БДП между профессиональными группами одной отрасли, достижению некоторой общности, общности личностного смысла.

7. Обновлённый уровень технического знания БДП способствует усилению индивидуальных различий технического знания БДП между профессиональными группами одной отрасли, формированию структурной целостности по вектору узкой специализации.

8. Нравственные ориентиры обладают самостоятельным статусом, но взаимосвязаны с другими компонентами в структуре профессионального самоопределения в сфере БДП.

9. Нравственные ориентиры регулируют осознание, самоконтроль и когнитивные стратегии, обеспечивающие реализацию только той части технического знания БДП специалистами, которая соответствует принципу достаточности и принципу минимизации негативного влияния отдельных условий и требований (в том числе неформальных требований) деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Купрейченко, А.Б.* Нравственно-психологические факторы экономического самоопределения руководителей / А.Б. Купрейченко // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. – М. : Институт психологии РАН, 2011. – Вып. 2. – С. 379–398.
2. *Поварёнков, Ю.П.* Проблемы психологии профессионального становления / Ю.П. Поваренков. – Ярославль : Канцлер, 2008. – 200 с.
3. *Пономаренко, В.А.* О духовности профессии как предтече новых концепций в психологии труда опасных профессий / В.А. Пономаренко // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. – М. : Институт психологии РАН, 2011. – Вып. 2. – С. 347–359.
4. *Пряжников, Н.С.* Профессиональное самоопределение : теория и практика / Н.С. Пряжников. – М. : Академия, 2008. – 320 с.
5. *Шадриков, В.Д.* Психология деятельности человека / В.Д. Шадриков. – М. : Институт психологии РАН, 2013. – 464 с.

ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

СТАЛЬНОЙ ПУТЬ ДЛИНОЙ В 140 ЛЕТ (К ЮБИЛЕЮ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ КИТАЯ)

А.А. Пиотрович

У.В. Ежеля

Пиотрович Алексей Анатольевич – доктор технических наук, профессор кафедры строительства Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: piotrovich@festu.khv.ru

Ежеля Ульяна Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: history@festu.khv.ru

В статье рассмотрены основные этапы развития железнодорожного транспорта в Китае. Приводятся главные факторы, повлиявшие на темпы и направление развития железных дорог, инновации в технике и технологии железнодорожного транспорта.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, Китай, развитие, периоды.

Железнодорожный транспорт Китайской Народной Республики достиг внушительных успехов. В год своего 140-летия китайские железные дороги лидируют по важнейшим показателям – по общей протяженности, количеству электрифицированных линий и скоростных магистралей, использованию современной техники. Зародившись в Китае в 1870-е гг., отрасль прошла большой путь.

В декабре 2016 г. исполняется 140 лет созданию первой железной дороги Китая с названием «Усун» (рис. 1). Узкоколейная дорога протяженностью 14,5 км пропускала 7 пар поездов в сутки. Со ско-

ростью 24–32 км/ч английский 15-тонный паровоз Pioneer перевозил составы небольших пассажирских и грузовых вагонов. За год было перевезено 160 000 пассажиров [3].

С этого момента началась история развития железных дорог страны, в которой все предшествующие тысячелетия транспортное строительство являлось одним из ведущих направлений строительной деятельности. Отсюда протянулся стальной путь длиной в 140 лет: от узкоколейки к портовому поселку до транспортной системы, претендующей на звание самой совершенной в мире.

Рис. 1. Маршрут первой железной дороги Китая «Усун» (Шанхай – Усун)

Сначала народ не принял нового вида транспорта, начались волнения, и дорога через год была снесена по приказу Цинского правительства. Далее, в связи с увеличением потребности в добыче угля для растущей промышленности, по настоянию школы «Яну» (Яну – заимствование у Запада) правительство все-таки организовало и профинансировало строительство железной дороги в провинции Хэбэй между городами Таншань и Сюйгэчжуан. К концу 1881 г. железная дорога длиной 9,2 км, названная «Тансюй», была построена китайскими строителями. Данная железная дорога имела стандартную ширину колеи 1435 мм. Это событие символизирует начало собственно китайского железнодорожного строительства. Поначалу здесь для тяги вагонов применили гужевой транспорт, но затем из-за резкого роста объемов добычи угля на руднике «Кайпин» г. Таншаня в 1882 г. стало необходимым срочно увеличить мощность тяги. Под руководством британского инженера Киндера в локомотивном депо «Сюйгэчжуан» был создан первый китайский паровоз. По аналогии с британской «Ракетой» Дж. Стефенсона этот паровоз был назван англичанами «Ракетой Китая», в китайском варианте – «Локомотив Дракона» [21].

В отличие от Европы начало развития нового вида транспорта в Китае не было связано с какими-либо общественными, экономическими или иными интересами страны. В Китае того времени строительство железных дорог стало способом и средством для получения экономических и политических выгод иностранными государствами. Прежде всего это Англия, Франция, Германия, Россия и, позднее, Япония. Феодалное устройство государства, а затем и полуфеодалная доктрина династии Цин были причиной сильной отсталости Китая от развитых стран в области железнодорожного транспорта. На пути развития железных дорог страны стояли серьезные политические, общественные, экономические и технические трудности, которые еще предстояло преодолеть.

Как отмечается в исследованиях современников [17], попытки развертывания железнодорожного строительства в Китае делались иностранными предпринимателями с 1863 г. Двадцать семь иностранных фирм направили петицию о предоставлении концессии для прокладки железной дороги между Сучжоу и Шанхаем. Примерно в то же время М. Стивенсоном был разработан и представлен в Правительство Маньчжурии комплексный план железнодорожного строительства в Китае. Оба ходатайства не получили одобрения. До реального строительства был доведен только проект дороги «Усун» (1876), которой суждена была довольно короткая жизнь. До 1894 г. происходил перелом в отношении к новому виду транспорта, а по сути, к новому хо-

зяйственному укладу. Иностранные державы в собственных интересах строили железные дороги на территории Китая. Отрезок времени с 1895 по 1905 г. был отмечен «битвой за концессии», характерной чертой которой стала борьба за полосы отвода для железных дорог, а также за финансирование проектов. До этого периода иностранцам железнодорожные концессии не предоставлялись [17: с. 15].

В этот сложный для страны период иностранные государства, решая собственные геополитические задачи в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Индокитае, вели железнодорожное строительство уже не только в экономических интересах, но и формировали транспортную инфраструктуру под свои долгосрочные цели. Вот некоторые характерные примеры.

В 1897–1903 гг. Россия в рекордные сроки построила Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД) как часть Транссибирской магистрали на территории Китая. Линия между Забайкальским и Уссурийским участками Транссиба (1513 км) дополнялась Южно-Маньчжурской железной дорогой Харбин – Дальний (Да-лянь) протяженностью 1014 км. Железнодорожный выход к военно-морским базам России – Владивостоку, Порт-Артуру (Льюй-шунь) и порту Дальний (Да-лянь) – был обеспечен.

Созданная правительством Германии «Шаньдунская железнодорожная компания» построила в 1901–1903 гг. линию «Цзяоцзи» между городами Цзинань и Циндао с ответвлением к уезду Бошань. Общая протяженность железной дороги с ответвлениями составила 433,3 км. Была создана надежная транспортная сеть для германского влияния на побережье Тихого океана.

Дорога «Дяньюэ» (Куньмин – Хэкоу) длиной 464,4 км была построена в 1903–1910 гг. французской компанией. Эта дорога являлась частью железной дороги на Ханой. Таким образом Франция обеспечила транспортный коридор из Южного Китая к своим колониям во Вьетнаме и Бирме.

Япония активно создавала железнодорожную сеть севернее линии Шаньха – Гуань, отделившую северо-восточные провинции страны [15].

В табл. 1 приводятся данные о некоторых крупных железных дорогах, построенных иностранными государствами в Китае за период 1898–1910 гг. [18].

Постепенно к 1905 г. наблюдается рост государственного строительства железных дорог наряду с иностранными компаниями. В большом количестве появляются национальные частные предприятия, активно включившиеся в железнодорожное строительство, заключаются контракты, основанные на железнодорожных займах. В 1910 г. в Китае был построен участок Лоян – Кайфэн магистрали Лунхай (Ланьчжоу – Ляньюнган) по направлению запад – восток, протяженность которого составила 185,4 км.

Таблица 1

**Наиболее значимые примеры железных дорог,
построенных иностранными государствами в Китае**

Страна, организующая строительство	Срок строительства, годы	Наименование железной дороги	Начальная и конечная станции	Протяженность, км
Россия	1898–1903	Китайская Восточная железная дорога	Маньчжурия – Харбин – Суйфэньхэ; Харбин – Чанчунь – Далянь	2450,7
Германия	1899–1904	Цзяоци	Циндао – Цзинань	394,7
Великобритания	1902–1907	Даоцин	Даокоу – Цинхуа	150,0
Франция	1903–1910	Дяньюэ	Хэкоу – Куньмин	464,4
Япония	1904–1905	Шэньдань	Шэньян – Дандун	303,7

В рамках «Движения заимствования у Запада» создавались школы для подготовки собственных технических кадров, люди направлялись на учебу за границу [27]. Благодаря этим мероприятиям были подготовлены многие специалисты по строительству железных дорог. Среди них выдающимся примером является Чжан Тянью (1861–1919), ставший главным инженером строительства железной дороги «Цзинчжан» (Пекин – Чжанцзякоу) протяженностью 201,1 км [19].

Тем не менее малочисленный отряд китайских инженеров и специалистов не решал кадровых потребностей развития железных дорог во многих районах Китая. Поэтому китайские железнодорожные агентства приглашали иностранных специалистов. В изобилии была лишь малоквалифицированная рабочая сила – главное богатство Китая.

К 1911 г. общая протяженность железных дорог, построенных в Китае правительством Цинской династии и гражданскими коммерческими сообществами, составляла 5559 км, а иностранными державами – 3733 км [23]. На этом этапе не было общих норм и правил для строительства железных дорог. Построенные на территории Китая железнодорожные линии имели разные ширину колеи, подвижной состав и средства управления движением. В этих условиях единая сеть железных дорог еще не могла быть сформирована.

На втором этапе (1912–1948) железнодорожное строительство продолжалось в сложной для страны обстановке. В условиях смены общественно-политической формации, японской военной интервенции и гражданских войн была создана законодательная база для развития железных дорог. Неценима плодотворная деятельность Сунь Ятсена и его последователей по разработке первых планов всекитайской сети железных дорог и их реализации в это трудное для страны время [12].

Сунь Ятсен в качестве основателя нового правительства разработал план международного развития Китая, в котором особое место отводилось развитию железных дорог в Китае [20]. Он стремился

обеспечить выполнение плана железнодорожного строительства путем усовершенствования структуры правительства. Были созданы Министерство транспорта и Генеральная компания «Китайские железные дороги» для управления железнодорожным строительством.

В августе 1919 г. впервые были опубликованы важные для железнодорожного транспорта результаты исследования Сунь Ятсена «Международное развитие Китая». Суть их сводится к следующему:

1) восстановление суверенитета китайской нации тесно связано со строительством железных дорог, так как они являются основой построения страны;

2) высказана мысль о доминирующем факторе осознания важности железнодорожного строительства, основанном на тщательном и всестороннем исследовании дела;

3) обнародован проект строительства сети железных дорог, известный как «План железнодорожного строительства».

Особо следует отметить, что принципы железнодорожного строительства для прогнозирования и сооружения стальных магистралей в масштабах всего Китая сохраняют актуальность до настоящего времени. В 2008 г. в КНР был опубликован документ «Средне- и долгосрочный планы строительства сети железных дорог Китая» [26], составленный Министерством железных дорог Китая. Современный план и план Сунь Ятсена с учетом естественных отличий, обусловленных изменениями, произошедшими за 80 лет, сходятся по основным принципам распределения железных дорог и стратегии их развития [12].

В 1912–1926 гг. при правительстве Бэйян финансовое положение Китая было бедственным. Пришлось строить железные дороги при помощи иностранных займов. Междоусобицы и политическая нестабильность сделали невозможным участие общества в развитии железных дорог [25].

С 1927 г. при правительстве Гоминьдана государственная власть стремилась к созданию ста-

бильной экономической системы. В 1928–1931 гг. из-за междоусобицы развитие железных дорог не финансировалось в необходимых объемах. 21 июля 1932 г. был издан «Закон о железных дорогах», в котором устанавливались меры для обеспечения финансами развития железных дорог. В их числе были выпуск облигаций государственного займа, строгое управление доходами от эксплуатации железных дорог, разрешение открытия железнодорожных предприятий для повышения доходов и накопления капиталов под развитие железных дорог. Также были установлены технические стандарты для железнодорожного строительства, что подводило необходимую техническую базу под его развитие [28]. Благодаря такому закону были улучшены финансовые условия для развития железных дорог. В 30-х гг. XX в. в стране начался новый бум строительства железных дорог.

В целом на втором этапе (1912–1949) повышалась плотность железных дорог на существующих полигонах. Имело место развитие локальной сети на северо-востоке и востоке Китая. На неразвитых в железнодорожном отношении территориях строились опорные линии (табл. 2).

Таблица 2

**Некоторые железные дороги,
построенные на неразвитых территориях
к 1949 г.**

Наименование железнодорожной линии	Протяженность, км
Железная дорога Датун – Баотоу	450,0
Железная дорога Тунпу (Датун – Фэнлиндукоу)	859,6
Участок Тунгуань – Тяньшуй железной дороги Лунхай (Ланьчжоу – Ляньюнган)	460,0
Железная дорога Цицзян (Маэрто – Цицзян)	67,0
Железная дорога Бисэчжай – Шипин	177,0

Всего за указанный период было построено 17 624 км железных дорог, в том числе 6852 км – силами иностранных государств. В 1912–1926 гг. при правительстве Бэйян было возведено 3436 км железных дорог. За 1927–1949 гг., при правительстве Гоминьдан, – 14 188 км железных дорог [23].

В полной мере планам великого Сунь Ятсена довелось осуществиться после образования КНР в 1949 г. Первый в истории КНР «железнодорожный рывок» был сделан в 1950-е гг. Образование в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики, заключение соглашения между Советским Союзом и КНР в феврале 1950 г. и последовавшая за этим передача Китайско-Чаньчуньской железной дороги (КВЖД) в национальную собственность КНР открыли эру тесного и плодотворного сотрудничества в области железнодорожного строительства

между двумя странами. Цели и задачи социалистического строительства, как и способы их реализации, в двух дружественных странах на тот момент исторического развития совпадали.

В конце 1948 г. состояние железнодорожного транспорта Китая было плачевным. Протяжённость работающих железных дорог уменьшилась вдвое и составляла всего 10 тыс. км. Компартия Китая выдвинула лозунг – «Восстанавливать железнодорожный путь до того места, куда продвинулась Народно-освободительная армия». Уже через год в стране функционировало более 20 тыс. км железных дорог. В последующий период 1950–1958 гг. в КНР было возведено 7512 км новых железнодорожных линий и восстановлено 1749 км пути, построено и восстановлено 2828 км вторых путей. Эксплуатационная длина стальных магистралей достигла 30 203 км.

Железные дороги соединили труднодоступные и экономически более развитые районы страны, они протянулись в лесные районы Большого и Малого Хингана, вышли к границе с Демократической Республикой Вьетнам и Монгольской Народной Республикой. В период с июня 1950 по июль 1952 г. была построена первая после образования КНР железная дорога «Чэнюй» (Чэнду – Чунцин) протяженностью 505,1 км. Ее сооружением занималось еще правительство Цинской династии, затем правительство Гоминьдан, однако завершена она была только после образования КНР [24].

Открытие в 1954 г. прямого сообщения Пекин – Москва и Пекин – Пхеньян содействовало укреплению экономических и культурных связей этих стран. В 1955 г. в ведении Министерства железных дорог КНР находились 10 стальных магистралей [2].

В 1956 г. в Китае был установлен стандарт железнодорожной колеи в 1435 мм (универсальный европейский вариант). В 1956 г. Министерство железных дорог КНР приняло новый Технический устав проектирования железных дорог, взяв за основу советский вариант 1953 г.

В августе 1952 г. Сыфаньский завод собрал первый мощный паровоз, в 1956 г. был успешно испытан усиленный грузовой паровоз «Мир». За 1958–1959 гг. в стране построено более 1400 новых паровозов, что втрое больше, чем за восемь предыдущих лет. В 1959 г. впервые в КНР был электрифицирован участок Баоцзи – Фэнчжоу, работавший на переменном токе [13]. Стоит заметить, что на советском Дальнем Востоке аналогичные работы производились на участке Владивосток – Уссурийск на несколько лет позже, в 1962–1963 гг.

Протяжённость железных дорог в КНР выросла с 20 тыс. км в 1949 г. до 30,2 тыс. км в 1958 г.

Вторая половина 60-х гг. XX в. в Китайской Народной Республике прошла под знамёнами

«культурной революции», которая наложила очень зримый отпечаток на работу железных дорог. В период 1966–1976 гг. «культурная революция» отрицательно повлияла не только на само железнодорожное строительство, но и на нормальную работу всей железнодорожной промышленности и всех учреждений профессионального образования. Преодолевая отрицательные факторы, государство старалось развивать железнодорожное строительство.

На основании вышеизложенного можно сделать ряд выводов. Период, охватывающий десятилетие 50-х и начало 60-х гг. XX в., был очень эффективным для становления и развития железнодорожного транспорта КНР, его нормативно-правовой базы. Китайская Народная Республика, её партийное руководство обеспечили стартовые позиции для дальнейших преобразований железнодорожной отрасли.

Неоднозначными процессами в экономической и политической жизни КНР были наполнены 60–70-е гг. XX в. Тем не менее железнодорожное строительство продолжалось и в этот сложный период. Так, например, в 1969 г., в 20-ю годовщину образования КНР, была сдана первая очередь Пекинского метрополитена (23 км и 17 станций) – первенца китайского метроостроения. За 20 лет, с 1958 по 1978 г., протяжённость железных дорог выросла с 30,2 до 51,7 тыс. км [1]. Ежегодный прирост стального пути составил чуть более 1 тыс. км, как и в период с 1949 по 1958 г.

Четвёртый этап развития берет отсчет с 1978 г., когда государство начало осуществлять политику «реформ и открытости». Главной задачей развития страны стало построение экономики. Правительство КНР приступило к реализации постепенных реформ, направленных на переход от административной экономики централизованного планирования к рыночной экономике. Отдельным провинциям были предоставлены широкие права в осуществлении внешних операций и привлечении иностранного капитала. В июле 1979 г. был принят закон о создании совместных предприятий с участием иностранных фирм и капитала на территории КНР [16]. В числе методов реформирования хозяйственной системы – предоставление большей самостоятельности промышленным предприятиям, разрешение деятельности небольших частных предприятий [5]. Таким образом, политическая цель КНР – построение социалистического общества – оставалась неизменной, но конкретные методы и рычаги её осуществления становились более гибкими и разнообразными. Новая политика КНР открывала новый период в истории железнодорожного транспорта.

За годы шестой пятилетки (1981–1985) в стране было построено 1300 км новых железных дорог, уложено 1700 км вторых путей, электрифицировано 1300 км. По протяжённости стальных магистра-

лей (51 тыс. км) КНР вышла на 5-е место в мире [9]. В 1985 г. железные дороги страны выполнили рекордный за весь предыдущий период объём перевозок – 1,27 млрд т [10].

При этом изменилась структура финансирования железнодорожного транспорта. Так, Международный банк реконструкции и развития выделил субсидию 160 млн долл., Международная ассоциация развития – 70 млн долл. Далее Министерство железных дорог КНР пошло на децентрализацию управления сетью для повышения провозной способности и уровня обслуживания, увеличения объёма привлекаемых средств в железнодорожное строительство, что ускоряло бы модернизацию отрасли. Местные власти и предприятия получили право строить и эксплуатировать собственные железнодорожные линии длиной от 32 до 200 км, если они будут способствовать экономическому развитию регионов. Местным властям предоставлялось право образовывать железнодорожные компании и устанавливать тарифы на местных линиях [1].

Намечалось ввести систему работ по долгосрочным контрактам. Отдельные железнодорожные службы и отделы должны были заключать с министерством 5-летние контракты и отвечать за финансовые результаты деятельности, а не отчислять все доходы министерству. Эта реформа воспринималась в Китае как самая значительная реорганизация с 1949 г.

В 1989 г. в КНР активно велись работы по электрификации железных дорог. Особое значение имели линии Дасянь – Чунцин и Чунцин – Гуйян. После перевода их на электрическую тягу в Западном Китае была создана сплошная электрифицированная сеть длиной 4500 км.

В 1980-е гг. в крупнейших городах КНР велось планомерное строительство подземного железнодорожного транспорта. Так, в Пекине в 1984 г. была открыта вторая кольцевая линия метро (17 км, 9 станций). На линиях работал подвижной состав местного производства. В Тяньцзине в 1980 г. проложили первые 5 км метро, к 1986 г. – ещё 2,8 км, параллельно шло строительство другого участка, включавшего 4 станции. В этом же году в Харбине завершалось строительство 9-километровой подземной линии с семью станциями. Общая сеть Харбинского метро должна была составить 33 км [10].

Руководство Китая уделяло самое серьёзное внимание развитию локомотивного и вагонного парка. Большая роль в этом отводилась сотрудничеству с европейскими партнёрами, Японией, Гонконгом. Сотрудничество с ведущими в техническом и технологическом отношении железнодорожными странами мира использовалось китайской стороной очень продуктивно, с перспективой для будущего самостоятельного развития. Это был уже испытанный эксперимент сотрудничества с СССР в 1950-е гг.

Китайская сторона заключала и смогла реализовать взаимовыгодные контракты на поставку из-за рубежа тепловозов, электровозов, рефрижераторных секций, вагонов, в том числе для метро, механического оборудования, электроприборов и т.п. Так закладывались основы будущего безлицензионного экспорта уже китайской продукции в страны Тихоокеанского региона.

К концу 1990 г. общая протяжённость железных дорог КНР достигла 53,378 км. Из них на двухпутные приходилось немногим более 13 тыс. км, на электротягу было переведено около 7 тыс. км. Общий объём грузовых перевозок всеми видами транспорта в стране составил 9,706 млн т, доля железнодорожного – 1,507 млн. т [1]. Это были результаты огромной работы. Но, тем не менее, они отставали от быстро растущих потребностей китайской экономики.

Объём пассажирских перевозок также превышал провозные способности железных дорог. За три десятилетия (с 1958 по 1988) число перевезённых пассажиров возросло на 400 %, а число поездов – только на 170 %. Следствием увеличившихся объёмов перевозок стала проблема их безопасности.

Министерство железных дорог предприняло технические и финансовые меры по решению этих проблем. Правительство запланировало выделить 4 млрд юаней в развитие системы и повышение безопасности движения. В сентябре 1989 г. впервые после 1955 г. железнодорожное ведомство КНР повысило пассажирские тарифы с 0,02 юаней за 1 км до 0,04 юаней. Полученные средства предназначались на развитие пропускной способности перегруженной сети [11].

В планах на 1991–1995 гг. (8-я пятилетка в КНР) было предусмотрено строительство 15 новых железных дорог, вторых путей на 17 линиях, электрификация 10 направлений, модернизация шести узловых станций. Сеть негосударственных местных дорог должна была увеличиться на 6000 км, а к 2000 г. их общий показатель предполагалось довести до 10 тыс. км.

В 1991 г. железнодорожники приступили к реконструкции 147-километровой линии Гуанчжоу – Шэньчжэнь, которая в 1994 г. стала первой в КНР высокоскоростной магистралью (ВСМ). В первой половине 1990-х гг. планировалось построить 150 км новых линий метрополитена в крупнейших городах страны. Расходы на широкомасштабный проект государство в равных долях изыскивало из внутренних и внешних источников, активно привлекая иностранные технологии. При строительстве железных дорог местного значения сложилась другая практика финансирования. Так, из 6 млрд юаней, выделенных на строительство 3000 км местных линий, 1 млрд был получен по банковским

займам, остальные предоставлялись местными властями за счет выпуска акций, вклада в виде земельных участков или трудовых ресурсов со стороны проживающего вдоль новых линий населения [8].

В 1991 г. с достройкой линии Урумчи – Дружба (470 км) было завершено строительство так называемого трансконтинентального моста – стального пути, соединившего Азию и Западную Европу. По территории КНР он стартует из порта Ляньюньган, следует через Чжэньчжоу, Сиань и Урумчи, затем выходит на Куйбышев, Москву и далее – на Варшаву, Берлин и Роттердам. Новый трансконтинентальный мост короче действовавшего ранее на 3000 км (Владивосток – Роттердам) и на 9000 км, или 5000 морских миль, короче, чем морской вариант (Ляньюньган – Роттердам). Для КНР новый путь намного выгоднее, так как пролегает по своей территории, грузы не уходят на российский Транссиб. И, главное, новая магистраль способствует экономическому развитию 11 провинций и автономных округов, по которым она проходит (это 33 % площади страны) [11].

В соответствии с девятым пятилетним планом (1996–2000) было достигнуто увеличение скорости движения поездов до 140–160 км/ч и увеличение массы грузовых поездов до 5 тыс. т на самых грузонапряженных линиях Пекин – Шанхай, Пекин – Гуанчжоу, Пекин – Харбин и Ляньюньган – Ланьчжоу [7].

Предметом особой гордости по праву является Цинхай-Тибетская железнодорожная магистраль – самая высокогорная в мире, ее называют «Дорога на крышу мира». Экономическая идея строительства – это развитие Западного Китая, укрепление связей Тибетской автономии с основной китайской территориями.

Стоимость проекта составила 3,68 млрд долл. Сроки строительства дороги – с 29 июля 2001 г. по 15 октября 2005 г. Регулярное пассажирское движение на Цинхай-Тибетской магистрали было открыто 1 июля 2006 г.

В 2003 г. Министерство железных дорог КНР опубликовало общую стратегию «Способствовать бурному развитию железных дорог Китая». 7 января 2004 г. Государственный совет КНР утвердил «Средне- и долгосрочный планы строительства сети железных дорог», согласно которым будут построены ВСМ как специальные пассажирские железнодорожные линии протяженностью более 12 000 км. Скорость движения пассажирских поездов будет составлять от 200 км/ч и выше [26]. С 2004 г. начался пятый этап развития железных дорог в Китае, характеризующийся новым витком подъема железнодорожного транспорта. Железные дороги снова начинают завоевывать утраченные позиции на транспортном рынке благодаря внедрению

самых передовых технологий. Резко выросли инвестиции в железнодорожное строительство [15].

По данным Китайского железнодорожного сообщества [22], скорость движения поездов увеличилась в шесть раз (табл. 3). Разветвленная сеть ВСМ стала «визитной карточкой» китайской экономики, отражением ее успехов.

В 2006 г. по протяженности железных дорог (75,5 тыс. км) страна находилась на третьем месте в

мире после Российской Федерации. В конце 2009 г. показатели этих двух стран практически сравнялись (86 тыс. км). С 2007 г. Китайская Народная Республика – полноправный член «восьмёрки» стран с высокоскоростными железными дорогами. К концу 2010 г. их протяженность в КНР достигла наивысшего результата в мире – 4674 км.

К началу 2014 г. в КНР была создана крупнейшая в мире сеть ВСМ длиной 10 463 км (рис. 2).

Таблица 3

Повышение скорости движения поездов на железных дорогах Китая в период 1997–2007 гг.

Срок	Протяженность железных дорог со скоростью движения поездов выше 120 км/ч, км	Протяженность железных дорог со скоростью движения поездов 140 км/ч, км	Протяженность железных дорог со скоростью движения поездов 160 км/ч, км
01.04.1997 г.	1398	588	752
01.10.1998 г.	6449	3522	1104
21.10.2000 г.	9581	6458	1104
21.11.2001 г.	13 166	9779	1104
18.04.2004 г.	Общая протяженность железных дорог со скоростью движения поездов выше 120 км/ч – 16 500 км, выше 160 км/ч – 7700 км		
18.04.2007 г.	Общая протяженность железных дорог со скоростью движения поездов выше 120 км/ч – 22 000 км; выше 160 км/ч – 14 000 км; 200 км/ч – 6227 км; 250 км/ч – 1019 км		

Рис. 2. Современная карта скоростных и высокоскоростных железных дорог Китайской Народной Республики [6]

Создание китайского «железнодорожного чуда» XXI в. на основании сведений, опубликованных в журнале «Железные дороги мира» за 2008–2015 гг., можно представить как своеобразный график движения скоростного поезда:

– 2008–2012 гг. – строительство ВСМ Пекин – Шанхай (1318 км);

– декабрь 2012 г. – ввод в эксплуатацию ВСМ Харбин – Далянь (904 км) и Пекин – Гуанчжоу (2298 км), сократившей время в пути между двумя крупнейшими мегаполисами с 22 до 8 часов;

– июль 2013 г. – открытие движения поездов по участку ВСМ Ханчжоу – Нанкин (249 км) и участку Ханчжоу – Нинбо (150 км);

– декабрь 2013 г. – завершение строительства ВСМ Пекин – Харбин (1249 км), ввод в эксплуатацию семи новых участков ВСМ общей протяжённостью 2285 км;

– апрель 2014 г. – открытие движения по ВСМ Наньнин – Учжоу.

Эти работы обошлись Китаю приблизительно в 400 млрд дол., подавляющая часть этой суммы была сформирована за счёт займов и кредитов, предоставленных преимущественно центральными банками.

За 11 месяцев 2012 г. железнодорожным транспортом КНР перевезено 1,745 млрд человек, что является вторым показателем в мире после Японии.

К 2013 г. общая протяженность электрифицированных железных дорог в Китае превысила 48 тыс. км и вывела его на первое место в мире, на второй позиции Россия – около 43 тыс. км, третью строчку занимает Германия – свыше 21 тыс. км.

К 2015 г., согласно утвержденному Госсоветом КНР плану, протяженность высокоскоростных железных дорог должна была составить 18 тыс. км, а общая протяженность железнодорожных путей в стране – 120 тыс. км [14]. Мечты великого Сунь Ятсена стали реальностью.

В 2014–2016 гг. Китай активно продвигает масштабную инициативу One Belt, One Road (OBOR), подтверждая тем самым свое стремление участвовать в расширении сети межнациональных железных дорог. Многочисленные китайские компании и специалисты различного профиля активно участвуют в реализации проектов по развитию железных дорог не только на евразийском пространстве, но и в странах Африки и Латинской Америки. Недавние ученики превзошли своих учителей и из потребителей транспортных и строительных технологий превратились в уверенных лидеров. Древнейшее государство мира вышло на передовые позиции в создании современной транспортной системы.

Особое внимание уделяется вопросу создания нового Шёлкового пути, призванного решить проблему отсутствия развитых транспортных связей

между азиатскими странами, убрав барьеры на пути грузопотоков, и способствовать восстановлению исторической роли Китая на мировом рынке. Понятно стремление руководства КНР усилить экономическое влияние страны путем активного инвестирования в транспортное строительство и промышленность в зоне тяготения к легендарному Шёлковому пути. Сухопутный мост Silk Road Economic Belt и морской путь Maritime Silk Road объединит более чем 65 стран (60 % населения мира и около 50 % глобального мирового продукта) [4].

Каждая страна идет своим путем, учитывая свои интересы и тенденции мирового развития. В этой связи опыт Китайской Народной Республики достоин пристального внимания. Руководство КНР определило свой, самостоятельный путь развития. Работа китайского железнодорожного транспорта свидетельствует об эффективности экономических мер при стабильности политической системы.

Феномен Китая – это баланс противоречий, достигнутый очень гибкой политикой. В любом случае, это своеобразный, достойный для изучения путь развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжуско, С.В. Влияние развития железнодорожного транспорта на экономику России и Китая (сопоставительный анализ) : автореф. дис. ... канд. экон. наук / С.В. Бжуско. – М., 2009. – 22 с.
2. Викторов, Н. Подъём железнодорожного транспорта КНР / Н. Викторов // ЖДТ. – 1951. – № 11. – С. 84–87.
3. 上海研究资料. – 上海通社 (Исследовательские материалы Шанхая. – Шанхай : Шанхай Тун Шэ). – 1936. – С. 315–317.
4. Китай – инициатива One Belt, One Road // Железные дороги мира. – 2016. – № 8. – С. 18–23.
5. Китай // Страны мира : краткий полит.-экон. справ. – М. : Политиздат, 1983. – С. 180.
6. Китай, железная дорога. Скоростные и высокогорные железные дороги Китая [Электронный ресурс] / FB.ru. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/182189/kitay-jeleznaya-doroga-skorostnyie-i-vyisokogornnye-jeleznyie-dorogi-kitaya>
7. КНР // ЖДТ. – 2000. – № 7. – С. 79.
8. КНР // Железные дороги мира (ЖДМ). – 1992. – № 2. – С. 67–68.
9. КНР // Железные дороги мира. – 1986. – № 6. – С. 78–79.
10. КНР // Железные дороги мира. – 1987. – № 9. – С. 81.
11. КНР // Железные дороги мира. – 1990. – № 4. – С. 69.
12. Ковальчук, М.А. Сунь Ятсен и его вклад в разработку первого плана строительства сети железных дорог в Китае / М.А. Ковальчук, А.А. Пиотрович, Су Да // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке – 2013. – № 1(37). – С. 169–174.
13. Лю, Чан-Хань. Строительство железных дорог в Народном Китае / Лю Чан-Хань // Железнодорожный транспорт. – 1959. – № 1. – С. 81–84.
14. Новости железных дорог России и стран АТР // Экспресс : газ. Дальневосточного гос. ун-та путей сообщения. – 2013. – 1 февр. – С. 2.

15. *Пиотрович, А.А.* Особенности развития железных дорог Китая : моногр. / А.А. Пиотрович, Су Да. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2015. – 122 с.
16. Роль Транссибирской железнодорожной магистрали в развитии сотрудничества стран АТР: перспективы соединения Транссиба и Транскорейской железной дороги. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2003. – 254 с.
17. *Chin, M.T.* Railway problems in China / M.T. Chin, B.S. Hsu, M.A. Hsu. – New York, 1915. – 185 p.
18. *Griffin, E.* China's railways as a market for Pacific Northwest products: a study of a phase of the external relations of the region / E. Griffin // Bureau of business research, College of economics and business, University of Washington. – Washington, 1946. – 156 p.
19. *Homer, W.* History of Railway Development in China / W. Homer, B.S. Dawson. – Denton, Texas : UNT Digital Library, May 1939. – 100 p.
20. *Sun, Yatsen.* The International Development of China / Sun Yatsen. – New York : The Knickerbocker Press, 1922. – 265 p.
21. 中国火箭号蒸汽机车 (Паровоз «Ракета Китая») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zh.wikipedia.org/wiki/中国火箭号蒸汽机车>.
22. 中国铁路大提速 / 中国铁道学会, 中国铁道科学研究院. –北京 : 中国铁道出版社, 2008年94页 (Повышение скорости движения поездов на железных дорогах Китая // Китайское железнодорожное сообщество, Китайский железнодорожный научно-исследовательский институт. – Пекин : Китайские железные дороги, 2008. – 94 с.).
23. 中国铁路建设史. 编委会主任 : 孙永福. –北京 : 中国铁道出版社, 2003年 847页 (История железнодорожного строительства Китая / под ред. Юнфу Сунь. – Пекин : Китайские железные дороги, 2003. – 847 с.).
24. 四川省志:交通志(第一卷) // 四川省地方志编纂委员会. –成都 : 四川科学技术大学出版社, 1995年864页 (Летопись провинции Сычуань : Летопись транспорта. Т. 1 // Комиссия компиляции по местной летописи провинции Сычуань. – Чэнду : Изд-во Сычуаньского науч.-техн. ун-та, 1995. – 864 с.).
25. 张雨才. 中国铁路建设史略 (1876–1949). –北京 : 中国铁道出版社, 1997年700页 (Чжан, Юйцай. История железнодорожного строительства Китая (1876–1949) / Чжан Юйцай. – Пекин : Китайские железные дороги, 1997. – 700 с.).
26. 李军. 中国铁路新读. –北京 : 中国铁道出版社, 2009年238页 (Ли, Цзюнь. Новое понятие о китайских железных дорогах / Ли Цзюнь. – Пекин : Китайские железные дороги, 2009. – 238 с.).
27. 谢彬. 中国铁道史. –上海 : 中华书局, 1929年576页 (Се, Бинь. История железных дорог Китая / Се Бинь. – Шанхай : Управление литературой Китая, 1929. – 576 с.).
28. 金士宣, 徐文述. 中国铁路发展史: 1876–1949年. –北京 : 中国铁道出版社, 1986年530页 (Цзинь, Шисюань. История развития железных дорог Китая: 1876–1949 гг. / Цзинь Шисюань, Сюй Вэньшу. – Пекин : Китайские железные дороги, 1986. – 530 с.).

«БИРОБИДЖАНСКИЙ ПРОЕКТ» И СУДЬБА БИРОБИДЖАНСКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТЕХНИКУМА

М.А. Ковальчук

Ю.М. Гапоненко

Ковальчук Михаил Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: mnbr88@mail.ru

Гапоненко Юлия Михайловна – аспирант кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: garonenko-90@inbox.ru

Статья посвящена Биробиджанскому техникуму железнодорожного транспорта, который существовал с 1936 по 1950 г. и был закрыт из-за нерентабельности. Документы, выявленные авторами в архивах Хабаровска и Москвы, впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Биробиджан, железнодорожный техникум, идиш, евреи-ашкенази, «Биробиджанский проект».

В данной статье раскрывается история Биробиджанского техникума железнодорожного транспорта в контексте так называемого «Биробиджанского проекта». Последний В.В. Романова рассматривает в качестве «... заявленного советским правительством решения "еврейского вопроса", преследующего цели, не совсем связанные с непосредственными интересами евреев» [7: с. 14]. По ее мнению, «...по мере его конкретизации («Биробиджанского проекта». – М.К., Ю.Г.) его цели несколько менялись, но всегда они исходили из общегосударственных интересов, которые могут быть понятны только с учетом исторического времени и характера существующего в стране режима» [7: с. 14].

«Биробиджанскому проекту» посвящались научные конференции, имеется обширная научная, популярная и справочная литература [2; 3; 7], обратившись к которой можно составить определенное представление о «советском варианте решения еврейского вопроса». Поэтому авторы данной публикации поставили скромную цель – донести до научного сообщества и всех, кто интересуется историей еврейского народа, проживающего в пределах Дальнего Востока, сведения о Биробиджанском «еврейском» техникуме железнодорожного транспорта, ныне основательно забытом в российском обществе¹.

Главная проблема, которая для нас остается нерешенной, заключается в том, что в течение 1936/37 и 1937/38 учебных годов делопроизводство

в техникуме велось на идише, т.е. на языке евреев-ашкенази. Единственное, что удалось выяснить, это то, что первый приказ по техникуму был издан 28 сентября 1936 г., так как дата на угловом штампе бланка была обозначена арабскими и латинскими цифрами. Полный перевод имеющихся в нашем распоряжении документов ждет своего часа.

Ведение делопроизводства на еврейском языке не могло быть прихотью администрации техникума. Дело в том, что в декабре 1935 г. Президиум Облисполкома и Обком ВКП(б) ЕАО приняли постановление, согласно которому необходимо было «...немедленно перевести на еврейский язык всю работу ... в еврейских техникумах..., школах, театре и кино, в областной библиотеке» (текст постановления см.: [2: с. 619]). В перечне «еврейских техникумов», как мы полагаем, не было железнодорожного техникума, зато упоминается горно-металлургический.

На судьбу обоих учебных заведений проливает свет документ, обнаруженный в архивном фонде Биробиджанского железнодорожного техникума, – машинописная копия протокола заседания Совета при отделе подготовки кадров Дальневосточной железной дороги от 8 июля 1937 г., решение которого озаглавлено «О принятии в ведение ДВЖД горно-металлургического техникума». В нем были следующие пункты:

«1. Принять в ведение ДВЖД Биробиджанский горно-металлургический техникум.

2. Организовать при [железнодорожном] техникуме два отделения: путейское и паровозное. Из 142 студентов переходящего контингента создать две группы паровозников – 69 человек (из бывших

¹ Знаток истории Биробиджана Валерий Гуревич в своем добротном справочном издании, приводя хронику 1930-х гг., упомянул о горно-металлургическом и других техникумах, но ничего не написал о железнодорожном [3].

металлургов) и 3 группы путейцев – 73 человека (бывших горняков).

3. Принять в этом году 90 человек: две группы путейцев и одну – паровозников.

4. Поставить перед ЦУУЗом² вопрос:

а) о достройке здания техникума, начатого НКТП³;

б) деньгах на организацию мастерских» [1: Оп. 1. Д. 19. Л. 1].

Техникум находился в стадии становления. Вероятно, по этой причине в агитационной брошюре, посвященной 10-летию юбилею г. Биробиджана, о нем не сказано ни слова [5], как и в упомянутом нами решении о ведении делопроизводства на еврейском языке. Кроме того, сама документация железнодорожного техникума после его ликвидации не попала ни в государственный архив ЕАО, ни в государственный архив Хабаровского края (в советское время ЕАО входило в состав Дальневосточного, а с 1938 г. – Хабаровского края), а была передана в ведомственный архив, о существовании которого мало кто из исследователей знает.

Можно предположить, что одним из главных факторов, повлиявших на открытие в Биробиджане железнодорожного техникума, было то обстоятельство, что наркомом путей сообщений в то время был соратник И.В. Сталина этнический еврей Лазарь Моисеевич Каганович, в 1936 г. самолично посетивший Дальний Восток и Биробиджан, после чего областной еврейский театр стал носить его имя.

Однако названное выше обстоятельство слабо повлияло на становление нового технического учебного заведения. Оно было трудным и долгим. Целых два года у техникума не было постоянного руководителя. Только 10 июля 1938 г. директором техникума был назначен Яков Абрамович Хайкин. Этому назначению предшествовало разоблачение «орудовавших» в техникуме «классовых врагов» в лице и.о. директора Пилгона и некоего Левитана. После них обязанности директора исполнял Веров Евгений Савельевич, 1895 г. рождения, уроженец УССР, из мещан. Национальность – еврей. Беспартийный. Образование – незаконченное высшее. Учился в Горном институте до 1921 г.; с 1931 г. – заочно в каком-то институте в Москве на математическо-механическом факультете. В Биробиджан переехал из Хабаровска в 1936 г. Правда, он имел педагогический стаж 14 лет, а в техникуме преподавал геодезию и механику. Как видим, и.о. директора железнодорожного техникума был человек, не имевший не только высшего, но и спе-

циального образования. В отличие от Е.С. Верова Яков Абрамович отвечал всем требованиям: в свои 35 лет имел высшее техническое железнодорожное образование, пролетарское происхождение, рабочий и педагогический стаж, к тому же был евреем по национальности.

Однако кадровые трудности были не главными. Техникум являлся не военизированным учебным заведением, в отличие от школ военных техников (ШВТ) в Чите и Хабаровске, готовивших специалистов для железных дорог Дальнего Востока. В последних учащиеся-курсанты находились на казарменном положении и полном материальном обеспечении. В условиях низкого жизненного уровня большинства дальневосточников, а также ввиду высокого престижа железнодорожных профессий набор в эти учебные заведения был вполне обеспечен. Кроме того, в трудное предвоенное и военное время укреплялась их материальная база.

Вместе с тем Биробиджанский техникум вписывался в соответствующий «Биробиджанский проект», который по замыслу его организаторов должен был дать импульс развитию еврейского этноса. Вплоть до 1938 г. в делопроизводстве техникума преобладал еврейский язык, а в последующие два года был вытеснен русским языком. И этому есть определенное объяснение. В отчете за 1939/40 учебный год директор техникума отметил, что «...студенты старших курсов – ссыльно-вербованные юноши и девушки, большая часть которых училась в техникумах и вузах и на разных курсах. Жители местечек, дети мелких торговцев, трудно перевоспитуемые идеологией». Только вновь поступивших на первый курс детей железнодорожников он называл «здоровым контингентом» [1: Оп. 1. Д. 19. Л. 2]. В отчетах техникума фиксируется то обстоятельство, что техникум хотя и считался национальным еврейским, но обеспечить его еврейским контингентом ЕАО не могла. Поэтому уже в 1939/40 учебном году Центральное управление учебных заведений разрешило набор одной группы русских учащихся. Иначе говоря, национальный состав техникума мало чем отличался от национальной структуры ЕАО – и там, и там евреи были в меньшинстве, а межнациональным языком общения оставался русский.

В это время с любыми проявлениями национализма и шовинизма в железнодорожных учебных заведениях шла непримиримая борьба. Так, были случаи, когда курсанты Хабаровской ШВТ отчислялись из учебного заведения только за то, что они публично обзывали своих сокурсников-евреев «жидами». Полагаем, что в Биробиджанском техникуме с этим делом обстоит еще строже. 15 января 1938 г. преподавателю русского и еврейского языков Урбан был объявлен выговор за

² Центральное управление учебных заведений народного комиссара путей сообщения.

³ Народный комиссариат тяжелой промышленности.

то, что она вместо планируемого опроса учащихся в группе 3^а провела разбор книги еврейского писателя Д. Бергельсона⁴ «В дни штурма», полученной из центральной библиотеки Биробиджана, но изъятой из обращения, не обратив внимания на то, что на ней стоял штамп «аннулировано» [1: Оп. 1. Д. 3. Л. 19]. Несмотря на сглаженность «еврейского фактора» в деятельности техникума уже в предвоенные годы, он, тем не менее, присутствовал на протяжении всего существования этого учебного заведения. Полагаем, что вовсе не случайно все его руководители были этническими евреями, к тому же прекрасно владевшими письменной и устной речью на идиш.

Однако наибольший удар по техникуму нанесло постановление Совета народных комиссаров от 2 октября 1940 г. о введении платного образования в средних, среднеспециальных и высших учебных заведениях. Многие учащиеся подали заявления на отчисление по собственному желанию. Администрация техникума вела большую разъяснительную работу, стремясь предотвратить отсев студентов, вплоть до посылки писем родителям с просьбой помочь детям продолжить обучение в техникуме. С целью облегчить положение учащихся администрация добилась улучшения работы столовой и удешевления питания. Занятия в техникуме стали проводиться в одну смену. Кроме того, с введением в 1939 г. всеобщей воинской повинности в армию было призвано 49 учащихся техникума. К ноябрю в связи с сокращением контингента учащихся техникума до 87 две группы путейцев первого курса объединились в одну, то же произошло с двумя группами паровозников второго курса [6: с. 70; 8: Оп. 75. Д. 459. Л. 10].

В последующие годы удалось несколько стабилизировать положение. Этому способствовало несколько обстоятельств. Прежде всего то, что юношей – учащихся техникума вплоть до его окончания, как правило, перестали призывать в армию, и даже в военное время они могли спокойно приобрести престижную тогда профессию. Отличникам учебы полагалась стипендия. При этом постепенно размер стипендии рос таким образом, что она стала компенсировать плату за обучение, и одновременно увеличивалось число учащихся, получающих ее. Определенную помощь малообеспеченным учащимся через дешевое питание, выдачу одежды по мере возможностей оказывала,

как уже отмечалось, администрация. В годы войны, как это не покажется странным, такие возможности даже возросли – техникум обзавелся своим подсобным хозяйством.

Биробиджанский техникум железнодорожного транспорта не остался в стороне от тех трагических, мы добавим, и героических, событий, которыми жила вся наша страна. В годы войны коллектив техникума не только выживал, в значительной степени самообеспечивая себя продовольствием, но и продолжал подготовку специалистов для железных дорог страны. Все это сочеталось с ужесточением требовательности к дисциплине, проведением усиленной военной подготовки, участием в общегородских мероприятиях (соревнования, военизированные эстафеты и т.д.).

29 апреля 1945 г., накануне Международного дня солидарности трудящихся 1 Мая, директор техникума издал приказ, характеризующий чувства всех советских людей в преддверии Великой Победы. Вот выдержка из этого приказа. «Героическая Красная Армия, поддерживаемая героическим тылом, прилагает все усилия, чтобы отсесть последние щупальца фашистской гидры. Могучие пальцы Сталинской Гвардии сомкнулись на горле гитлеровской Германии. Коллектив железнодорожного транспорта и технической школы вместе со всем советским народом, прилагая усилия, приносил жертвы, стремясь всеми средствами приблизить победу» [1: Оп. 1. Д. 10. Л. 87]. В августе 1945 г., во время войны с Японией, юноши-учащиеся старших курсов были временно мобилизованы на железнодорожный транспорт, где они работали кочегарами на паровозах, грузчиками на топливных складах, кондукторами на поездах. В летне-осенний период на время ведения военных действий в Маньчжурии в здании техникума расположился военный госпиталь, а сами учащиеся выехали на уборку урожая. К занятиям техникум приступил только 25 октября.

Послевоенное время внесло свои коррективы в учебный процесс. На основании приказа Министерства высшего образования СССР от 07.10.1946 г., распоряжения ЦУУЗа МПС от 17.11.1946 г. «Об изменении программы допризывной военной и физической подготовки учащихся техникумов» учебный план техникума по соответствующим дисциплинам сократился в часах на 70 %. В связи с этим директор Биробиджанского техникума сократил штатную единицу инструктора по военному делу [1: Оп. 1. Д. 11. Л. 279].

Техникум вместе со всей страной переходил к мирной жизни, но последствия войны сказывались еще долгое время. 15 декабря 1945 г. на основании распоряжения заместителя начальника ДВЖД Смирнова директор техникума издал приказ, в

⁴ Бергельсон Давид Рафаилович (1884–1952), в 1909–1912 гг. входил в «Киевскую группу еврейских литераторов». В 1921 г. эмигрировал. Жил в Германии, Литве, Румынии, Франции. В 1929 г. вернулся в СССР. Советский писатель, пишущий на идише. Член президиума Еврейского антифашистского комитета. Арестован в 1949 г. и расстрелян по делу Еврейского антифашистского комитета. В 1955 г. по-смертно реабилитирован.

котором всем преподавателям, сотрудникам, рабочим и учащимся техникума и курсантам технической школы до конца декабря предписывалось написать автобиографии. В них они должны были подробно рассказать не только о себе, но и обо всех родственниках, проживавших на временно оккупированной немецкими войсками территории.

Все менялось, но неизменным оставалась слабая материально-техническая база техникума. В ежегодном отчете директора за 1946 г. указывалось, что учебный корпус техникума располагается в ветхом деревянном двухэтажном доме. Здание с печным отоплением и плохо сохраняет тепло. Температура зимой держится на отметке +8 ... +10 °С. Учащиеся вынуждены присутствовать на занятиях в зимней одежде. В здании располагаются учебные аудитории, клуб, столовая и библиотека. Нет ни читального зала, ни чертежной, ни красного уголка. Недостаток аудиторий вынуждает организовывать занятия в две смены. Мастерская техникума располагается в жилом бараке. Ощущается острая нехватка инструментов [1: Оп. 1. Д. 19. Л. 10]. И это через десять лет после открытия техникума.

Послевоенное время не располагало к лучшему. Значительные средства шли на восстановление западных регионов страны. Дорога была, как говорят, каждая копейка. В декабре 1946 г. начальник ЦУУЗа обратился к заместителю наркома путей сообщения с запиской, в которой изложил следующие факты, касающиеся техникума:

1) за девять лет работы им был выпущен только 51 техник;

2) в течение девяти лет ни разу не был выполнен план приема студентов, так как отсутствовал достаточный контингент местного населения, окончившего семь классов;

3) по причине плохого материально-бытового обеспечения из учебного заведения за это же время отсеклось 600 учащихся.

По подсчетам управления, подготовка одного техника обходилась свыше 120 тыс. рублей, вместо установленных по смете 22 тыс. рублей, т.е. превышала более чем в пять(!) раз [8: Оп. 75. Д. 708. Л. 137].

В связи с вышеизложенным управление ставило вопрос перед руководством наркомата о реорганизации Биробиджанского техникума в годичную школу машинистов и переводе учащихся техникума в Хабаровскую школу военных техников. Такое решение было вполне логичным, так как техникум не выдерживал по объективным показателям «конкуренции» со школами военных техников, имеющимися в восточной зоне страны (таблица). Во всех трех школах военных техников – Иркутской, Читинской и Хабаровской – контингент учащихся превышал количество обучающихся в техникуме почти в 4–5 раз. Велик был и отсев: в 1945 г. отсеялось 2,4 % от общего контингента в Биробиджане, в Хабаровской школе – 1,9 %, в Иркутской и Читинской – около 1 %. В следующем году показатели работы техникума несколько улучшились, что могло, вероятно, отсрочить его ликвидацию.

В постановлении Министерства высшего образования СССР от 10 декабря 1948 г. Биробиджанский техникум железнодорожного транспорта отнесен к учебным заведениям со слабой материально-технической базой. Судьба техникума была предрешена. Через два года приказом по МПС СССР от 18 августа 1950 г. Биробиджанский техникум железнодорожного транспорта реорганизуется в трехгодичную школу локомотивных машинистов. К концу августа во исполнение этого приказа группа 3^а учащихся-паровозников (14 человек) переведена в полном составе в Читинскую школу военных техников, группа 4^а учащихся-паровозников (15 человек) – в Хабаровскую школу военных техников, группа 4^б (17 человек) – в Иркутскую школу военных техников [1: Оп. 1. Д. 15. Л. 162].

Была ли ликвидация Биробиджанского техникума железнодорожного транспорта обусловлена политическими процессами, получившими название государственного антисемитизма, в результате которых, как утверждают некоторые авторы, пострадал в первую очередь «цвет еврейской нации»? Полагаем, что вовсе нет. По крайней мере одно с другим непосредственно не связано.

Таблица

Движение контингента учащихся техникумов восточной зоны страны за 1945/46 и 1946/47 учебные годы [4: Оп. 15. Д. 4. Л. 19–23]

Наименование учебного заведения	Число учащихся							
	на начало учебного года		принятых за год		выпущенных за год		выбывших по разным причинам	
	45/46	46/47	45/46	46/47	45/46	46/47	45/46	46/47
Иркутская ШВТ	479	516	20	48	41	54	38	47
Биробиджанский техникум	120	155	29	3	30	53	29	29
Хабаровская ШВТ	529	502	24	14	47	47	103	54
Читинская ШВТ	436	446	89	–	71	–	74	53

Во-первых, судьба техникума была предрешена задолго до развернутой руководством страны кампании, и соображения по его ликвидации были вполне прагматичными, а не политическими. В приведенном документе – записке начальника управления учебных заведений – ничего не говорилось о национальной специфике учебного заведения. Из этого факта можно сделать вывод, что общегосударственные интересы страны ставились во главу угла. Может это и имела в виду В.В. Романова, когда писала о том, что государство преследовало «цели, не совсем связанные с непосредственными интересами евреев» [7].

Во-вторых, ни руководитель техникума, ни преподаватели, ни тем более его учащиеся ни в коей мере не были затронуты репрессиями. Директор техникума в 1943–1950 гг. Мильштейн Шмуль (Михаил) Ильич (Житомир. 1912–1989. Хабаровск), выпускник Ленинградского инженерно-строительного института, имел безупречный послужной список. После смерти отца он находился на иждивении старших братьев. Три его родных брата были коммунистами «ленинского призыва», четвертый вступил в партию несколько позже. В 1930-х гг. все братья находились на партийной и хозяйственной работе. Во время Великой Отечественной войны из пяти братьев М.И. Мильштейна трое воевали на фронте, двое из них – погибли. Сам Михаил Ильич был членом ВКП(б) с 1942 г. После ликвидации техникума какое-то время возглавлял школу паровозных машинистов, но к началу 1951/52 учебного

года переведен в распоряжение начальника ХаБииЖТа. В новых для себя условиях сумел защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. В 1953–1961 гг. М. Мильштейн был деканом вечернего факультета, 1961–1963 гг. – факультета «Строительства железных дорог» ХаБииЖТа. В последующее время, вплоть до 1987 г., – доцент кафедры «Путь и путевое хозяйство». М.И. Мильштейна помнят его ученики – выпускники ХаБииЖТа как замечательного педагога и прекрасного душевного человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Дальневосточной железной дороги. – Ф. 155. – Биробиджанский техникум железнодорожного транспорта.
2. *Бринер, И.С.* Биробиджанский проект в научных исследованиях: ценности и интересы в истории Еврейской автономной области / И.С. Бринер, А.В. Зарембо. – Киев : Золотые ворота, 2009.
3. *Гуревич, В.С.* Все о Еврейской автономной области : справ.-энцикл. сб. / В.С. Гуревич. – Биробиджан : Этнос-ДВ, 2008.
4. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9396. – Министерство высшего образования СССР.
5. Десять лет Биробиджану. – Б/М. – 1938.
6. *Ковальчук, М.А.* Исторический опыт формирования транспортной отрасли Дальнего Востока России (70-е гг. XIX в. – июнь 1941 г.) / М.А. Ковальчук. – Хабаровск, 2003.
7. *Романова, В.В.* «Биробиджанский проект» / В.В. Романова // Биробиджанский проект : сб. материалов науч.-практ. конф. – Биробиджан : Этнос, 2008. – С. 14.
8. Российский государственный архив экономики. – Ф. 1884. – Народный комиссариат путей сообщений.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ МЕНЬШЕВИКОВ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ ДО 1917 ГОДА

В.Л. Кузьмин

С.М. Нечитайлов

Кузьмин Василий Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: kvl-14@yandex.ru

Нечитайлов Сергей Максимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: kvl-14@yandex.ru

В статье рассматривается история образования течения меньшевизма в российской социал-демократии, а также деятельность организаций меньшевиков на Дальнем Востоке. Авторы подробно анализируют программу партии и её социальный состав. Изучается влияние особенностей региона на популярность партии среди местного населения. Авторы исследуют деятельность дальневосточных социал-демократических организаций с начала XX в. по февраль 1917 г.

Ключевые слова: большевики, Дальний Восток, интеллигенция, крестьянство, меньшевики, организации, партия, полиция, пролетариат, Российская социал-демократическая рабочая партия, социал-демократы.

Первой политической партией, образовавшейся в России, стала Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), возникшая в 1898 г. Однако уже на втором её съезде в 1903 г. в партии выделились две фракции – большевики и меньшевики, ставшие в дальнейшем самостоятельными партиями. Пребывая формально в объединённом состоянии вплоть до 1917 г., большевики и меньшевики настолько сильно расходились во взглядах на характер и перспективы российской революции, что уже в то время фактически вели себя как самостоятельные организации. Как показывает мировой опыт, среди марксистов всегда были «мягкие» и «твёрдые». В российской социал-демократии роль «мягких» досталась меньшевикам.

Процесс формирования РСДРП проходил в 1898–1903 гг. Первый (Учредительный) съезд партии, целью которого было объединение разрозненных социал-демократических групп в единую общероссийскую партию, состоялся 1–3 марта 1898 г. в Минске. Однако объединение это было декларативным.

Окончательно объединить все течения российской социал-демократии должен был II съезд РСДРП, на котором и возник меньшевизм. Съезд проходил с июля по август 1903 г. в Брюсселе (затем – в Лондоне). На нём были представлены все партийные течения. Сторонникам платформы газеты «Искра» (искровцам) принадлежало 33 голоса, 24 из них – «твёрдым» искровцам, возглавляемым Лениным и Плехановым [5: с. 133]. «Мягких» ис-

кровцев возглавлял Мартов. Съезд принял программу партии, в основу которой лёг проект, написанный Лениным и Плехановым. Программа РСДРП, которую разделяли и меньшевики, и большевики, состояла из двух частей: программы-минимум и программы-максимум. Программа-минимум определяла задачи партии на этапе буржуазно-демократической революции, предусматривая ликвидацию самодержавия и введение демократической республики. Она включала требования всеобщего, равного и прямого избирательного права, неограниченной свободы совести, слова, печати, собраний, стачек, союзов, неприкосновенности личности и жилища, уничтожения сословий, полного равноправия всех граждан независимо от пола, религии и национальности, широкого местного самоуправления и замены постоянного войска всеобщим вооружением народа. В национальном вопросе программа предусматривала реализацию права наций на самоопределение, права получать образование на родном языке, введение родного языка наравне с государственным во все учреждениях. В рабочем вопросе программа содержала требования 8-часового рабочего дня, государственного страхования на случай полной или частичной потери способности к труду и по старости, а также запрещение сверхурочных работ. В экономической сфере социал-демократы были сторонниками введения прогрессивного налога на доходы и наследство и отмены косвенных налогов. В аграрном вопросе требованиями партии были отмена выкупных

и оброчных платежей, учреждение крестьянских комитетов для возвращения крестьянам так называемых отрезков. Программа-максимум провозглашала конечной целью социалистическую революцию и установление диктатуры пролетариата [7: с. 226; 10: с. 59–65].

В вопросах тактики РСДРП допускала поддержку любого оппозиционного и революционного движения, направленного против самодержавия. При этом террор как метод борьбы исключался.

Раскол между «твёрдыми» и «мягкими» искровцами произошёл во время обсуждения организационных вопросов. Острые разногласия вспыхнули между ними по вопросам партийного строительства (членства в партии и отношения центрального органа с местными организациями). «Мягкие» искровцы не были сторонниками жёсткой централизации партийных организаций и возражали против ленинского определения членства партии, предусматривавшего «личное участие в одной из организаций». В противовес ему Мартов настаивал на формулировке «личное содействие». Он был сторонником самостоятельности рабочего движения и необходимости широкого вовлечения рабочих в ряды революционной организации. Партия, с точки зрения Мартова, должна лишь помогать политической самоорганизации рабочих, поиску союзников в борьбе с самодержавием, выдвижению собственных лидеров [3: с. 169]. При голосовании съезд большинством голосов принял первый параграф устава о членстве в партии в формулировке Мартова. Однако при выборах в руководящие органы партии большинство мест получили «твёрдые» искровцы. Так, по результатам выборов за образовавшимися фракциями закрепились названия «большевики» («твёрдые» искровцы) и «меньшевики» («мягкие» искровцы).

Вначале разделение на большевиков и меньшевиков носило условный характер, и в партийных документах эти названия писали в кавычках. Низовым организациям о расколе было известно мало, поэтому первое время после съезда в них преобладала солидарность. Постепенно слова «большевик» и «меньшевик» плотно вошли в практику в связи с развернувшейся ожесточённой фракционной борьбой. В итоге раскол на большевиков и меньшевиков, произошедший на II съезде, быстро распространился на все социал-демократические организации России и эмигрантские группы. Достаточно быстро почти все партийные организации определились в своих симпатиях. Организации РСДРП крупнейших рабочих центров были на стороне большевиков, а южные комитеты поддержали меньшевиков. Что касается более точного соотношения, то известны следующие цифры: к марту 1905 г. в России действовало 32 комитета и

35 групп большевистского направления, а меньшевистского – 23 комитета и 27 групп. Нейтральное положение заняли 10 комитетов и 43 группы. В некоторых местах возникали параллельно большевистские и меньшевистские организации (например, в Петербурге). Численность РСДРП в этот период не была значительной и составляла по разным подсчётам от 2,5 до 8,4 тыс. человек. При этом меньшевиков было намного больше [5: с. 151].

Революция 1905–1907 гг. усугубила раскол в рядах российской социал-демократии. Глубина его проявилась уже при подготовке III съезда РСДРП, задачей которого была выработка программы действий в начавшейся революции. Несмотря на то что приглашены были все организации, меньшевики на съезд своих делегатов не направили. Решения III съезда РСДРП, проходившего в Лондоне с 12 по 27 апреля 1905 г., касавшиеся задач партии в условиях революции в России, меньшевики не приняли. Вместо участия в работе съезда, ставшего, таким образом, первым большевистским съездом, меньшевики провели самостоятельную конференцию.

Меньшевистская конференция была созвана в Женеве весной 1905 г. с теми же задачами, что и у III съезда РСДРП, – выработать программу действий в начавшейся революции. Как и большевики, меньшевики признали начавшуюся революцию буржуазно-демократической, но на этом единство их взглядов заканчивалось. В противовес большевикам, лидеры меньшевиков заявили, что развивающаяся революция в России не отличается от обычной буржуазной революции в странах Западной Европы. Поэтому руководящей силой российской революции должна быть буржуазия. Задача пролетариата в данной революции – не руководить ей, а поддержать буржуазию и стараться, чтобы она не отшатнулась от неё. Что касается крестьянства, то меньшевики считали его «реакционной силой, вышедшей из феодализма», и не рассматривали его как союзника рабочих в данной революции.

В вопросах тактики меньшевики резко выступили против требования установки большевиков на подготовку и организацию вооружённого восстания, которое они расценивали как заговорщицкую тактику, не имеющую ничего общего с народным движением. Они были уверены, что восстание – это естественно-стихийный процесс и подготовить его невозможно. Допустимой тактикой в условиях революции меньшевики считали агитацию, пропаганду и организацию масс с целью поднять стихию народного возмущения и, таким образом, получить политические свободы. В случае победы революции к власти должна прийти буржуазия. Социал-демократия в этих условиях не должна стремиться к захвату власти, а должна стать партией легальной оппозиции. Также меньшевики были против идеи

установления диктатуры пролетариата и крестьянства. Расценивая эту идею как утопическую, лидеры меньшевиков Г.В. Плеханов, П.Б. Аксельрод, Ю.О. Мартов, А.С. Мартынов и Ф.И. Дан считали оптимальным вариантом для России демократическую республику. После победы буржуазной революции, как полагали меньшевики, России предстоит длительный срок развития капитализма, в результате которого созреют условия для социалистической революции. Ею и будет руководить пролетариат. Все эти положения, выработанные на Женевской конференции, легли в основу меньшевистской теории предстоящей русской революции.

В целом программа меньшевиков имела общедемократическую направленность, что объединяло их с другими левыми партиями. Внесение же в их программу корректировок по отношению к российской революции углубило разрыв с большевиками. Так, в 1905 г. большевики и меньшевики идейно обособились друг от друга, став пока фракциями РСДРП. К лету 1905 г. численность партии составляла 26,5 тыс. человек – 14 тыс. большевиков и 12,5 тыс. меньшевиков [5: с. 165].

Полного раскола, тем не менее, не произошло. В декабре 1905 г. были созданы объединённый ЦК РСДРП в составе трёх большевиков и трёх меньшевиков и газета «Партийные известия» с аналогичным составом редакции. С 10 по 25 апреля 1906 г. в Стокгольме прошёл IV Объединительный съезд РСДРП, на время закрепивший формальное единство партии. Съезд прошёл с преобладанием меньшевиков – им принадлежало 62 голоса, большевикам – 46 (в этот период в составе российских организаций РСДРП было 18 тыс. меньшевиков и 13 тыс. большевиков) [5: с. 182]. На этом съезде меньшевики выступили с собственной аграрной программой, предложенной П.П. Масловым. Эта программа получила название «программа муниципализации земли». Она предусматривала конфискацию всех земель (кроме мелких крестьянских хозяйств) и передачу их в распоряжение выбранных на демократических началах органов местного самоуправления (муниципалитетов). Часть земли должна была перейти в руки государства для создания переселенческого фонда. Допускался раздел крестьянами части помещичьих земель в собственность [7: с. 226; 8: с. 86–88].

Меньшевики были сторонниками парламентской борьбы, однако они не сразу определились в своём отношении к Думе. Во время предвыборной кампании в I Государственную думу они решили использовать тактику полубойкота – участвовать в избирательной кампании на первых стадиях выборов, но не избирать депутатов. Однако, несмотря на полубойкот меньшевиков и бойкот большевиков, в I Государственной думе образовалась социал-де-

мократическая фракция во главе с меньшевиком Н.Н. Жордания [11: с. 150]. Позже меньшевики признали тактику полубойкота неверной и стремились сделать думскую трибуну средством пропаганды. Они считали, что конфликт между Думой и правительством может вызвать всеобщее возмущение и привести к свержению самодержавия. Более того, меньшевики рассматривали возможность трансформирования самой Думы в Учредительное собрание. Во время избирательной кампании во II Думу меньшевики были сторонниками широкой антиправительственной коалиции, не исключая соглашения с кадетами, тогда как большевики допускали лишь тактику «левого блока», т.е. соглашения с другими революционными партиями и группами. В результате выборов в социал-демократической фракции II Думы численно преобладали меньшевики. Председателем фракции стал меньшевик И.Г. Церетели, а сама она насчитывала 54 депутата. В новой Думе фракция под руководством меньшевиков заняла политически активную позицию. Фракция требовала создания депутатских комиссий с правом контроля за деятельностью правительственных органов по оказанию помощи голодающим и безработным, добилась признания права на помощь всем безработным независимо от причины увольнения, а не только пострадавшим от промышленного кризиса. Вместе с фракцией трудящихся социал-демократы внесли законопроект о политической амнистии. Социал-демократическая фракция использовала различные средства парламентской работы – от запросов правительству до прямых обращений к населению [11: с. 150–151].

В новых условиях (после поражения революции 1905–1907 гг.) меньшевики рассматривали думскую фракцию как обособленный партийный центр, который прислушивается к партии, но решает вопросы думской работы самостоятельно. Поэтому вместо использования думской трибуны для разоблачений царизма и революционной агитации, как того хотели большевики, фракция выступала за мирные методы политической борьбы и за союз с либеральными партиями [5: с. 208–209]. После принятия третьеиюньского закона 1907 г. численность депутатов социал-демократов в Думе значительно сократилась: в III Думе – до 19, в IV Думе – до 14. Среди них меньшевиков было 10 и 7 соответственно. Возглавлял социал-демократическую фракцию в обеих Думах меньшевик Н.С. Чхеидзе [11: с. 151].

Думская деятельность и поражение революции 1905–1907 гг. тяжело сказались на РСДРП в целом и меньшевиках в частности. Численность партии сократилась, а внутри образовывались новые течения. Одним из таких течений в меньшевизме стали «ликвидаторы» (название дали большевики), которых возглавляли публицисты А.Н. Потресов,

П.Б. Аксельрод, Н.Н. Жордания, В.О. Левицкий и др. Они считали революцию в России законченной, призывали к роспуску подпольных организаций и стремились превратить РСДРП в парламентскую партию. Другое направление – меньшевики-партийцы, возглавляемые Г.В. Плехановым, выступали за сохранение подполья. Однако значительная часть меньшевиков придерживалась умеренных взглядов. Это так называемые меньшевики-центристы во главе с Ю. Мартовым и Ф. Даном. Они разделяли мнение «ликвидаторов», что Россия стала конституционной монархией, поэтому необходимо переходить к парламентским формам работы, но и не отрекаться от революционных форм борьбы.

Основной тактикой меньшевиков, кроме парламентской работы, была пропаганда и агитация в рабочих кружках. Однако меньшевики не были абсолютными сторонниками мирных средств, поскольку не исключали таких форм политической борьбы, как демонстрации и забастовки. Тем не менее они резко выступили против экспроприаций (вооружённых нападений с целью захвата денег) на V съезде РСДРП, проходившем с 30 апреля по 19 мая 1907 г. в Лондоне. Негативно реагировали они и на идею большевика Л.Б. Красина печатать фальшивые деньги [5: с. 224].

Наличие групп и течений в РСДРП охватывало, прежде всего, верхушку партии, а настроения многих рядовых социал-демократов отличались «нефракционностью». Поэтому предпринимались новые попытки достижения партийного единства. Очередная попытка примирения между большевиками и меньшевиками состоялась в Париже в январе 1910 г. на общем пленарном заседании ЦК. И хотя было принято решение о ликвидации фракционных органов и газет (большевистский «Пролетарий» и меньшевистский «Голос социал-демократа»), соглашение оказалось непрочным. Меньшевики продолжили выпуск собственной газеты и сохранили свои фракционные центры. Лишь меньшевики-«партийцы» некоторое время сотрудничали с большевиками, хотя и непоследовательно. Противостояние шло не в пользу меньшевиков: большевикам удалось вытеснить их из правлений профсоюзов, культурно-просветительных обществ и страховых учреждений. В ноябре 1913 г. депутатами-большевиками была образована самостоятельная фракция в Думе, однако в 1914 г. большевистская и меньшевистская фракции выступили с совместной декларацией по поводу начавшейся мировой войны и покинули зал заседаний при голосовании в качестве протеста.

Война вновь разделила российскую социал-демократию на различные группы. С патриотических позиций выступал Г.В. Плеханов, которого поддержали эсеры. Выделилось несколько групп

среди интернационалистов, признававших войну империалистической и требовавших демократического мира. К правому центру относились думская фракция меньшевиков во главе с Н.С. Чхеидзе и Организационный комитет РСДРП, который в условиях формального существования единой партии играл роль меньшевистского центра. К ним примыкал ещё ряд эсеровских групп и лидер партии В.М. Чернов. К левому центру принадлежали меньшевики-интернационалисты, сплотившиеся вокруг парижских газет «Голос» (ведущую роль играл Ю.О. Мартов) и «Наше слово» (возглавлял Л.Д. Троцкий). К ним примыкали меньшевики-«межрайонцы» (по названию Межрайонной организации объединённых социал-демократов, образованной в ноябре 1913 г. в Петербурге), а также часть эсеров. Левоцентристы были сторонниками создания объединённого фронта всех социалистических сил, в том числе и большевиков, для борьбы с войной.

Слабость социалистических организаций в целом заставляла меньшевиков и большевиков сохранять единство партии даже при наличии непреодолимых разногласий. Группы социал-демократов оставались нелегальными, и меньшевистские партийные организации и их печатные издания преследовались не менее, чем большевистские. Однако после Февраля 1917 г. бывшие фракции окончательно разделились, превратившись в партии. Став самостоятельной партией, меньшевики сохранили за собой прежнее название – РСДРП.

Популярность меньшевиков у населения была не очень велика. В этом вопросе они сильно проигрывали своим будущим союзникам эсерам. Связано это было с более узкой социальной базой меньшевиков. Они опирались на интеллигенцию и квалифицированных рабочих. Меньшевики призывали рабочих поддерживать буржуазию в её попытках выйти на политическую арену. Однако в среде пролетариата меньшевики пользовались меньшей популярностью, чем большевики. По количеству сборов на издание и распространение партийной литературы среди рабочих они обошли большевиков лишь в 22 из 60 губерний и областей, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке [7: с. 223–224].

Идеи марксизма, теоретической основы программы РСДРП, начали распространяться на Дальнем Востоке уже в конце XIX в., так как край был местом политической ссылки. Вначале ссыльные члены марксистских кружков, а затем и социал-демократы, прибывшие из центральных районов России, начали пропаганду среди населения региона. Поэтому первые организации РСДРП возникли на Дальнем Востоке не намного позже, чем в центре России. Столь раннее появление членов РСДРП в регионе и их активные действия позволили им обрести единомышленниками, положили начало

складыванию местных партийных организаций. Первые партийные объединения на Дальнем Востоке, конечно, сложно назвать организациями. Скорее это были небольшие законспирированные группы РСДРП.

На особенности политической борьбы в регионе, в которой активное участие приняли меньшевики, влиял его социальный состав, обусловленный особенностями колонизации Дальнего Востока. Большую часть населения края составляло крестьянство, более обеспеченное, чем в центре России (даже бедняки могли позволить себе нанимать работников на период основных сельскохозяйственных работ). Да и численный состав различных категорий крестьянства здесь был другим: в 1917 г. бедняки на Дальнем Востоке составляли 33 %, середняки – 45 %, а зажиточные крестьяне – 22 %, тогда как в центре России соответственно 65 %, 20 % и 15 %. Но и дальневосточных крестьян беспокоило решение аграрного вопроса в связи с нехваткой земель для так называемых новосёлов (переселенцев, прибывших в край после 1900 г.) [2: с. 11]. В регионе не было помещичьего землевладения, но был значительный массив кабинетских (в Сибири и на Дальнем Востоке около 68 млн га), церковно-монастырских (200 тыс. десятин на Дальнем Востоке) и казачьих земель (амурские и уссурийские казаки получили по 30 десятин земли на мужскую душу, по 10 десятин в запасной станичный фонд, а в 1894 г. по указу Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского ещё 14,8 млн десятин земель по Амуру и Уссури – так называемый «отвод Духовского»). Значительная часть дальневосточных земель находилась в руках крестьянства, которое делилось на «стодесятичников» (или «старожилов», прибывших в 1861–1900 гг. и получивших по закону от 26 марта 1861 г. по 100 десятин на семью) и «новосёлов» (переселившиеся в регион после 1900 г., которым предоставлялся надел по 15 десятин на мужскую душу). «Новосёлам» приходилось арендовать землю у других крестьян и казаков, чем они были недовольны (правительство, правда, издало 3 апреля 1910 г. закон о наделении дальневосточных крестьян землёй за счёт «отвода Духовского», но это решение саботировалось казаками) [9: с. 32–38].

А вот доля пролетариата на Дальнем Востоке, в отличие от центральной России, была значительно меньше. Это было связано с поздним заселением региона и характером развития промышленности, которая сосредоточивалась в нескольких центрах: во Владивостоке, на железной дороге, а также в районах золотодобывающей, угольной и горнорудной промышленности. Постоянные кадры рабочих формировались за счёт незначительного притока квалифицированных специалистов из городов Европейской России, демобилизованных матросов и

солдат, крестьянской бедноты, политических поселенцев, ремесленного и промыслового населения Дальнего Востока. По подсчётам историка А.И. Крушанова, на Дальнем Востоке к началу Первой мировой войны было 125–130 тыс. постоянных рабочих и 120 тыс. сезонных. Вместе с тем А.А. Ромас утверждает, что промышленность, строительство, крупные предприятия Дальнего Востока были обеспечены постоянными рабочими не более чем на 30–35 %. В абсолютных цифрах это 21 тыс. чел., т.е. 19 % общего числа рабочих. Значительную часть дальневосточных рабочих составляли иностранцы – азиатские отходники. Их доля в 1911 г. в Приморской области составила примерно 38 % [1: с. 102; 4: с. 98–120; 6: с. 276–283; 9: с. 62; 12: с. 21].

Представители привилегированных сословий составляли незначительную часть населения Дальнего Востока. В 1907 г. на территории Приморья, Приамурья, Сахалина и Камчатки насчитывалось менее 8 тыс. дворян, около 760 духовных лиц, 8,3 тыс. потомственных и личных граждан и более 2,4 тыс. купцов [9: с. 45].

Такой социальный состав не слишком способствовал популярности меньшевиков в регионе, однако в составе РСДРП вместе с большевиками они пользовались популярностью в среде рабочих.

Марксистская агитация в регионе началась рано. В Забайкалье в 80–90-х гг. XIX в. отбывали каторгу члены Северного союза русских рабочих и Южно-российского союза рабочих. В 1897–1899 гг. в Забайкалье и Восточную Сибирь сослали около 30 активных членов Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Первые социал-демократические кружки на Дальнем Востоке также организовали ссыльные. В 1898–1900 гг. марксистские кружки появились в Амурской области, причём один из них организовал ссыльный Л.Г. Дейч, соратник Плеханова по группе «Освобождение труда». Большая группа социал-демократов отбывала ссылку в Благовещенске [6: с. 336].

В Приморской области марксистская пропаганда началась в 1897–1900 гг. Социал-демократические кружки появились во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Харбине, Хабаровске и на Уссурийской железной дороге. С 1901 г. в Сибири начинает распространяться газета «Искра», а в 1901–1902 гг. её редакция уже имела связь с социал-демократами Владивостока и Порт-Артура. Наряду с этим происходит установление связей между марксистами разных городов Сибири и Дальнего Востока и их объединение. Летом 1901 г. социал-демократы Томска, Красноярска и Иркутска организовали Сибирский социал-демократический союз. В результате обновления руководства Сибирского социал-демократического союза возглавили

его искровцы. Листовки союза печатались в подпольных типографиях Красноярска и Томска, размножались в Иркутске на мимеографе, в Чите с помощью гектографа и расходились по всей Сибири и Дальнему Востоку. С 1902 г. его листовки стали появляться во Владивостоке. В июле 1903 г. в Сибирский союз входило пять организаций, называвшихся районами: Читинский, Иркутский, Красноярский, Томский, Омский. Владивосток, Благовещенск, Харбин и Чита относились к Читинскому. В начале 1904 г. группы Сибирского союза и Читинского комитета действовали на некоторых станциях Транссиба, в Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Никольске-Уссурийском и Харбине [6: с. 338–339].

С началом первой русской революции 1905–1907 гг. активизировалась деятельность дальневосточных организаций РСДРП. Социал-демократические группы в Приморской и Амурской областях распространяли листовки, поступавшие из центра России и Сибири, издавали собственные, проводили маёвки. На III съезд РСДРП, обозначивший серьёзный раскол между большевиками и меньшевиками, от Сибирского социал-демократического союза были избраны Г.И. Крамольников и В.А. Гутковский. И если первый принял участие в работе съезда, то второй на него не поехал и примкнул к меньшевистской конференции [6: с. 342].

Высшей точкой революции 1905–1907 гг. на Дальнем Востоке стали восстание солдат и рабочих Читы, подготовленное Читинским комитетом РСДРП и продолжавшееся с ноября 1905 по январь 1906 г., и январское восстание во Владивостоке. После разгрома «Читинской республики», поражения восстания во Владивостоке и в связи с карательными мерами организации РСДРП были разгромлены, но уже в начале 1906 г. начинается их восстановление. В марте 1906 г. были оформлены социал-демократические группы во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Хабаровске и Спасске.

В январе 1907 г. в Никольске-Уссурийском прошла 1-я конференция организаций Приморского района РСДРП. На ней социал-демократические группы Хабаровска, Владивостока и Никольска-Уссурийского были переименованы в организации, а руководящей стала Владивостокская. Влияние большевиков на конференции было преобладающим.

Дальневосточные организации РСДРП приняли активное участие в избирательной кампании во II Государственную думу. Избран был Ф.Е. Манев, баллотировавшийся от социал-демократов Владивостока и Хабаровска [6: с. 350].

Последовавший за третьиюньским переворотом разгром революционных организаций заметно ослабил дальневосточные ячейки РСДРП. Значительные потери понесла Владивостокская организация, чья типография была обнаружена охранкой.

Хабаровская организация РСДРП была вынуждена переправить свою типографию в Николаевск-на-Амуре. Избежавшие ареста социал-демократы продолжали вести нелегальную работу: организовывали митинги, кооперативы, профсоюзы, издавали и распространяли нелегальную литературу. Харбинская группа РСДРП активно вела агитацию среди железнодорожников и печатников. В условиях обострившейся борьбы с революционным движением социал-демократам приходилось переносить свою деятельность на территории ближайших соседей – Китая и Японии. Так, работники подразделений МИДа и российские военные агенты сообщали, что большевики и меньшевики развернули широкую деятельность на территории Японии и оттуда пытаются осуществлять поддержку ячеек своих партий, находящихся в Приамурском генерал-губернаторстве [13: с. 47].

Как и во всей России, дальневосточные организации РСДРП вплоть до сентября 1917 г. были объединёнными, т.е. включали в себя большевиков и меньшевиков. И хотя идейные разногласия имели место, как таковой серьёзной внутривнутрипартийной борьбы и создания фракционных органов здесь не было. Такое положение было связано со слабостью и малочисленностью социал-демократических организаций в регионе. Одной из причин этого была малочисленность рабочего класса на Дальнем Востоке, сосредоточенного в нескольких крупных городах и полосе железной дороги. Нехватка денежных средств также способствовала столь долгому существованию объединённых организаций. Численно в них преобладали меньшевики.

Самостоятельно меньшевики, как и большевики, до 1917 г. не представляли собой серьёзной силы, поэтому были вынуждены сохранять единство РСДРП. Противоречия между течениями этой партии продолжали углубляться, и меньшевики постепенно переходили к блоку с эсерами. Некоторые меньшевики, напротив, становились большевиками. Так было с М.Н. Рютиным, который в 1917 г. возглавил Харбинский Совет рабочих депутатов.

В годы Первой мировой войны на Дальнем Востоке значительно усилился полицейский контроль. Были закрыты многие газеты и ужесточена цензура, но объединённые организации социал-демократов продолжали вести работу и в этих условиях. На Дальнем Востоке в период 1914–1916 гг. ячейки РСДРП продолжали действовать во Владивостоке, Благовещенске, Никольске-Уссурийском и других населённых пунктах региона. Так как большевики стояли на пораженческих позициях, объединённые организации РСДРП существовали нелегально и преследовались полицией. В феврале 1915 г. была раскрыта Благовещенская группа РСДРП, в конце августа 1916 г. проведён ряд арестов во Владивостоке.

Таким образом, до 1917 г. организации РСДРП хотя и участвовали в революционной борьбе, но были ещё слабыми в силу отдалённости Приамурского генерал-губернаторства от центра, своеобразной расстановки социальных сил, пограничного характера территории, который требовал большего внимания полицейских органов, и т.д. Меншевики в этот период работали совместно с большевиками в объединённых организациях РСДРП. Однако если в период первой русской революции они уступали по численности и влиянию большевикам, то к 1917 г. баланс в партийных организациях изменился в их пользу. В значительной части восстановленных и возобновивших деятельность после Февраля 1917 г. дальневосточных организаций РСДРП преобладали меньшевики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галлямова, Л.И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. / Л.И. Галлямова. – Владивосток : Дальнаука, 2000. – 222 с.
2. Героические годы борьбы и побед (Дальний Восток в огне Гражданской войны). – М. : Наука, 1968. – 390 с.
3. *Денисова, Г.С.* Рабочие, большевики, меньшевики и другие / Г.С. Денисова, С.И. Самыгин // Полис. – 1991. – № 6. – С. 167–173.
4. *Дубинина, Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти / Н.И. Дубинина. – Хабаровск : Изд-во Приамурского географ. о-ва, 1997. – 208 с.
5. Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций / В. Измолик [и др.]. – СПб. : Питер, 2010. – 496 с.
6. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М. : Наука, 1991. – 471 с.
7. История политических партий России / Н.Г. Думова [и др.] ; под ред. А.И. Зевелёва. – М. : Высш. шк., 1994. – 447 с.
8. *Комин, В.В.* История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России / В.В. Комин. – Калинин : Изд-во Калининского гос. пед. ин-та им. М.И. Калинина, 1970. – 277 с.
9. *Крушанов, А.И.* Победа Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917 – апрель 1918 г.) / А.И. Крушанов. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1983. – 232 с.
10. Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на II съезде партии // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. 1898–1917. – 9-е изд. – М., 1983. – С. 59–65.
11. *Розенталь, И.С.* РСДРП: «использование парламентаризма» / И.С. Розенталь // Полис. – 1993. – № 6. – С. 149–156.
12. *Ромас, А.А.* О формировании дальневосточного пролетариата накануне Первой мировой войны / А.А. Ромас // Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Владивосток, 1992. – С. 20–22.
13. *Соколенко, А.В.* Борьба с революционным движением на Дальнем Востоке России и проблемы взаимоотношения органов безопасности и высших должностных лиц Приамурского генерал-губернаторства / А.В. Соколенко // Дальневосточный форпост. – 2014. – № 21. – С. 43–49.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕМЬЯХ РУССКИХ КРЕСТЬЯН НИЖНЕГО АМУРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А.С. Белых

Белых Анна Станиславовна – научный сотрудник Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова.

Контактный адрес: annakitez@gmail.com

В статье даны основные этапы переселения русских крестьян, расселившихся по берегам р. Амур в нижнем его течении от г. Хабаровска до г. Николаевска-на-Амуре. Рассмотрены основные виды хозяйственной и бытовой деятельности в семьях крестьян-переселенцев во второй половине XIX – начале XX в. Показано, как проходил процесс адаптации русских крестьян к новым природно-климатическим условиям в ходе освоения новых земель в низовьях р. Амур.

Ключевые слова: хозяйственно-бытовая деятельность, русские крестьяне, переселенческое движение, освоение юга Дальнего Востока, рыбные промыслы Нижнего Амура, бондарный промысел.

Крестьянское освоение юга Дальнего Востока в середине XIX – начале XX в. имело важное социально-экономическое значение для закрепления данного региона за Российской империей. Отдельные области этой громадной территории заселялись и хозяйственно осваивались с различной степенью интенсивности. Наиболее благоприятными для заселения в крестьянской среде считались Амурская область и Южно-Уссурийский край. Связано это было в первую очередь с наличием плодородных земель, поддающихся обработке без значительных материальных и физических затрат. В стороне от основных колонизируемых районов оказались земли, лежащие по берегам нижнего течения р. Амур, хозяйственное освоение которых имело ряд особенностей в силу суровых климатических условий и специфики природных ресурсов.

Начало хозяйственного освоения Нижнего Амура русскими крестьянами связывают с переселением государственных крестьян из Иркутской губернии и Забайкальской области в 1855 г. По распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского чиновник особых поручений М.С. Волконский организовал переселение 51 семьи в составе 481 чел. обоего пола, выбранных из 150 семей, изъявивших желание переселиться на Амур. Предпочтение отдавалось многодетным семьям с большим количеством рабочих рук (на 286 рабочих рук женского и мужского пола приходилось 195 рук нерабочих) и стабильным материальным достатком, т.е. имевшим свой скот, добротные земледельческие орудия, домашнюю утварь и средства для обзаведения хозяйством, благодаря чему администрация края была бы избавлена от значительной части расходов по переселению. При этом все члены семьи должны были иметь крепкое здоровье и быть устойчивыми в нравственном и духовном плане, дабы первые трудности не сломили их психологически [5: с. 382, 419].

Нижнеамурским первопоселенцам был предложен ряд льгот: с них слагались все казенные и общественные недоимки прошлых лет; давалось освобождение от воинской повинности всех переселенцев с их детьми, родившимися до отправки в путь; передвижение со всем имуществом осуществлялось за счет казны. Крестьяне снабжались необходимыми хозяйственными предметами ценностью до 50 руб. на семью, пайковым продовольствием на время пути и в течение трех лет после водворения на новом месте, а также посевным материалом [5: с. 383].

На Амуре переселенцы основали первые крестьянские поселения между Мариинским постом и г. Николаевском – села Иркутское, Богородское, Маломихайловское, Большемихайловское, Сергиевское, Воскресенское, Мариинско-Успенское, Сабых, Тебах, Тыр [8: с. 59].

Этого количества селений оказалось достаточно, чтобы через год, в 1856 г., на территории Нижнего Амура в составе Приморской области были образованы два округа (с 1902 г. переименованные в уезды): Софийский¹ (с селениями от г. Хабаровска до г. Софийска) и Николаевский² (от Софийска до г. Николаевска). Оба округа в административном отношении вошли в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, а после образования в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства были переданы в ведение местной администрации.

Прибыв на новые места, переселенцы разместились в землянках и приступили к строительству необходимых в первую очередь в санитарном отношении общественных пунктов, таких как бани, пекарни, больницы, а также к расчистке земли под огороды и посев озимого хлеба. Возведение постоянных жилищ планировалось окончить к осени. Однако и летом 1856 г. строительство жилых сру-

¹ В 1896 г. Софийский округ переименован в Хабаровский.

² В 1867 г. Николаевский округ переименован в Удской, с 1914 г. Удской уезд вошел в состав Сахалинской области.

бов в большинстве случаев еще не было завершено (РГИА. Ф. 1265. Оп. 8. Д. 122. Л. 40).

Новая партия переселенцев прибыла в низовья Амура только осенью 1860 г. По данным Ю.В. Аргудяевой, 264 семьи (1640 душ обоего пола), прибывшие из Воронежской, Вятской, Тамбовской, Пермской, Орловской губерний, были расселены местной администрацией в 8 новообразованных селениях между Хабаровкой и Мариинском: в Воронежском, Вятском, Сарапульском, Яблоновском, Троицком, Пермском (или Мылки), Тамбовском (или Горин) и Жеребцовском. Несколько семей из Вятской и Пермской губерний водворились близ Мариинска. На переселение столь значительного числа крестьянских семей из центральных губерний Российской империи государством были затрачены значительные средства – 140 тыс. руб. [12: с. 32]. Деньги шли на оплату проезда до Забайкалья, проживания в местах временной остановки, на обеспечение питания и приобретение теплой одежды. Определенная сумма была заложена на строительство барж и паромов для движения по Амуру [2: с. 41–49].

Летом 1861 г. в Приморскую область прибыла последняя партия казеннокоштных крестьян (163 чел.), из них большая часть семей (127 чел.) осели в Софийском округе и образовали с. Малышевское в составе 17 дворов [11: с. 11].

В 1861–1862 гг. некоторые крестьяне-переселенцы, согласно отчету Софийского окружного полицейского исправника П. Новицкого за 1869 г., признав другие местности более удобными для хлебопашества, оставили первоначальные места (жительства) заселения и образовали 10 новых селений на Нижнем Амуре преимущественно вдоль русла реки по правому берегу: Хабаровку, Петропавловское, Малмыжское, Верхнетамбовское, Нижнетамбовское, Софийское, Орловское, Оханское, Шелеховское, Литвинцевское. Одно селение прекратило свое существование. В 1861 г. было упразднено селение Яблоновское, основанное годом ранее, а его жители переселились в Хабаровку и Троицкое (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227. Л. 113–124об).

После издания 26 марта 1861 г. новых «Правил для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» в истории колонизации Нижнего Амура должен был начаться новый этап переселения крестьян на добровольных началах. Однако, несмотря на ряд введенных существенных и довольно привлекательных льгот, процент желающих осваивать низовья Амура был невелик. В 1862 г. в Софийский округ из Восточной Сибири переселилось 38 чел., а в 1863 г. – всего 9 [8: с. 64–65]. Всего с 1855 по 1882 г. (вплоть до опубликования правил «О казеннокоштном переселении в Южно-Уссурийский край», открывших новый этап крестьянской колонизации Приамурья) в Приморскую область вселилось 4373 крестьянина (ср.: в эти же годы на террито-

рию Амурской области переселилось 8088 крестьян), из них 2295 чел. первоначально водворилось на Нижнем Амуре [8: с. 61–64; 12: с. 12].

В дальнейшем, вплоть до середины 90-х гг. XIX в. переселение русских крестьян в Софийский и Николаевский округа совершенно прекратилось.

В 1860–1870-е гг. колонизация на Нижнем Амуре носила преимущественно земледельческий характер. При обработке земли крестьяне использовали традиционные приемы и орудия для обработки земельных угодий [5: с. 383, 421].

В первые годы большое распространение на Нижнем Амуре получила наиболее древняя система земледелия – залежная, или однопольная, при которой земледельцы эксплуатировали разработанные пахотные угодья в течение нескольких лет без перерыва до полного истощения почвы [10: с. 207]. Культивировали традиционно главным образом рожь. Предпочтение этой зерновой культуре, служащей основным средством питания земледельческого населения, было обусловлено ее неприхотливостью. Рожь хорошо переносила капризы амурской погоды, в засушливые годы недостаток влаги и засоренность почв. В отличие от пшеницы рожь не требовала многократной вспашки под посев, и убирать ее можно было вплоть до выпадения снега. В значительно меньших объемах переселенцы высевали пшеницу, овес, гречиху, ячмень, просо, лен, коноплю и другие культуры. Целинную землю обрабатывали вручную, при помощи топора и мотыги. Пахали плугом, бороны использовали деревянные с железными зубьями. Хлеб жали серпами, веяли его по ветру деревянными лопатами, молотили цепями. Муку получали, используя каменные жернова.

Посеянный хлеб ежегодно давал довольно неплохие урожаи. Если в 1862 г. в Софийском округе под пашни было обработано всего 140 дес. земли, то уже к 1868 г. переселенцы вспахали 595 дес. В это же время в Николаевском округе было обработано пахотной земли около 305 дес. [8: с. 76–80; 12: с. 15–18].

Однако крестьяне нижнеамурских округов не могли в достаточной мере обеспечить себя хлебом. Хлеб ввозился из соседней Амурской области, Маньчжурии и даже из европейской части России.

Большое развитие на Нижнем Амуре в 60–70-е гг. XIX в. получило огородничество. Исходя из повседневных потребностей членов крестьянской семьи определялся перечень основных культур, выращиваемых на приусадебных участках. Выбор их напрямую зависел от вкусовых предпочтений переселенцев, выработанных в течение длительного времени, наличного семенного фонда, заблаговременно заготовленного самими переселенцами или выданного из казны, а также почвенно-климатических условий региона. Сельское население Софийского и Николаевского округов выращивало картофель, капусту, редьку, морковь, брюкву, свеклу, огурцы и репу [11: с. 20–21].

Скотоводство на этом этапе крестьянской колонизации представляло собой лишь подсобную отрасль хозяйства. Лошадей использовали в качестве рабочего и транспортного средства. Молочное и мясное животноводство развития не получило, так как акклиматизация ввезенного забайкальского и монгольского скота проходила тяжело [11: с. 21–22].

В большей степени природные условия благоприятствовали занятию крестьян промыслами: пушным и рыбным, что в дальнейшем оказало большое влияние на оставление крестьянами хлебопашества.

Из пушных животных Нижнего Амура крестьяне-переселенцы промышляли преимущественно лисиц. За зиму наиболее удачливые охотники-звероловы добывали по 10 и более животных, шкуры которых продавали по 5, 10, 15 руб. за экземпляр в зависимости от цвета и качества меха [11: с. 22–23].

Рыбный промысел носил сезонный характер. Добываемая рыба в основном шла на удовлетворение насущных потребностей крестьянской семьи и потреблялась непосредственно крестьянским хозяйством. Традиционно в весенне-летний период жители промышляли щуку, сома, лещей, карасей, сазанов, амурского осетра, калугу, кету и горбушу. При этом заготовку массово идущей на нерест лососевой рыбы могло производить практически все сельское население, включая переселенцев, не имевших навыка рыболовства на родине, и детей нетрудоспособного возраста.

Для лова рыбы использовали традиционные (переметы, неводы) и заимствованные у коренного населения (трехзубчатая острога) промысловые орудия.

В конце XIX – начале XX в. рыболовство сыграло важную роль в ходе дальнейшей крестьянской колонизации Нижнего Амура и превращения Нижне-Амурского района в один из крупнейших рыбопромысловых районов Российской империи. Именно в этот период заканчивается процесс постепенного превращения крестьянских хозяйств из земледельческих в рыбопромысловые: крестьяне окончательно оставляют занятие хлебопашеством и начинают заниматься промыслом рыбы на продажу. По данным Н.Г. Егорова, в начале XX в. крестьянское население Нижнего Амура ежегодно добывало на продажу до полумиллиона пудов кеты и горбуши и по 10–15 тыс. пудов осетровых и частиковых рыб. Средний валовой доход хозяйства составлял около 800 руб. (из них поступления от полеводства не многим более 10 руб.) [1: с. 92; 7: с. 102]. Сырую рыбу крестьяне-рыбаки поставляли николаевским рыбопромышленникам, но значительную ее часть обрабатывали самостоятельно: засаливали, коптили, «выдывали икру». Готовые продукты они сбывали разъезжающим по селам скупщикам, а также продавали пассажирам курсировавших по Амуру пароходов [7: с. 102].

Возобновление крестьянского заселения Амура в конце века практически не привело к изменению гео-

графии расселения. В основном новоприбывшие крестьянские семьи расселялись в ранее основанных населенных пунктах. Во второй половине 1890-х гг. появляются два села в Удском округе: Мыхил (1896) и Маго (1898) и одно селение в пределах Хабаровского округа – Иннокентьевское. Крестьянами в кратчайшие сроки были отстроены дома, небольшая часовня и хлебозапасный магазин, благодаря чему они смогли быстро наладить хозяйство и успешно заниматься домообзаведением (РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 467. Л. 107–107об.; ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2).

Для лова рыбы в размерах, приближенных к промышленным, использовали разнообразные сети: традиционные русские, применяемые при ловле рыбы в европейской части России, а также нанайские (гольдские) или нивхские (гилякские) поставные и сплавные (охан, аюнка, джихарка, анга и др.) [16: с. 277–287]. Однако традиция плетения сетей была развита слабо. Связано это было с тем, что крестьяне повсеместно перестали сеять волокнистые растения (конопля и лен). Плетение же сетей из привозного сырья (мотауза) было экономически нецелесообразно. Поэтому крестьяне использовали более доступные по цене японские сети, либо сети, изготовленные коренными жителями – нанайцами или нивхами [9: с. 8–9].

Большой популярностью на Нижнем Амуре пользовались самоловные крючковые снасти без наживки. Принцип действия снасти основывался на подвижности рыбы: рыба, попадая между рядами выставленных крючков, совершала колебательные движения хвостом, задевала за поводок и неизбежно оказывалась насаженной на крючок; начав биться от боли, она обычно зацеплялась и за соседние крючки. Длина снасти составляла около 25 сажень. На нее устанавливалось 45–50 крючков определенного размера. Крючки выковывались гладкие и с бородками.

В фондах Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова (далее – Гродековский музей) хранятся многие предметы рыболовного промысла конца XIX – начала XX в., сохранившиеся в семьях потомков старожилов нижнеамурских селений: боченок для хранения рыбы (икры), грохотка (рис. 1), снастевые крючки, предназначенные для лова калуги, деревянные, пробковые и берестяные балберы (рис. 2); сплавная сеть для промысла калуги – охан и отдельные фрагменты рыболовных сетей и др. В августе 1989 г. сотрудники Гродековского музея совершили научно-исследовательскую экспедицию по селам Нижнего Амура (Малмыж, Вознесенское, Верхнетамбовское, Циммермановка, Маринское, Тыр) с целью «проследить состояние промыслов и ремесел, обслуживающих рыбную промышленность на Амуре» (Фонд ХКМ. Оп. 1. Д. 588. Л. 46). В ходе обследования с. Верхнетамбовского на берегу реки были обнаружены рыбозасольные склады конца XIX – начала XX в.

Рис. 1. Грохотка. 1-я пол. XX в.
Бытовала в семье А.Н. Ездакова, с. Верхнетамбовское.
Из фондов ХКМ им. Н.И. Гродекова

Рис. 2. Балберы (поплавки) берестяные и пробковые.
Бытовали в с. Мариинское и Нижнетамбовское.
Начало XX в.
Из фондов ХКМ им. Н.И. Гродекова

С развитием рыбопромысловой деятельности в селениях русских крестьян Нижнего Амура получили развитие сопутствующие кустарные промыслы: бондарный, кузнечный, плотничий. Необходимо было изготовить лодки, бочки разных размеров, грохотки для разделки икры и удаления пленок; соорудить специальные засольни, которые устраивали непосредственно на берегу реки на арендованных наделных землях, и многое другое.

Как отмечает член Дальневосточного кустарного комитета И.А. Лопатин [9: с. 4–7], многие нижеамурские крестьяне-рыбопромышленники одновременно держали бондарные мастерские (рис. 3) или заводы. В 1915 г., по подсчетам исследователя, на Нижнем Амуре бондарным промыслом было занято 180 семей (1445 душ). Ежегодно один кустарь мог изготовить 200–225 шт. бочат и 20–30 бочек вместимостью 25 пудов и зарабатывал около 500 руб., поскольку изготовление одного бочонка в среднем стоило 1 руб. 50 коп. – 2 руб., а бочки около 4 руб.

Сырье бондари заготавливали чаще всего самостоятельно. В случае крайней необходимости поку-

пали материал на близлежащих лесопильных заводах. К началу XX в. в Хабаровске работало 4 лесопильных завода: предпринимателей В.Ф. Плюснина, И.Л. Рифа, Н.И. Тифонтия, А.К. Архипова. Еще один лесопильный завод А.К. Архипов совместно с торговым домом «М. Пьянков с братьями» построил в Шаргинской протоке близ с. Малмыжского.

Рис. 3. Бондарная мастерская. Начало XX в.
Из фондов ХКМ им. Н.И. Гродекова

Изделия бондарного промысла делались из лиственницы или кедра. Заготовка материала происходила в зимний период, весной же нарубленные бревна распиливали на доски, нарезали клепки, которые оставляли для просушки на длительное время. Помимо бочек крестьяне-кустари занимались изготовлением лодок.

Бондарничеством крестьяне занимались в свободное от прочих хозяйственных работ время. Чаще всего бондари-кустари Нижнего Амура не имели специально оборудованной мастерской – бондарки. В зимнее время работали непосредственно в избе, а в летнее время – в сарае или на улице. Каждый бондарь имел такие необходимые инструменты, как: верстак, фуганок, рубанок, пила, зубило, уторник, циркуль, скобель, шерхебель и проч. (рис. 4). Мелкий инвентарь хранился в небольшого размера деревянных ящиках-разносках, имеющих ручку для переноски.

В зимний период нижеамурские крестьяне по-прежнему промышляли частным извозом и поставкой дров на пароходы. Отчасти по этой причине многие нижеамурские селения, по мнению путешественников, имели «невеселый вид». В.К. Арсеньев при посещении с. Вятского летом 1908 г. обратил внимание на «бесчисленные штабели дров». Однако, несмотря на внешнюю «неряшливость»: развал на дворах, груды конского навоза и непролазную грязь, селение выглядело богато. Все жилые дома, хозяйственные постройки и даже заборы были сложены из бревен, сделаны основательно и прочно, что указывало на достаток населения [3: с. 32; 4: с. 24].

Рис. 4. Бондарные инструменты: скобель прямой и кривой, резец, бойковая часть молотка, набойка. Начало XX в. Принадлежали жителю с. Верхнетамбовское В.И. Ешкову. Из фондов ХКМ им. Н.И. Гродекова

Этнограф и фольклорист К.Д. Логиновский отмечал, что во время своей экспедиции по нижнеамурским селам он обратил внимание на дома переселенцев: «Дома у всех большие, хорошие, крытые тесом или железом. Многие дома обшиты тесом и снаружи» (ОИАК. Ф. 13. Оп. 10. Д. 6. Л. 87), что, собственно, свидетельствовало о высоких доходах населения.

Совершенно иначе выглядели районы, где расселялись крестьяне-новоселы. Такое наименование получили переселенцы 1901–1916 гг., прибывшие в Приамурье после утверждения «Временных правил для образования переселенческих участков в Амурской и Приморской областях» и получившие вместо 100-десятинного семейного надела не свыше 15 дес. удобной земли на каждую душу мужского пола.

Для облегчения водворения на новом месте малообеспеченные крестьяне получали специальные пособия: беспроцентные ссуды (путевые и на хозяйственное устройство в размере 300 руб.). Водворившись на переселенческом участке, крестьяне для возведения дома получали около двухсот строевых деревьев и 50 жердей на двор, а для устройства бани и прочих хозяйственных построек еще 80 деревьев [14: с. 9–14]. Однако принятые меры в большинстве случаев оказались недостаточными для успешного ведения хозяйства на новом месте. Поэтому в 1912 г. предельная норма выдаваемой на семью ссуды для труднозаселяемых районов Дальнего Востока была повышена до 400 руб. [13: с. 1091].

На деле же выдача ссуд не всегда производилась в рекомендуемых долях. По усмотрению местных властей «...лицам, проявившим признаки водворения, ссуда выдавалась в половинном размере, а лицам, не принадлежащим к этой категории, выдавали ссуду в меньшем размере» (РГИА ДВ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 12). Дробление суммы на меньшие части (10, 15, 25, 35 руб.), по мнению крестьянских

начальников, приводило лишь к непроизводительной трате казенных средств. Как показала практика, выделенные средства тратились не по целевому назначению (покупка сельскохозяйственного инвентаря, скота, семян и проч.), а на удовлетворение насущных потребностей (приобретение продовольствия) (РГИА ДВ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 11. Л. 19; ГАХК. Ф. И-238. Оп. 1. Д. 1. Л. 203об).

Главной отличительной чертой новосельческих селений был невысокий материальный достаток населения. Основным жилищем крестьян-новоселов было зимовье. В случае успешного обустройства на новом месте крестьяне строили бревенчатые дома, состоявшие из двух или трех половин. Все строения возводились без всякого плана, скученно и беспорядочно, у домов практически отсутствовали усадьбы [15: с. 31–32].

Вести хозяйство крестьянам-новоселам было невероятно сложно. Посеянные в срок овощи (картофель, огурцы, брюква, репа, редька, тыква, морковь, свекла, лук, горох, капуста) давали хорошие всходы, но в сезон дождей большая часть урожая погибала из-за различного рода болезней и вредителей (РГИА ДВ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 22. Л. 14).

Сенокосные угодья в большинстве случаев были сильно удалены от селений, чаще всего располагались на другом берегу р. Амур, что затрудняло вывоз готового сена. И хотя влажный климат, обилие осадков и преобладание солнечного тепла во время вегетации благоприятно влияли на качество трав, уборку сена необходимо было осуществить до наступления периода цветения, т.е. в период наибольшей занятости крестьянской семьи на огороде. Если же время было упущено, стебель травы начинал сильно утолщаться, и сено получалось грубым, малопитательным, давало много остатков при кормлении. Кроме того, для обработки обширных сенокосных угодий крестьяне не могли использовать специальную технику (например, в Амурской области, в Уссурийском крае казаки и крестьяне активно пользовались сенокосилками), так как сенокосы практически повсеместно были покрыты кочкой (РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 26об–27об).

Наличие громадных заболоченных пространств, обилие гноса, удаленность пастбищных угодий от селений препятствовали широкому развитию скотоводства. Скот в период пастбы вместо того, чтобы активно набирать вес, начинал худеть, не давал прироста, а в весе прибавлял лишь с наступлением холодной погоды (РГИА ДВ. Ф. 702. О. 5. Д. 841. Л. 9–10). Взрослая корова имела вид двухлетнего теленка, удои молока при этом были невелики: «до 5–6 бутылок в лучшее время года, обыкновенно 3 бутылки и время удоя – 8 месяцев в году» (РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 28).

Главная причина неспособности наладить хозяйство на новом месте заключалась в слабосильности новосельческой семьи. В среднем в семьях крестьян-новоселов в начале XX в., по подсчетам С.О. Брянцевой, было от 4,12 (Николаевский уезд) до 5,33 чел. (Хабаровский уезд) [6: с. 161]. Количество детей колебалось от 1 до 3, были и бездетные, и неполные (отсутствовали отец или мать) семьи. В то время как в старожильческих семьях насчитывалось в среднем 8,2 чел. (ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2). В семьях крестьян-новоселов остро давала о себе знать нехватка мужских и женских рабочих рук. Спустя 1–3 года по водворении переселенцы оказывались не в состоянии обработать более 1/2 десятины земли под огороды и нуждались в дополнительном стимулировании со стороны государства (РГИА ДВ. Ф. 125. Оп. 1. Д. 82. Л. 1–30; Ф. 127. Оп. 1. Д. 11. Л. 406б–131).

Итак, в первые годы обустройства русские крестьяне стремились заниматься традиционными видами хозяйственно-бытовой деятельности: хлебопашеством и огородничеством. Занятие земледелием при использовании традиционных способов обработки земли и сельскохозяйственных орудий давало неплохие результаты. Однако социально-экономические и природные условия нового места жительства внесли существенные коррективы в структуру крестьянских занятий, бытовой уклад, материальный быт. К началу XX в. русские крестьяне Нижнего Амура в большинстве своем забросили хлебопашество, хотя небольшой процент селян продолжали высевать хлеб, но лишь для собственного пропитания. Исчезновение посевов льна и конопли привело к тому, что были позабыты процессы изготовления домотканой одежды и сетной промысел.

Для обеспечения нормальных условий существования крестьяне вынуждены были освоить такие занятия, как рыбный и охотничий промысел. Для пополнения семейного бюджета занимались извозом, сенокосением, заготовкой дров для пароходов и другими промыслами. Незначительное развитие получили ремесла, сопутствующие рыбному промыслу.

Как показала история освоения Приамурского края, наиболее крепкие хозяйства были организованы в селениях крестьян-старожилов. Новосельским семьям приходилось постоянно прибегать к помощи государства и писать прошения о выдаче ссуд для покупки скота, сельскохозяйственного инвентаря и проч., чтобы незначительно повысить семейное благосостояние. Причина разности положения крестьян старожилов и новоселов находилась в тесной взаимосвязи с составом семьи, ее рабочих сил. Именно крупный состав семьи, по мнению А.А. Меньщикова, служил залогом дальнейшего развития и хозяйственного преуспевания селений Нижнего Амура [1: с. 44–45].

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке / отв. ред. П.А. Минакир – Хабаровск : РИОТИП. – Вып. 2. Исследование сельской экономики Приамурского края между Русско-японской и Первой мировой. – 2009. – 288 с.
2. *Аргудяева, Ю.В.* Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.) В 2 кн. Кн. 1. Крестьяне / Ю.В. Аргудяева ; отв. ред. Г.Н. Чагин. – Владивосток : ДВО РАН, 2006. – 312 с.
3. *Аргудяева, Ю.В.* В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф. Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева : материалы и комментарии / Ю.В. Аргудяева. – Владивосток : ДВО РАН, 2007. – 272 с.
4. *Арсеньев, В.К.* Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. В горах Сихотэ-Алиня. Сквозь тайгу. Дневники, очерки, статьи / В.К. Арсеньев. – Хабаровск : Хабаровское кн. изд-во, 1997. – 624 с.
5. *Барсуков, И.П.* Граф Н.Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам : материалы для биографии. Репринтное изд.. В 2 кн. Кн. 1 / И.П. Барсуков. – Хабаровск : Приамурское геогр. о-во, 1999. – 704 с.
6. *Брянцева, С.О.* Русская крестьянская семья на Нижнем Амуре (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.) / С.О. Брянцева // Вестник ДВО РАН. – 1998. – № 5. – С. 159–163.
7. *Егоров, Н.Г.* Рыбные промыслы дальневосточного крестьянства во второй половине XIX – начале XX в. / Н.Г. Егоров // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма : сб. науч. тр. – Владивосток : ДВО АН СССР, 1989. – С. 99–108.
8. *Кабузан, В.М.* Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917) : историко-демогр. очерк / В.М. Кабузан. – М. : Наука, 1985. – 260 с.
9. *Лопатин, И.А.* Кустарно-ремесленные промыслы на Нижнем Амуре / И.А. Лопатин. – Хабаровск : Тип. канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1916. – 88 с.
10. *Меньщиков, А.А.* Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. В 6 т. Т. 4. Старожилы стодесятинники. Описание селений / А.А. Меньщиков. – Саратов : Тип. Саратовского губернского правления, 1912. – 575 с.
11. Описание Софийского округа Приморской области Восточной Сибири // Комсомольск-на-Амуре. Страницы истории : сб. док. Гос. архива Хабаровского края, Российского гос. истор. архива Дальнего Востока, Комсомольского-на-Амуре городского архива / А.В. Размахнина [и др.]. – Хабаровск : Изд-во А.Ю. Хворова, 2012. – С. 10–24.
12. *Осипов, Ю.Н.* Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России. 1855–1917 гг. : моногр. / Ю.Н. Осипов. – 2-е изд., доп. – Хабаровск : ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2008. – 168 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье (1 марта 1881–1913 гг. В 33 т. Т. 32. Отд-ние 1. 1912 г. – СПб. : Гос. тип., 1915. – 1819 с.
14. Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). – СПб. : Изд. Переселенческого упр., 1909. – 698 с.
15. *Соболевская, Н.А.* Усадьба и жилище российского крестьянина-колониста Приамурья в конце XIX – начале XX в. / Н.А. Соболевская. – Хабаровск : Изд-во ХГТУ, 1997. – 87 с.
16. *Солдатов, В.К.* Обзор исследований, произведенных на Амуре в 1909–1913 гг. / В.К. Солдатов. – СПб. : б.и., 1914. – 415 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ И ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ ОРНИТОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ В ДЕКОРЕ ТЕКСТИЛЯ СЛАВЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

В.М. Редчун

Редчун Валентина Мироновна – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова.

Контактный адрес: izba53@mail.ru

В статье раскрываются основные аспекты семантического потенциала орнитоморфных изображений в орнаменте текстиля славян-переселенцев Дальнего Востока России конца XIX – начала XX в. Охарактеризованы видовой состав основных образов птиц и стилистические приемы в манере их исполнения. Основой исследования послужили предметы славянской коллекции из собрания Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова.

Ключевые слова: орнамент, семантика, иконография, орнитоморфный, птица, Дальний Восток, славяне-переселенцы.

Восточно-славянское население на востоке страны стало формироваться еще в XVII–XVIII вв. (в основном из русских), однако активный процесс заселения начался с середины XIX в. в результате переселения русских, украинцев и белорусов на окраинные восточные земли Российской империи. Единые по своей этнической структуре, они имели различные региональные группы. Официальное присоединение Дальнего Востока к России (Айгунский 1858 г. и Пекинский 1860 г. договоры), отмена крепостного права, принятие закона 26 марта 1861 г. о льготах и праве свободного переселения в Приамурский край внесли изменения в характер заселения восточной окраины России и привели к тому, что в начале XX в. восточные славяне составляли большую часть населения региона. Славянское заселение Приамурского края носило крестьянский характер. По подсчетам исследователей, историков и демографов, в пореформенный период, с 1861 по 1901 г., в Дальневосточный край прибыло 116 616 чел., среди них 81,8 % (95 398 чел.) приходилось на крестьян [33: с. 115].

В формировании восточно-славянского населения южной части Дальнего Востока в 60–70-е гг. XIX в. участвовали казаки и крестьяне из 20 губерний и областей Европейской и Азиатской России, в основном из Тобольской, Томской, Астраханской, Самарской, Тамбовской, Воронежской и других губерний.

Именно русские были самыми компактными и многочисленными группами мигрантов на первых этапах освоения дальневосточного региона – в 1850–70-е гг. [4: с. 15]. Роль же украинских и белорусских губерний на этом этапе оставалась незначительной [18: с. 234].

До 1880-х гг. осваивалось главным образом Приамурье; Южно-Уссурийский край заселялся медленными темпами. Более активному притоку славянских переселенцев в этот край способствовало открытие морского сообщения между Одессой и

Владивостоком [18: с. 232]. Территория Приамурья и Приморья (в прошлом Южно-Уссурийский край) начинает помимо русских заселяться другими восточно-славянскими народами – украинцами и белорусами, принесшими в дальневосточный регион свои традиции, быт и культуру [3: с. 7]. Основное предпочтение при формировании переселенческих потоков отдавалось жителям Левобережной Украины, особенно сильно страдавшим от малоземелья [18: с. 232]. «43,08 % переселенцев дала Левобережная Украина, в основном Черниговская (25,13 %) и Полтавская (17,41 %) губ.» [19: с. 124].

В 1880–90-е гг. в миграционном потоке на Дальний Восток превалировали украинцы, но постепенно доля русских вновь возросла [4: с. 16]. Наряду с морским переселением славянские переселенцы продолжали прибывать в дальневосточный регион сухопутным способом. Этому способствовало соединение Транссибирской железной дорогой Центральной России с Дальним Востоком в начале XX в.

В 1906–1917 гг. заселение и освоение Дальнего Востока продолжалось преимущественно за счет крестьян-переселенцев из украинских губерний. В этот период переселилось 296 520 чел. [19: с. 146]. Больше половины всех переселенцев прибыло из Левобережной Украины (84 116 чел., или 28,37 %), Правобережной Украины (61 206 чел., или 20,64 %) и Новороссии (21 461 чел., или 7,24 %) [19: с. 146].

Население Амурской области по-прежнему пополнялось в значительной степени за счет Сибири (Томская и Тобольская губернии). На втором месте по числу переселенцев шел Центрально-Земледельческий район (Рязанская, Тульская, Воронежская, Курская губернии), откуда в Приамурье прибыло 11 732 чел., или 9,10 %. Подавляющую часть переселенцев дали в основном Воронежская (4106 чел., или 3,19 % всех переселенцев) и Курская (3149 чел., или 2,44 %) губернии [19: с. 148].

Белорусы начали заселять Дальний Восток преимущественно на рубеже XIX–XX вв. В 1906–1917 гг. «...возрос удельный вес выходцев из Белоруссии и Литвы, составив около 7,42 %. Большинство прибыло в 1907–1910 гг. из Могилевской и Минской губ. и осело в Приамурье» [19: с. 148], однако они составляли наименьшую долю среди восточных славян.

Заселение южной части Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. – это прежде всего крестьянская колонизация восточно-славянским населением с преобладанием на первом этапе русских, а на последующих – украинцев [3: с. 33]. В дореволюционный период собственно русские именовались «великороссами», в отличие от «малороссов» (украинцев) и (белорусов). Перепись 1897 г. не разграничивала три восточно-славянских народа, давая их под общим названием. Численность русских того времени составляла примерно 244,3 тыс. чел. [32: с. 260–261].

Переселение восточных славян на Дальний Восток России продолжалось и в годы Советской власти, но носило уже другой, отличный от первых этапов, характер.

Переселенцы приносили из европейской части страны свою традиционную культуру, которая, хотя и формировалась за пределами Приамурья, становилась органической частью поликультурного пространства региона и прослеживалась не только в производственной деятельности, обрядах, семейном укладе, но и в своеобразных способах украшения одежды и предметов интерьера. Крайнее положение дальневосточного региона, компактность крестьянских поселений новоселов, где быт более консервативен, способствовали сохранению славянской традиции в духовной и материальной культуре, в том числе более продолжительной консервации традиционных орнаментальных мотивов, занесенных ими из Европейской России. Патриархальный уклад крестьянского быта закреплял особую преемственность традиции. Визуальные изобразительные символы народной культуры дальневосточных славян многочисленно представлены в коллекции традиционной вышивки и узорного ткачества Хабаровского краевого музея (ХКМ) им. Н.И. Гродекова [36]. История формирования и развития этих видов прикладного искусства в целом происходила за пределами Приамурского края, и появились они в Приамурье и Приморье уже в сложившемся виде, сохранив высокий художественный уровень. Переселенцы принесли их в Приамурье как неотъемлемую часть культурно-бытовых комплексов с мест прежнего проживания.

Этнографическая коллекция славянских переселенцев в собрании ХКМ им. Н.И. Гродекова включает образцы тканевых орнаментированных изделий XIX – начала XX в., наиболее полно сохранивших древние сюжеты орнамента. При всем этом она во-

брала в себя неоднородный материал: наиболее древний орнаментальный пласт дают нам образцы, датированные XIX в. Они раскрывают внутренние закономерности значения изобразительных мотивов, транслирующих на подобных предметах определенные природные, сакральные и трудовые ритмы, которые детерминировали традиционный уклад жизни славянского крестьянства, переселившегося со своей родины на восточные окраины России.

Многие вещи в традиционной культуре помимо внешнего эстетического выражения несли в себе дополнительный смысл. Предметно-материальный мир славянских переселенцев Дальнего Востока конца XIX – начала XX в. был в значительной мере символическим. Вещь как этнографический факт – это сгусток связей с другими вещами и контекст, в котором она используется [7: с. 10]. Специфическая эстетика крестьянской среды, формируемая декоративно-прикладным искусством, обеспечивала глубину культурной памяти представителей славянского этноса, создающих эти вещи и пользующихся ими. В традиционном сознании они воспринимались славянами как сакральные вещи, орнамента которых не могла подвергаться кардинальным изменениям именно в силу их глубокой символичности.

В древности вещь вместе с нанесенным на нее орнаментом была материальным воплощением образа мира, поскольку с помощью орнамента древний человек отображал все, что его окружало и что было для него значимым – «для архаического человека знаковая функция – неотъемлемое качество вещи как атрибута социума» [1: с. 9]. «Время представлялось первобытному человеку в виде пространства, имеющего свои отрезки, пространство же воспринималось им в виде вещи» [34: с. 20].

Историк искусств В.В. Стасов одним из первых по достоинству оценил памятники народного искусства. Он обратил внимание на их древнейшие истоки и глубину их религиозно-мифологического содержания, отметив строгую взаимосвязь иконографии народного орнамента с дохристианскими верованиями славян. «Орнаменты всех народов идут из глубокой древности, а у народов древнего мира орнамент не заключал ни единой праздной линии: каждая черточка тут имеет свое значение, является словом, выражением известных понятий, представлений» [29: с. 14]. Известный исследователь народно-художественного творчества В.С. Воронов обосновывает значение крестьянских вышивок как «исключительной страницы в мировой истории искусств, определяющей наибольшую хронологическую глубину этого искусства и неопровержимо свидетельствующей о символическом и религиозном характере его первых иконографических слоев» [11: с. 12]. Архаичная вышивка ни в

символике своей, ни в цветовом решении не допускала отступления от реальности и точно воспроизводила представления средневекового человека о мире и силах природы [15: с. 97].

Древней религией славян, их мировосприятием было язычество, охватившее всю сферу духовной культуры и значительную часть культуры материальной [30: с. 10]. Даже с принятием христианства образы природных божеств не канули в прошлое. Они сохранились в приметах, суевериях и различных обрядах восточных славян.

Орнаментированным предметам как традиционного костюма, так и убранства интерьера отводилась важная роль в значимых обрядах жизненного цикла славян. В своем функциональном применении они имеют не только утилитарные, но также сакральные аспекты: ритуальные и обрядовые. По определению исследователя славянской культуры академика Б.А. Рыбакова: «...отложение в вышивке очень ранних пластов человеческого религиозного мышления объясняется ритуальным характером тех предметов, которые покрывались вышитым узором [27: с. 471].

Украшению текстильных бытовых предметов уделялось большое внимание в крестьянской народной среде дальневосточных славян с сохранением своей самобытности в технике и орнаментации.

Коллекция ХКМ наглядно демонстрирует разнообразие видов орнамента текстиля восточных славян. Образы птиц можно наблюдать на орнаментах рукоделий переселенцев конца XIX – начала XX в. – русских, белорусов, по большей части, выходцев из Украины, но в меньшей степени, нежели геометрических. Изображения различных птиц у славян известны с древнейших времен. Они сами и их образы в сознании человека наделялись особым смыслом. Исследователи отмечают, что это наиболее древний пласт в изобразительном искусстве, и подчеркивают его синкретическое единство с другими образами обрядово-мифологической системы, многозначность и полифункциональность его символики в древности [6: с. 22]. Человек ощущал себя частью природы, созданной богами, такой же, как птицы и животные, которым он поклонялся как божественным созданиям. Каждая птица в представлении славян наделялась определенными качествами и как знак вбирала в себя множество значений доброго содержания. Она символизировала свет, солнце, тепло, предвещала урожай и богатство. Доброжелательная символика этих мотивов и значение их в качестве оберегов сохранялись в представлениях славянских переселенцев. Они воплощались не только в мифологии и устной традиции славян, но и в декоративно-прикладном творчестве.

О символике образа птицы в народном искусстве славян пока нет единого мнения. Большинство исследователей считают птицу символом

солнца, света, весны, отсюда – плодородия и жизни [12: с. 9; 23: с. 64, 68; 20: с. 163; 21: с. 25]. В водоплавающих птицах, кроме того, видят олицетворение водной стихии, носителей животительной небесной влаги [20: с. 163; 25: с. 74; 16: с. 112]. Отдельные ученые особо отмечают связь птицы с загробным миром предков и в то же время – со свадебной символикой [20: с. 163, 164; 27: с. 248; 9: с. 451].

Орнитоморфный образ выступал важнейшим компонентом воплощения мировоззрения славян в материальных объектах, в том числе и на предметах текстиля. Разнообразные виды птиц отложились в собрании ХКМ на широком круге орнаментированного текстиля славянских мастериц. Помимо изделий, включающих предметы одежды, мотивы птиц введены и в декор текстильных предметов убранства интерьера (полотенца, скатерти, подзоры). Все они принадлежали представителям крестьянского сословия. Семантически устойчивый орнитоморфный ряд представлен несколькими иконографическими типами: лесные и водоплавающие птицы, петухи, павы, орлы. Сохранение одних и тех же образов в искусстве дальневосточных славян, вероятно, можно объяснить определенной культурной традицией. Образы птиц на тканевых памятниках музейной коллекции сходны у всех трех народов (русских, украинцев, белорусов). Отмеченная общность данного образа является результатом давних этнических и культурных взаимодействий и имеет длительную историю.

Изображение птиц как сакрального орнамента прослеживается в большей степени на предметах, функционально связанных со свадебной обрядностью восточных славян.

Обладающие знаковой орнитоморфной символикой, они играли важную роль в ритуалах именно женского жизненного цикла. В самом процессе вышивания и образах декора содержалось магическое заклинание о будущей счастливой жизни в браке. Мастерица как бы маркировала вещь узором. Закодированные на ней изображения должны были способствовать увеличению плодородия и богатства. Вера в существование сверхъестественного была неотъемлемой частью жизни представителей традиционной культуры, и тем более комплекс семейного-свадебного обрядового действия [13: с. 25]. С помощью обрядов протягивались нити в прошлое, устанавливалась аналогия с «первовещью», с сакральным образцом, созданным по строго определенным правилам, соблюдение которых гарантирует появление «копии» с необходимым набором свойств, в том числе – и практических [8: с. 68]. Вышитый к свадьбе узор воспринимался знаменем неба, означавшим счастливую судьбу молодой пары, вступающей в самостоятельную жизнь [22: с. 97].

Древние мотивы, сохранившиеся в орнаменте свадебных предметов как символы пары жениха и невесты, имели значение пожелания молодым счастья, добра, благополучия, увеличения потомства, олицетворяли верность в любви.

В мифологической картине мира восточных славян водоплавающие образы представляют особую категорию. Т.А. Бернштам, российский этнограф, отмечает «архаичную функцию птичьих образов» в системе возрастного символизма, отразившей древние мифологические представления и социальные отношения: «Судя по фольклорным данным птичьи образы этой группы служат символами половозрастных групп молодежи и "молодых" в различных обрядовых ситуациях» [6: с. 24].

Месторасположение птиц в сюжетах декора текстиля говорит о значимости образа водоплавающей птицы в культово-обрядовой практике крестьян-переселенцев Дальнего Востока.

Архаичную орнитоморфную символику отражают мотивы узоров свадебной рубахи украинки-переселенки из Сумской области, изготовленной мастерицей в XIX в. [36]. Молодая девушка готовила рубаху к своей свадьбе, и для нее этот сюжет был очень актуальным. Наиболее почитаемой птицей славян был лебедь. Образ лебедя в славянской мифологии связан со светлым и радостным началом. В верхней части рукава рубахи изображен сюжетный орнамент с мотивом птиц (парные лебеди). Фигуры птиц с изогнутой шеей расположены справа и слева от центральной фигуры – стилизованного дерева. Мотивы деревьев были некогда связаны с религиозно-мифологическими представлениями славян. Изображение древа жизни, элемента древнего земледельческого культа, относится к архаичным мотивам восточных славян. Поклонение деревьям было одним из главнейших элементов их религии. Композиция воспринимается симметричной: этому способствует уравновешенность правой и левой части узора относительно центральной оси. Дерево изображено с симметрично расположенными по обеим сторонам ветвями. В трехчастной композиции дерево составляет центр, к которому обращены птицы – лебеди, «символический мотив дохристианского периода, символизирующий верность и многодетность в браке [49: с. 480]. Изображение птиц достаточно условно, хотя они идентифицируются как лебеди. Они изображены в профиль, в статичной позе. Распространенное в орнаменте женской одежды изображение водоплавающих птиц является отражением пережитков древних представлений об их связи с водной стихией, небом и солнцем [20: с. 163]. В архаичных вышивках восточных славян лебедь обычно был связан с центральной частью композиции – антропоморфной, по-видимому, женской фигурой. Можно предпо-

ложить, что в орнаменте рубахи [36] произошла замена (трансформация) женской фигуры образом древа жизни – символом жизни. Боковые элементы в этой трехчастной композиции остались прежними (образ парных лебедей). Какой бы поздней стадильности ни были измененные образы, подчеркивала О.М. Фрейденберг, «...под нею всегда находится неизменная архаическая сущность» [34: с. 47, 53].

Ассоциативный ряд «лебедь–счастливый брак» сохранялся еще в XIX – начале XX в. С образом этой птицы у славян были связаны представления о чистоте, верности, целомудрии, совершенстве. Вышивая парных лебедей на рукавах рубахи XIX в., мастерица, по-видимому, вкладывала в эти образы пожелание прочного брака. Возможно, что в виде двух лебедей ей представлялись жених и невеста. Две птицы у дерева (или на дереве) нередко тракуются как символ брачной пары, но иногда их соотносят и с птицами – творцами Вселенной из древних мифов [24: с. 402]. В культуре славян и их предков композиция в виде изображения двух повернутых друг к другу птиц в позе предстояния перед центральной фигурой (растительной или женской и их символами) просматривается по крайней мере с I тыс. до н. э. [14: с. 82]. В трехчастной композиции, состоящей из «мирового древа» в окружении двух противостоящих птиц, отображена взаимосвязь образа птицы с основами мироздания. С этим сюжетом у восточных славян связывалось представление о могуществе сил природы, о зависящем от нее благополучии и счастье человека. Мотивы данной композиции – «закодированное пожелание счастливой семейной жизни в мире и порядке, пожелание процветания рода» [20: с. 59, 95].

Трехчастные композиции с изображением лебедя составляют узоры и свадебных полотенец, изготовленных славянскими переселенками в начале XX в., где дерево заменено вазоном (рис. 1).

Рис. 1. Полотенце. Начало XX в. [42]

В композиции свадебного полотенца [42] этот образ представлен дважды: в виде двух пар лебедей по сторонам вазона и в верхней части в виде пары этих птиц, просто повернутых головами друг к другу (рис. 2).

Рис. 2. Полотенце. Начало XX в. [42]

Нашли широкое отражение в народном текстиле славянских переселенцев Дальнего Востока и другие водоплавающие птицы – утки. Утка в представлениях восточных славян выступает как символ плодородия и благополучия. Этот образ особенно ярко проявляется в свадебной обрядности. В восточно-славянских песнях, прежде всего свадебных, утка, как и лебедь, – распространенный образ девушки, невесты, а селезень – жениха [13: с. 669]. Узоры, изображающие уток, встречаются на полотенцах в виде фризовой композиции [41], обозначающей стаю плывущих сильно схематизированных уток, ритмично следующих влево одна за другой. В данном случае образ утки характеризуется высокой степенью стилизации. Признаком утки как водоплавающей птицы служит зубчатая линия, изображающая воду. Оценка водоплавающих образов как характерных символов свадебного обряда прослеживается и в контексте прочих фольклорных явлений по поэтическим образам, таким как «лебедь» и «белая лебедушка», «селезень» и «утушка» и др. К примеру, в украинских свадебных и любовных песнях лебедь чаще символизирует каждого из новобрачных или влюбленных независимо от пола:

«Ой на воді два лебеді,
Обідва біленькі.
Не будево, серце, в парі
Через вороженьки» [13: с. 680].

Исследовательницей восточно-славянской этнографии Т.А. Бернштам проанализирована орнитоморфная символика свадебных песен восточных славян. Она определяет, что дикие водоплавающие (гуси, утки, лебеди) и лесные птицы (сокол/орел, кукушка, ласточка, перепелка) символизируют

представителей холостой совершеннолетней молодежи и молодых семейных пар. Домашние птицы (куры, гусыни, павы) – семейные пары и замужних женщин [6: с. 22]. По ее мнению, такая связь указывает на важную роль птичьих образов в системе возрастного символизма [6: с. 32], мало исследованную учеными.

Стилизованные лесные птицы, как и водоплавающие, также представлены в орнаменте текстиля славян-переселенцев в виде трехчастной композиции с традиционным деревцем, кустом. Видовая принадлежность лесных птиц, как правило, не ясна. Трактованные с большей степенью условности, они имеют обобщенный образ (рис. 3).

Рис. 3. Полотенце. Начало XIX в. [37]

Мастерицы изображали их сидящими на ветвях деревьев [37; 39] и цветочных кустах [40], стоящими по сторонам дерева [44]. Птицы могут быть обращены к дереву [37] или смотреть в разные стороны [42], со сложенными [37] или расправленными [40, 41] крыльями. На полотенцах нередко одиночные изображения лесной летящей птицы. Например, в сюжетной вышивке бытового жанра по мотивам украинской народной песни изображена летящая птица [47], устремившаяся к удаляющейся фигуре девушки (с коромыслом). В вышивку включен и текст «*НЕСЕ ГАЛІЯ ВОДУ КОРОМИСЛО ГНЕТЬСЯ А ЗА НЕЮ ИВАНКО ЯК БАРВІНО ВЕТЬСЯ*». В данной композиции летящая птица – метонимия жениха.

Среди образов орнитоморфного окружения наиболее близкими для славянских переселенцев-земледельцев являлись петух и курица. В основе мифологического образа петуха – его связь с огнем, течением времени, солнцем. Согласно мифическим сказаниям как представитель дневного рассвета «...утром своим криком петух вызывал солнце, пробуждающее природу от сна» [5: с. 152]. По его крику крестьяне определяли время: «первые петухи» – полночь, «вторые» – до зари, «третьи» – рассвет (заря) [28: с. 307]. Он почитался как птица, прогоняющая мрак ночи и приветствующая восход солнца. Это значение нашло отражение в различ-

ных жанрах фольклора, в том числе пословицах, поговорках. Как и солнце, петух «отсчитывает время» («встать до первых петухов», «встать с петухами», «проспать петухов» и т.п.) и «...является проводником солнца как в его годовом, так и суточном циклах» [31: с. 309–310]. Не случайно образ петуха – зооморфной трансформации небесного огня – солнца – устойчиво сочетается с солярными символами – кругами, розетками, ромбами не только во внешнем декоре крестьянского жилища, но и в вышивке. Об этом свидетельствуют вышитые предметы собрания ХКМ им. Н.И. Гродекова [43; 48].

Образ петуха наиболее устойчив в орнаменте вышитых свадебных полотенец собрания ХКМ. Петух в славянской традиции издревле служил символом плодородия и был одним из основных атрибутов свадебного обряда (рис. 4). Сведения о свадебной обрядности петуха подтверждаются его многочисленными изображениями на этих полотенцах: в архаических композициях с антропоморфной фигурой [48], деревом-кустом [38], стилизованным культовым сооружением (храм, часовая) [43] и т.д. Иногда на одном полотенце мастерицы изображали по 2–3 петуха [38; 43; 48].

Рис. 4. Полотенце. Начало XX в. [48]

Изображение петуха по масштабным соотношениям нередко превосходит другие мотивы. Например, в вышивке полотенца [43] мотив часовни, образующий орнаментальный ряд, довольно мелкий и менее ярко выражен по сравнению с образом петуха. Это подтверждает значимость его образа в таком важном обряде жизненного цикла восточных славян, как свадьба. Несмотря на большую степень геометризации трактовки данного образа, он узнаваем по характерным признакам: гребню, бороде и пышному детально разработанному изогнутому хвосту.

Значима и роль курицы в народных верованиях и обрядах славянских переселенцев Дальнего Востока. Курица у славян связана со свадьбой и женским началом. В брачных обрядах она символизирует супружеское соединение и плодовитость [17: с. 144].

Популярен в орнаменте текстиля восточных славян и образ птицы павы, часто изображаемой на предметах, связанных со свадебной обрядностью.

Ее образ постоянен в свадебном фольклоре восточных славян – «Не павы по двору ходит, не павины перья ронит» [6: с. 24]. В народном представлении образ павы, связанный с представлением об огне и тепле, расцвете природы [15: с. 93], был осмыслен как птица исключительно женского рода [20: с. 67]. Про стройную, красиво одетую девушку говорят: «Будто павы плавает». В узоре славянского текстиля собрания ХКМ птица павы встречается в разных композициях и стиливых решениях. Их образы в вышивке [46], узорном ткачестве [45] и кружеве [39] размещаются в виде ряда из нескольких птиц, шествующих друг за другом, стоящими друг против друга или в виде отдельной фигуры. Павы встречается и в других наиболее архаичных композициях – с деревом жизни. На русском полотенце конца XIX в. в трехчастной композиции значительно стилизованный образ этой птицы, включающий только некоторые черты павы, изображен по сторонам стилизованно-геометризованного древа. Данная композиция изображена мастерицей из Воронежской губернии троекратно повторенной в виде бордюра (рис. 5).

Рис. 5. Полотенце. Конец XIX в. [46]

Для иконографии образа птицы-павы в памятниках орнаментированного текстиля славян-переселенцев характерны статичность, геометризм, условность фигур. Как правило, эти птицы изображаются с характерным кустистым хохолком и пышным, объемным хвостом с отростками на концах в виде ромбовидных мелких фигур или завитков. Разнообразна и трактовка крыльев этого образа. Они могут быть большими или маленькими, с поднятым крылом и совсем без крыла.

Мотив двуглавого орла тоже нашел свое отражение в орнаменте текстиля славянских мастериц. Орнаментальный ряд с образом орла повторяется дважды на полотенце, выполненном в технике браного ткачества [45]. Орнамент выткан красными нитями по белому фону. В узорном ткачестве значительная геометризация изображения этой птицы утрачивает

сходство с геральдическим орлом. Образ трактуется обобщенно – с распростертыми крыльями, дополненный короной, атрибутом царской власти. Этот мотив был чужд по своей структуре народному орнаменту. Вопросы генезиса и символики образа двуглавого орла в славянской народной вышивке представляются спорными: по мнению одних исследователей, этот мотив имеет древние корни, связанные с образом «огня небесного» [15: с. 91], по мнению других, изображение двуглавого орла пришло в вышивку сравнительно поздно, в XVII–XVIII вв., а особенно широко распространилось в конце XVIII – начале XIX в. [2: с. 61, 75; 20: с. 68, 70]. Можно предположить, что в орнаменте крестьянского текстиля XIX – начала XX в. новое изображение двуглавого орла, увенчанного короной, наслонилось на архаическую языческую композицию, сохранив благожелательное значение. Он органично вписался в древнюю орнаментальную композицию крестьянских свадебных полотенец славянских переселенцев Дальнего Востока, семантически заняв ее важную часть. Это свидетельствует о значимости образа двуглавого орла, так как на ритуальные полотенца наносились узоры-символы, транслирующие о чем-то важном. Возможно, мастерицей в образе двуглавого орла на полотенце [45] было воплощено желание благополучия и богатства на новом месте жительства – дальневосточной окраине.

Важная роль в орнаменте обрядовых тканевых предметов отведена композиции. «Вопрос композиции архаической образной системы – это вопрос первостепенный при выяснении основного характера мифотворчества» [34: с. 46]. Чисто орнитоморфные орнаментальные композиции в собрании ХКМ им. Н.И. Гродекова не представлены. Образ птиц неразрывно связан с природой, поэтому рядом с ними всегда присутствуют изображения из растительного мира, которые позднее стали играть в композиции первостепенную роль.

Месторасположение птиц в декоративных сюжетах текстиля говорит о большом значении этого образа в культово-обрядовой практике дальневосточных славян. Несмотря на кажущееся разнообразие композиций, комбинации их немногочисленны и подчинены строгим законам симметрии. Ритмически организуя орнаментальные мотивы на изделии из ткани, мастерицы как бы программировали своеобразную структуру поверхности, учитывая ее расчлененность и связность. Образы птиц на тканевых изделиях славянских переселенцев не существуют абстрактно, а четко соотносятся с определенной конструктивной схемой самой вещи.

Например, в декоре орнаментированного конца свадебного полотенца [41] прослеживается устойчивая структура композиции, четко делящаяся по горизонтали на своеобразные зоны, что свидетель-

ствует о высокой каноничности этого вида обрядовых предметов. Это многоярусная композиция. В каждой из нескольких полос различной ширины, расположенных горизонтально, в строгой последовательности размещены определенные мотивы. В верхнем ярусе – крупно разработанный одиночный мотив цветочного куста. Под ним – парно расположенный цветочный букет, из трех стилизованных цветков. Букеты по размеру идентичны цветочному кусту. В срединной центральной части композиции – вазон, имеющий древнее, как и древо жизни, происхождение, из которого по обеим сторонам как бы «вырастают» две ветви, симметрично изогнутые.

Ниже, на трех узких полосах, символизирующих линию земли, изображена широкая орнаментальная полоса в виде волнообразного побега. Он, обрастая всевозможными веточками, листьями, цветами, отходящими в одну или разные стороны, превращается в популярный мотив «виноградной лозы», как бы растущей из земли. Завершают композицию два ряда птиц в виде фриза. В нижнем ряду фриза орнаментальная полоса сложной композиции. Она состоит из плывущих в ряд достаточно реалистично трактованных крупных фигур птиц – лебедей, где они ритмично следуют друг за другом по объединяющей их волнистой плавной линии. Она образована корнями аллеи стилизованных деревьев, растущих вниз кроной, что создаёт образ непрерывности. В верхнем ряду фриза изображены крайне стилизованные птицы, меньшие по масштабу, шагающие вереницей друг за другом. Видовое прочтение образов этих птиц затрудняется. По отдельным деталям разработки, с незначительной долей вероятности, в них угадывается отдаленное сходство с уткой. Изображения условно разработанных птиц носит соподчиненный характер, о чем говорит их расположение в виде бордюра и гораздо меньший размер. Нижний ряд птиц отделен от верхнего зигзагообразной линией, обрамленной прямыми линиями, которые являются символом земли. Шагающие птицы, соприкасающиеся с землей, связаны с идеограммой «растительной силы», а плодородие земли и чадородие женщины были неразрывно связаны в сознании земледельцев еще со времен энеолита [26: с. 634, 637].

В декоре другого свадебного полотенца орнитоморфный орнамент также тесно переплетен с растительным. Изобразительное пространство идеально организовано: оно трехчастно по вертикали, симметрично относительно центра [41]. В центре – трехчастная композиция с изображением дерева-вазона с растительными побегами в виде венка. По сторонам вазона вышит орнаментальный ряд из четырех лебедей, обращенных попарно головами друг к другу. Птицы словно бы «плывут» навстречу

друг к другу по трем зигзагообразным узким полосам, символизирующим воду. Между вершинами побегов дерева-вазона изображены два лебедя, значительно меньшие по размеру. Птицы обращены друг к другу. Все фигуры данной композиции наделяются подчеркнутой плодородящей функцией и несут не только орнаментальную, но и смысловую нагрузку, «насыщая всю композицию идеей плодovitости и плодородия, рождения новой жизни» [27: с. 284]. Это свидетельствует о высокой степени каноничности этого вида обрядовых образов, в которых яркое отражение нашли верования древних славян, их просьбы к божествам о счастье, добре, изобилии, урожае.

Несмотря на то что типы птиц сравнительно не многочисленны, они отличаются многообразием вариантов по ритмам рисунка, масштабным соотношениям, цветовым сочетаниям. При общей изобразительной традиции стилистически и иконографически ни один образ птицы в музейной коллекции не повторялся абсолютно и буквально. Вариативность иконографического канона проявлялась и в своеобразии техники исполнения и разработке сюжета, и в разной степени сложности: от самых простых до сложнейших. В большинстве случаев образы птиц славянских переселенцев приближены к реальному прототипу с сохранением основных видовых свойств изображаемого вида. Силуэты птиц по законам декоративной орнаментики всегда изображались мастерицами в профиль.

Анализ орнитоморфных изображений на текстиле славянской коллекции ХКМ им. Н.И. Гродекова позволил сделать вывод, что с наибольшей иконографической полнотой изображались петухи и лебеди. Характеризует образ лебедей реалистичная передача голов птиц, длинных изогнутых шей, четкое отображение контуров их фигур. Хвосты обозначены в виде крючкообразных отростков. Туловище лебедей нередко разработано мастерицей в виде сетчатого заполнения.

В некоторых работах славянских мастериц прослеживается обобщенность орнитоморфных образов. Фигуры птиц настолько подвергаются трансформации и стилизации, что их прочтение затрудняется.

Образ птицы – культурный символ, который является в фольклоре, языке, обрядах и отражает мировоззрение восточных славян. Изделия из ткани с образами птиц создавали предметную среду славянских переселенцев Приамурья, сопровождали их повсеместно, в том числе и в обрядах жизненного цикла. Они несли свою утилитарную функцию скорее символически, будучи используемы лишь в исключительных обстоятельствах общественных или семейных праздников и связанных с ними обрядов.

Этнографическая славянская коллекция вышивки и узорного ткачества ХКМ им. Н.И. Гродекова сохранила древние религиозные образы птиц, под-

вергшиеся значительной трансформации. Глубинный символический смысл создаваемых композиций и понимания сложных знаков славянскими переселенцами Приамурья к началу XX в. был почти полностью утрачен. Элементы материалистического отношения к действительности, постепенно развиваясь, стали определять собой новое качество орнитоморфного орнамента с явным преобладанием его декоративной функции. Народная традиция пронесла сквозь столетия внешнюю форму этих древних знаков и сохранила их определенное место на вещах в крестьянском быту дальневосточных славян. Мастерицы, передававшие эти узоры из поколения в поколение на протяжении многих веков, постепенно преодолевали культовое осмысление изображаемого. По словам этнографа В.М. Василенко, «... в древности перевешивала магическая основа, подчиня эстетическое начало, в дальнейшем побеждало второе, не устраняя окончательно первого» [9: с. 144]. Изображения птиц утратили значение языческого символа и воспринимались крестьянками-переселенками как выражение добра и благополучия в семье.

В музейном предмете, помимо бытовых реалий, содержится информативный пласт, живет историческая память. Дошедший до нас орнаментированный текстиль славянских переселенцев Приамурья конца XIX – начала XX в. позволяет рассматривать эти памятники как важную составляющую материально-культовой и историко-культурной основы восточных славян. Орнаментированная вещь в традиционной культуре как носитель культурной памяти народа способна стать источником изучения исторического прошлого восточных славян, его мировоззрения, национального самосознания, художественно-эстетических взглядов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова, З.А.* Древнейшие формы изобразительного творчества (Археологический анализ палеолитического искусства) / З.А. Абрамова // Ранние формы искусства : сб. – М. : Искусство, 1972. – С. 9–29.
2. *Амброз, А.К.* О символике русской крестьянской вышивки архаического типа / А.К. Амброз // Советская археология. – 1966. – № 1. – С. 61–76.
3. *Аргудяева, Ю.В.* Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.) / Ю.В. Аргудяева. – М. : Ин-т этнологии РАН, 1997. – С. 314 с.
4. *Аргудяева, Ю.В.* Роль конфессиональных вероисповедных групп русских в освоении Приамурья (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ю.В. Аргудяева // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX в.) : материалы междунар. науч. конф. (Благовещенск, 17–18 мая 2004 г.). – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2004. – С. 15–19.
5. *Афанасьев, А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. В 2 т. Т. 1. / А.Н. Афанасьев. – М. : Современный писатель, 1995. – 412 с.

6. Бернштам, Т.А. Орнитоморфная символика у восточных славян / Т.А. Бернштам // Советская этнография. – 1982. – № 1. – С. 22–34.
7. Байбурин, А.К. Пояс (к семиотике вещей) / А.К. Байбурин // Из культурного наследия народов Восточной Европы : сб. МАЭ. Т. XLV. – СПб. : Наука, 1992. – С. 5–13.
8. Байбурин, А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей / А.К. Байбурин // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л. : Наука, 1989. – С. 63–101.
9. Вагнер, Г.К. Скульптура Древней Руси / Г.К. Вагнер. – М. : Искусство, 1969. – 480 с.
10. Василенко, В.М. О содержании в русском крестьянском искусстве XVIII–XIX вв. / В.М. Василенко // Русское искусство XVIII – первой половины XIX в.: Материалы и исследования. – М. : Искусство, 1971. – С. 133–188.
11. Воронов, В.С. Крестьянское искусство / В.С. Воронов. – М. : Госиздат, 1924. – 139 с.
12. Городцов, В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве / В.А. Городцов // Труды Государственного исторического музея. – М., 1926. – Вып. I. – С. 6–36.
13. Гура, А.А. Символика животных в славянской народной традиции / А.А. Гура. – М. : ИНДРИК, 1997. – 912 с.
14. Денисова, И.М. Прялки зоо-орнитоморфного типа в контексте этнической истории Русского Севера / И.М. Денисова // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 68–90.
15. Дурасов, Г.П. Попытка интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа / Г.П. Дурасов // Советская этнография. – 1980. – № 6. – С. 87–98.
16. Жарникова, С.В. О возможных истоках образов птиц в русской народной обрядовой поэзии и прикладном искусстве / С.В. Жарникова // Фольклор: проблемы сохранения, изучения и пропаганды : тез. Всесоюзной науч.-практ. конф. (25–28 апр. 1988 г.). – М., 1988. – С. 112–114.
17. Зеленин, Д.К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1901–1913 / Д.К. Зеленин. – М. : Индрик, 1994. – 400 с.
18. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М. : Наука, 1991. – 470 с.
19. Кабузан, В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк / В.М. Кабузан. – М. : Наука, 1985. – 260 с.
20. Маслова, Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник / Г.С. Маслова. – М. : Наука, 1978. – 208 с.
21. Некрасова, М.А. Народное искусство России / М.А. Некрасова. – М. : Советская Россия, 1983. – 219 с.
22. Русакова, Л.М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири / Л.М. Русакова. – Новосибирск : Наука, 1989. – 176 с.
23. Рыбаков, Б.А. Искусство древних славян / Б.А. Рыбаков // История русского искусства. В 13 т. Т. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – С. 39–92.
24. Рыбаков, Б.А. Прикладное искусство и скульптура / Б.А. Рыбаков // История культуры Древней Руси. В 2 т. Т. 2. – М.-Л. : АН СССР, 1951. – С. 396–464.
25. Рыбаков, Б.А. Русское прикладное искусство X–XIII вв. / Б.А. Рыбаков. – Л. : Аврора, 1970. – 128 с.
26. Рыбаков, Б.А. Язычество Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 784 с.
27. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М. : Наука, 1981. – 608 с.
28. Славянская мифология – М. : ЭллисЛак, 1995. – 416 с.
29. Стасов, В.В. Русский народный орнамент. Шитье, ткани, кружево / В.В. Стасов. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1872. – Вып. I. – 129 с.
30. Толстой, Н.И. Очерки славянского язычества / Н.И. Толстой. – М. : Индрик, 2003. – 624 с.
31. Топоров, В.Н. Мифологический образ петуха / В.Н. Топоров // Мифы народов мира : энцикл. В 2 т. Т. 2. – М. : Сов. энцикл., 1992. – С. 309–310.
32. Фетисова, Л.Е. Традиционная культура и быт русского старожильского населения Дальнего Востока России / Л.Е. Фетисова // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения, 1998 г.) – Владивосток : Дальнаука, 2001. – С. 260–267.
33. Фетисова, Л.Е. Трансформация пространства культуры восточных славян на дальневосточном фронтире / Л.Е. Фетисова // Славянский мир в контексте развития Тихоокеанской России и международных отношений в АТР : материалы науч.-практ. конф. (Владивосток, 24–25 июня 2014 г.). – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – С. 114–128.
34. Фрейденберг, О.М. Введение в теорию античного фольклора / О.М. Фрейденберг // Миф и литература древности. – М. : Наука, 1978. – С. 9–169.
35. Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова (далее ХКМ).
36. Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова. Книга учета поступлений основного фонда музея (ХКМ КП) 9149/1. Рубаха (обрядовая – свадебная).
37. ХКМ КП 6638/6. Полотенце.
38. ХКМ КП 6701/1. Полотенце.
39. ХКМ КП 7582/65. Полотенце.
40. ХКМ КП 9967/1. Полотенце.
41. ХКМ КП 9967/2. Полотенце.
42. ХКМ КП 9967/3. Полотенце.
43. ХКМ КП 9967/4. Полотенце.
44. ХКМ КП 11469/1. Рубаха (обрядовая – свадебная).
45. ХКМ КП 11737/3. Полотенце.
46. ХКМ КП 11921/1. Полотенце.
47. ХКМ КП 12329/11. Полотенце.
48. ХКМ КП 12557/2. Полотенце.
49. Этнография восточных славян. – М. : Наука, 1987. – 560 с.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ЗАПАДА О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904–1905 ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ КАРИКАТУР)

М.В. Ульянова

Ульянова Мария Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Дальневосточного государственного медицинского университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: mulyanova72@mail.ru

В статье анализируются западно-европейские и североамериканские карикатуры, посвященные Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Ключевые слова: Русско-японская война, общественное мнение, западные СМИ, карикатура.

Атрибутом современного мира помимо глобализации экономических и политических процессов стала информатизация различных направлений жизнедеятельности общества, предполагающая свободное перемещение идей, духовных ценностей и мировоззренческих установок. В этих условиях меняется традиционное представление о силе и мощи, которое теперь выражается не только в скорости и эффективности развития экономики, количестве более совершенных видов вооружения, но и в умении «...оказывать повседневное влияние на жизнь миллионов людей во всем мире через потребляемые ими продукты, товары, услуги, культуру» [6]. Если ранее считалось, что государство с более крупной армией преобладает на мировой арене, то теперь одерживает победу тот, «...кто обладает лучшим имиджем» [15: с. 17]. Примером, подтверждающим этот тезис, является Русско-японская война 1904–1905 гг.

Дальний Восток в конце XIX – начале XX в. был объектом геополитических интересов сильнейших держав мира. Подавление восстания ихэтуаней в Китае в начале XX в. коалицией из западных стран, России и Японии способствовало дальнейшему обострению обстановки в Тихоокеанском регионе. Стремление России закрепиться в Маньчжурии привело к усилению противоречий с Японией, выдвинувшей претензии на влияние в Южной Маньчжурии, а также с Соединенными Штатами и Англией, считавшими этот обширный край подходящим для прибыльного вложения своих капиталов. Так, например, в Нью-жуане, единственном открытом порте в Маньчжурии, американская торговля занимала первое место [8: с. 528]. И в Лондоне, и в Вашингтоне Россию считали более опасным соперником в регионе, чем Японию. Поэтому изменение соотношения сил в пользу Токио не представлялось западным державам опасным, тем более что война могла ослабить обоих участников. Президент США Т. Рузвельт в марте 1904 г. откровенно говорил гер-

манскому послу: «надо, чтобы обе державы возможно сильнее потрепали друг друга... Это сохранит их в состоянии военной готовности и умерит их аппетиты в других районах. Япония в таком случае не будет угрожать Германии в Цзяочжоу, а Америке на Филиппинах» [8: с. 579].

Поэтому СМИ этих стран пристально и пристрасно наблюдали за малейшими изменениями в международной обстановке в этом регионе. Начавшаяся Русско-японская война вызвала живой интерес иностранной прессы. Большую роль в освещении этого конфликта играли карикатуры. С помощью визуальных образов «...сатирическая графика предлагала определенное толкование и оценку того, что произошло, обращаясь при этом не только к сознанию человека» [5: с. 294], но, прежде всего, к его эмоциям. К тому же добавление к тексту зрительных образов резко снижало «порог усилий», необходимых для восприятия информации и делало ее доступной для широкой аудитории. Как отмечал российский исследователь С.Г. Карамурза, «...самые эффективные средства массовой информации... одновременно захватывают мысль и художественное чувство», что способствует более результативному проникновению сообщения в сознание и подсознание [9: с. 99].

Кроме того, одна из стратегических задач информационно-психологической войны в военное время заключалась в том, чтобы «...добиться от нейтральных государств своей поддержки и враждебного отношения к противнику» [12: с. 67]. Одним из показателей успешной или неудачной реализации этой задачи можно считать сатирические изображения, опубликованные в иностранной прессе, которые демонстрировали отношение к противоборствующим сторонам.

В ходе Русско-японской войны оба участника конфликта мобилизовали политические и финансовые ресурсы для оказания влияния на средства массовой информации и общественное мнение

нейтральных стран. Япония, по данным российских специальных служб, тратила на PR-цели до 10 млн иен в год, львиная доля которых шла английской и американской прессе [13: с. 93]. В результате общественное мнение многих ведущих стран мира в начале войны было на стороне империи микадо, что получило отражение в публикуемых карикатурах.

Так, реагируя на начало боевых действий, «...президент Рузвельт был в высшей степени удовлетворен» [8: с. 551], а американская пресса поместила на своих страницах юмористический рисунок (рис. 1), на котором изображался поединок двух бойцов. Один из них – крупный, одетый в меховую шапку и кафтан – русский, практически падает под ударами маленького, мускулистого японца. В уста русского вкладывалась фраза: «Нечестно, я был не готов». За их поединком с интересом наблюдал земной шар. Следует отметить, что если подпись под рисунком носила нейтральный характер и содержала сообщение о протесте России против действий Японии, которая в нарушение принципов международного права атаковала русский флот на рейде Порт-Артура, то сама карикатура явно иронизировала по поводу русского гиганта, оказавшегося не способным отразить нападение маленькой страны.

Рис. 1. Американская карикатура на начало Русско-японской войны. 1904. [1]

На это же событие откликнулся немецкий карикатурист Г. Брандт, сотрудничавший с журналом Kladderadatsch (рис. 2). Он изобразил гороподобного мужика с тупым выражением лица, натягивавшего сапоги, а в это время его кусала отважная ма-

ленькая собачка, на которой написано Япония. Подвергнувшийся атаке русский военный восклицал: «Наглый враг. Неслыханное дело! Эта шавка такса не хочет подождать, пока я надену сапоги!». Не трудно заметить, что автор симпатизировал островной империи.

Рис. 2. Немецкая карикатура.
Автор Г. Брандт. 1904.
Kladderadatsch [17]

Отметим, что и американский, и немецкий художники в своих произведениях практически проигнорировали факт нарушения Японией международного права и акцентировали внимание на низкой боеготовности русской армии. Обе работы извращали смысл заявлений русской дипломатии о вероломстве и попрании законов, регулировавших отношения между цивилизованными народами, смешивали понятия нечестности действий и неготовности к войне. Однако оба автора всего лишь артикулировали в изображениях бытовавшее мнение о закономерных действиях островной империи. Ведь ведущие британские и американские специалисты в области международного права утверждали, что «...в современных условиях объявлять войну необязательно», а потому «...в атаке японскими миноносцами русских кораблей в Порт-Артуре не было ничего вероломного или неверного» [16: с. 390]. Причина такой вольной трактовки юридических норм заключалась в убежденности западной общественности в том, что Япония «...представляет западные идеи в Азии», а «Россия восточные в Европе» [13: с. 86].

Представления о России как о варварской, нецивилизованной стране были характерны для западной культуры и еще задолго до войны через прессу транслированы в Японию, которая восприняла этот образ. В свою очередь, островная империя через британские и американские средства массовой ин-

формации «экспортировала» его в мировое сообщество [13: с. 86; 19: с.70]. При этом Япония становилась представителем цивилизованного мира, выполнявшим «во имя ... мира и гуманности... историческую миссию разгрома варварской России» [3: с. 50].

Апофеозом противопоставления России и Японии стала карикатура (рис. 3), где звероподобный казак с плетью в руке, за спиной которого трупы женщин и детей, угоняемые в Сибирь финны и поляки, оторопело смотрел на миловидную японку, излучавшую свет прогресса. В очередной раз Россия рисовалась образцом восточного варварства, которая могла только угнетать собственный народ и «порабощенные нации», но не была способна противостоять современной, модернизированной, цивилизованной Японии.

Рис. 3 Американская карикатура. Puck [2]

Успешные действия японского флота не остались без внимания западных карикатуристов. Так, художник П. Лейпцигер для издания «Вечерние новости» г. Детройта изобразил игру в пинг-понг между японцами и Нептуном русскими кораблями, потопленными под Порт-Артуром. По мнению автора этого рисунка, действия японского военно-морского флота были совершенными, о чем свидетельствовала подпись под карикатурой [1]. Эти прояпонские настроения во многом отражали позицию руководства США, которое считало, что Россия проводит политику «буквально бездонного лицемерия» и враждебна американским интересам, а Япония «... играет в нашу игру» [11: с. 323].

Другой американский сатирический журнал Puck («Шалун») поместил целую серию юмористических изображений, которые были посвящены войне на Дальнем Востоке. Русская армия представлена на его страницах дикого вида солдатами, вооруженными ножами, саблями и плетками. Именно таким рисуется ее образ в одной из карикатур [2], где неопрятный, пьяный, агрессивный вояка в одной руке держал большого объема бутылку водки, а в другой – огромную саблю, которой размахивал, пытаясь поразить маленькую японскую осу. За этой сценой наблюдали Джон Буль и Дядюшка Сэм.

В Русско-японской войне войска империи Романовых терпели одно поражение за другим. Иллюстрируя этот факт, американские художники опубликовали карикатуру [2], в которой российскую армию уподобили огородному медведю, вооруженному ружьем и охранявшему свои владения. На самом же деле это оказался не грозный хищник, а набитое соломой чучело. Оно окружено стаей ворон, которые символизировали страны как Запада, так и Востока: Турцию, Китай, Германскую империю, Великобританию и Японию. Отважная Страна Восходящего солнца атаковала пугало, вцепившись ему в нос, а остальные «птицы» хохотали над неспособностью огромного медведя дать адекватный отпор маленькой вороне.

Совсем другие образы транслировались французской прессой, так как республика была союзницей империи Романовых. Кроме того, Россия добила серьезных успехов на пропагандистском фронте во Франции, где, по признанию министра финансов В.Н. Коковцова, она потратила более миллиона франков на поддержку своих национальных интересов во французской печати [13: с. 94]. Эти факторы определили благожелательный для нашей страны информационный климат, отразившийся, в том числе, и в карикатурах.

Николай II изображен гладиатором, побеждавшим на арене своих врагов и выполнявшим желание патрициев, в роли которых выступали Франция, Швейцария, Германия и Австро-Венгрия, требовавших добить противника [18]. Затяжной характер осады Порт-Артура стал информационным поводом для появления серии карикатур, в которых высмеивалась армия микадо. При этом использовались крайне унижительные, но вызывавшие сильные эмоции образы.

Японскую артиллерию генерала Оку зрителю показывали в виде обнаженных ягодиц, которые пытаются отразить конную атаку казаков, стреляя в них горохом. Аналогичные сатирические рисунки под названием «Музыка генерала Оку» [18] внушали мысль о том, что замыслы генерала не могут быть реализованы в силу некомпетентности японских военных.

Ход войны не оправдал надежд французских художников, Россия терпела поражения, поэтому они попытались спрогнозировать последствия победы Японии. Это предположение было представлено в серии из четырех сатирических рисунков (рис. 4). В них символически показывалась встреча глав ведущих европейских стран, к которым подбирался тигр. Первым же ударом хищник расправился с Россией, затем последовала очередь Франции, а в это время Австро-Венгрия и Германия радовались устранению своих геополитических конкурентов. Но азиатский агрессор добрался и до них.

Рис. 4. Французские карикатуры на Русско-японскую войну [18]

Такие же опасения стали одолевать и политическую элиту США. Как писал в своей книге Г. Киссинджер: «...когда японские победы начали угрожать окончательно сокрушить позиции России в Азии, Рузвельт стал относиться к экспансионистской Япон-

ской империи как к потенциальной угрозе положению США в Юго-Восточной Азии» [11: с. 323]. Данная точка зрения получила свое отражение на страницах американской прессы. Примером визуализации этой позиции стала карикатура, опубликованная в журнале *Puck* в мае 1905 г. под красноречивым заголовком «Когда?» [10]. На ней были изображены лидеры западного мира, окружившие израненного, перебинтованного императора России и с тревогой смотревшие на восток, где показалась новая угроза – японский солдат (рис. 5).

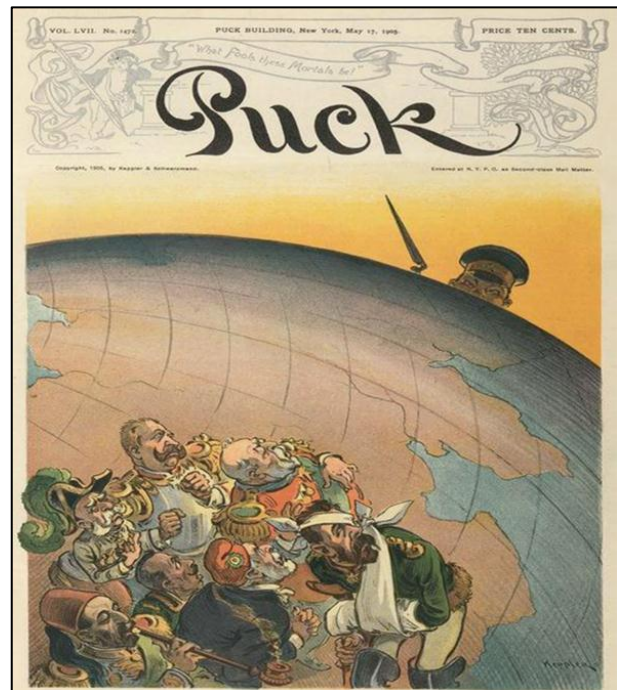

Рис. 5. Американская карикатура. «Когда?». *Puck*. 1905

Неудачная для России война на Дальнем Востоке была одной из причин первой русской революции. Этот аспект политической обстановки не остался без внимания американских карикатуристов. Так, на рисунке, который назывался «Внутренние волнения» [1], изображены русский царь в военной форме, шинели, на голове – корона, противостоявший с винтовкой в руках вооруженному японцу. Ногами Николай II удерживает люк, из которого пытается вырваться дикого вида бородатый, лохматый террорист, сжимавший в руках готовую к применению бомбу. В дыму от горящего запала видна надпись «революция». Другая карикатура, напечатанная в «Миннеаполис трибьюн», – «Атака с тыла» [1] – показывала огромного русского солдата, получившего удар битой по ягодицам. На ней написано «Домашние неприятности». Ее сжимает рука революционера. Сила удара такова, что русский военный летит вместе с японскими снарядами по направлению к Санкт-Петербургу, о чем говорит

указатель, показывающий направление движения. Отметим, что революционеры не отличаются благородством облика и во многом соответствуют общим стереотипам восприятия русских.

В 1905 г. обеим конфликтующим сторонам стало понятно, что продолжение войны бесперспективно. На второй день после победы в Цусимском сражении Япония тайно просила Т. Рузвельта выступить с предложением посредничества якобы от его собственного имени. 26 мая Рузвельт предложил воюющим сторонам собраться на конференцию для выяснения возможных условий примирения. Сначала Япония, уже истощившая свои силы и жаждавшая мира, а 30 мая и Россия приняли это предложение [7: с. 179].

Мирная конференция открылась 27 июля в американском приморском курортном городке Портсмут. Она продолжалась почти месяц и проходила очень напряженно.

Япония как победительница намеревалась предъявить России целый комплекс далеко идущих требований: протекторат над Кореей, захват Ляодунского полуострова с Порт-Артуром, русских железных дорог в Маньчжурии, острова Сахалин, уплаты контрибуции, предоставления подданным микадо прав рыбной ловли вдоль русского дальневосточного побережья. Собиралась запретить России укреплять Владивосток и держать военноморской флот на Тихом океане.

Глава русской делегации С.Ю. Витте твердо отстаивал престиж России и категорически отказывался признавать правомерность тех притязаний, которые не базировались на реальных успехах японского оружия.

Драматический характер переговоров, в ходе которых неоднократно происходили кризисы, грозившие сорвать этот процесс, получил отражение на страницах американской прессы. Один из сатирических рисунков, посвященных Портсмутской конференции, был опубликован в *Puck* под названием «На крыльце у Тедди» (рис. 6), что подчеркивало значимость усилий американской дипломатии.

Ход переговоров изображался как «соревнования в скаутском лагере», где роль судьбы, определявшего победителя и раздававшего призы, играл хозяин Белого дома. По мнению художника, участникам переговоров необходимо было решить: «вопрос контроля над Маньчжурией – по результатам заплыва», судьбу Китая – в «конкурсе лесорубов», спор о контрибуции – «по результатам теннисного матча». А Владивосток предлагалось отдать «той стране, которая расскажет лучшую небылицу!» Любопытно, что японская делегация по совету Т. Рузвельта не предъявляла требования о разоружении этого русского тихоокеанского порта [8: с. 588]. Однако американские журналисты были явно осведомлены об этих намерениях.

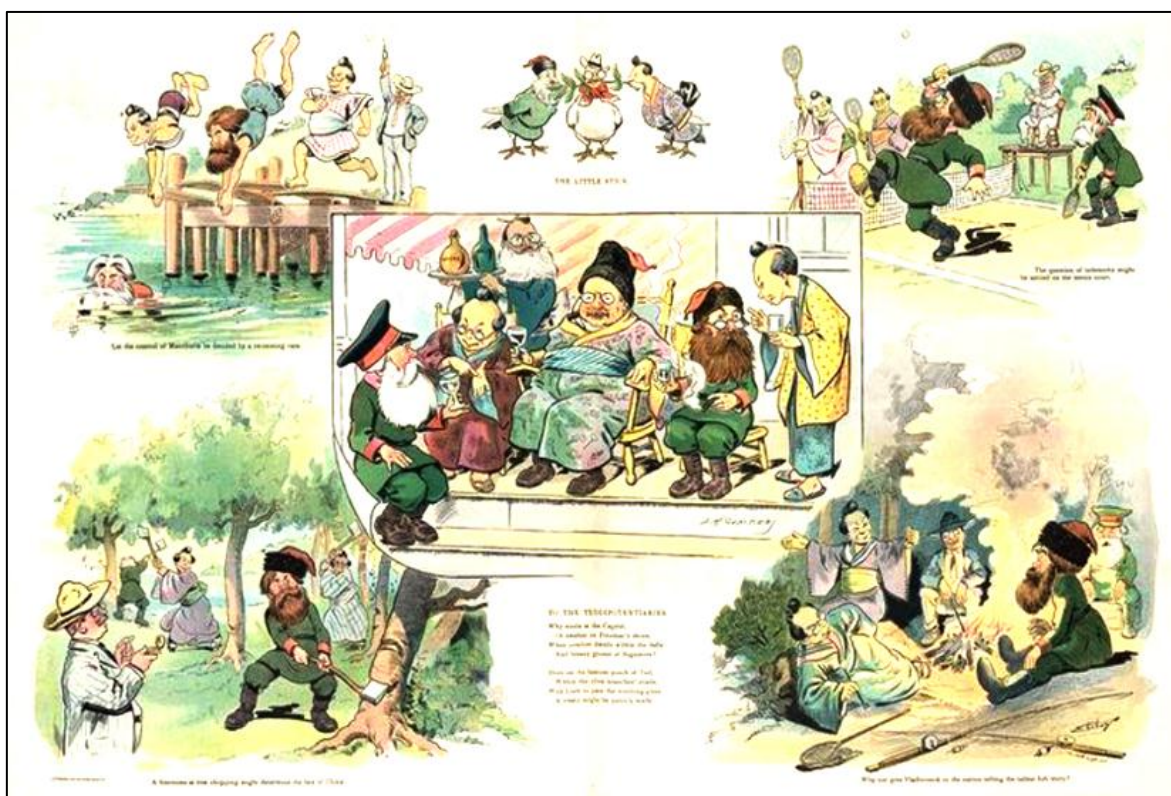

Рис. 6. Американская карикатура. «На крыльце у Тедди». *Puck*. 1905 [2; 10]

Эта карикатура должна была вызвать чувство гордости у читателей журнала, потому что государство, которое не так давно появилось на политической карте, теперь решало вопросы войны и мира и распоряжалось судьбами других стран и народов.

Таким образом, Россия потерпела поражение не только в ходе боевых действий в Маньчжурии и на Тихом океане, но и в борьбе за общественное мнение нейтральных стран. Успех Японии в имиджевой войне обеспечил империи микадо дипломатическую и экономическую поддержку. Недооценка роли информационно-пропагандистского потенциала средств массовой информации стоила России престижа и влияния в Тихоокеанском регионе. Русско-японская война стала еще одним информационным поводом, использовавшимся политической элитой ведущих западных стран для формирования устойчивых стереотипов восприятия России и Японии в массовом сознании. Конструирование имиджа воевавших стран напрямую зависело от внешнеполитических целей, преследуемых правительствами основных геополитических игроков. В целом позиция большинства доминирующих держав была антироссийской и, основываясь на уже существовавших клише, создавала благоприятную почву для распространения русофобии, последствия которой мы ощущаем и поныне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американские карикатуры на Русско-японскую войну [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militera.org/propaganda/1/caricatures/> (дата обращения: 21.07.2015).
2. Американские карикатуры на Русско-японскую войну [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://propagandahistory.ru> (дата обращения: 26.02.2016).
3. Бух, А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как Другое Японии : пер. с англ. Петра Серебряного / А. Бух. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 280 с.
4. Воронцова, Л.В. История и современность информационного противоборства / Л.В. Воронцова, Д.Б. Фролов. – М. : Горячая линия – Телеком, 2006. – 192 с.
5. Голиков, А.Г. Смех — дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX вв. в политической карикатуре / А.Г. Голиков, И.С. Рыбаченок. – М., 2010.
6. Гриняев, С. Информационное превосходство вместо «ядерной дубинки» / С. Гриняев // Армейский сборник. – 2002. – № 5.
7. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – М. : Междунар. отношения, 1997. – 672 с.
8. История дипломатии. В 4 т. Т. 2. Дипломатия в новое время 1871–1914 / под ред. А.А. Громыко [и др.]. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1963 – 808 с.
9. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо, 2011. – 864 с.
10. Карикатуры на Николая II и Россию в американском сатирическом журнале Puck [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://propagandahistory.ru> (дата обращения: 5.02.2016).
11. Киссинджер, Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер. – М. : АСТ, 2015. – 512 с.
12. Крысько, В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт / В.Г. Крысько ; под общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск : Харвест, 1999. – 448 с.
13. Куланов, А. Россия и Япония: имиджевые войны / А. Куланов, В. Молодяков. – М. : АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 480 с.
14. Молодяков, В. Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1879–1929) / В. Молодяков. – М. : АСТ: Астрель, 2005. – 369 с.
15. Най, Джозеф С. (младший). Будущее власти : пер. с англ. В.И. Верченко / Джозеф С. Най (младший). – М. : АСТ, 2014. – 444 с.
16. Павлов, Д.Б. Русско-японское пропагандистское противостояние на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. / Д.Б. Павлов // Труды Института российской истории / Российская академия наук, Институт российской истории. – М., 2013. – Вып. 11. – С. 365–415.
17. Россия в европейской карикатуре XVIII–XX вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://menhist.ru> (дата обращения: 11.04.2015).
18. Французские карикатуры в период Русско-японской войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://propagandahistory.ru> (дата обращения: 11.01.2016).
19. Шимацу, Н. «Возлюби врага своего» / Н. Шимацу // Родина. – 2005. – № 10. – С. 69–71.

**КОНДОНСКИЙ СЛОЙ ПОСЕЛЕНИЯ ХАРПИЧАН-4
(СОЛНЕЧНЫЙ РАЙОН ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)
ИССЛЕДОВАНИЯ 2015 Г.**

М.А. Габрильчук

М.В. Горшков

Масахирос Фукуда

Куникита Даи

Габрильчук Михаил Анатольевич – научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии и палеогеографии ХКМ им. Н.И. Гродекова.

Контактный адрес: mastervx2957@mail.ru

Горшков Максим Валерьевич – начальник Научно-исследовательской лаборатории археологии и палеогеографии ХКМ им. Н.И. Гродекова.

Контактный адрес: eneolitt_@mail.ru

Масахирос Фукуда – PhD, associate professor Центра археологических исследований Университета Кюсю.

Контактный адрес: fukuda@lit.kyushu-u.ac.jp

Куникита Даи – PhD, assistant professor Высшей школы гуманитарных наук и социологии Токийского университета.

Контактный адрес: dkunikita@yahoo.co.jp

В предлагаемой работе рассматриваются вопросы, связанные с изучением кондонского слоя памятника археологии Харпичан-4 (Солнечный район Хабаровского края), делается сопоставление с материалами памятника археологии Князе-Волконское-1 и смежных территорий, а также вводятся в научный оборот радиоуглеродные даты с поселения.

Ключевые слова: средний неолит, кондонская культура, орнамент, радиоуглеродное датирование.

Харпичан-4 – одно из немногих ныне известных поселений, где кондонский слой выявлен как основной культуросодержащий. Раскопками 2006 г. вскрыта площадь котлована жилища, выявлена планистратиграфическая ситуация, позволившая сделать предварительные выводы о хронологии кондонского комплекса, соотнеся его с ранним вариантом культуры [3: с. 151].

Устоявшимся представлениям о кондонском комплексе исследуемого памятника соответствуют *горизонтальные гребенчатые оттиски* (сплошные и сегментированные; в один и в несколько рядов; в сопровождении нижележащих ромбов и кругов; в комбинациях с примыкающими наклонными оттисками; с горизонтально прочерченными линиями), *вертикальные оттиски* (только вертикальные оттиски; комбинации с нижележащим орнаментом в виде кругов, ромбов и горизонтальных оттисков и пр.). Замыкают эту группу *наклонные оттиски* (только наклонные оттиски, комбинации наклонных оттисков и нижележащего орнамента в виде ромбов, кругов и пр.).

Менее употребляемыми являются следующие орнаментальные мотивы:

- овалы разных размеров и угла наклона;
- кружки с точкой в центре;
- полукруги;
- гребенчатый клинообразный орнамент по внешнему контуру устьевой зоны (зубцы поставлены в порядке плавного уменьшения размера сверху вниз так, что оттиски похожи на клин);
- разнонаправленные гребенчатые оттиски и линии;
- ромбические оттиски как самостоятельный мотив.

Вышеозначенная часть керамического комплекса поселения Харпичан-4 демонстрирует значительное согласование с материалами другого поселения раннего хронологического варианта кондонской культуры – Князе-Волконское-1 (далее по тексту КНВ-1). Однако большая часть материала, наоборот, показывает совершенно иные результаты.

Так, фрагменты с вышеописанными гребенчатыми, ромбическими и прочими оттисками кондонского облика составляют всего лишь 17 % от общего количества орнаментированных черепков верхней части сосудов. Зато более 40 % составляют сосуды с оттисками однозубчатого округло-овального (накольчатого) штампа в подвенчиковой зоне либо на верхней части тулова. Он встречается в абсолютном большинстве как самостоятельный мотив, за редким исключением (рис. 1, № 9, 1).

Необычными выглядят комбинации наколов (а также зубчатых насечек и коротких мелкозубчатых вертикальных штампов) на верхней части тулова как в обрамлении вдавленных линий, так и без них; наклонные ряды разнонаправленных гребенчатых оттисков; горизонтальные оттиски гребёнки и вышележащие наклонные оттиски, в том числе и разнонаправленные) (рис. 1, № 2, 8–11).

Отдельного рассмотрения в Харпичанском комплексе заслуживают декорированные внешние стенки сосудов со слабопрофилированным валиком (уплощенным) под венчиком либо на верхней части тулова. Эта позитивная форма орнаментации не является налёпом, а получена путём стягивания теста из стенки. Чаще имеется один, реже – два валика (рис. 1, № 4, 8–10). Их иногда сопровождают однозубчатые оттиски, наколы овальной или округлой формы, насечки, реже – гребенчатые оттиски и как исключение – ромбы. Иногда два уплощённых валика образуют подобие черепичного наслоения.

Ещё одним индикатором инокультурного влияния является декорирование венчиков путём утолщения (создания карнизов) – больше 6 %. Карнизы не являются налёпными, а сформированы также, как и валики, из самой стенки (рис. 1, № 12). В большинстве случаев они не орнаментированы. Но иногда на них можно встретить наклонные и горизонтальные оттиски гребёнки. Часто под карнизом имеется орнамент из одного пояса вертикальных мелкозубчатых оттисков гребенчатого штампа, слитых практически в линию.

Таким образом, в орнаментальный комплекс пос. Харпичан-4 привнесены элементы, не представленные в материалах КНВ-1 и предварительно имеющие близость с материалами Алдано-Ленского бассейна (рис. 3) [4].

Также отметим отсутствие строгости в формулах орнаментов пос. Харпичан-4, при которых в комбинации поясов с горизонтальными гребенчатыми оттисками кромка может быть как не орнаментирована, так и иметь орнамент. То же касается буквально всех мотивов. Здесь налицо большая необязательность в соблюдении формул построения орнамента в сравнении с материалами пос. КНВ-1.

Выделению раннекондонского хронологического варианта способствовало изучение керамического

комплекса ряда поселений. Среди них наиболее показательными стали материалы пос. КНВ-1 [5: с. 216]. Поэтому мы сделаем некоторые сравнения орнаментов двух поселений (табл. 1).

Широкий спектр отличий в комплексах опорного памятника раннего кондона Князе-Волконское-1 и пос. Харпичан-4 и примеси компонентов Якутского облика позволили сделать предположение о более позднем характере кондонского слоя на поселении Харпичан-4, отнести его развитие к началу или середине V тыс. до н.э.

Осенью 2015 г. НИЛАиП (ХКМ им. Н.И. Гродекова) совместно с Токийским университетом (Япония) были организованы разведывательные работы с целью получения датирующего материала с поселения Харпичан-4. В отличие от экспедиции 2006 г. исследовано межжилищное пространство. Заложена 3-метровая траншея и два шурфа (рис. 2).

Стратиграфическая ситуация траншеи выглядит следующим образом (рис. 2, б).

1. Дерновый слой серо-чёрного цвета – поверхностный горизонт почвы, густо заросший корнями травяных растений. Структура комковато-зернистая – мощностью от 5 до 12 см, залегает по всей длине разреза. Залегание субгоризонтальное.

2. Серо-оранжевая лёгкая супесь с мелкими корнями мощностью от 19 до 30 см. Залегание субгоризонтальное.

3. Светло-серая лёгкая супесь с мелкими корнями мощностью от 3 до 30 см. Имеет линзовидную форму: небольшой прогиб в кв. В, сильное сужение в кв. С и выклинивание, а в кв. А также сужение. Кроме того, слой 3 и лежащий над ним слой 2 в кв. А также нарушен биотурбационными процессами.

4. Серая комковатая лёгкая супесь мощностью от 10 до 25 см. Залегает неравномерно.

5. Серо-коричневая лёгкая супесь мощностью от 2 до 10 см. Маломощный слой, выклинивающийся к центру квадрата.

6. Светло-коричневая супесь мощностью от 10 до 15 см. Маломощный слой, залегающий локально. Выклинивается к северо-восточной стенке. Залегание субгоризонтальное.

7. Серо-коричневая супесь мощностью от 10 до 15 см. Маломощный слой, залегающий локально. Выклинивается к СВ стенке. Имеет субгоризонтальное положение в разрезе.

8. Серо-коричневая комковатая супесь мощностью от 30 до 48 см. Залегает по всей длине разреза, имеет наибольшую мощность на стыке с ЮЗ стенкой.

9. Серо-чёрная клейковатая супесь с щебнем мощностью до 25 см.

10. Цоколь террасы – сланец с остатками супеси жёлто-оранжевого цвета (материк). Подстилает слой 8 и 9.

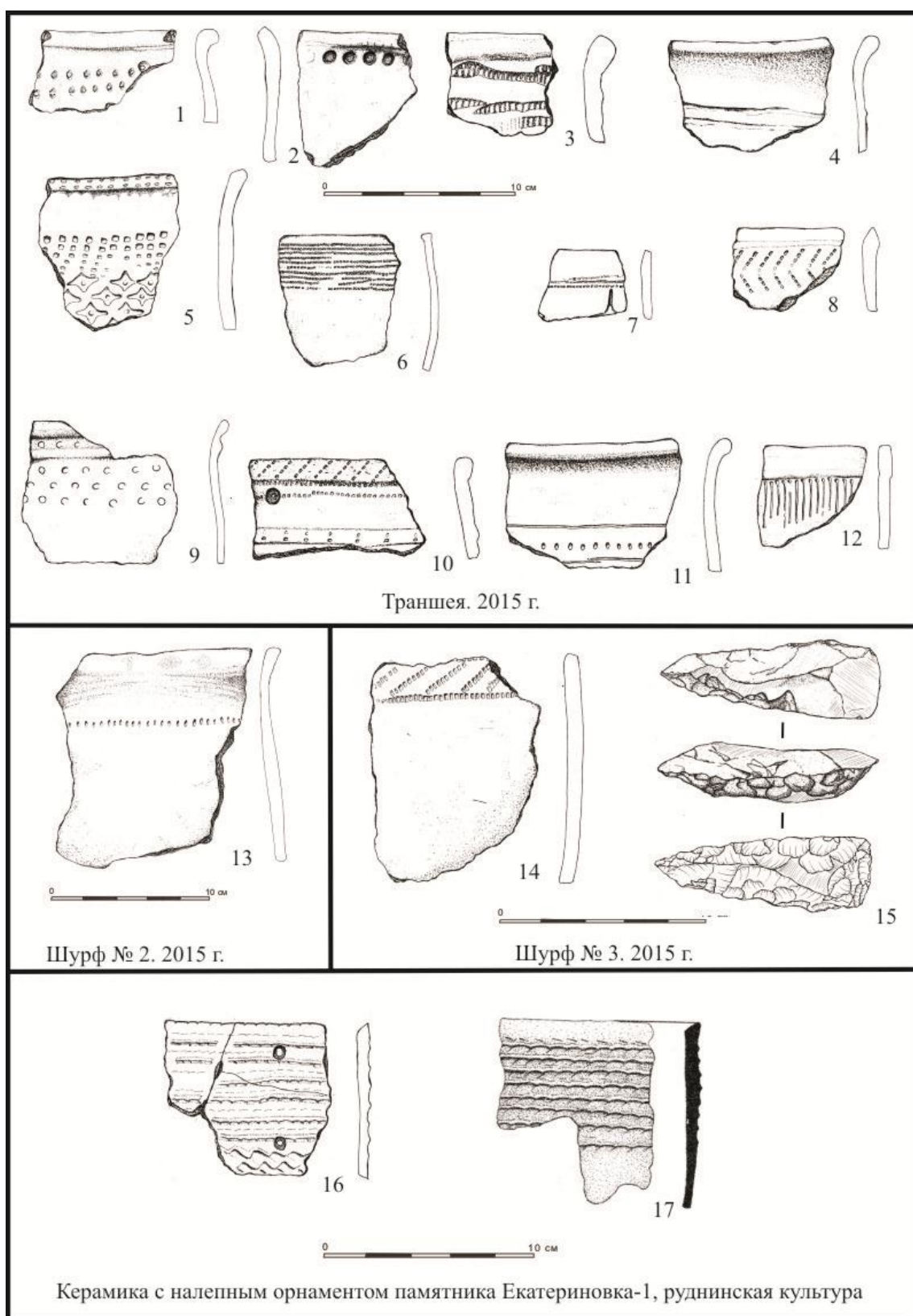

Рис. 1. Материалы кондонской культуры поселения Харпичан-4

Таблица 1

**Сравнительная характеристика орнамента керамических изделий
 поселений Харпичан-4 и Князе-Волконское-1**

Отличительные особенности	Пос. Харпичан-4	Пос. Князе-Волконское-1
Центральный мотив в орнаментации	Одно-, двухрядные оттиски – наколы штампа в подвенчиковой зоне или на тулове	Близкопоставленные плотные ряды наклонных оттисков
Наиболее употребительные мотивы	1. Пояс, где верх рисунка – одинарный или двойной ряд горизонтальных оттисков гребёнки, ниже – одиночные оттиски ромбов (разной формы), ещё ниже – идентичный верхнему ряд горизонтальных оттисков гребенчатого штампа. 2. Вертикальные, горизонтальные, наклонные оттиски гребенчатого штампа	Наклонные оттиски гребенчатого штампа. Могут дополняться нижележащими ромбическими оттисками и круглыми с точкой
Овальные оттиски	Немногочисленны	Представляют собой самостоятельный развитый орнамент
Наличие оттисков треугольной формы	Отсутствуют	34 % от общего количества ромбических и треугольных оттисков разной формы
Вдавленные и прочерченные линии	Вертикальные, наклонные, горизонтальные	Единичны
Утолщения валиков (карнизы)	Распространены	Отсутствуют
Слабопрофилированные (уплощенные) валики в подвенчиковой зоне	Распространены	Отсутствуют
Кромки венчиков		
Орнамент «ёлочка» (разнонаправленные гребенчатые оттиски)	Распространён	Отсутствует
Зависимость между мотивом орнамента внешней стенки и кромки венчика	Соблюдается не строго, или вовсе не соблюдается	Строгая
Орнаментация внутренней стороны стенки сосуда	Единичная	Отсутствует

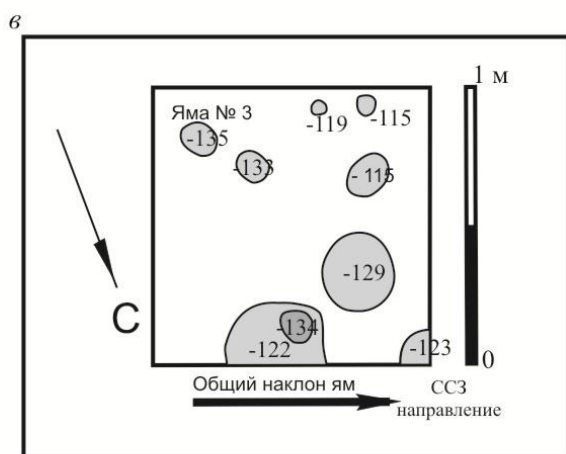
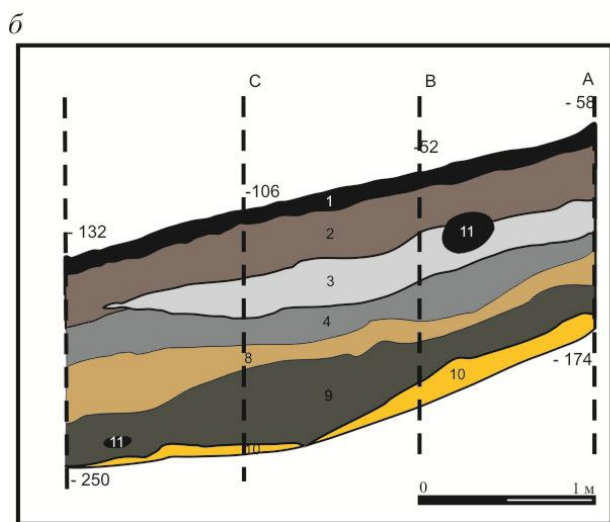
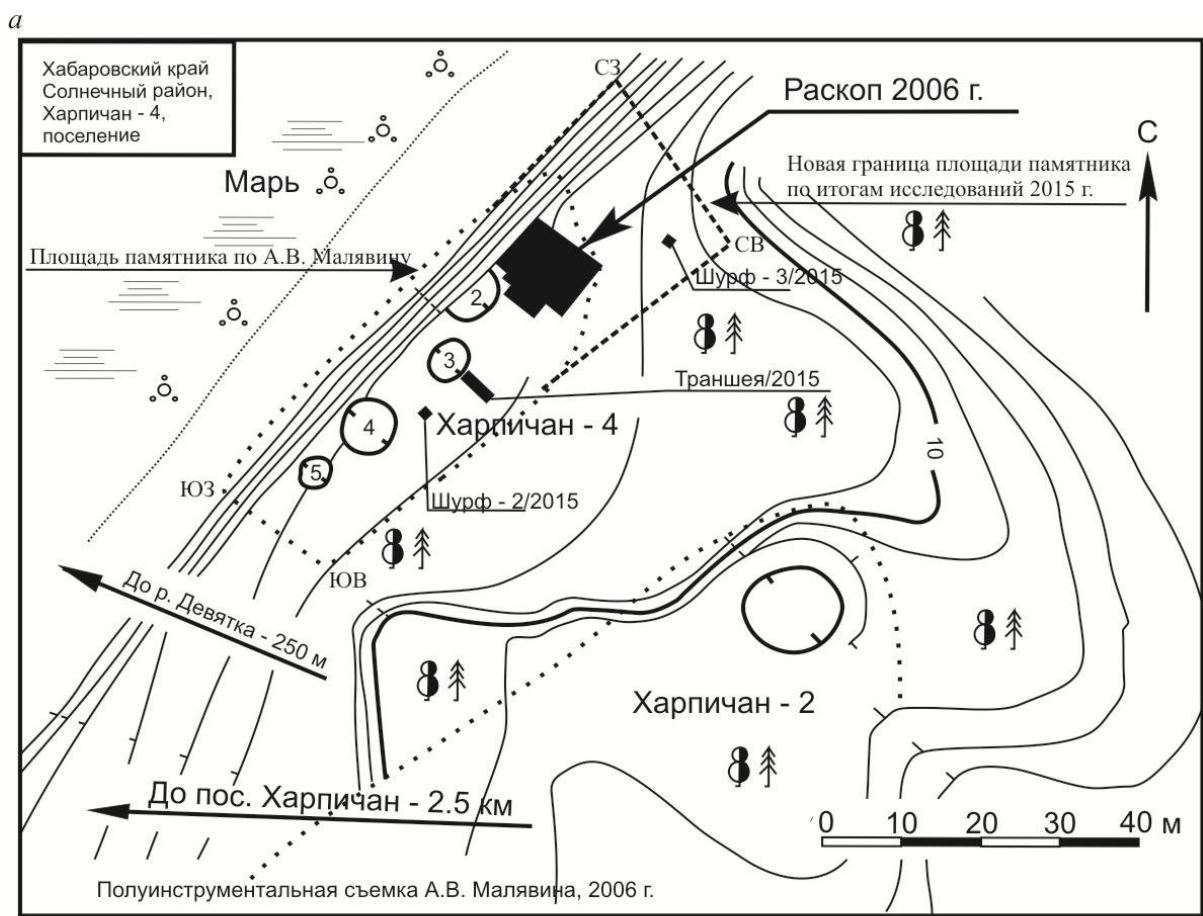

Рис. 2. Планы и разрезы памятника Харпичан-4: *a* – план памятника Харпичан-4; *б* – разрез северо-восточной стенки траншеи; *в* – планиграфия материковой поверхности шурфа № 3 со столбовыми ямами, впущенными в грунт

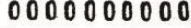

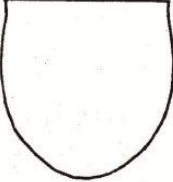
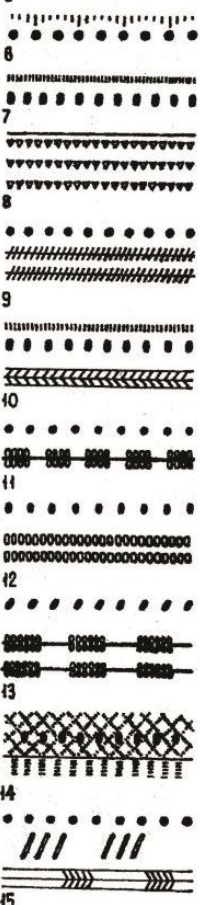
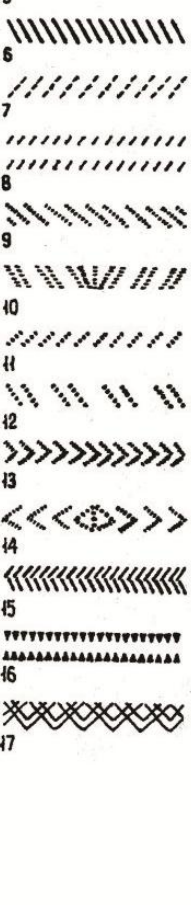
Форма сосуда	Орнамент на тулове сосуда	Орнамент на бортике сосуда
1 	1 	1
2 	2 	2
3 	3 	3
4 	4 	4
5 	5 	5

Рис. 3. Классификация керамического комплекса сылахской культуры

Среди предметов керамических и каменных коллекций траншеи доминируют материалы кондонской культуры. Сюда примешиваются фрагменты керамики белькачинской культуры с шнуровыми оттисками и один фрагмент осиповской культуры. Основной КСГ (серо-чёрная клейковатая супесь с щебнем) также связан с кондонской культурой. Подобная ситуация наблюдается и в шурфе № 2. Шурф № 3 примечателен тем, что в нём прослежены материалы только кондона, без посторонних включений.

Отмечается высокая степень концентрации находок на единицу площади: траншея – 1121 предмет,

шурф № 2 – 256 предметов, шурф № 3 – 170 предметов. Это подразумевает соответствующий уровень эксплуатации межжилищного пространства, выступающий как характерная черта поселений кондонской культуры.

Заметим, что сравнивая поселения Харпичан-4 (99 м² и более 8 тыс. артефактов) и КНВ-1 (99 м² и более 11 тыс. артефактов) мы можем отметить ту же особенность – обилие керамического материала на единицу площади.

Интересная особенность наблюдается в плани-стратиграфической ситуации шурфа № 3 (рис. 2, в). При выборе культурного горизонта до материково-

го основания обнажились и окончательно оформились 8 столбовых ям с общим углом наклона в сторону склона террасы с заполнением серой клейковатой супесью и с включениями угольков. В яме № 3 обнаружен призматический нуклеус, обломок тесла из серого ороговикованного алевролита, а также ударное молоткообразное орудие из окремнелой трещиноватой породы белого цвета. Подобное орудие найдено и в яме № 2. Вероятнее всего, постройка имела стены, которые образовывали систему двух или четырёх скатов. Это строение должно было упираться в СВ угла раскопа 2006 г. или располагаться близко от него.

В раскопе, траншее и шурфах найдены небольшие фрагменты костей. Повсеместно встречающиеся костные остатки, вероятно, свидетельствуют о меньшей кислотности грунта, который позволяет сохранять органические предметы. Пробы грунта, взятые из шурфа № 3 (культуросодержащий слой), а также с расположенного в относительной близости поселения Кондон-3 (Ямхита), подтвердили первоначальные предположения. Зарегистрированный индекс РН почвы равняется пяти, что приближается к слабощелочному показателю (РН-метрия образцов почвы с помощью универсальной индикаторной бумаги. Диапазон чувствительности 1–12. Анализ выполнен специалистом гигиенического отдела ФГКУ «1029 ЦГСЭН» МО РФ Н.В. Цоем).

Согласно данным А.В. Малявина, жилище, вскрытое раскопом 2006 г., сгорело. Щелочная среда, вызванная пожаром жилища, могла повлиять на снижение кислотности окружающей почвы и способствовать некоторому консервированию органических объектов в грунте.

Интересной представляется находка следующих артефактов. Это фрагменты керамики сосуда светло-коричневого цвета. Кромка венчика скошена назад. Орнамент на кромке – однозубчатые оттиски стэка по ребру между скошенной кромкой и внешней стенкой. На внешней стенке от верха к низу шесть рядов узких налепных валиков, чередую-

щихся с лёгкими горизонтальными, похожими на ногтевые оттисками. Валики достаточно изящные, относительно хрупкие (на некоторых участках не сохранились), видны зацепы кончиков пальцев (рис. 1, № 16).

Ниже валиков отмечаются позитивные волнообразные налепы, выстроенные в ряды. Между волнами валиков также отмечены наклонные оттиски, похожие на ногтевые.

Подобный тип орнаментации не является распространённым для культурно-хронологической схемы неолита Нижнего Амура. Его локализация отмечена на данный момент вдоль водных систем оз. Эворон и р. Девятка.

На памятниках руднинской культуры сергеевского этапа описан похожий способ декорирования стенок, где края валика придавливались отрывистыми движениями пальцев или специальной лопаточки, и также с двух сторон от валика в местах его крепления к поверхности сосуда оставались отпечатки ногтей или лопаточки (рис. 1, № 17). Не до конца ясен способ формирования волнистых валиков на харпичанских фрагментах. Возможно, они образовывались деформированием прямого валика зацепами, изгибом пальцами или лопаточкой [1: с. 75].

Датировки керамики с налепным орнаментом в Приморском крае указывают на возраст 5600–4900 л. до н.э. [1: с. 75]. Возраст харпичанских фрагментов, найденных на стыке с материковым грунтом, следует принимать как равный 6520±60 л.н., поэтому с учетом возможных погрешностей в анализах на обеих территориях сближение даты Нижнего Амура и Приморья достаточно очевидно (табл. 2, п. 4).

Особенно интересными выглядят серии радиоуглеродных дат кондонского слоя памятника. Наиболее надёжные из них получены по анализу скоплений угля из пластов 5 и 6А. Сюда же следует добавить четыре даты по нагарам на формах керамики. С учётом фильтрации погрешностей они согласуются с датами по углю и дают хронологический диапазон кондонского комплекса в 6600–6800 л.н (табл. 2).

Таблица 2

Радиоуглеродные даты с поселения Харпичан-4 (разведывательная траншея 2015 г.).

№ п/п	Материал	Место сбора	Дата ¹⁴ С, л.н.	Индекс и номер даты
1	Древесный уголь	Пласт 5 (кондонский слой), кв. С	6880±60	МТС-17733
2	Древесный уголь	Пласт 5 (кондонский слой), кв. В	6440±60	МТС-17734
3	Древесный уголь	Пласт 6А (кондонский слой), кв. С	6840±60	МТС-17735
4	Нагар на керамике (внутренняя стенка)	Пласт 6А, кв. В	6520±60	МТС-17727
5	Нагар на керамике (внутренняя стенка)	Пласт 7, кв. А	7040±60	МТС-17728
6	Нагар на керамике (внутренняя стенка)	Пласт 6А, кв. С	6680±60	МТС-17729
7	Нагар на керамике (внутренняя стенка)	Пласт 2, кв. С	6710±60	МТС-17730
8	Нагар на керамике (внутренняя стенка)	Пласт 6А, кв. В	6550±60	МТС-17731

По всей вероятности, полученные данные в целом хронологически не выводят харпичанский комплекс из круга раннекондонских. Но с учетом особенностей облика материала к эталонным, а следовательно, и к опорным памятникам культуры отнести его не представляется возможным.

Роль инокультурных элементов в кондонском комплексе пос. Харпичан-4 ещё предстоит оценить, как и место самого памятника в системе раннего кондона. Нет оснований полагать, что мы допустили смешивание разнокультурных комплексов в исследуемом слое, иначе нужно признать, что эти компоненты должны были сосуществовать на поселении одновременно. Полевые работы 2006 и 2015 гг. этого не подтверждают.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дальневосточно-сибирские древности : сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения В.Е. Медведева. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 208 с.
2. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.

3. *Малявин, А.В.* Харпичан-4: многослойный неолитический памятник (Приамурье) / А.В. Малявин // *Окно в неведомый мир* : сб. ст. к 100-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 150–155.

4. *Мочанов, Ю.А.* 50 лет в каменном веке Сибири (археологические исследования в азиатской части России). В 2 т. / Ю.А. Мочанов; Академия наук Республики Саха (Якутия), Центр арктической археологии и палеоэкологии человека. – Якутск, 2010.

5. Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – 458 с.

6. Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология : материалы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Михайловича Герасимова. В 2 т. Т. 2. – Иркутск : Отгиск, 2007. – 336 с.

7. *Шевкомуд, И.Я.* Кондонская неолитическая культура на Нижнем Амуре: общий обзор / И.Я. Шевкомуд // *Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии* : материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 480 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

СМЕНА ПАРАДИГМЫ В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ: ОТ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО КАК ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (EFL) К АНГЛИЙСКОМУ КАК МЕЖДУНАРОДНОМУ ЯЗЫКУ (EIL)

З.Г. Прошина

Прошина Зоя Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактный адрес: proshinazoya@yandex.ru

В статье рассматривается проблема изменения основной цели, принципов и объекта преподавания английского языка, получившего глобальное распространение и диверсифицировавшегося на множество вариантов, используемых в практике межкультурного общения. В связи с этим все более актуальным оказывается переход от концепции преподавания английского как иностранного языка, базирующегося на подробном изучении культуры Великобритании или Соединенных Штатов Америки с целью возможности общения с носителями языка из этих стран, к концепции английского как международного языка, предполагающей осознание вариативности этого языка, функционирующего в качестве посредника среди носителей разных языков и культур, уход от одностороннего прескриптивизма, готовность к пониманию специфических особенностей вариантов, учет их лингвокультурной специфики, а также умение выразить свою родную культуру на английском как языке-посреднике.

Ключевые слова: английский язык как иностранный; английский язык как международный; международный английский; английский как лингва франка; варианты английского языка; стандарт; норма; лингвокультура; межкультурная коммуникация.

Введение. Глобальное распространение английского языка (АЯ) ставит глобальные проблемы перед теми, кто его изучает и исследует [2]. Сегодня у нас в стране все еще доминирует подход к изучению английского языка как иностранного (EFL), в то время как в других странах наблюдается явная тенденция к внедрению предмета изучения, называемого «английский как международный язык» (EIL) [15; 20; 21; 43; 44; 57]. И это не простая перестановка букв в аббревиатуре, а концептуальное смещение понятий и изменение лингводидактической парадигмы. Чтобы выяснить суть этого изменения, необходимо разобраться, что значат данные номинации EFL и EIL. Вопросы вызывают также смежные термины: английский язык как второй (ESL), английский для студентов с другими первыми языками (ESOL = English to Students of Other Languages), международный, глобальный, мировой английский (International/Global/World English – термин, грамматически характеризуемый в единственном числе), варианты английского языка (World Englishes – термин во множественном числе), английский как язык-посредник, или лингва франка (ELF). За каждым из этих терминов стоит своя лингвопедагогическая концепция.

Английский как иностранный язык: суть концепта. Английский как *иностраный* язык (EFL) изучается в искусственной (школьной) среде

теми, для кого он не является родным. Моделью обучения, т.е. идеалом, к которому стремятся учащиеся и преподаватели, обычно бывает британский или американский варианты АЯ, и соответственно культурологический фокус при таком обучении делается на британскую или американскую культуру, поэтому учащихся всегда ориентировали на общение именно с носителями языка.

Однако глобальность АЯ привела к значительному перевесу говорящих на нем неносителей, поэтому шанс общения у наших коммуникантов с носителями английского как родного языка значительно меньше, чем возможность коммуникации посредством АЯ с собеседниками из других стран. К тому же носители АЯ как родного могут проживать не только в Великобритании и США, но и в Индии, Южной Африке, Сингапуре (в городе с трехмиллионным населением более 200 тысяч людей признают английский своим родным языком, а 60 % населения используют его в качестве семейного языка¹) и в других странах, при этом их АЯ значительно отличается от языка британцев и американцев, который, в свою очередь, также характеризуется большим разнообразием (о многообразии

¹ Языки Сингапура : Мы любим Сингапур. Все о Сингапуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://singaporelove.ru/yazyki-singapura/> (дата обращения: 16 августа 2016 г.).

диалектов и вариантов АЯ в Великобритании и США см., например, [1; 3; 8; 40; 53]).

Английский как второй язык. *Второй* язык иногда неправомерно путают с иностранным. Неправомерно потому, что у него другой статус и другие функции. ESL – это второй официальный язык в государстве, поддерживаемый институтами государства и играющий заметную роль в образовании. Как правило, ESL существует в постколониальных государствах, куда он был трансплантирован из метрополии и где подвергся значительной нативизации – отсюда его другие названия: новый, постколониальный, трансплантированный АЯ. Его отделение от языка метрополии произошло в результате политической, культурной и лингвистической либерализации [32]. В международном общении у пользователей английским языком в таких странах нередко возникает обостренное чувство необходимости подчеркнуть свою этническую принадлежность через английский язык как посредник [34]. Поэтому, как правило, они не стесняются своего акцента, который помогает идентифицировать их культурно-языковую принадлежность, и того, что их английский имеет значительные отличия от языка бывших колонизаторов. Это красноречиво выразил Томми Ко, сингапурский общественный и государственный деятель, дипломат, ученый, профессор университета: «Находясь за границей: в автобусе, поезде или самолете, услышав речь человека, всегда можно сразу же сказать: "Вот этот человек из Малайзии или Сингапура". Я надеюсь, что, когда я разговариваю за границей, мои соотечественники без труда определяют, что я сингапурец» [10]. Аналогичные процессы наблюдались не только в АЯ, который ныне функционирует как второй официальный язык постколониальных государств, но и в отпочковавшихся от британского других вариантах, оставшихся родными для их пользователей. Как показывает опыт развития американского варианта английского языка, отделение этого варианта от британского произошло благодаря необходимости утвердить лингвокультурную идентичность новой нации. Так было с австралийцами, осознавшими свою идентичность после Второй мировой войны [12; 36: с. 76–77; 46: с. 117], так было и с канадцами, осознавшими, что канадский вариант АЯ выражает не британскую и не американскую, а канадскую культуру [13: с. 35]. Аналогичные явления происходят и сегодня в мире: через признание своего варианта АЯ происходит закрепление своей лингвокультурной идентичности в межкультурном общении.

У термина ESL есть еще одно значение, скорее лингводидактическое, чем социолингвистическое, как первое. Этот термин используется также в англоязычной среде, где он является дополнительным

языком, которым обязаны овладеть иммигранты. Такие учащиеся, естественно, должны адаптироваться к культуре принявших их англоязычных стран, так что фокус на эту культуру при изучении ESL иммигрантами вполне оправдан.

Международный английский язык и проблема стандарта. Концепт *международного АЯ* (IE) синонимичен содержанию терминов *стандартный АЯ*, *мировой АЯ* (World English в единственном числе), *глобальный АЯ*. В настоящее время этот термин является стремлением найти что-то общее между всеми вариантами, выработать международный стандарт. Однако в современных условиях уже давно нет единого универсального стандарта для всех вариантов, каждый из которых развивается по своему в своем сопряжении с культурой его пользователей [7; 35; 51]. Даже в странах, которые традиционно изучали EFL, специфика используемых норм заключается в их многообразии (по британской, американской, австралийской и другими моделям) и вариантности, в зависимости от целей пользователей и контекста ситуации. Говорящий на АЯ русский человек, несмотря на то, что в школе его приучали к британским нормам, попав в Соединенные Штаты – особенно на длительный срок – невольно подстраивается под американскую модель языка; в Австралии подхватывает черты австралийского варианта, в Индии – индийского английского и т.д. Общаясь на АЯ с представителями разных стран, многие русские непроизвольно стараются адаптироваться к своим собеседникам и используют смешанную модель, применяя и британский, и американский, а порою и другие стандарты. Так и возникает специфика русского варианта – в большей вариативности норм и влиянии родного языка и культуры.

Постепенно требование нормативности отступает на второй план, а на первый выходят принципы функциональности, прагматической приемлемости и уместности, знание которых дает знакомство с культурами собеседников и с принципами межкультурной коммуникации [50]. На Дальнем Востоке соответственно все студенты, в том числе на факультетах западно-европейских языков, должны получить право знакомиться через АЯ с культурами соседних азиатских стран, с закономерностями опосредованного перевода восточных имен и реалий [5; 6]. Обычно этот материал не попадает в программы западнцентричных факультетов иностранных языков, и выпускники таких факультетов, даже специализирующиеся в области перевода, допускают в своей работе множество несурозностей, порой очень обидных, искажающих имена людей, названий компаний (например, известная на Дальнем Востоке медицинская компания «Инь и Янь»), получившая лишний мягкий знак во втором

существительном), товаров и т.п. Это происходит в результате переноса норм перевода с британо- или американо-английского на китайский английский, чья система латинизации имеет собственный закреплённый стандарт под названием пиньинь, требующий осторожного обращения при переводе на русский, где нормы перевода с китайского языка давно устоялись – именно поэтому перевод с китайского варианта АЯ должен производиться с оглядкой на эти нормы прямого китайско-русского перевода. Переводчики с западно-европейских языков в ходе своей подготовки к профессиональной деятельности должны быть ознакомлены с подобным рода материалом.

Английский как международный язык и варианты в функции лингва франка. Международный АЯ (IE) как синоним стандарта и АЯ как международный язык (EIL) – термины концептуально различные. Если IE предполагает движение к единому стандарту, инварианту, т.е. обладает центробежной силой, то EIL характеризуется центростремительной силой, ибо этот термин предполагает вариативность АЯ, его возможность служить средством лингвокультурной идентичности, первичной или вторичной. Задача нашего образования – показать студентам, что сегодня нет единого английского языка, а есть разные его варианты. Знакомя студентов с существованием различных вариантов, мы должны показывать им, особенно на продвинутом этапе обучения, различия в нормативных структурах вариантов как в письменной, так и в устной форме речи. Таким образом, концепт EIL опирается на понятие вариантов (*varieties*, *не variants*, или *world Englishes*).

Варианты – это социолингвистические идиомы, характеризующиеся отличительными языковыми признаками (трансференция черт родного языка) и приспособленные выражать культуру их пользователей. Вариант – это не стигматизированный пиджинизированный гибрид (*Ruslish*, *Chinglish*, *Japlish* и пр.), свойственный необразованным пользователям. Вариант – более широкое понятие, включающее весь континуум языковой шкалы, присущий всем носителям определенной культуры. Обычно вслед за креолистами [11; 52] используют следующие названия зон этого континуума: акролект – язык, используемый в формальной ситуации общения, соответствующий нормам письменной речи; мезолект – язык, используемый в неформальной ситуации и соответствующий нормам устной речи (возможно также употребление мезолектной разновидности языка и в формальной ситуации, когда пользователь несколько теряет контроль над своей речью, например в результате усталости, стресса, и переходит на нормы устной речи, допуская гораздо больше отклонений от формального стиля и формальной письменной нормы). Третья зона лекталь-

ного континуума – базилект; она свойственна пиджинизированной разновидности речи малообразованных пользователей. Именно с этой зоной континуума нередко неправомерно ассоциируют варианты АЯ, неродного для его пользователей. Эта зона занимает лишь одну треть шкалы, а описание вариантов производится на основе мезолекта и акролекта, т.е. речи образованных пользователей одной культуры и менталитета, но эти пользователи могут обладать разной степенью развития речевых навыков.

По сути, обучая АЯ, мы, русские преподаватели, ориентируясь на модели и стандарты носителей языка в преподавании так называемого *General English*, преподаем русский вариант АЯ, в котором находит отражение наш менталитет и наша культура. Абсолютно права австрийская исследовательница Барбара Зайдлхофер, утверждая, что «...английский, которому обучают, это не тот английский, который выучивается, а ... в ситуации межкультурного общения используется именно тот английский, который выучен» ("...the English that is taught, it is usually not the English that is learnt, and... it is the English that is learnt that is put to use in international communication") [48: с. 194]. И ее же высказывание: "...тот английский язык, который документируется и представляется в справочниках, имеет мало общего с действительным языком, который индивид использует и с которым встречается на практике" ("[t]he English language that is documented and presented as reference bears little resemblance to the actual language that individuals experience as use"). [48: с. 73]. Другими словами, 100%-ного соответствия между входом (изучаемой моделью языка) и выходом (языковыми умениями и навыками речи) нет. Как бы старательно мы ни вводили британскую/американскую модель, мы сами и наши студенты производим именно свой вариант английского языка – русский, поскольку именно через него мы выражаем свой русский менталитет и свою культуру. Это вполне естественно, ожидаемо и вовсе не заслуживает пренебрежительного отношения, которым нередко наделяют пиджинизированный «русlish». Русский вариант английского языка – это и акролект, на котором говорят русские дипломаты, журналисты-международники, дикторы радио и телевидения, и мезолект, используемый в менее формализованной обстановке образованными, но чуть расслабленными коммуникантами.

Изучаемый нашими студентами АЯ будет использоваться ими как язык-посредник или *лингва франка* (ELF), под которым понимают «любое употребление английского языка пользователями с разными первыми языками...» [48: с. 7]. Нередко из состава пользователей ELF исключают носителей языка [22: с. 240]. Однако такое представление

несправедливо, поскольку те, для кого АЯ родной, в условиях межкультурного общения тоже вынуждены приспосабливать свой язык к коммуникантам из других культур, для того чтобы быть понятыми (например, не использовать сленг, локальные слова и обороты, говорить четче и медленнее и т.д.), т.е. их английский в условиях межкультурного общения отличается от языка, который они используют в разговоре с соседом по дому, разделяющим с ними одну культуру. В условиях межкультурной коммуникации носители АЯ тоже пользуются ELF. Иначе говоря, ELF – это не сам язык, а его функция – употребление в межкультурной коммуникации.

Принципы, цели и фокус обучения. Необходимость перестройки обучения на принципах EIL, отличных от принципов обучения EFL, осознается во многих странах – не только для английского как иностранного, как в нашей стране, но даже в англофонных странах [2; 29]. Теоретическая база новой концепции выведена во многих научных трудах [15; 20; 21; 41; 43; 44; 50; 57], изданных ведущими международными книжными компаниями. Ориентируясь на обучение не EFL, а EIL или иногда ELF, педагоги ставят целью осознание студентами вариативного потенциала АЯ, различие культур, стоящих за каждым вариантом, прагматическую уместность выбираемой формы языка, возможные стратегии и тактики выработки совместного значения в межкультурной коммуникации.

Согласно С. Маккей [41], обучение EIL должно базироваться на абсолютно других принципах, чем обучение ESL или EFL. Отличие – в первую очередь в целях и фокусе обучения. Цель обучения иностранному языку – приближение к речи носителей языка через имитацию, принятие их культурных ценностей, доминирование нормативных тенденций, составляющих фокус обучения. Цель преподавания английского как международного языка (EIL) – успешное общение с представителями разных культур на АЯ с учетом лингвокультурных особенностей речи коммуникантов, путем адаптации к ним, и умение познакомить зарубежных коммуникантов со своей собственной культурой. В фокусе обучения оказываются умения приспособиться, адаптироваться к коммуникации с представителями других культур. Таким образом, в основе нового предмета изучения – EIL, а не EFL – лежат не только англофонные культуры, но также культуры других народов, чьи представители могут выступить потенциальными коммуникантами, и, главное, своя собственная культура, которую студенты должны уметь объяснять на языке-посреднике.

Новая цель и фокус обучения требуют новых материалов, в качестве которых выступают учебные пособия, интернет-источники, в том числе онлайн-публицистика, научная литература, лек-

сикографические источники, художественная литература, особенно написанная транслингвальными авторами, для которых английский язык не является родным – например, нигерийцем Воле Соинка (Wole Soyinka), карибским писателем Дэрком Уолкоттом (Derek Alton Walcott), маорийской писательницей Кэри Хьюм (Keri Hulme), шриланкийцем Майклом Ондатже (Michael Ondaatje), индийцем Салмоном Рушди (Salman Rushdie), писательницей русского происхождения Ольгой Грушиной (Olga Grushin) и др.

Новые программы в действии. По сути, перестройка учебной парадигмы уже началась. Книжный рынок учебных курсов давно начал включать в учебные комплекты аудиозаписи текстов, начитанных с акцентом неносителями АЯ. Есть курсы практического английского, полностью построенные на идее EIL, например Global издательства McMillan и English Unlimited Кембриджского издательства. Из российских учебных пособий по английскому языку данная идея проявляется в курсе New Millennium. Очень интересным представляется опыт японских коллег. Под руководством профессоров Н. Хонна и Ю. Такэсита [27] вышло в свет учебное пособие Understanding Asia, знакомящее с разными странами Азии. Двенадцать текстов написаны представителями соответствующих культур, многие упражнения озвучены пользователями АЯ из соответствующих стран. Так что в этом учебном пособии представлены и языковые особенности вариантов, и культурологическое содержание по азиатским государствам. Европейские лингвисты Питер Зимунд, Юлия Давыдова и Георг Майер [49] выпустили в свет учебное пособие, сочетающее в себе практический курс английского языка, теоретические основы вариантологии и элементы лингвострановедения и межкультурной коммуникации. В их пособии "The Amazing World of Englishes" рассматриваются следующие варианты английского языка: ирландский, шотландский, британский в сопоставлении с американским, австралийский, индийский, нигерийский, южно-африканский, французский, немецкий и русский. Упражнения ориентированы в основном на рецептивные виды речевой деятельности, аудирование и чтение, но вместе с тем представлен материал для дискуссии и критического осмысления. Для студентов лингвистического направления уже издано несколько теоретических работ [4; 24; 28; 30; 45; 47] по вариантологии АЯ. Все чаще значительные разделы о современных вариантах английского языка и истории их становления включаются в учебные пособия и фундаментальные труды по истории английского языка (см., например: [9; 37; 53; 54; 56]).

В научной литературе по вариативности английского языка сегодня нет недостатка. Малоис-

следованными остались, пожалуй, только южно-американские, ближневосточные и восточно-европейские варианты, как и варианты, на которых говорят в бывших республиках СССР. Особенно следует обратить внимание на энциклопедические труды, выпускаемые в виде «настоельных книг» (handbooks) [55; 58]. Лексикографические источники касаются как теоретических аспектов лингво-контактологической парадигмы, например словарь вариантов английского языка Раймонда Хикки [23] и словарь Тома Макартура [39], так и практического языкового материала, как, например, словари австралийского, новозеландского, канадского, ирландского, южно-африканского, нигерийского, филиппинского, сингапурского, карибского, багамского, ямайского и других вариантов АЯ. Специфическая лексика русской культуры представлена в словаре В.В. Кабакчи [31].

Следует обратить внимание на кросскультурные словари. Больше всего словарей посвящено Японии. Они были созданы как востоковедами-американцами, журналистами (Де Менте [16; 17]), так и лингвистами (Г. Кэннон [14]), а также самими японцами [25; 26]. Заслуживает особого внимания словарь, созданный Н. Хонна совместно с Бэйтсом Хоффером, English dictionary of Japanese ways of thinking, свидетельствующий о том, что сегодня английский язык воспринимается как вторичное средство выражения национальной культуры. Словарей, посвященных культурам Китая и Кореи, меньше, но они также есть [18; 19; 42].

Количество программ, основанных на принципах EIL и открыто признающих это в своем названии, увеличивается с каждым годом. Если первая программа была создана в 1980-х гг. в американском университете Урбана-Шампэйн основателем парадигмы World Englishes Баджем Качру, то сегодня программы EIL от уровня бакалавриата до докторского (PhD) уровня предлагаются университетами многих стран мира: в США, Великобритании, Австралии, Европе, Азии. Некоторые из программ, правда, предпочитают использовать термин ELF вместо EIL, но суть программ и принципы, на которых они строятся, практически совпадают. В 2002 г. в Японии был открыт первый и пока единственный в мире факультет вариантов английского языка (School of World Englishes, University of Chukyo, Nagoya).

Заключение. Таким образом, основными принципами преподавания английского как языка межкультурного общения EIL, отражающего доминирующую коммуникативную и реальную языковую ситуацию, являются принципы функциональности, вариативности, ухода от одностороннего прескриптивизма, что вовсе не предполагает игнорирования

нормы, учета лингвокультурной специфики вариантов АЯ.

Эти принципы отражаются как в практическом преподавании английского языка, реализуясь, в первую очередь, в развитии рецептивных навыков аудирования и чтения, что, вероятно, следует делать на более продвинутых уровнях владения языком (intermediate и выше), и в переводческом тренинге, так и в теоретических курсах: по разным аспектам лингвистики, истории языка, в специальном курсе по теоретическим проблемам вариантологии, в литературоведении, теории и методике преподавания языка.

Самые основные моменты, требуемые от преподавателя и студента, – это осознание разнородности современного английского языка, отсутствия его единства и однообразия, его представленности множеством вариантов, в основе которых лежит лингвокультурная идентичность пользователей. Нет вариантов хороших и плохих, лучших или худших, что обусловлено именно их культурологическим основанием, на котором базируется фундаментальное положение контактной вариантологии о равенстве всех вариантов.

Вместе с тем ни один вариант нельзя воспринимать как гомогенное явление с характерными для него дистинктивными признаками. Любой вариант многоаспектен, функционален и динамичен. Описываемые варианты – это усредненное понятие, в какой-то мере стереотипизированное, свойственное в целом речевому сообществу, но это не значит, что все признаки варианта должны обязательно реализовываться в речи каждого пользователя – носителя данной культуры. Вариант – это функционально-динамический континуум, движение по которому обусловлено как ситуацией, так и уровнем языкового владения индивида.

В преподавании практического языка, перевода, теории языкознания, литературоведения и лингводидактики переход на принципы EIL означает уход от моно- и бицентризма нормативного английского языка, свойственного Британии и США, и ориентацию на диверсификацию современного АЯ, выполняющего глобальную функцию языка-посредника, но при этом наращивающего свои локальные черты, часть которых может совпадать у ряда вариантов, а часть имеет уникальные специфические признаки. Такова, по выражению Баджа Качру, лингвистическая цена, которую АЯ платит за свой глобальный размах и функционирование в условиях новых культур [33: с. 309].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродович, О.И. Диалектная вариативность английского языка: аспекты теории / О.И. Бродович. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 193 с.

2. Канагараджа, С. Мультилингвальная педагогика неолиберального времени: расчистка территории и планирование движения вперед / С. Канагараджа // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Специальный выпуск «Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов». – 2016. – № 2 (50). – С. 10–21.
3. Маковский, М.М. Английская диалектология. Современные английские территориальные диалекты Великобритании / М.М. Маковский. – М.: Высш. шк., 1980. – 191 с.
4. Прошина, З.Г. Контактная вариантология английского языка (World Englishes Paradigm): Проблемы теории / З.Г. Прошина. – М.: Флинта : Наука, 2016. – 218 с.
5. Прошина, З.Г. Опосредованный перевод и принцип обратимости перевода / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014 – № 1 (41). – С. 179–184.
6. Прошина, З.Г. Передача китайских, корейских и японских слов при переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский: Теория и практика опосредованного перевода / З.Г. Прошина. – 2-е изд. – М.: Восток – Запад, 2007. – 160 с.
7. Хино, Н. Странам «расширяющегося круга» тоже нужны собственные модели! Вопрос о равенстве вариантов английского языка / Н. Хино // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Специальный выпуск «Культурно-языковая парадигма». – 2011. – № 4 (32). – С. 104–110.
8. Швейцер, А.Д. Очерк современного английского языка в США / А.Д. Швейцер. – М.: Высш. шк., 1963. – 215 с.
9. Alternative Histories of English / Richard Watts and Peter Trudgill (eds.). – New York : Routledge, 2002. – 280 p.
10. Asia Times Online [Electronic resource]. – 2001. – 5 May. – URL: atimes.com/se-asia/CD05Ae04.html (accessed: 16 August 2016).
11. Bickerton, D. Dynamics of a Creole System / D. Bickerton. – Cambridge : Cambridge University Press, 1975. – 236 p.
12. Blair, D. English in Australia / D. Blair, P. Collins. – Amsterdam : John Benjamins, 2001. – 366 p.
13. Boberg, C. The English Language in Canada. Status, History and Comparative Analysis / C. Boberg. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 272 p.
14. Cannon, G. The Japanese Contributions to the English Language: An Historical Dictionary / G. Cannon. – Wiesbaden : Harrassowitz, 1996. – 257 p.
15. Contextualizing the Pedagogy of English as an International Language: Issues and Tensions / Nugrahenny T. Zacharias and Christine Manara (eds.). – Newcastle-upon-Tyne : Cambridge Scholars Publisher, 2013. – 205 p.
16. De Mente, B.L. NTC's Dictionary of Japan's Business Code Words / B.L. De Mente. – Lincolnwood, Illinois : NTC Publishing Group, 1997. – 427 p.
17. De Mente, B.L. NTC's Dictionary of Japan's Cultural Code Words / B.L. De Mente. – Lincolnwood, Illinois : NTC Publishing Group, 1994. – 394 p.
18. De Mente, B.L. NTC's Dictionary of Korea's Business and Cultural Code Words / B.L. De Mente. – Lincolnwood, Illinois : NTC Publishing Group, 1998. – 462 p.
19. De Mente, B.L. NTC's Dictionary of China's Cultural Code Words / B.L. De Mente. – Lincolnwood, Illinois : NTC Publishing Group, 1996. – 506 p.
20. English as an International Language in Asia: Implications for Language Education / A. Kirkpatrick and R. Sussex (eds.). – Dordrecht, Heidelberg, New York, London : Springer, 2012. – 243 p.
21. English as an International Language. Perspectives and pedagogical Issues / Farzad Sharifian (ed.). – Bristol, Buffalo, Toronto : Multilingual Matters, 2009. – 287 p.
22. Firth, A. The discursive accomplishment of normality: On 'lingua franca' English and conversation analysis / A. Firth // Journal of Pragmatics. – 1996. – №. 26. – P. 237–259.
23. Hickey, R. A Dictionary of Varieties of English / R. Hickey. – Chichester, West Sussex : Wiley-Blackwell, 2014. – 431 p.
24. Honna, N. English as an International Language / N. Honna. – Tokyo : ALC Press, 2005. – 276 p.
25. Honna, N. An English Dictionary of Japanese Culture / N. Honna, H. Bates. – Tokyo : Yuhikaku Publ., 1986. – 350 p.
26. Honna, N. An English Dictionary of Japanese Ways of Thinking / N. Honna, H. Bates. – Tokyo : Yuhikaku Publ., 1989. – 339 p.
27. Honna, N. Understanding Asia / N. Honna, Y. Takeshita. – Tokyo : Cengage Learning, 2009. – Student Book. – 80 p.; – Teacher Book. – 41 p.
28. Jenkins, J. Global Englishes / J. Jenkins. – London, New York : Routledge, 2015. – 280 p.
29. Jenkins, J. The Phonology of English as an International Language / J. Jenkins. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2000. – 258 p.
30. Jenkins, J. World Englishes / J. Jenkins. – London, New York : Routledge, 2003. – 233 p.
31. Kabakchi, V.V. The Dictionary of Russia. Англо-английский словарь русской культурной терминологии / V.V. Kabakchi. – St. Petersburg : Soyuz, 2002. – 576 p.
32. Kachru, B.B. Liberation linguistics and the Quirk concern / B.B. Kachru // English Today. – 1991. – Vol. 25. – № 7(1). – P. 3–13.
33. Kachru, B.B. Meaning in deviation: toward understanding non-native English texts / B.B. Kachru // The Other Tongue: English Across Cultures. – 2d ed. – Urbana & Chicago : University of Illinois Press, 1992. – P. 301–326.
34. Kachru, B.B. Regional norms for English / B.B. Kachru // Initiatives in Communicative Language Teaching / Sandra J. Savignon and Margie S. Berns (eds.). – Reading : Addison-Wesley Company, 1984. – P. 55–78.
35. Kachru, B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle / B.B. Kachru // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures / Randolph Quirk and H.G. Widdowson (eds.). – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – P. 11–30.
36. Kiesling, S.F. English in Australia and New Zealand / S.F. Kiesling // The Handbook of World Englishes / Braj B. Kachru, Yamuna Kachru and Cecil Nelson (eds.). – Malden a.o. : Blackwell, 2006. – P. 74–89.
37. Knowles, G. A Cultural History of the English Language / G. Knowles. – London : Arnold, 1997. – 180 p.
38. Leitner, G. Australia's many voices: Australian English. The national language / G. Leitner. – New York : Mouton de Gruyter, 2004.
39. McArthur, T. The Oxford Guide to World English / T. McArthur. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 501 p.
40. McCrum, R. The Story of English. 3rd revised ed / R. McCrum, R. MacNeil, W. Cran. – New York et al. : Penguin Books, 2003. – 468 p.

41. *McKay, S.L.* Teaching English as an International Language / S.L. McKay. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 150 p.
42. *Pratt, K.* Korea: A Historical and Cultural Dictionary / K. Pratt, R. Rutt // With additional material by James Hoare. – Richmond, Surrey : Curzon, 1999. – 568 p.
43. Principles and Practices for Teaching English as an International Language / Lubna Alsagoff, Sandra Lee McKay, Guangwei Hu, Willy A. Renandya (eds.). – New York and London : Routledge, 2013. – 364 p.
44. Principles and Practices of Teaching English as an International Language / Aya Matsuda (ed.). – Bristol a.o. : Multilingual Matters, 2012. – 250 p.
45. *Proshina, Z.* The ABC and Controversies of World Englishes [Electronic resource] / Z. Proshina. – Khabarovsk : Institute of Foreign Languages, 2007. – 162 p. – URL: <http://proshinazoyag.weebly.com/uploads/1/0/3/5/10358342/abc.pdf>
46. *Schneider, E.W.* English around the world. An Introduction / E.W. Schneider. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 258 p.
47. *Seargeant, P.* English in the World. History, Diversity, Change / P. Seargeant, J. Swann. – Abingdon, OX, New York : Routledge; Milton Keynes : The Open University, 2012. – 376 p.
48. *Seidlhofer, B.* Understanding English as a Lingua Franca / B. Seidlhofer. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 244 p.
49. *Siemund, P.* The Amazing World of Englishes. A Practical Instruction / P. Siemund, J. Davydova, G. Maier. – Berlin/Boston : Walter de Gruyter, 2012. – 283 p.
50. *Smith, L.E.* English as an international auxiliary language / L.E. Smith // RELC Journal. – 1976. – Vol. 7. – № 2. Reprint: Readings in English as an International Language. – Oxford, New York, Toronto, a.o. : Pergamon Press, 1983. – P. 1–5.
51. Standards of English / R. Hickey (ed.). – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 421 p.
52. *Stewart, W.A.* Urban Negro speech: sociolinguistic factors affecting English teaching / W.A. Stewart // Social dialects and language learning / R.W. Shuy (ed.). – Champaign, 1965. – 118 p.
53. The Cambridge History of the English Language. Vol. 6. English in North America / Algeo, John (ed.). – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 626 p.
54. The Handbook of History of English / Ans van Kemeade and Bettelou Los (eds.). – Malden (MA) USA, Oxford, UK, Carlton, Victoria, Australia : Blackwell Publ., 2006. – 655 p.
55. The Handbook of World Englishes / Braj B. Kachru, Yamuna Kachru and Cecil L. Nelson (eds.). – Malden, MA, USA, Oxford, UK, Carlton, Victoria, Australia : Blackwell, 2006. – 811 p.
56. The Oxford History of English / Lynda Mugglestone (ed.). – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 485 p.
57. The Pedagogy of English as an International Language / Roby Marlina and Ram Giri (eds.). – Dordrecht, Heidelberg, New York, London : Springer, 2014. – 265 p.
58. The Routledge Handbook of World Englishes / Andy Kirkpatrick (ed.). – London and New York : Routledge, 2010. – 704 p.
59. *Trudgill, P.* The Dialects of England / P. Trudgill. – 2nd ed. – John Wiley & Sons, 2000. – 168 p.
60. *Upton, C.* Modern regional English in the British Isles / C. Upton // The Oxford History of English / Lynda Mugglestone (ed.). – Oxford : Oxford University Press, 2006. – P. 379–414.
61. *Wells, J.C.* Accents of English 2: The British Isles / J.C. Wells. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – 212 p.

КОГНИТИВНЫЙ РОМАНТИЗМ КАК КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ И «ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ МЕЧТА»: В ПОИСКАХ МИСТИЧЕСКОГО «ШЕСТОГО ЧУВСТВА»

Е.Ю. Мальнева

Мальнева Екатерина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: ekaterinamalneva@gmail.com

Автор исследует феномен когнитивных стилей и аргументирует целесообразность описания Романтизма с когнитивных позиций, доказывая, что романтический канон не есть исключительное наследие европейского культурного пространства; напротив, есть основания утверждать, что романтическое мирозерцание составляет концептуальную базу понятия «Великая китайская мечта».

Ключевые слова: когнитивизм, когнитивный стиль, Романтизм, средневековое рыцарство, «Великая китайская мечта», жанр уся, «Крадущийся тигр, затаившийся дракон».

We are all in the gutter but some of us are looking at the stars.
Oscar Wilde. *Lady Windermere's Fan*

Когнитивный вектор, определяющий «лицо» современного гуманитарного знания, моделирует тенденции, свойственные для большинства лингвистических, психологических и философских исследований нового тысячелетия. Когнитивный поворот (*The Cognitive Turn*), инициированный в середине XX в., по-прежнему подвергает трансформации объекты исследования в рамках традиционных школ и отраслей, равно как и создает новые междисциплинарные области знания, которые, несомненно, выигрывают от применения когнитивного метаязыка.

Лингвистика – в силу специфики объекта ее исследования, которым выступает язык не сам по себе, имманентно, но *язык в человеке*, язык как антропогенная сущность – обретает беспрецедентный статус на рубеже веков: очевидно, что во всех областях знания невозможно изучение чего-либо, исследование любого объекта без обращения к языку (а в последние двадцать лет также без обращения к естественному когнитивному механизму, которым является язык и *мышление* человека). По сути, речь идет о так называемом «трансфере знаний» в лингвистике [1: с. 5] и сопряженных с ней областях; в эпоху междисциплинарности в русле лингвистики выделяют два класса подобного интеллектуального трансфера: один вид связан с экспортом достижений лингвистической мысли за пределы языкознания, когда иные гуманитарные дисциплины прибегают к лингвистическому анализу в процессе решения своих собственных задач¹ (например, в фи-

лософии или в психологии; когнитивная психология, в частности, широко применяет в рамках своих исследований различные семантические модели, призванные пролить свет на механизмы человеческого восприятия и обработки информации [10: с. 215]), равно как существует и второй вид – импорт в лингвистическую среду идей и теоретических конструкций извне (из логики, математики, кибернетики и т. п.) [1]. Можно утверждать, что в когнитивной лингвистике активно функционируют оба способа интеллектуального движения, результатом чего является своего рода *интеллектуальная когнитивная революция*, несомненно, влекущая за собой смену научных парадигм и изменение концептуализации наиболее фундаментальных понятий.

Будучи «осознанным интеллектуальным движением» (a self-conscious intellectual movement) [20], *когнитивная лингвистика*, одна из самых плодотворных отраслей современной когнитивистики, является дисциплиной по умолчанию междисциплинарной с середины 1980-х гг.; она исходит из основополагающей предпосылки, что способность человека говорить и понимать язык непосредственным образом связана с другими ментальными, иначе когнитивными, способностями. В центре внимания когнитивной лингвистики – язык как универсальный когнитивный механизм; в отличие от остальных дисциплин когнитивного цикла в когнитивной лингвистике рассматриваются когнитивные структуры и процессы, свойственные человеку не просто как *Homo sapiens*, а как *Homo loquens*, т.е.

¹ На настоящий момент не представляется возможным до конца развести сферы исследования трех смежных наук: когнитивной психологии, когнитивной антропологии и когнитивной лингвистики, поскольку во всех этих исследова-

тельских программах на первый план выходит идея объяснения *языковых* фактов, нередко – при неизменности ракурсов и аспектов рассмотрения.

человеку *говорящему* [4: с. 53]. Язык суть интерфейс между мозгом, сознанием и миром [13: с. 10].

На настоящем этапе в рамках когнитивной лингвистики можно констатировать становление дисциплины *когнитивной стилистики*. Когнитивная стилистика как преемница иных стилистик (стилистика структурной, стилистики функциональной, аналитической стилистики, стилистики текста, коммуникативной стилистики) – это научная отрасль на стыке лингвистики, литературоведения и когнитивных наук; это интерфейс-континуум взаимовыгодных методологий и концепций. Когнитивная стилистика гармонично сочетает тщательность и скрупулезность традиционно для стилистики лингвистического анализа с экстралингвистическим, *концептуальным*: учетом когнитивных структур и процессов, которые подлежат производству и восприятию текстов, в результате чего когнитивный категориальный аппарат, когнитивный язык становится, по сути, собственно метаязыком лингвистического описания.

В результате подобного смещения акцентов и расширения исследовательских границ на авансцену когнитивной стилистики выходит понятие не просто стиля (что вполне закономерно в рамках стилистики²), но *стиля когнитивного*. Представляется возможным утверждать, что стиль (и идиостиль как основная категория стилистики) суть величина *когнитивная*. Любой стиль (тем более, стиль как конструкт антропоцентрической парадигмы) – по умолчанию стиль *когнитивный*, поскольку сложно отрицать, что все вещественное (действия, имеющие конкретный результат в вещественном мире) имеет первопричиной ментальный настрой,³ психическую подоплеку: налицо известная максима *Mind over Matter*⁴ (фраза принадлежит

английскому ученому, основоположнику современной геологии сэру Чарльзу Лайелло; впервые употреблена в его труде «Геологические доказательства древности человека, с некоторыми замечаниями о теориях происхождения видов»: «Можно утверждать, что, невзирая на материалистические тенденции и вопреки материалистическим концепциям, постепенное развитие, внедрение в земную оболочку – биосферу – в соответствующие последовательно сменяющие друг друга эпохи Земли форм жизни, инстинктов, чувств, развитых инстинктов высших млекопитающих, граничащих с разумом, и, наконец, все более совершенствующийся разум самого *Homo sapiens*, рисует нам картину все более увеличивающегося господства разума над косной материей»).

Схожая по смыслу формулировка – *Mens agit molem "The mind drives the mass"* – Дух движет материей (буквально: ум движет массу) – принадлежит перу римского поэта Вергилия («Энеида», том 6, строка 727), и зародилась она еще в XIX в. до нашей эры. По сути, «... все более насущным и значимым становится стремление соотнести абстракции, категории, систему рассуждений и обоснований с самим человеком – мыслящим, познающим, действующим, чувствующим – в целостности всех его ипостасей и проявлений» [7: с. 12].

История становления собственно термина «когнитивный стиль», который активно фигурирует в современной когнитивистике, – это история междисциплинарных усилий нескольких исследовательских областей. Изначально термин когнитивной психологии, когнитивно-ориентированного направления в психологии, связанного с изучением ментальных состояний и ментальных процессов, характеризующих поведение человека и отличающих его от других живых существ [4: с. 66], понятие *когнитивный стиль* на настоящем этапе успешно используется специалистами разных дисциплин: когнитивной антропологии, когнитивной философии, когнитивной лингвистики (и в разных разделах в пределах последней). В русле современной когнитивной парадигмы когнитивные стили трактуются как стили *познавательные*, характеризующие индивидуальные различия между людьми в способах *познания* окружающего мира; это *метакогнитивные* способности – регулятивные механизмы *интеллектуального* поведения [12: с. 13].

На настоящем этапе, однако, представляется возможным экстраполировать понятие когнитивного стиля на более глобальные категории: использо-

mammalia bordering on reason – and lastly, the improvable reason of Man himself, presents us with a picture of the ever-increasing dominion of *mind over matter*.” – Sir Charles Lyell, 1863. – London: Murray (выделено нами. – *E.M.*).

² Собственно, категория стиля неизбежно выходит на авансцену всегда, когда заходит речь о деятельности человека в принципе, даже не обязательно творческой, ибо сложно не согласиться, что *стиль* – это результат взаимодействия человека с окружающим миром. Вся человеческая деятельность демонстрирует наличие как плана *содержания*, так и плана *выражения*, того, собственно, что и именуют стилем. Стили – регулярные паттерны, закономерности, отражающие *манеру (форму)* человеческой деятельности («Styles are self-consistent regularities in the manner or form of human activity») (S.J. Messick) (Цит. по: [22]).

³ Это подтверждает ряд известнейших максим, описывающих феномен стиля, таких как «Стиль – это человек» Бюффона и не менее известные иные постулаты (М. Пруст, например, отмечал – в противовес устоявшимся воззрениям, что стиль характеризует исключительно план выражения, но не план содержания, – что стиль – это вопрос не техники, но *видения* вещей).

⁴ *The Geological Evidence of the Antiquity of Man*: “It may be said that, so far from having a materialistic tendency, the supposed introduction into the earth at successive geological periods of life – sensation – instinct – the intelligence of the higher

вать термин в более широком, фундаментальном ключе и предложить иные способы и сферы осмысления феномена, – по сути, перенести содержание понятия на культурно-исторические пласты, художественные эпохи, трактовать «когнитивный стиль» не только в плане интеллектуальных различий, собственных индивидуумам в процессе познавательной деятельности, но и применительно к способам концептуализации действительности, характерным для целых культурных, исторических и литературных течений (по аналогии с культурологическим термином «великие стили эпохи»). Когнитивные стили – способы осмысления реальности, доминирующие механизмы концептуализации действительности – это своего рода *над-стили* (по крайней мере, над-культурные стили, стили ментальные), определяющие основной *интеллектуальный вектор* эпохи. Очевидно, что подобные доминанты неизменно присутствуют в культурной среде определенных веков (стоит лишь вспомнить второе название эпохи Неоклассицизма, которую называют веком *Разума*).

Таким *über-стилем*, безусловно, является Романтизм; Романтизм – не только великий стиль эпохи, но когнитивный стиль межэпохальной природы и вневременного значения. Подобная генерализация – и даже, по сути, гиперболизация феномена – не случайна. Она является оправданной в силу ряда важных факторов, проистекающих, в первую очередь, из всеохватного, универсального характера самого Романтизма, представляющего собой вневременной, более того, архетипический конструкт, который, как было установлено, пронизывает иные художественные течения: «Романтизм – это не только великий художественный стиль и философско-эстетическое направление в искусстве XIX века, это – определенное вневременное мировоззрение, характерной чертой которого является стремление к обретению человеком внутренней целостности и гармонии разума и чувств, культурная константа – некий постоянный принцип культуры, пронизывающий остальные художественные течения, и оригинальная концептуальная система» [6: с. 171–172]. Содержание романтического искусства составляет внутренний мир человека – внутренний универсум – *мир ментальный, сфера cogito, психические составляющие, общая структура личности*. (Налицо очевидные параллели, соотносящие специфику содержательного ядра Романтизма как концепта со смысловым наполнением собственно термина «когнитивный стиль» как такового). Говоря о Романтизме как эстетическом течении, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что проистекает он из Романтизма *когнитивного*.

Профессор Т.В. Черниговская, именитый специалист в области нейронауки, психо- и когнитивной лингвистики и теории сознания, использует номи-

нацию «когнитивный романтизм» [13: с. 321], апеллируя к так называемому радикальному романтизму в когнитивистике, который она связывает с именем профессора, доктора психологических наук В.М. Аллахвердова, утверждающего, что цель существования *Homo sapiens* – в противовес теории Ч. Дарвина – не в выживании, а в *познании*. Цель существования человека – непрестанное движение вперед, самопознание и миропознание, расширение границ познаваемого и непознанного. Т.В. Черниговская, несомненно, использует понятие «романтизм» в метафорическом смысле – как синоним «идеализма», антагонист реализма; при этом интересно, что метафорика непроизвольно и непреднамеренно оборачивается буквальным денотативным значением: изначальной целью Романтизма как художественной системы было стирание границ между миром реальным и миром идеальным, элиминирование того, что можно позиционировать как невозможное; стремление к абсолюту, воспевание величия и безграничных возможностей человека, – все это и подтверждает (с культурно-исторической и философской позиции) положение В.М. Аллахвердова о том, что цель Человека – отнюдь не выживание (или, по крайней мере, *не исключительно выживание*), но познание истины и расширение границ неведомого, обогащение ноосферы, сферы разума.

Таким образом, когнитивный романтизм – *когнитивный идеализм* – представляет собой стиль, проистекающий и предопределяемый самыми фундаментальными когнитивными структурами человеческого сознания. Говорить о подобных структурах представляется вполне целесообразным. Как отмечает Э. Фромм, известнейший психолог и философ, преданность и долг являются архетипами в структуре нашей личности, равно как и романтическая любовь. Моральные принципы такого рода базируются на изначальности присущих *Homo sapiens* внутренних качествах, естественных для него; нарушение этих имманентно присущих человеку как виду норм влечет за собой неминуемый ментальный и эмоциональный коллапс: “By “universal” ethics I mean norms of conduct the aims of which is the growth and unfolding of man; an example of the concept of universal ethics may be found in such norms as “Love thy neighbor as thyself” or “Thou shalt not kill”. Indeed, the ethical systems of all great cultures show an amazing similarity in what is considered necessary for the development of man, of norms which follow from the nature of man and the conditions necessary for its growth” [18: с. 241]. (Философ говорит об этических универсалиях, таких как, в частности, «Возлюби ближнего как себя самого» и «Не убий»; при этом он отмечает, что все мировые культуры демонстрируют поразительную симметрию подобных моральных норм и предписаний, ментальных

категорий, способствующих духовному росту и совершенствованию человека). Романтическая любовь, в частности, привнесла в западную культуру целую совокупность ценностей: родилась новая мораль, возникли новые идеалы и психологические модели. Однако все эти ценности, мораль не возникли произвольно; это ценности, выработанные человечеством и отобранные временем, потому что они отвечают подлинным человеческим потребностям.

Можно утверждать, что к подобным возвышающим и возвышенным концептуальным системам, системам идеализированных представлений, обеспечивающих развитие и поступательное движение цивилизации, и принадлежит романтическая концептуальная система, когнитивный стиль, который выходит за рамки стилей эпох, национальных культур и литератур, обеспечивая ментальный фундамент разновекторных эстетических течений и литературных школ. По сути, эволюция литературного процесса в мировой художественной культуре движется подобно качанию маятника: от романтизма к реализму – и наоборот – и так на протяжении всего исторического пути человеческой цивилизации. Романтический когнитивный стиль – это константа как мирового литературного процесса, так и человеческого мышления; это нечто вневременное, определенный ментальный принцип, своеобразный *концепт-идея*, если воспользоваться термином академика Ю.С. Степанова (Ю.С. Степанов в своем труде «Концепты: тонкая пленка цивилизации» приводит неортодоксальную классификацию когнитивных конструктов, основанную на принципе фиксации состояний *духа*, которые концептуализируют «духовную атмосферу» страны: *концепт-действие* (английский «Fair play»); *концепт-состояние души* (французский «Цветущие яблони под ледяным дождем» – наследие Марселя Пруста в концептосфере страны); *концепт-национальная идея* (испанский «El Noпог» – «геометрия ментальных правил... на карте интеллекта») [11: с. 74–84].

Как утверждают философы (Айн Рэнд, М. Джонсон), романтическое мировоззрение есть необходимое условие эволюции *западной* психологии (выделено нами. – Е.М.) [2: с. 11]. На данном этапе, однако, представляется возможным несколько расширить территориальные границы, выйти за рамки географических полушарных делений и констатировать, что, вопреки распространенным убеждениям, Романтизм – это не только великий *европейский* стиль в литературе и искусстве; существует достаточно оснований к тому, чтобы утверждать, что его можно обнаружить и в Азии, и не только в персидской литературе, которая могла послужить непосредственным толчком к возникновению европейского средневекового романтизма. Речь идет о Дальнем Востоке и, в первую очередь,

о Поднебесной, которую редко рассматривают как оплот Романтизма.

Как это возможно? Дело в том, что «Мы интуитивно связываем романтизм с необычным возвышенным отношением к жизни, выходящим за рамки обыденного и увлекающим в мир грез и вдохновенного творческого поиска» [14: с. 2]. «От нее (романтики) нельзя уйти – от очистительного ее огня, порыва к человечности и душевной щедрости, от постоянного ее не покоя. Романтическая настроенность не позволяет человеку быть лживым, невежественным, трусливым и жестоким. В романтике заключена облагораживающая сила <...> Романтичность свойственна всему, в частности науке и познанию...» [8: с. 8–12]. Романтическое искусство пронизывает ни с чем не сравнимое чувство интеллектуальной свободы, глубины, внимание к самым фундаментальным проблемам человечества, неистребимая оригинальность, вера в бесконечные возможности человека и глубочайшее к нему уважение.

Безусловно, романтическое искусство не ограничено временными и географическими рамками, иными словами, Романтизм – это не исключительное историко-философское достижение первой половины девятнадцатого столетия и европейского и североамериканского культурного наследия и среды. Как минимум, генезис понятия «Романтизм» уходит своими корнями в глубокое Средневековье. Почти тысячелетие назад в западной культуре возник культ Романтизма, напрямую связанный с зарождением идеала романтической любви, который провозглашает любовь мужчины и женщины аллегорией любви божественной. Учения и идеалы «катаров», т.е. *чистых*, – представителей манихейства, религиозного течения, названного по имени персидского пророка Мани, номинально христианского, но именуемого «альбигойской ересью», внезапно проявились в средневековом культе возвышенной (куртуазной) любви, в песнях и поэзии трубадуров, в рыцарских романах Средневековья. Постепенно идеал возвышенной любви распространился на всю феодальную Европу и положил начало революции в *психологических установках* западного сознания. Эта революция, в конце концов, превратилась в то, что называется Романтизмом [2: с. 8].

Если же говорить о более частных филологических категориях, то можно утверждать, что провозвестником романтического мирозерцания, воплощенного в литературной форме, – который оказал эпохальное воздействие как на эволюционные процессы в мировой литературе, так и на ценностную трансформацию психологических установок западного человека, – явился жанр средневековой европейской литературы *romance*, за которым исторически закреплен перевод «рыцарский роман» (при этом следует учитывать, что роман этот – не

прозаическое произведение, но поэтическая форма; переводческая экспликация «рыцарский роман» не затрагивает весь кластер ассоциаций и даже, по сути, денотативных компонентов лексемы "romance"). Тем не менее средневековое рыцарство как феномен традиционно считается одним из самых ярких образов Средневековья, причем Средневековья европейского. Рыцарство именуется романо-германским конструктом [5]. Рыцарский роман как жанр в лице его главных представителей: сэра Томаса Мэлори в Англии с его эпическим циклом о короле Артуре «Смерть Артура» (*Le Morte d'Arthur*), равно как и аллитерационной поэмы неизвестного автора «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», признанного шедевра средневековой поэзии, а также в виде французских куртуазных романов Кретьена де Труа о рыцарской доблести (сюжетные линии которых также переплетаются вокруг историй о рыцарях Круглого Стола и Святом Граале), – с характерными для данного литературного жанра концептами романтической любви, рыцарства и самопожертвования, со свойственными средневековой европейской литературе стилистическими принципами аллегории, олицетворения и символизма традиционно и повсеместно трактуется как явление западно-европейского средневековья, наследие причудливого фантастического готического мирозерцания Темных веков. Но, по сути, даже небольшой предварительный экскурс в историю вопроса опровергает подобное упрощенное видение проблемы.

Начиная с анализа сугубо социальных и политических ипостасей, следует сказать, что историки, комментируя феномен европейского рыцарства как феодальной воинственной аристократии, выделяют и иные явления, гомогенные ему: самураи Японии времен сёгуната или, предположим, рыцарство арабских халифатов; при этом русский историк Г.П. Федотов, например, утверждает, что рыцарство проявляется в не-имперских государствах, поэтому его не было, предположительно, в Китае и Египте, Византии и позднем Риме. Данная точка зрения отчасти развивается, отчасти опровергается другими историками, которые склонны экстраполировать понятие рыцарства на любые сопряженные с идеей воинственной аристократии, культом героизма и благородного поединка феномены, включая в категорию такие неочевидные территориальные области, как Микенская Греция и даже этнические группы индейцев Северной Америки. Ключевым объединяющим мотивом является развитый кодекс чести, наличие системы орденов (аналогично ордену францисканцев или иоаннитов в Европе, например) и процедура инициации – посвящение в ряды избранных. В данном ракурсе и подобном ключе представляется абсолютно обоснованным говорить о существовании рыцарства в

Китае еще за тысячу лет до н.э., причем речь идет не только об образе благородного воина, но и истинной куртуазности, понятии, связанном в обычном сознании исключительно с идеалами европейского средневековья.

В данном контексте необходимо сделать небольшое отступление. «I have a Dream» – сказал борец за права человека, лауреат Нобелевской премии мира Мартин Лютер Кинг 28 августа 1963 г. в своей исторической речи у Мемориала Линкольна, Вашингтон, округ Колумбия. «It is a Dream deeply rooted in the American Dream»: «У меня есть Мечта. Это Мечта, всеми своими корнями уходящая в Американскую Мечту».

Далеко не секрет, что понятие DREAM лежит у самих истоков формирования американской нации, зарождение которой совпадает с обретением британскими колониями независимости в конце XVIII в. Как составляющая концепта *The American Dream*, Мечта (Американская) – это идеал, который был и по сей день остается мощной силой, формирующей американский социум [16: с. 197].

Американскую мечту называют архетипической моделью (*The American Dream archetype model*) [15: с. 265]; моделью, которая повлекла за собой порождение нового видения США, новые представления об американской нации как институте: «The American Dream – это, в первую очередь, идея. Идея значительная, значимая, которая подразумевает своеобразную конденсацию представлений относительно того, что есть Американская нация, и каковы ее идеалы (перевод наш. – Е.М.)» [16: с. 3].

При этом та свойственная концепту *The American Dream* внутренняя противоречивость (речь идет о том, что данный конструкт обладает набором специфических концептуальных признаков, которые демонстрируют его глубинную противоречивость, являющуюся следствием изначально присущей ему диалектики: имеется в виду коллективный и, одновременно, индивидуальный характер феномена; *Американская мечта* предполагает стремление к тем благам и перспективам, которые представляются наиболее желанными, и одновременное осознание возможной тщетности подобных устремлений и т.п. (Ibid)) в большой мере определяется спецификой того периода американской истории, который породил совершенно новое видение жизни и искусства, – эпохи Романтизма, поскольку именно романтический индивидуализм явился движущей силой *Американской мечты* [15: с. 274].

Значимость данного художественно-эстетического и философского течения для становления американской ментальности сложно переоценить; считается, что романтическое мироощущение и по прошествии длительного времени «осталось в крови американцев» и определило своеобразие национальной культуры в целом (Ibid).

Все вышепредставленные соображения не являются чем-то удивительным; ряд этих положений уже был постулирован и обоснован ранее [6]. Однако интересно отметить, что применительно к китайской культуре номинация «Китайская мечта» не является чем-то столь же очевидным, семантически прозрачным для представителей иных лингвокультур (как в случае с Американской мечтой); при этом, что характерно, некоторые «случайные» (random) фразовые единства и идиомы, встречаемые, в частности, в прессе, такие как «Великая китайская мечта», заставляют задуматься о межкультурных, кросскультурных параллелях в концептуализации действительности, не столь заметных на первый взгляд.

Что может быть общего у Американской мечты, опосредованной наследием европейской куртуазности и североамериканского индивидуализма, и китайской мечты, проистекающей, предположительно, из совершенно иных культурных и интеллектуальных соображений, предпочтений и моделей мировосприятия? В конце концов, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, как гласит знаменитое высказывание Редьярда Киплинга, представленное в его «Балладе о Востоке и Западе»:

Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet,

Till Earth and Sky stand presently at God's great Judgment Seat...

R. Kipling "The Ballad of East and West"

Известная цитата нередко призвана продемонстрировать ту неохватную, необъятную пропасть, что, предположительно, отделяет мир *Запада* от мира *Востока* – мир культурный и мир ментальный, во всей совокупности мировоззренческих парадигм: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут...» (или: «не встретиться им никогда...» в ином переводе). Пример, вне всякого сомнения, убедительный; однако не все цитирующие знаменитые слова отдают себе отчет в том, что две вышепредставленные строки лишь предваряют две последующие, логично венчающие знаменитую строфу и кардинально меняющие идейный посыл и пропозицию высказывания:

But there is neither East nor West, Border, nor Breed, nor Birth, When two strong men stand face to face, though they come from the end of the Earth!

Иными словами, «Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род, если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?» (или в ином переводе: «Но Запада нет и Востока нет, нет наций, родов, преград, когда двое сильных и смелых мужчин друг другу в глаза глядят?»), что весьма очевидным образом опровергает изоляционистскую парадигму.

Не только идея, объективированная в данных синтагмах, предвосхищает столь актуальную для конца XX – начала XXI в. концепцию Fusion, которая обретает свою манифестацию в эклектике, смешении определенных (традиционно не сочетаемых) элементов в современном изобразительном искусстве, архитектуре и популярной культуре: предметов быта, религиозных мотивов, артефактов, характерных для универсумов Востока и Запада соответственно; Р. Киплинг, создав свою притчу, которая стала архетипом для всего сказанного впоследствии о несовместимости европейской и ориентальной культур, на самом деле посвятил ее тому, что людей Востока и Запада объединяет то, что и те, и другие – в первую очередь люди, *Homo sapiens*. Подобно тому, как в «Маугли» Киплинга помимо «Закона Стаи» существует еще высший, главный закон – «Закон Джунглей», для человечества существуют верховные, предельные законы, которые и делают человека Человеком, законы «стай», именуемой человечеством, стоит которым вступить в силу, как отменяются законы общины и племени, *Запада* и *Востока*, поскольку существует так называемая «единая ось духовного родства» человечества (С.А. Нижников).

И, как выясняется, «Великая китайская мечта» не столь отлична от мечты американской и европейской, если допустить, что и та и другая имеет первопричиной романтическое мирозерцание, романтический когнитивный стиль, как ни парадоксально и на первый взгляд не вполне убедительно это звучит. Доказательства тому можно увидеть как в современной китайской культуре, в частности кинематографе, так и в средневековой китайской литературе XIV в., равно как и в классической китайской литературе III в. до н.э.

Попробуем доказать вышепредставленное на практике: в 2000 г. по всему миру триумфально шествовал китайский фильм тайваньского кинорежиссера Энга Ли (в нормативной транскрипции с китайского – Ли Ань) – дважды обладателя «Золотого медведя» Берлинского кинофестиваля (1993, 1996), дважды обладателя «Золотого льва» Венецианского кинофестиваля (2005, 2007), лауреата премий «Золотой глобус» (2001, 2006) и «Оскар» (2000, 2006, 2013) за лучший фильм на иностранном языке («Крадущийся тигр, затаившийся дракон») и обладателя двух премий за лучшую режиссуру («Горбатая гора» и «Жизнь Пи»).

Фильм, о котором идет речь, – это увенчанный лаврами «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» (*Crouching Tiger, Hidden Dragon*, 卧虎藏龙 (臥--龍) Wòhǔ Cánglóng, movie by Ang Lee – Lí Ān [李安]), обладатель более сорока престижных кинонаград, включая премию Оскар американской ки-

ноакадемии за лучший фильм года. «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» – фильм уникальный. Это – акме «китайского», ориентального и восточного, того, что критики назвали «Chineseness», воплощение классических канонов китайского эпоса и традиционных конфуцианских концепций. При этом практически сразу, параллельно подобным трактовкам, стали появляться критические статьи, отмечающие, что «это не китайский фильм» [23]. Но что это значит?⁵ Похвала это или упрек в подражании западным канонам? Очевидно, что это ни то, ни другое, но нечто изначально принадлежащее иному плану осмысления: восторженные отзывы критиков, любовь зрителей всего мира, беспрецедентный для китайского фильма кассовый успех, возрождение интереса к традиционным, но отчасти забытым жанрам и культурным моделям (в лице последующих художественных достижений китайского кинематографа, а именно фильмов Чжана Имоу «Герой» и «Дом летающих кинжалов», которые стали легендами, призерами многочисленных международных конкурсов, удостоенными двадцатиминутных оваций в Каннах в 2003 и 2005 гг. соответственно), – все это лишь свидетельство когнитивной сложности исследуемого кинофеномена, который выходит за рамки простой дуальной структуры – китайский / не-китайский. И чтобы определить этот ускользающий параметр, следует вначале установить, что объединяет все эти китайские фильмы – «Герой», «Дом летающих кинжалов», «Крадущийся тигр, затаившийся дракон»? Их высочайшее качество, отточенная стилистика, неортодоксальная образность, манифестация китайской мудрости? Все это, безусловно, так, но в первую очередь необходимо учитывать жанровую специфику: все они, начиная с «Крадущегося тигра», представляют собой фильмы жанра уся (wuxia). Мир, создаваемый в художественной вселенной уся, и именуют «Великой китайской мечтой».

Уся – приключенческий жанр китайского фэнтези (жанр литературный, жанр театра, кино и телевидения); термин *уся* образован путем сращения слов *ушу* (боевое искусство) + *ся* (рыцарь). Предварительный анализ словарных дефиниций и этимологический анализ демонстрируют интересный набор сем – семантических маркеров, составляющих сло-

варное значение лексемы *уся*: 1) уся (сущ.) – особый китайский культурный жанр; 2) странствующий рыцарь (knight-errant); 3) изображение боевых искусств – martial arts; chivalry [25; 26]. Четвертым семантическим компонентом, выявленным в процессе лексикографического толкования слова [27], является сема “faultless”, “perfect” – безупречный, совершенный. Корень *xia* (имеющий значение «странствующий рыцарь», «храбрый» и *chivalrous* – «рыцарский», «герой», «героический») входит в состав ряда родственных слов: *genxia* – helping the weak for the sake of justice (помогающий слабым и обездоленным во имя справедливости); *daxia* – knight, swordsman, nobleman, warrior, chivalrous hero (рыцарь, воин, доблестный герой); *youxia* – knight-errant (странствующий рыцарь); *yuxia* – chivalrous knight (отважный и благородный человек, рыцарь). Частотность лексемы *рыцарский* – будь то в русскоязычном варианте, либо в англоязычной трактовке (*chivalrous*), – используемой в словарях (китайско-английских, китайско-русских) для описания классического китайского жанра, сюжета, героя, литературных лейтмотивов, понятия, традиционно применяемого для апелляции к европейскому литературному явлению, позволяет нивелировать изоляционистские трактовки и указать на значимость концепта благородного воина, сражающегося во имя идеала и чести в по крайней мере нескольких изолированных территориально лингвокультурах – английской, китайской, французской. Исследователи жанра уся в описании специфики последнего используют прилагательное *romantic* (e.g. *romantic plots*), именуя сам жанр *romance*. Литература традиционно китайского жанра уся позиционируется как *рыцарский роман*.

На данном этапе представляется целесообразным отметить, что *Crouching Tiger, Hidden Dragon*, увенчанный лаврами киношедевр жанра уся, имеет качественную литературную основу – одноименный роман писателя Ван Дулу (Du-lu Wang (1909–1977)), одного из классиков Северной школы, входящий в пенталогию «Железный журавль» (*The Iron Crane*), написанную в промежуток времени с 1938 по 1942 г. [21]. Данный цикл романов не только вернул на художественный Олимп идеалы средневекового Китая (следует сказать, что во времена династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1912) на подобные романтические сюжеты – изображение благородных рыцарей-воинов – был наложен запрет, дабы описания фантастических единоборств не воспламеняли души подданных императора,⁶ однако известно, что впоследствии Мао Цзэдун призвал своих коллег подражать героям романа).

⁵ “Crouching Tiger is not a Chinese film” – «Крадущийся тигр» – не китайский фильм, утверждает большая часть кинокритиков; по большому счету, они правы, но не в том ключе, в котором они представляют свою правоту. Фильм не китайский не в том смысле, что он вестернизирован, ориентирован на Голливуд, на Западную систему ценностей. Он не китайский в том же смысле, как и европейский Романтизм как художественное течение – не европейский. Он наднациональный и надвременной; это архетипический конструкт, пласт в человеческой психике.

⁶ Для сравнения: Романтизм как художественное течение известен именно этим стремлением ввысь, к недостижимым высотам.

Непосредственным предшественником произведений в жанре уся являются приключенческие романы «юся» – Youxia, появившиеся в классической китайской литературе в III в. до н. э. Жанр уся как литературная форма возник в начале XX в., хотя манифестация романтической тенденции очевидна и в знаменитом средневековом романе Ши Найяна «Речные заводы» XIV в. – одном из четырех классических китайских романов.

Соответственно «Великая китайская мечта» – это мечта о чести, благородстве, моральном кодексе, самопожертвовании (отчасти аналогично концепту «Американской мечты» с его отрицанием ограничений реального порядка), отсылающая нас к иному уровню реальности, символическому месту, которого нет на карте действительности, – *Земле рек и озер*, The Land Of Lake and River, Giang Hu, Jianghu – Цзянху, что представляет собой не что иное, как Dreamworld – мир грез и духовного поиска, альтернативную реальность, идеализированную вселенную любого западного поэта-романтика: Э. По, Дж. Китса, С.Т. Кольриджа, П.Б. Шелли и др.

Само название фильма (и романа) – *Wó hǐ cǎng lóng* – базируется на принципе аллегории, столь характерном для европейского рыцарского романа стилистическом приеме (что очевидно во всех значимых памятниках средневековой литературы: «Романе о розе» Гийома де Лорриса, «Сказании о Граале, или Персевале» Кретьена де Труа): *Крадущийся тигр, затаившийся дракон* – *Wo hu sang long / Wuo hu zhan long*; по сути, название состоит из имен двух главных героев: Lo – Luo Tsiao Hu, что означает Tiny Tiger – маленький тигр – и Zhan – Jen – Yu Jiao Long, что читается, как Delicate Beloved Dragon – любимый дракон. 卧虎藏龙 (卧--龍) wòhǔcánglóng: 1 lit. hidden dragon, crouching tiger (idiom); 2 fig. talented individuals in hiding; 3 concealed talent [24].

Это буквальный уровень данного аллегорического названия; но есть и иной уровень осмысления: Crouching Tiger, Hidden Dragon вместе формируют китайскую идиому, пословицу, которую можно перевести на русский как «талантливые, но опасные люди, которые скрыты от глаз; люди, обладающие особым даром, способностями и потенциалом». Идея сверхспособностей – идея элитарная, но вполне характерная для романтического канона, где работает принцип «Через тернии – к звездам». Именно осознавая и учитывая данный аллегорический механизм, можно более корректно интерпретировать некоторые фантастические элементы, которыми изобилует жанр уся и которые являются его характерными концептами: такие как сверхъестественные сверхчеловеческие способности героев – например умение парить в воздухе и

даже летать. В этом нет сказочного компонента, это не сюжетная калька западно-европейского фэнтези и это не научная фантастика; скорее – это сугубо романтическая концепция *Сверхчеловека* (романтический герой абсолютен), но *окрашенная классическими для Китая обертонами Даосизма*: человек достигает немислимых для обывателей способностей, следуя Дао, т.е. стоя на истинном пути духовного и физического саморазвития. В этом ракурсе можно интерпретировать полет героя как метафору стремления к идеалу, абсолюту, непрерывное движение вверх, через тернии экзистенции – к звездам истины.

По большому счету, применительно к Романтизму дихотомия «Материальное / Идеальное» не вполне корректна, поскольку Романтизм, несомненно, соединяет в себе два компонента: идеалистический и реалистический. Романтизм представляет собой миросозерцание реалистическое, поскольку все переживаемое нами, все чувства и эмоции, безусловно, *реальны*. Именно поэтому, когда исследователи отмечают, что есть некая правда в прекрасных историях Романтизма, есть правда в жертвенности, благородстве, красоте, в духовном поиске и верности до самой смерти, речь идет о том, что в одухотворенности Романтизма существует глубокая *психологическая правда*, которая побуждает нас к самосовершенствованию и к достижению утраченной целостности. Романтизм – это моральный и нравственный компас человечества. Это и есть то ускользающее, недостижимое мистическое «шестое чувство», влекущее нас к поиску истины, духовному самопознанию, дарующее человечеству интеллектуальную мощь, благородство и мужество – для того, чтобы идти вперед и не сдаваться. Per aspera ad astra.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков, В.З. О языковых техниках «трансфера знаний» в гуманитарных науках / В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 4. – С. 5–16.
2. Джонсон, Р. Мы: Источник и предназначение романтической любви : пер. с англ. В. Мершавка / Р. Джонсон. – М. : Гиль-Эстель, 1998. – 160 с.
3. История литературы США: Литература середины XIX века (поздний Романтизм). В 7 т. Т. 3 / под ред. Е.А. Стеценко. – М. : ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. – 614 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.] ; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : МГУ, 1996. – 246 с.
5. Любарский, Г.Ю. Морфология истории [Электронный ресурс] / Г.Ю. Любарский. – Режим доступа: <http://books.google.ru/books?id=Ne6UBwAAQBAJ&pg=PA121&lpg=PA121&dq=> (дата обращения: 14.05.2016).
6. Мальнева, Е.Ю. Концепт Dream в идиостиле Э.А. По : дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю. Мальнева. – Иркутск, 2012. – 278 с.
7. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемиические главы / Л.А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.

8. Паустовский, К.Г. Повесть о жизни. В 2 т. Т. 1 / К.Г. Паустовский. – М. : АСТ: Хранитель, 2007. – 733 с.
9. Словарь литературоведческих терминов / сост. И.А. Елисеев, Л.Г. Полякова. – Ростов н/Д : Феникс, 2002. – 320 с.
10. Солсо, Р.Л. Когнитивная психология : пер. с англ. / Р.Л. Солсо. – М. : Тривола, 1996. – 600 с.
11. Степанов, Ю.С. Концепты: Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
12. Холодная, М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М.А. Холодная. – СПб. : Питер, 2004. – 384 с.
13. Черниговская, Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание / Т.В. Черниговская. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 448 с.
14. Шеметова, М.Н. Романтическая константа в истории художественной культуры : автореф. дис. ... канд. культурологии / М.Н. Шеметова. – СПб., 2000. – 23 с.
15. American Poetry and Prose / ed. by Norman Foerster. – 4th Edition. Part One. – Boston : The Riverside Press Cambridge, 1957. – 861 p.
16. Clee, P. The American Dreams: Readings for Writers / P. Clee, V. Radu-Clee. – Mountain View, California : Mayfield Publishing Company, 1996. – 444 p.
17. Enduring Vision. A History of the American People / ed. by P. Boyer [et al]. – Lexington, Mass. : D.C. Heath and Company, 1990. – 1159 p.
18. Fromm, E. Man for Himself: An Inquiry into the Psychology of Ethics / E. Fromm. – Greenwich, Conn : Fawcett Publications, Inc., 1947. – 256 p.
19. Langacker, R.W. Concept, Image, and Symbol: the Cognitive Basis of Grammar / R.W. Langacker. – Second edition. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2002. – 395 p.
20. Mandarin-English Dictionary and Thesaurus [Electronic resource]. – URL: <http://www.yellowbridge.com/chinese/chinese-dictionary.php?word=%E6%A> (accessed: 16.04.2016).
21. Wang, Dulu. Crane-Iron Series (He-Tie Xilie 鹤—铁系列): Crouching Tiger, Hidden Dragon – Unnoticed Talents (Wo Hu Cang Long 卧虎藏龙), 1941–1942 [Electronic resource] / Dulu Wang. – URL: <http://www.my285.com/wuxia/wdl/index.htm> (accessed: 14.04.2016).
22. Wiley Online Library [Electronic resource]. – URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/j.2333-8504.1993.tb01555.x/pdf> (accessed: 03.03.2016).
23. Wu, Chia-Chi. Crouching Tiger, Hidden Dragon Is Not a Chinese Film / Chia-Chi Wu // Spectator. – 2002. – Vol. 22. – № 1 (Spring). – P. 65–88.
24. Electronic resource. – URL: <http://people.wku.edu/haiwang.yuan/China/proverbs/c.htmlproverbCrouching Tiger, Hidden Dragon -- wò hǔ cáng lóng 卧虎藏龙>
25. Electronic resource. – URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=wuxia>
26. Electronic resource. – URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=wu>
27. Electronic resource. – URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=xia>

ОБУЧЕНИЕ ОСНОВАМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К УЧАСТИЮ В ПРОГРАММАХ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ ВУЗА

Ю.В. Агранат

Е.Л. Рябкова

Агранат Юлия Владимировна – кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: gf@festu.khv.ru

Рябкова Елена Леонидовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: yona@rambler.ru

В статье рассматривается актуальность проблемы организации академической мобильности в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 г. Обосновывается необходимость введения дисциплины «Основы межкультурной коммуникации» в учебные планы различных направлений подготовки с целью эффективного участия студентов в программах академической мобильности вуза. Авторами разработан учебно-методический комплекс означенной дисциплины, представлен опыт проведения лекционных и семинарских занятий по дисциплине для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Менеджмент» (профиль «Международный менеджмент»).

Ключевые слова: академическая мобильность, межкультурная коммуникация, международное образовательное пространство, федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС 3+), интеграция, федеральный закон, образование.

В процессе интеграции российских вузов и науки в международное образовательное пространство очень важная роль отводится академической мобильности студентов и преподавателей, которая, как ожидается, будет способствовать формированию качественно новых трудовых ресурсов, способных занять достойное место на мировом рынке труда, а также сможет существенно повлиять на качество трудовых ресурсов национальной экономики [1: с. 10]. Вхождение России в общеевропейское образовательное пространство поставило перед отечественными высшими учебными заведениями ряд задач, среди которых необходимо выделить первоочередные.

1. Переход на многоуровневую подготовку (бакалавриат, магистратура, аспирантура) по программам высшего образования, что предполагает определенные преимущества в сравнении с программами подготовки специалистов.

2. Введение накопительной системы учета трудоемкости учебно-познавательной и учебно-профессиональной деятельности студентов, в основе которой лежит European Credit Transfer System (ECTS), главной задачей которой является обеспечение прозрачности, сопоставимости объема изученного материала и соответственно возможности академического признания квалификаций и компетенций [4].

3. Контроль качества образования. Требования к качеству определены в документе «Стандарты и директивы Европейской ассоциации гарантии качества в высшем образовании» (ENQA). Одним из главных положений стандартов ENQA является создание внутривузовской системы обеспечения и контроля качества образования [3], что нашло отражение в требованиях федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) в части, касающейся разработки и внедрения системы оценки качества освоения основных образовательных программ.

4. Расширение внутренних и внешних обменов преподавателей и студентов (академическая мобильность). Анализ работ некоторых авторов позволяет утверждать, что в настоящее время чаще всего используется определение, приведенное в рекомендациях Комитета министров Совета Европы в 1995 г. Под академической мобильностью понимается перемещение учащегося или сотрудника, имеющего отношение к образованию, на определенный период в другое образовательное или научное учреждение (в своей стране или за рубежом) как индивидуально, так и в рамках совместной образовательной и (или) исследовательской деятельности вузов и научных центров для обучения, преподавания, проведения исследований или повышения квалификации, после чего учащийся, препода-

ватель, исследователь или администратор возвращается в свое основное учебное заведение. Данное понятие не связано с иммиграцией или длительным периодом обучения (работы) за рубежом.

Актуальность проблемы организации академической мобильности повышается в связи с принятием 29 декабря 2012 г. Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, вступившего в силу с 1 сентября 2013 г. Так, п. 1 ст. 15 данного Закона гласит: «Сетевая форма реализации образовательных программ (далее – сетевая форма) обеспечивает возможность освоения обучающимися образовательной программы с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе иностранных, а также при необходимости с использованием ресурсов иных организаций. В реализации образовательных программ с использованием сетевой формы наряду с организациями, осуществляющими образовательную деятельность, также могут участвовать научные организации, медицинские организации, организации культуры, физкультурно-спортивные и иные организации, обладающие ресурсами, необходимыми для осуществления обучения, проведения учебной и производственной практики и осуществления иных видов учебной деятельности, предусмотренных соответствующей образовательной программой» [6].

Таким образом, академическая мобильность может быть представлена как разновидность сетевой формы обучения. В связи с этим в российском контексте академическая мобильность понимается как сотрудничество не только с зарубежными вузами, но и с российскими партнерами. Другими словами, по отношению к российской системе высшего образования можно говорить о внешней и внутренней мобильности. Под внешней мобильностью понимается обучение и (или) стажировка студентов и преподавателей в зарубежных университетах, а под внутренней – в ведущих учебных заведениях и научных центрах Российской Федерации [2].

Очевидным является тот факт, что успешное участие в программах академической мобильности и эффективные контакты с представителями других культур невозможны без практических навыков в межкультурном общении. Важно здесь также помнить, что недостаточно только знать иностранный язык. Язык – это, конечно, первое условие, необходимое для общения. Но успешность и эффективность межкультурного взаимодействия предопределяется знаниями об особенностях процесса коммуникации, восприятия, типологии и классификации культур, а также знаниями о культуре народа, его традициях, ценностях, пониманием его мировоззрения и мировосприятия.

Владение навыками эффективного межкультурного общения, понимание особенностей процессов восприятия представителей различных культурных групп во многом определяет не только психологический комфорт участников интеграционных процессов, но и взаимопонимание при организации и ведении международной проектной или студенческой деятельности. Таким образом, целесообразным является включение в учебные планы различных направлений подготовки такой дисциплины, как «Основы межкультурной коммуникации», что позволит подготовить студентов к эффективным межкультурным контактам, в том числе в рамках участия в программах академической мобильности вуза.

«Основы межкультурной коммуникации» – это академическая гуманитарная дисциплина интегративного характера, сформировавшаяся на стыке культурной антропологии, этнопсихологии, социологии, коммуникативистики и лингвистики. Нужно заметить, что «межкультурная коммуникация» в России имеет свою оригинальную историю. В нашей стране впервые этот предмет начал преподаваться на факультете иностранных языков МГУ имени М.В. Ломоносова, в то время как в мире – в американских, европейских, азиатских университетах – дисциплина «Межкультурная коммуникация» обычно изучается не на лингвистических, а на специальных факультетах коммуникативистики.

Предметом изучения являются особенности непосредственно процесса коммуникации людей из разных культур, процесса межкультурной коммуникации (МКК) и особенности культур разных стран. При этом под особенностями культуры мы понимаем особенности системы ценностей и норм поведения, т.е. национального менталитета, а также особенности коммуникативного поведения людей из разных стран.

Вступая в коммуникацию с представителями других культур – носителями другого менталитета, человек сталкивается с другой «системой координат», с другими представлениями о мире, другими ценностями и нормами поведения. И в этой ситуации всегда полезно знать, на каких принципах построено поведение людей – носителей других культур. Основной задачей организации процесса обучения основам МКК является уменьшение отрицательного и выработка уважительного отношения к представителям других культур.

Вслед за Ж.В. Зарицкой мы полагаем, что изучение дисциплины «Основы межкультурной коммуникации» необходимо для того, чтобы максимально эффективно взаимодействовать с представителями других культур, в частности в области профессионального сотрудничества, а следовательно, и в рамках участия в программах академической мобильности вуза. В стенах университета та-

кие знания особенно необходимы преподавателям, администраторам, чиновникам, которые постоянно или периодически сотрудничают с иностранными университетами, работают с иностранными коллегами и студентами [5].

В результате освоения дисциплины «Основы межкультурной коммуникации» в соответствии с требованиями ФГОС 3+ обучающиеся приобретают компетенции, позволяющие им эффективно работать в команде, толерантно воспринимать социальные, культурные и личностные различия, что является неотъемлемой частью подготовки к участию в программах академической мобильности вуза.

С целью обучения основам межкультурной коммуникации авторами статьи были разработаны и подготовлены:

- рабочая программа дисциплины «Основы межкультурной коммуникации»;
- курс лекций и семинарских занятий по дисциплине «Основы МКК»;
- учебное пособие «Основы межкультурной коммуникации. Intercultural Communication. Basic Course».

Разработанный спецкурс рассчитан на 16 часов лекций и 16 часов соответствующих им семинарских занятий и включает в себя следующие разделы:

- «Понятие коммуникации. Модели коммуникации»;
- «Понятие культуры»;
- «Процесс восприятия. Влияние культуры на восприятие»;
- «Типология и классификация культур Г. Хофштеде, Ф. Клакхон, Ф. Стродтбека и др.»;
- «Вербальное общение и культура»;
- «Невербальное общение и культура»;
- «Управление межкультурными конфликтами».

Опыт преподавания дисциплины «Основы межкультурной коммуникации» в Дальневосточном государственном университете путей сообщения показывает, что наиболее эффективным является сочетание лекционных и практических форм занятий. Особо эффективны практические занятия, в ходе которых студенты получают возможность испытать чувства и эмоции, возникающие в реальных ситуациях межкультурной коммуникации, обсудить и проанализировать свое собственное поведение и поведение своих партнеров. Практические занятия, как правило, вызывают оживленные дискуссии, значительно повышают заинтересованность студентов в предмете. В ходе лекционных и практических занятий мы

учим студентов понимать, что стереотипы – это обобщения, сделанные другими людьми, и они могут быть субъективны, ошибочны, даже лживы. Следовательно, составляя представления о людях – выразителях других культур, более надёжно опираться на свой собственный опыт, на собственные обобщения. В рамках указанной дисциплины основными целями обучения являются: приобретение студентами теоретических и практических знаний в области межкультурной коммуникации, усвоение знаний по вопросам развития культурной восприимчивости и адекватной интерпретации вербального и невербального поведения в различных культурах, формирование навыков применения полученных знаний в конкретных ситуациях межкультурного взаимодействия.

Таким образом, актуальным в рамках данной работы представляется введение в учебные планы различных направлений подготовки дисциплины «Основы МКК», что, по мнению авторов, будет способствовать успешному формированию навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур и в, свою очередь, успешному участию студентов в программах академической мобильности вуза. Опыт преподавания основ межкультурной коммуникации может оказаться полезным для российских организаций, функционирующих в сфере высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агранат, Ю.В.* Поликультурная компетенция студента как условие успешной реализации программ академической мобильности вуза / Ю.В. Агранат, Хён Джу Ким // Высшее образование сегодня. – 2012. – № 10. – С. 10–15.
2. *Акимова, О.Б.* Концепция сетевого взаимодействия учреждений профессионально-педагогического образования / О.Б. Акимова, Е.М. Дорожкин, Г.П. Сикорская // Педагогический журнал Башкортостана. – 2014. – № 6 (55).
3. *Колегова, Е.Д.* Оценка качества подготовки обучающихся в вузе: европейский подход / Е.Д. Колегова // Акмеология профессионального образования : материалы 11-й Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 13–14 марта 2014 г.) / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2014. – С. 68–74 // Кредитно-рейтинговая система и система оценок ECTS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inpro.msu.ru/PDF/tuning.pdf>
4. Межличностная коммуникация / О.И. Матяш [и др.]. – М. : Лабиринт, 2011. – 560 с.
5. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон : [принят Гос. Думой 29 дек. 2012 г.]. – Режим доступа: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn>

ДЕБАТЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Е.Ф. Гладкая

Гладкая Евгения Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: gladkaya7@mail.ru

В настоящей статье анализируется педагогический опыт организации поликультурного диалога в форме дебатов на совместных занятиях российских и иностранных обучающихся технического вуза в рамках дисциплин «Русский язык и культура речи» и «Риторика».

Ключевые слова: дебаты, обсуждение проблемы, поликультурный диалог, поликультурная компетентность.

В эпоху глобализации, в эпоху «открытых границ» одной из приоритетных задач образования становится развитие у обучающихся поликультурной компетентности – такого интегративного свойства личности, которое позволяет ей эффективно взаимодействовать с представителями иных культур. Для того чтобы среда современного российского вуза стала образовательным пространством, способствующим развитию у обучающихся поликультурной компетентности, одного присутствия в учебном заведении представителей разных культур недостаточно – деятельность студентов должна быть специально организована.

Вопросам организации аудиторной и внеаудиторной работы студентов, направленной на развитие у них поликультурной компетентности, в настоящее время посвящена обширная литература. Так, в работах Ю.В. Агранат [1], Г.Б. Минибаевой [8], Т.Ю. Гурьяновой [3] и др. анализируются педагогические условия формирования поликультурной компетентности российских студентов в процессе изучения иностранного языка; в работах Л.П. Лазаревой [7], И.В. Хариной [12], Л.П. Клобуковой [5] и др. выявляются особенности формирования поликультурной компетентности иностранных студентов российского вуза, изучающих русский язык.

В данной статье анализируется опыт организации поликультурного диалога в форме дебатов на совместных занятиях российских и иностранных студентов дальневосточного технического вуза по дисциплинам «Русский язык и культура речи» и «Риторика».

Под поликультурным диалогом мы понимаем речевое субъект-субъектное взаимодействие представителей разных культур. Богатыми возможностями для организации поликультурного диалога в образовательном пространстве технического вуза

обладают дисциплины гуманитарного цикла, в том числе введенные во многие рабочие учебные планы согласно ФГОС ВПО и ФГОС ВО дисциплины «Русский язык и культура речи» и «Риторика», призванные совершенствовать речевую культуру обучающихся.

Одной из важнейших составляющих речевой культуры человека является его способность участвовать в поликультурном диалоге. Каждый человек – это субъект культуры, причем культуры не только этнической, гендерной, профессиональной, социальной, но и индивидуальной. Поэтому в широком смысле любой диалог представляет собой поликультурный диалог – встречу двух и более культур, когда есть «Я» и есть «Другой». Самое главное и самое сложное в этом диалоге – услышать «Другого», понять и принять его «инаковость».

Потребность, готовность и способность слышать и понимать собеседника свидетельствуют о высоком уровне внутренней культуры человека. Д.С. Лихачев отмечал, что люди высокой культуры не враждебны к чужому мнению и не агрессивны. Это утверждение справедливо в отношении не только культуры отдельной личности, но и культуры целого сообщества. «По тому, насколько та или иная культура позволяет принимать другую культуру с пониманием ее подлинного смысла и потенциала, можно судить об уровне развития культуры» [7: с. 3]. Итак, целью поликультурного диалога является взаимопонимание, основанное на признании чужих ценностей.

В подлинном общении на уровне диалога культур всегда происходит расширение внутреннего мира собеседников за счет включения в него другой позиции, другого мнения, другого мировосприятия. По убеждению М.М. Бахтина, «...чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает

себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются» [2: с. 354].

Думается, что для достижения взаимопонимания, ведущего к взаимообогащению, необходимо особое эмоциональное состояние собеседников, которое сродни чувству любви, как его понимает и описывает Хосе Ортега-и-Гассет. «Любовь – это центробежный порыв души, которая непрерывным потоком устремляется к объекту и обволакивает его теплотой и довольством, превращая нас с ним в единое целое и утверждая бесспорность его существования» [9: с. 278]. «Эта эмоциональная деятельность, этот наш тёплый, жизнотворящий интерес к некоему явлению может с равным успехом быть обращен к женщине, участку земли (родине) или роду человеческой деятельности – спорту, науке и т.д.» [9: с. 303]. Этот «жизнотворящий» интерес, утверждающий бесспорность существования «Другого», на наш взгляд, является лучшей эмоционально-чувственной основой поликультурного диалога.

Таким образом, поликультурный диалог – это субъект-субъектное взаимодействие представителей разных культур, основанное на взаимности: взаимном интересе и взаимном уважении, взаимопонимании и взаимообогащении.

Опыт преподавания гуманитарных дисциплин «Русский язык и культура речи» и «Риторика» студентам дальневосточного технического вуза показывает, что одной из эффективных форм организации поликультурного диалога на учебных занятиях являются дебаты – публичное обсуждение проблемы с формулированием различных точек зрения.

В настоящее время командная игра «Дебаты» успешно используется в образовательном процессе как интерактивная педагогическая технология. Автор «Путеводителя по дебатам» Т.В. Светенко отмечает, что применение данной технологии способствует созданию устойчивой мотивации к учению, так как обеспечивает личную значимость учебного материала для учащихся; наличие элемента состязательности стимулирует творческую, поисковую деятельность, тщательную проработку темы [10: с. 6]. Дебаты в учебной практике выступают как форма организации урока, как элемент урока, как форма аттестации учащихся, как клубная форма организации досуга молодёжи, как методика организации учебного исследования и т.д. [10: с. 132].

Являясь технологией интерактивного обучения, дебаты характеризуются следующими нормами:

– в совместной работе нет «актеров» и «зрителей», все – участники;

– каждый член группы заслуживает того, чтобы его выслушали не перебивая;

– следует говорить так, чтобы тебя понимали члены микрогруппы, высказываться непосредственно по теме, избегая лишней информации;

– цель совместной деятельности заключается не в «победе» какой-либо одной точки зрения, а в возможности найти лучшее решение, узнав разные мнения по проблеме [6: с. 186].

Благодаря перечисленным особенностям образовательная технология «Дебаты» может быть использована на занятиях в вузе с целью формирования у студентов поликультурной компетентности, так как, по сути, правильно организованные дебаты представляют собой поликультурный диалог, участники которого пытаются прийти к взаимопониманию и взаимообогащению, учатся вежливому, уважительному отношению к оппоненту – представителю иной точки зрения, иной позиции.

По мнению И.А. Стернина, дебаты отличаются от спора тем, что «...в процессе обсуждения проблемы стороны высказывают свои взгляды, точки зрения, для того чтобы познакомить с ними собеседников, получить новые сведения или аргументы для обдумывания...» [11: с. 217]. Для нас принципиально важно, что участники дебатов приводят аргументы в пользу своего видения проблемы, но при этом они не критикуют оппонента. Если цель спора – найти истину, то цель обсуждения проблемы – «...познакомиться с различными точками зрения и аргументами сторон, получить материал для размышления» [11: с. 218].

В качестве примера организации поликультурного диалога в форме дебатов приведем методическую разработку занятия по дисциплине «Риторика» (специальность 23.03.03 «Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов»).

Тема занятия

«Культура публичного обсуждения. Дебаты».

Цели занятия

Образовательная – подготовка к публичной убеждающей речи; формирование представления о культуре диалога, о формах гармонизирующего речевого взаимодействия; формирование культуры диалога посредством включения студентов в поликультурный диалог, организованный в форме дебатов.

Развивающая – развитие умений вести гармонизирующий диалог, четко и ясно излагать собственное мнение и внимательно слушать собеседника, работать в команде.

Воспитательная – воспитание уважительного, толерантного отношения к собеседнику; воспитание ответственного отношения к Слову.

Компетенции, формируемые в ходе занятия:

– способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия;

– способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия;

– способность к самоорганизации и самообразованию.

Ход занятия

Определение понятий «культура», «диалог».

Представление классификации И.А. Стернина (возможные формы речевого взаимодействия при наличии разногласий).

Выделение дебатов как формы ведения гармонизирующего диалога. Знакомство с правилами ведения дебатов, с критериями оценки публичных выступлений участников дебатов.

Актуализация знаний (композиция убеждающей речи; части классической речи).

Организация командной игры (например, дебаты по проблеме «Интернет – это благо или западня для студентов?»):

– создание двух и более команд для обсуждения тезиса, совместного поиска аргументов, примеров и составления коллективного публичного выступления по законам убеждающей речи;

– выступление команд, обсуждение проблемы;

– подсчет баллов, анализ результатов.

Подведение итогов занятия.

Письменная рефлексия студентов (опрос-анкета).

По нашим наблюдениям, эффективность дебатов как средства формирования поликультурной компетентности обучающихся значительно повышается на совместных занятиях российских и иностранных студентов. Участие в дебатах иностранных обучающихся вуза дает возможность российским студентам проявить свои знания, умения и навыки в ведении диалога с представителями других национальных культур. Иностранные студенты также получают ценный опыт эффективного речевого взаимодействия на изучаемом языке в среде его носителей. Анкетирование, которое проводилось по завершении дебатов, показало стопроцентную заинтересованность всех студентов в подобных занятиях.

Далее рассмотрим условия, необходимые для успешной организации на учебном занятии поликультурного диалога в форме дебатов.

Как уже отмечалось выше, дебаты представляют собой педагогическую технологию, ориентированную на субъект-субъектное взаимодействие в групповой совместной деятельности. Следовательно, в задачи преподавателя, организующего дебаты, входит создание такой учебной ситуации, которая побуждает учащихся к интеграции усилий, к внутриг-

рупповому сотрудничеству. Для этого необходимо выбрать актуальную, значимую для студентов тему дебатов, а также создать и поддерживать на занятии атмосферу доброжелательности, доверительности, непринужденности, способствующую установлению между участниками диалога психологического контакта – «общности психического состояния, вызванной и вызывающей взаимопонимание в совместной деятельности, связанной с обоюдной заинтересованностью и доверием друг к другу сторон взаимодействия» [4: с. 281]. Как отмечает И.А. Зимняя, именно в условиях психологического контакта, внутренними механизмами которого являются «эмоциональное и интеллектуальное сопереживание, сомышление, содействие», «...наиболее полно проявляются все личностные свойства субъектов взаимодействия, сам факт установления такого контакта приносит участникам общения интеллектуальное и эмоциональное удовлетворение» [4: с. 281].

Дебаты как форма групповой работы способствуют формированию у студентов востребованного временем умения работать в команде, достигать взаимопонимания, осознавать ценность каждого члена группы, чувствовать индивидуальную и коллективную ответственность за результаты совместной деятельности. Условия для более тесного поликультурного общения создаются при объединении в микрогруппы для решения общей задачи представителей разных национальностей. Эффективность групповой работы в таком случае во многом зависит от умения российских студентов (как носителей языка общения) «подстраиваться» в момент говорения под своих иностранных партнеров, учитывать их уровень владения русским языком. По нашим наблюдениям, российские студенты успешно справляются с этой непростой задачей: подбирают синонимы, помогают иностранцам найти нужное значение в словаре, активно используют невербальные средства общения. Наградой за такую чуткость к собеседнику становится радость достигнутого взаимопонимания.

Одним из ключевых моментов дебатов является так называемый «раунд перекрестных вопросов», в котором студенты учатся корректно задавать оппонентам вопросы «на прояснение позиции». Верно поставленный вопрос дает возможность «уточнить точку зрения оппонента; получить от оппонента дополнительные сведения; лучше понять его отношение к обсуждаемой проблеме» [10: с. 53]. Умение задавать вопросы «необходимо для любого уважающего себя и других человека: это не только получение дополнительной информации о предмете обсуждения, но и эмоциональное присоединение к работе других». Поэтому в диалоге не должно быть вопросов, содержащих негативную оценку, так как «внутренняя агрессивность вопросов вызывает зако-

номерную ответную агрессивность» [6: с. 207]. Таким образом, успех дебатов во многом зависит от способности оппонентов вежливо, уважительно задавать вопросы и отвечать на них.

Важнейшим условием эффективного обсуждения проблемы является также умение внимательно выслушать оппонента, не перебивая его и не критикуя. В процессе дебатов у студентов формируется необходимый для ведения поликультурного диалога навык активного слушания. Опыт организации дебатов в интернациональной группе показывает, что иностранные и российские студенты слушают друг друга, затаив дыхание. По нашему глубокому убеждению, именно такое слушание, свидетельствующее об искреннем, «жизнетворящем» интересе к миру другого человека, является самой лучшей, самой прочной основой толерантности – необходимой составляющей поликультурной компетентности личности. Ведь истинная толерантность – это не безразличие, не снисхождение, не терпение со сжатыми кулаками, а искреннее желание услышать и понять «Другого».

Кроме того, в ходе дебатов студенты имеют возможность убедиться в том, что общих черт в поведении, мировосприятии, в системе ценностей у людей разных национальностей гораздо больше, чем отличий. И эта общность всегда может стать основой для конструктивного, взаимообогащающего поликультурного диалога.

Таким образом, на организованных в форме дебатов совместных занятиях российские и иностранные обучающиеся получают положительный опыт живого, заинтересованного общения с представителями других культур, что ведет к формированию у них потребности в дальнейшем поликультурном взаимодействии, основанном на взаимопонимании и взаимоуважении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агранат, Ю.В.* Педагогические условия формирования поликультурной личности студентов в контексте обучения иностранному языку в вузе / Ю.В. Агранат, Л.В. Иванова // *Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 1. – С. 82–84.
2. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
3. *Гурьянова, Т.Ю.* Формирование поликультурной компетентности студентов ссузов: на материале обучения иностранному языку : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. / Т.Ю. Гурьянова. – Чебоксары, 2008. – 220 с.
4. *Зимняя, И.А.* Педагогическая психология / И.А. Зимняя. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 480 с.
5. *Клобукова, Л.П.* Проблемы межкультурной коммуникации сквозь призму обучения иностранных учащихся русскому языку как средству делового общения / Л.П. Клобукова // *Вестник ЦМО МГУ*. – 2009. – № 1. – С. 16–19.
6. *Коротаева, Е.В.* Педагогические взаимодействия и технологии : моногр. / Е.В. Коротаева. – М.: Academia, 2007. – 256 с.
7. *Лазарева, Л.П.* Межкультурные коммуникации в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : образовательно-педагогические аспекты / Л.П. Лазарева. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2007. – 120 с.
8. *Минибаева, Г.Б.* Формирование поликультурной компетенции у студентов вузов в процессе изучения иностранного языка и литературы / Г.В. Минибаева // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. – 2010. – № 5. – Т. 12. – С. 62–65.
9. *Ортега-и-Гасет, Х.* Запах культуры / Х. Ортега-и-Гасет. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 384 с.
10. *Светенко, Т.В.* Путеводитель по дебатам / Т.В. Светенко // *Дебаты. Учебно-методический комплект*. – М.: БОНФИ, 2001. – 134 с.
11. *Стернин, И.А.* Практическая риторика / И.А. Стернин. – М.: Академия, 2012. – 272 с.
12. *Харина, И.В.* Педагогические условия формирования поликультурной компетентности иностранных студентов [Электронный ресурс] / И.В. Харина // *Эмиссия. Оффлайн письма (The Emissia.Offline Letters)*. – *Электрон. науч. журн.* – 2013. – № 10 (Октябрь). – ART 2071. – Режим доступа : <http://www.emissia.org/offline/2013/2071.htm> (дата обращения: 30.04.2014).

СОВРЕМЕННАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ УЧЕБНАЯ КНИГА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА – ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Л.Ф. Маринич

Ж.И. Прыткова

Маринич Людмила Филипповна – доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: docruskaf@festu.khv.ru

Прыткова Жанна Ивановна – доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: docruskaf@festu.khv.ru

Рассматривается роль учебника в достижении программных образовательных целей по иностранному языку. Приводится анализ междисциплинарных связей в процессе обучения иностранному языку студентов технических вузов. Дается краткий обзор авторских профессионально-ориентированных учебных пособий на английском языке, созданных для формирования иноязычной коммуникативной компетенции в сфере профессионального общения у студентов строительных и электроэнергетических специальностей вуза.

Ключевые слова: теория учебника, учебная книга, междисциплинарность, приоритет специальности, виды речевой деятельности, дискурс, профессионально-ориентированное чтение, аутентичное языковое пространство.

Согласно нормативным документам [1] виды вузовской учебной книги включают в себя пять групп изданий, дифференцированных по *функциональному признаку*, определяющему их место и роль в учебном процессе: учебно-теоретические, учебно-практические, учебно-методические, учебно-справочные, учебно-библиографические.

Объектом исследования данной работы является учебно-теоретическое издание *учебная книга*, содержащее систематизированные научно-теоретические сведения, изложенные в форме, удобной для изучения и усвоения. Основными разновидностями учебно-теоретических изданий являются *учебник* и *учебное пособие*.

Учебник является основной, официально утвержденной учебной книгой по дисциплине и предполагает систематическое изложение содержания учебной дисциплины (ее раздела или части), которое соответствует учебной программе. Вузовский учебник должен включать апробированный и дидактически обработанный учебный материал. Объем и структура учебника определяются в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом и учебной программой по дисциплине.

Учебное пособие – это издание, которое либо частично заменяет учебник, либо официально утверждено в качестве дополнения к нему. Учебное пособие охватывает часть материала дисциплины,

включает более актуальные сведения и новые точки зрения по сравнению с теми, которые изложены в учебнике. Кроме того, учебные пособия подготавливаются по новым или элективным курсам, требующим оперативного обеспечения учебной литературой. Учебные пособия также издаются в целях организации самостоятельной работы студентов по изучению дисциплины, для углубления, расширения и лучшего усвоения материала, изложенного в учебнике.

Предметом исследования является профессионально-ориентированная учебная книга, представленная авторскими учебными пособиями по иностранному языку, разработанными для студентов Института транспортного строительства (ИТС) и Электроэнергетического института (ЭЛЭИ) Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС).

Цель работы – показать возможности двух предлагаемых авторами лингводидактических моделей построения современных профессионально-ориентированных учебных пособий по английскому языку для совершенствования профессиональной специализации студентов в процессе изучения иностранного языка в техническом вузе.

В настоящее время лингвокомпьютерные и когнитивные компетенции входят в реестр ключевых профессиональных и квалификационных требований к специалистам инженерного корпуса. Несмотря на

активное использование компьютерных технологий в качестве предмета, среды и средства обучения иностранному языку, ключевым дидактическим звеном учебного процесса остается учебная книга.

В соответствии с современной педагогической концепцией учебник иностранного языка представляет собой основной комплекс аутентичных материалов для достижения программных образовательных целей по иностранному языку, решения учебно-воспитательных задач при помощи выбранного метода обучения, интерактивной организации учебного процесса и создания оптимальных возможностей для учебных достижений [8].

Различные аспекты учебных материалов исследуются в рамках теории учебника, которая приобрела особую актуальность в связи с необходимостью рациональной организации информации, интеграции и систематизации знаний. В разработку дидактических и методологических основ учебника по иностранному языку большой вклад внесли И.Н. Алексеева, А.Р. Арутюнова, И.Л. Бим, Е.А. Бонди, А.А. Миролюбова, Е.И. Пассов, С.Г. Тер-Минасова и многие другие ученые.

Анализ методической литературы по данной проблеме показывает, что современный учебник по иностранному языку должен отвечать целому ряду требований и выполнять определенные функции:

- являться основным источником информации на иностранном языке (информационная функция);
- его аутентичные материалы должны создавать искусственную иноязычную среду и формировать интерес к предмету (мотивационная функция);
- обеспечивать последовательное изложение материала, систему упражнений и заданий (систематизирующая функция);
- предлагать материал различной степени трудности и содержать элементы проблемного изложения (трансформационная функция);
- упражнения учебника должны развивать все виды речевой деятельности: чтение, аудирование, говорение, письмо (коммуникативная функция);
- содержать материалы для контроля усвоения пройденного материала (контролирующая функция);
- являться контрапунктом учебно-методического комплекса дисциплины «Иностранный язык» (координирующая функция).

Система обучения иностранному языку в техническом вузе складывается из взаимодействия двух параметров – учебного предмета «Иностранный язык» и фундаментальных и специальных наук. Эти два параметра представляют собой части единой структуры и направлены на решение важной задачи: деятельность студента в процессе освоения иностранного языка, оставаясь познавательной по форме, должна стать профессиональной по содержанию.

Приоритет специальности является важным системным фактором обучения иностранному языку в условиях многоуровневого образования. Он достигается за счет:

- соответствия целей, содержания, методов и средств обучения иностранному языку уровню подготовки студентов;
- изучения на занятиях по иностранному языку базовых профессионально значимых тем, понятий и терминосистем;
- участия студентов в конференциях и олимпиадах и подготовки к защите ВКР на иностранном языке;
- формирования положительной мотивации у студентов к дальнейшему образованию.

Межпредметные связи выполняют организующую, образовательную и развивающую функции. Именно междисциплинарность является одним из условий формирования научного мировоззрения, системности получаемых знаний, самостоятельности и заинтересованности студентов в самообразовании. Комплексный подход к освоению дисциплин способствует переносу методов познания из одной науки в другую, помогает студентам анализировать и синтезировать полученные знания, видеть их целесообразность и значимость для учебной и будущей профессиональной деятельности. Таким образом, модель профессионально-ориентированного обучения иностранному языку – это последовательная дидактическая система подготовки студентов, в результате которой познавательная по форме деятельность студентов наполняется профессиональным содержанием.

Овладение языком для специальных целей (Language for Special Purposes) складывается из приобретения лингвистических знаний о системе изучаемого языка (теория) и формирования на их основе речевых умений – компетенций (практика).

Языковая (лингвистическая) компетенция – знание общеупотребительной и терминологической лексики по широкому и узкому профилю специальности, грамматических категорий и правил для преобразования лексических единиц в осмысленное высказывание.

Речевая (дискурсивная) компетенция – правильное использование языковых средств в сфере профессиональной коммуникации.

Информационная компетенция – умение работать с отечественными и зарубежными источниками информации, включая мультимедийные средства, обрабатывать информацию, определять степень её достоверности, новизны и важности, выполнять письменный перевод, аннотировать и реферировать литературу по специальности.

Когнитивная и профессиональная компетенции – способность и готовность повышать уровень вла-

дения иностранным языком в профессиональной сфере, в том числе благодаря использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Общекультурная компетенция – умение устанавливать коммуникативный контакт с партнерами в социальных и профессиональных ситуациях общения.

Создание современной, качественной междисциплинарной учебной книги по иностранному языку является сложным процессом. Учитывая значимость компетентностного подхода и самостоятельной работы студентов, можно сформулировать основные принципы проектирования такого издания:

- рассмотрение базовой дисциплины Рабочей учебной программы (РУП) в контексте смежных дисциплин профессиональной подготовки;

- моделирование блоков учебной книги с учетом оптимального сочетания междисциплинарного содержательного и лингводидактического процессуального компонентов;

- обеспечение высокой степени вариативности упражнений, заданий и текстового материала для профессионально-ориентированного чтения;

- включение заданий, стимулирующих развитие у студентов навыков самостоятельного поиска информации, креативного мышления;

- использование в обучении элементов компьютерной обучающей среды (КОС) в качестве универсального средства междисциплинарного синтеза [4].

В силу специфики преподавания иностранного языка в техническом вузе из четырех видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) целевой доминантой языковой подготовки студентов является профессионально-ориентированное чтение.

Чтение на иностранном языке представляет собой сложную специфическую форму вербального письменного общения, направленную на ориентацию, поиск, восприятие, осознание, оценку и последующее целенаправленное использование полученной информации [9]. Чтение – это многоуровневый процесс, включающий в себя стадии глобального и детального понимания и критического осмысления, требующий формирования и развития когнитивных умений, стратегий и тактических приемов, характерных для каждого уровня [2].

Глобальное понимание предполагает уяснение основной темы и фактов текста, отражающих логику развития сюжета. Пристальное внимание уделяется заголовку и подзаголовкам текста, иллюстрациям, именам собственным, цифровой информации. Знание особенностей композиционной организации текста позволяет отнести изучаемый текст к определенному жанру и стилю, определить кластеры ключевой информации, понять основную мысль текста без его подробного прочтения.

Детальное понимание заключается в уяснении точки зрения автора и основной идеи текста посредством выявления причинно-следственных связей и анализа деталей и логики построения текста. Этому способствует анализ лексико-тематической составляющей текста: терминологии, интернациональной лексики, «ложных друзей» переводчика, синонимов, антонимов, словообразовательных элементов, формально-грамматических и лексических средств когезии, отражающих логику мышления автора.

Критическое осмысление состоит в умении сформулировать и выразить личностную точку зрения по отношению к прочитанному, что является одной из главных и самых труднодостижимых целей при обучении чтению литературы на иностранном языке.

На основании многолетнего опыта преподавания английского языка в Дальневосточном государственном университете путей сообщения и с учетом вышесказанного были разработаны авторские учебные пособия для студентов Института транспортного строительства («Architecture: a Great Story about a Great Subject», 2010) и Электроэнергетического института («Guide to Professional English», 2015, 2016). В соответствии с поставленными целями были определены объем учебного материала для аудиторной и самостоятельной работы, последовательность формирования умений и навыков в разных видах речевой деятельности, выбрана средства обучения и формы контроля. Пособия прошли апробацию, получили положительную рецензию Уполномоченного вуза Министерства образования и науки РФ Московского государственного лингвистического университета и гриф Дальневосточного регионального учебно-методического центра. Материалы пособий аутентичны, отобраны с учетом познавательной ценности, информативности и актуальности; отражают наличие межпредметных связей дисциплины «Иностранный язык» с рядом учебных дисциплин естественнонаучного и общетехнического циклов и успешно используются в учебном процессе.

Учебное пособие «Architecture: a Great Story about a Great Subject» состоит из пяти глав и охватывает период от зарождения строительства в Месопотамии до архитектуры XX века и нового тысячелетия, включает справочный материал для анализа логико-смысловой структуры текста и написания эссе, обширный терминологический словарь и более 100 иллюстраций [5].

Тщательно отобранные речевые произведения представляют весь спектр дискурса – повествование (narration), описание (description), экспозицию (exposition), аргументацию (argument). *Текст-повествование* используется для рассказа о знаменитых строителях и важных событиях в истории

мировой архитектуры. *Текст-описание* воссоздает образы сооружений и стилеобразующих элементов. *Текст-экспозиция* объясняет факты, явления, термины. *Текст-аргументация* убеждает, доказывает, приводит доводы.

Все тексты пособия представляют собой фрагменты аутентичного языкового пространства с четкой композиционно-смысловой структурой, основными компонентами которой являются тема (topic), идея (thesis) и содержание (content). Задача автора состоит в том, чтобы научить студентов понимать содержание текста, анализировать его смысл, осваивать его лексический и грамматический фонд, осознавать его профессиональную значимость. Продуманный отбор учебных текстов создает естественную мотивацию чтения и превращает его в познавательный процесс. Все тексты пособия отвечают следующим требованиям:

- строгой соотнесенности заголовка (title) с содержанием (content);
- композиционной завершенности и четкой логико-смысловой структуре (unity, continuity, logic of thought and structure);
- единству вступления (Introduction), центрального коммуникативного блока (Body) и заключительной части (Conclusion);
- наличию базовых компонентов во вступлении (hook, connecting information, thesis statement) и в главной части текста (topic sentence, supporting sentences, transitional sentence);
- использованию адекватных средств связности (connecting words and phrases);
- индуктивной или дедуктивной форме изложения, которая облегчает предвосхищение или вероятностное прогнозирование (anticipation and prediction);
- актуальности, познавательности и обязательно-му присутствию новой для студентов информации.

При работе с текстами учебного пособия автор ставит перед студентами те же задачи, что и в реальной жизни:

- найти в тексте какой-либо факт или деталь (scanning);
- понять главную идею текста (skimming);
- полностью понять прочитанное (detailed comprehension);
- оценить значимость информации (critical reading);
- проанализировать текст с точки зрения его лексической, грамматической, стилистической и композиционно-смысловой структуры (analytical reading).

Наличие в пособии большого количества опор (cues) облегчает работу студентов как на стадии восприятия текста, так и в процессе его дальнейшего использования. Роль вербальных опор (verbal cues) выполняют эпиграфы перед текстами, выска-

зывания великих архитекторов, блоки ключевых слов, планы-схемы текстов, лексико-грамматические модели. В качестве невербальных опор (non-verbal cues) используются рисунки, фотографии, даты, цифры.

Навыки и умения чтения формируются в процессе выполнения трех основных групп заданий – предтекстовых, текстовых и послетекстовых.

Цель предтекстовых заданий – активизация фоновых знаний, необходимых для восприятия последующего текста и устранения потенциальных языковых и смысловых трудностей: прогнозирование содержания текста по заголовку и эпиграфу; анализ ключевых слов и иллюстративного материала.

Текстовые задания содержат четко сформулированные установки и указания на вид чтения и время выполнения задания. Например: разделить текст на смысловые части и озаглавить их; расположить утверждения в порядке их следования в тексте; составить хронологическую таблицу событий, упомянутых в тексте; найти в тексте аргументы, подтверждающие или опровергающие данные утверждения; указать общие черты и различия архитектурных стилей; соотнести термин с определением; найти и проанализировать средства связности в абзаце.

Послетекстовые задания развивают умение использовать и трансформировать полученную информацию для создания самостоятельного устного или письменного речевого произведения: выполнить выборочный перевод текста; реконструировать основные события текста по схеме; сделать эскиз или чертеж архитектурного сооружения определенного стиля и описать его, используя специальную терминологию; выразить свою точку зрения по проблеме; составить диалог на основе содержания текста и разыграть его по ролям; пересказать текст от имени определенного лица; написать эссе или аннотацию.

Учебное пособие *Guide to Professional English* представляет собой курс английского языка для специальных целей, содержащий теоретические сведения об особенностях языка научно-технического стиля речи и практические задания, способствующие развитию коммуникативных умений в сфере профессионального общения [3].

Цель пособия – научить студентов инженерных специальностей работать с содержательно значимыми аутентичными научно-техническими текстами профессионального характера в соответствии с поставленными задачами и сформировать у них умения:

- читать, понимать, переводить оригинальные научно-технические статьи (первичные публикации);
- анализировать композиционную и смысловую структуру данных текстов, выделять *ключевую, до-*

полнительную, уточняющую, повторную и нулевую информацию;

– осуществлять логико-смысловую компрессию первоисточника с целью передачи его главного содержания в виде аннотации или реферата (вторичные публикации).

Работа состоит из семи тематических разделов, объединенных в три части, каждая из которых публикуется в виде отдельного учебного пособия.

Часть 1 знакомит студентов с зарубежными периодическими изданиями по проблемам железнодорожного транспорта, видами, отличительными чертами и композиционной организацией журнальной статьи.

Важной составляющей в работе с аутентичным текстом по специальности является обучение студентов переводу как *процессу*, при котором содержание текста на иностранном языке передается на русский язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста. В свою очередь, выполненный студентами перевод становится *результатом* такого процесса. Для решения основной задачи перевода – максимально полной передачи информации, изложенной в оригинале, – студенты изучают базовые понятия теории и практики перевода, типы, структуру и методику работы с печатными и электронными словарями и программами-переводчиками.

Часть 2 посвящена языку и стилю журнальной статьи. В рамках данной темы представлена система функциональных стилей английского и русского языков, лексические, грамматические и стилистические особенности научно-технического стиля речи данных языков, дана классификация жанров научно-технического стиля.

Студенты знакомятся со способами преодоления лингвистических трудностей, возникающих при передаче терминов, атрибутивных словосочетаний, «ложных друзей» переводчика, сокращений, синтаксических средств связности с английского языка на русский язык.

Часть 2 включает информационно-справочный материал с комментариями и примечаниями: приложение 1 «Сокращенные обозначения важнейших железных дорог мира» (Names of the World's Key Railways), приложение 2 «Сокращенные обозначения отдельных единиц электроподвижного состава» (Names of Some Railway Electric Rolling Stock Units), приложение 3 «Общетехнические сокращения в алфавитном порядке» (Technical Abbreviations in Alphabetical Order), приложение 4 «Список латинских слов, выражений, сокращений» (Latin Loanwords).

Сведения, представленные в данном разделе, отражают межпредметные связи в прикладном аспекте, они необходимы при чтении и переводе текстов по специальности, а также для выполнения заданий, спо-

собствующих развитию коммуникативных умений в сфере профессионального общения.

Часть 3 исследует структуру научно-технического текста, описывая его как речевое произведение со своими характеристиками, категориями, уровнями и композиционно-речевыми формами изложения. Подробно анализируются базовые структурные единицы текста – предложение (грамматическое и актуальное членение предложения) и абзац (модели построения абзаца с учетом местоположения ключевого предложения), а также внутритекстовые связи в научно-техническом тексте (семантическая и формальная когезия).

Особое внимание уделено обучению аннотированию и реферированию оригинальных журнальных статей: рассматриваются принципы классификации аннотаций и рефератов, их язык, стиль, объем, структура и порядок работы над ними.

Структура каждого тематического раздела пособия содержит:

1) ключевые слова (Key Words), которые позволяют студентам до знакомства с темой раздела составить общее представление о предлагаемом материале, проследить логику изложения, сконцентрировав внимание во время чтения на наиболее важных аспектах теории;

2) теоретический материал по теме раздела, который дает студентам базовые филологические знания об особенностях языка и стиля научно-технических текстов;

3) вопросы (Comprehension Questions), завершающие теоретическую часть и предназначенные для совместного обсуждения в группе содержания материала и проверки его понимания;

4) упражнения (Exercises), направленные на формирование практических навыков и совершенствование умений работы со словарем, техники перевода, информационного поиска, чтения, анализа и извлечения профессионально значимой информации из текстов по специальности.

Особенностью данного пособия является использование элементов *компьютерной обучающей среды* для аудиторной и самостоятельной работы студентов.

• Интернет-ресурсы для поиска дополнительного учебного материала: сайты периодических изданий по проблемам железнодорожного транспорта, электроэнергетики.

• Программа *Power Point* для выполнения творческих заданий по подготовке презентаций.

• Словари *Lingvo*, *Multitran*, доступ к которым возможен для студента с его мобильного телефона, ноутбука или нетбука.

• Программы машинного перевода *Prompt* и *Translate*.

Известно, что студенты регулярно пользуются системами машинного перевода при переводе текстов, причем делают это механически. Полученный перевод часто трудно понять из-за ошибок в выборе варианта перевода многозначного слова или из-за неспособности программы найти соответствие всем грамматическим формам и конструкциям в тексте. Студент сталкивается с необходимостью редактировать текст, что является трудной задачей при отсутствии необходимого опыта. В пособие включены упражнения по выполнению машинного перевода (МП) и постпереводческой правки текста, которые формируют навык редактирования, представляющий практическую ценность для будущего специалиста.

Форматы выполняемых на компьютере заданий и упражнений пособия успешно апробированы в студенческих группах. При составлении заданий и упражнений соблюдались принципы последовательности, логичности, системности и нарастающей сложности.

Очевидно, что обучение иностранному языку в техническом вузе должно ориентироваться на будущую профессиональную деятельность выпускников, осуществляться на основе знаний, получаемых ими в процессе изучения дисциплин общегуманитарного, социально-экономического, естественно-научного, общепрофессионального циклов.

Корректный и качественный отбор текстового материала, разработка междисциплинарных учебных заданий, подготовка докладов, написание рефератов на иностранном языке по темам профессиональной направленности, использование общих для разных учебных дисциплин методологических приемов – залог достижения поставленных целей.

Таким образом, важно помнить, что эффективная профессиональная коммуникация играет доминирующую роль по отношению к грамматической правильности речи. В процессе работы с предложенными пособиями студенты осознают, что овладение лексическим и грамматическим строем языка и терминологическим аппаратом является не самоцелью, а необходимым условием развития профес-

сиональных компетенций. Продуманная, познавательная, междисциплинарная учебная книга, обучающая эффективным приемам и стратегиям чтения, сокращает разрыв между сложностью аутентичного материала и языковыми возможностями студентов. Такой учебник формирует у будущих инженеров привычку пользоваться литературой на иностранном языке, знание которого является важным каналом получения новой профессионально значимой информации. Учебные пособия по английскому языку для специальных целей должны учитывать межпредметные связи, являющиеся отражением интегративных процессов в прикладном аспекте, и служить средством повышения качества обучения в высшей школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГОСТ 7.60–2003. Издания. Основные виды, термины и определения. – М. : Изд-во стандартов, 2003.
2. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учеб. пособие / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М. : Академия, 2006.
3. Маринич, Л.Ф. Английский язык в сфере профессиональной коммуникации (Guide to Professional English) : учеб. пособие. В 3 ч. / Л.Ф. Маринич. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2015. – Ч. 1. – 156 с.; 2016. – Ч. 2. – 168 с.
4. Попова, Н.В. Профессионально-ориентированный учебник по иностранному языку нового поколения: междисциплинарный подход / Н.В. Попова. – СПб. : Изд-во. Политех. ун-та, 2011. – 330 с.
5. Прыткова, Ж.И. История архитектуры (Architecture: a Great Story about a Great Subject) : учеб. пособие / Ж.И. Прыткова. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2010. – 215 с.
6. Смирнова, О.О. Основные вопросы разработки учебника иностранного языка для студентов неязыковых вузов. Разноуровневая подготовка по иностранному языку в вузах неязыковых специальностей / О.О. Смирнова // Вестник МГЛУ. – 2006. – Вып. 509. – С. 68 – 76. – (Серия Лингводидактика).
7. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
8. Традиции и новации в методике обучения иностранным языкам: Обзор основных направлений методической мысли в России / под ред. Л.В. Московкина. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008.
9. Фоломкина, С.К. Обучение чтению на иностранном языке / С.К. Фоломкина. – М. : Высш. шк., 1987.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«КОНФЛИКТ МИФОЛОГИЙ» ИЛИ ИЗЪЯСН СТРАТЕГИИ? О ПЕРСПЕКТИВАХ ЭВОЛЮЦИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Р.Л. Лившиц

Лившиц Рудольф Львович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре).

Контактный адрес: rudliv@mail.ru

Рассматриваются новейшие концепции современных дальневосточных авторов относительно перспектив развития Дальнего Востока России. Дана критическая оценка взглядов Л.Е. Бляхера, который интерпретирует историю взаимоотношений центра и периферии в рамках развиваемой им концепции «конфликта мифологий». Проанализирован фундаментальный труд В.И. Ишаева, В.В. Ивантера и Д.Б. Кувалина, где представлено альтернативное видение проблемы. Автор выражает солидарность с методологической установкой на проектное отношение к социальной реальности, однако считает, что при существующих в настоящий момент условиях перспективы воплощения в жизнь программы прогрессивных преобразований дальневосточного социума довольно неопределенны.

Ключевые слова: Дальний Восток, стратегия развития, «конфликт мифологий», перспективы развития

Для нас, дальневосточников, вопрос о будущем региона, в котором мы живем и работаем, представляет далеко не абстрактный интерес. Многие из тех, кто проживает на Дальнем Востоке, не являются его коренными жителями, ибо оказались здесь по распределению, в силу жизненных обстоятельств (вступление в брак, развод, служба в армии) или по иной прихоти судьбы. По этой причине они не считают Дальний Восток своей малой родиной и свое пребывание здесь воспринимают как временное или, по крайней мере, как потенциально временное (т.е. рассматривают возможность отъезда при наступлении неблагоприятных обстоятельств как весьма вероятную). И нет ничего удивительного в том, что вопрос о будущем дальневосточного региона привлекает внимание проживающих здесь исследователей. Приходилось высказываться по этому вопросу и автору настоящих строк [5–7].

Недавно были опубликованы две монографии, в которых предпринята попытка с разных позиций проанализировать перспективы развития Дальнего Востока [1; 4]. Имеет смысл вникнуть в содержание этих работ, поскольку они дают богатую пищу для размышлений.

Следует, правда, отметить, что монография Л.Е. Бляхера из-за индивидуальных особенностей авторского стиля нелегка для восприятия. Автор предпочитает изъясняться на модном ныне языке, в котором привычные и понятные всем слова заменены другими: анализ – деконструкцией, представление – мифологией, взгляды – когнитивным горизонтом, выражение – артикуляцией и т.п. Встре-

чаются и наинovelшие термины вроде слова *полстер* [1: с. 80], которое еще не включено в словарь. Вместо русского оборота «выявить специфику региона» Л.Е. Бляхер употребляет выражение «сказать регион», что для человека, непривычного к подобным языковым изыскам, звучит довольно странно. Впрочем, эта элитарная манера речи вовсе не исключает употребления жаргонных словечек «валить» (в смысле уезжать), «кинуть» (в смысле обмануть), «грохнуть» (в значении убить), «заморочки» и т.п. Однако все эти трудности не являются непреодолимыми, основная мысль автора выражена (извините, артикулирована) достаточно ясно.

Попытаемся ее пересказать максимально близко к тексту. В своем понимании сути текущего момента и перспектив развития Дальнего Востока России Л.Е. Бляхер опирается на определенную методологию. Она состоит в истолковании социальных и экономических проблем как языковых. Ключевое понятие его концепции – миф. Миф трактуется им расширительно – не как ложное или иллюзорное знание, а как (устойчивое) представление. Цитируем соответствующее высказывание: «Описание региона, попытка сказать его неизбежно упирается в огромное количество устойчивых представлений как самих его жителей, так и внешнего окружения. Эти представления (в тексте для их обозначения используется термин "миф") в глазах их носителей не нуждаются в доказательстве. Они истинны в силу самого их наличия. Не записав их, не обозначив их, мы не можем понять процессы, протекающие в регионе, не сможем создать "картинку", сколько-нибудь приемлемую для рецепи-

ента, жителя Дальнего Востока, и сколько-нибудь понятную для внешнего наблюдателя» [1: с. 78]. Утверждение, что для описания региона (его сказывания, выражаясь языком Л.Е. Бляхера) требуется зафиксировать и представления его жителей, а не только объективные условия их бытия, само по себе возражений не вызывает. Однако трудно согласиться с той трактовкой соотношения представлений (мифов) и социальной реальности, которую дает автор в цитируемой монографии. Эти представления он считает не отражением бытия (пусть превратным и иллюзорным), а какой-то априорной конструкцией, выполняющей роль регулятора общественных отношений. Так, Л.Е. Бляхер категорически утверждает, что миф – «принципиально контрфактичная структура» [1: с. 80]. «Его не компрометирует никакая совокупность фактов, предъявленных индивиду» [1: с. 80]. Далее: «Попытка "выйти за миф" будет успешной только при том условии, что она опирается на другой миф. Но, выйдя за миф, человек попадает в другое мифологическое пространство. Его действия перестают коррелировать с действиями членов прежней группы. Он оказывается в положении чужака и может управлять лишь посредством силового принуждения. Более того, осмысленные прежде коллективные действия лишаются для него всякой логики, ибо логика этих действий основана на мифе» [1: с. 83]. Отсюда делается такой принципиальный вывод: «В результате он утрачивает возможность не только "управлять" (как политик), но и понимать происходящее (как ученый)» [1: с. 83]. (По правде говоря, мы не смогли понять, почему слово «управлять» взято в кавычки. Политика по определению включает в себя функцию управления большими человеческими коллективами, зачем здесь кавычки? Или в данном случае речь идет об управлении в каком-то особом смысле? Но не будем задерживать внимание на этом частном вопросе.) Итак, при определенных условиях возникает конфликт мифов (т.е., напомним, устойчивых представлений), который заводит ситуацию в тупик. Коммуникация между двумя подсистемами в рамках одной системы становится невозможной, ведь «...для того чтобы, находясь в рамках иной мифологической системы, организовать коммуникацию с другой системой, необходимо создать "сверхсистему", снимающую межсистемные противоречия. Однако подобного рода "сверхсистема" часто оказывается иллюзорной» [1: с. 83]. Но ведь *часто* не означает *всегда*, не так ли? Если точно следовать автору, получается, что в некоторых (пусть и редких) случаях удачную «сверхсистему» удастся создать. Находится, иначе говоря, способ выйти из тупика, разрешить «конфликт мифологий». Читатель ждет, что Л.Е. Бляхер рассмот-

рит условия, при которых такая ситуация оказывается возможной. Однако читательские ожидания не оправдываются. Вслед за цитированной фразой следует назывное предложение, не связанное ни с предыдущим, ни с последующим: «Ситуации, когда в пространство, организуемое одной мифологической системой, вторгаются смыслы, исходящие из иной» [1: с. 83].

Специфику современной ситуации на Дальнем Востоке Л.Е. Бляхер трактует в русле развиваемой концепции. По его представлению, проблема заключается в том, что «...действия управляющих строятся на ином мифологическом основании, нежели действия управляемых» [1: с. 83]. Иными словами, «...действия центра, исходящего из внешних представлений о регионе, не могут быть адекватно осмыслены региональным сообществом и потому отторгаются. "Мы" управляемых локализуется в регионе (дальневосточники), государство же начинает восприниматься как "они" ("Москва", "Запад"). Более того, поскольку дальневосточники ощущают себя, прежде всего, гражданами РФ, действия "Москвы", "Запада", оказываются внешними по отношению не только к Дальнему Востоку, но и к России в целом, осмысляясь как немотивированное структурное насилие, систематическое вторжение в приватную сферу жизни человека» [1: с. 84].

Вообще-то в эти действия входит и предоставление ряда льгот для дальневосточников (или хотя бы их части). Например, из федерального бюджета финансируется такая льгота для работающих граждан, как бесплатный проезд раз в два года в любую точку нашей отнюдь не маленькой страны. Пенсионеры имеют право приобретать билет на проезд по России со скидкой 50 процентов. И непохоже, чтобы такие действия центральной власти осмысливались жителями нашего региона как «немотивированное структурное насилие, систематическое вторжение в приватную сферу жизни человека». Другой факт. В Амурской области развернуто строительство космодрома Восточный. Заметим, не по инициативе жителей Благовещенска и не по желанию хабаровчан, а по воле Москвы. И не видно признаков того, что эти действия отторгаются местным населением. Напротив, есть все основания считать, что они встречены с неподдельным энтузиазмом.

На это можно возразить, оставаясь в рамках парадигмы Л.Е. Бляхера, что «конфликт мифологий» носит не тотальный, а парциальный характер. Вторжение возникает там и тогда, где и когда «мифология региона» противоречит «мифологии» центра. Если же они совпадают, то никакого отторжения, естественно, нет. Но это возражение не спасает парадигму, поскольку оно не отвечает на вопрос о причинах, порождающих совпадение или, напро-

тив, «конфликт мифологий». Если же вопрос поставить в такой плоскости, то становится очевидной уязвимость всей теоретической конструкции автора. В основе любой «мифологии» лежит материальный интерес – вот фундаментальный факт, который старательно не замечает Л.Е. Бляхер. Представления людей не из вакуума возникают, они – отражение реальных условий бытия, их экономических интересов. Оттого, что мы назовем эти представления мифом, они не оторвутся от своей земной основы. Конечно, это отражение может быть и не очень адекватным, и даже очень неадекватным, но оно все равно вторично по отношению к объективным факторам социальной действительности. Не нами сказано: общественное бытие определяет общественное сознание. Забвение этой азбучной истины материалистического понимания общественных процессов приводит к умножению сущностей сверх необходимого, что категорически запрещено «бритвой Оккама». «Конфликт мифологий» – это сущность, не нужная для объяснения коллизий, возникающих во взаимоотношениях между центром и регионами. Она явно избыточна и должна быть элиминирована из подлинно научного объяснения социальной реальности.

Сказанное вовсе не означает, что между центральной и местной властью всегда существует полное взаимопонимание, т.е. что «конфликт мифологий» – это фантом, чья-то выдумка, созданная для того, чтобы скрыть действительное положение вещей. Нет, в любой коммуникации (в том числе и в коммуникации между центром и периферией государства) всегда в большей или меньшей степени присутствует определенное недопонимание. В отдельных случаях недопонимание может переходить в совершенное непонимание, в «конфликт мифологий». Однако этот феномен имеет десятистепенное значение и не определяет ситуацию как в стране в целом, так и в каждом ее регионе. Дело не в «конфликте мифологий», а в объективном соотношении интересов целого и частей. Чтобы понять современное положение дел на Дальнем Востоке, надо обращаться не к факторам надстроечного характера, а к явлениям базисного уровня. Это и будет действительно научный подход к анализу текущей ситуации и определению перспектив развития Дальнего Востока. Необходимо ответить на вопрос о том, в чем состоят приоритеты страны, каково место региона в ней, какие необходимо ставить стратегические задачи, каков образ желаемого будущего и России в целом и ее дальневосточной окраины. В общем, требуется связный социальный проект нового жизнеустройства. И здесь, говоря словами поэта, кончается искусство и дышит почва и судьба.

И даже укрывшись в дебрях семиотики, лингвистики, герменевтики, невозможно эти фундамен-

тальные вопросы обойти. Обществоведение – это такая область познания, в которой всегда так или иначе проявляется ангажированность исследователя. Сознает он или нет, желает или, наоборот, противится, но он всегда «артикулирует» чей-то интерес. Если с этой точки зрения проанализировать труд Л.Е. Бляхера, то нетрудно увидеть, что он выступает как выразитель интересов мелкого и среднего бизнеса. (На марксистском языке – мелкой и средней буржуазии.) Тезис о «конфликте мифологий» фактически скрывает несогласие со стремлением руководства страны возратить Дальнему Востоку роль регионального центра индустриального развития, каковым он был в советский период отечественной истории. Здесь и ненавязчивое упоминание о «заведомо нерентабельных оборонных предприятиях» [1: с. 100], и заявление о том, что созданный в советское время промышленный потенциал был «лишним» и «навязанным извне» [1: с. 144], и общая негативная оценка «массированного вторжения государства в экономику региона» [1: с. 149]. Приведем характерный тезис. «Федеральные проекты, по крайней мере те из них, которые реализовывались в "нулевые", были опять связаны с индустриальным развитием Дальнего Востока. Эксгумировались оборонные заводы, строились и строятся верфи и т.д.» [1: с. 151]. Автор явно перепутал эксгумацию с реанимацией, но не станем заострять на этом внимание. Главный порок такой стратегии Л.Е. Бляхер видит в том, что она требует постоянных государственных вливаний и дешевой рабочей силы [1: с. 152]. Сама по себе такая констатация справедлива, однако она оставляет без внимания важный вопрос: порочен сам курс на индустриальное развитие или дело в чем-то другом? Например, в том, что были выбраны неудачные направления реализации этого курса. Или использовались не отвечающие конкретным условиям приемы. Дальнейшее изложение не оставляет сомнений относительно позиции автора. Он не согласен не с частностями, а с главным. С точки зрения Л.Е. Бляхера, реализация современным российским государством своих планов развития Дальнего Востока привела к тому, что «попутно у подавляющего большинства <...> дальневосточников была отнята возможность самостоятельно заработать свой кусок хлеба» [1: с. 181]. Правда, не очень понятно, кто входит в это «подавляющее большинство». Преподаватели вузов, например, никакого особого утеснения не почувствовали. Впрочем, как и все бюджетники. Работники «эксгумированных» промышленных предприятий тоже не имеют основания жаловаться на то, что их лишили возможности самостоятельно зарабатывать кусок хлеба. Если кто и ощутил ухудшение своего положения именно от «возврата государства на Дальний Восток» [1: с. 181], так это мелкие и отча-

сти средние предприниматели. Но они никогда не составляли, да и не могут составлять «подавляющее большинство» населения. Однако именно о них печется Л.Е. Бляхер, их интересы защищает и отстаивает. И именно поэтому он преисполнен оптимизма относительно будущего Дальнего Востока: «Государство медленно и незаметно уходит из региона, теряет к нему интерес» [1: с. 185], «Регион опять вступает в полосу забвения» [1: с. 186]; «Наступательный порыв центра начинает захлебываться» [1: с. 182], хотя «все не так плохо, как хотелось бы» [1: с. 182]. И вот финальный аккорд: «Лес, продукция сельского хозяйства, биоресурсы, самые разнообразные металлы – все это вещи, вполне востребованные на мировых рынках. Тем более что режим порто-франко позволит продавать их существенно дешевле» [1: с. 196]. В общем, согласно Л.Е. Бляхеру, Дальний Восток должен вернуться к естественной для него роли поставщика сырьевых ресурсов на мировой рынок. Мечты об индустриальном рывке следует оставить. При этом государство обязано предоставить местному сообществу (т.е. предпринимателям) право беспошлинной торговли. Согласитесь, вполне справедливое распределение функций: бизнесу – права, государству – обязанности. Предприниматели, конечно, обогатятся, но это пойдет на пользу всем остальным: станет создаваться среда, в которой будет комфортно жить остальным дальневосточникам. Итак, перед нами – тысяча первая вариация на тему о невидимой руке рынка, которая приведет ко всеобщему благу (в данном случае в масштабах региона).

Не беремся судить, насколько программа Л.Е. Бляхера реалистична. Но вот то, что она ретроградна, не вызывает у нас сомнений. И, добавим, потенциально деструктивна. На наш взгляд, оставив, по рецептам Л.Е. Бляхера, «неуправляемую жизнь» в регионе течь по «естественному» руслу, государство рано или поздно получит самоорганизацию, подобную той, что мы имели возможность наблюдать в станице Кушевской. Там выдвинулся «силовой оператор», который смог наладить неформальные социальные сети, выработал всем понятные правила игры, поставил под свой контроль жизнь всего местного сообщества. Ну, а тот, кто этих правил не желал признавать... О том, что с ними происходило, можно узнать из материалов уголовного дела банды Цапков [11].

Наше глубокое убеждение состоит в том, что государство, если оно желает соответствовать своему назначению, не имеет права уклоняться от управления жизнью общества.

Именно из такого понимания роли государства в жизни общества исходят авторы другого обобщающего труда, посвященного перспективам разви-

тия Дальнего Востока [4]. В нем нет никаких языковых изысков и стилистических красот, авторы ни на йоту не отступают от строгих норм научного стиля, отчего понимание выраженных в книге идей не требует специальной «деконструкции».

Авторы смотрят на Дальний Восток России с точки зрения общегосударственных интересов. И у них не вызывает ни малейших сомнений «необходимость приоритетного развития Востока России» [4: с. 3]. Они продолжают линию, которая представлена в ряде теоретических трудов, например в работах П.А. Минакира [8], Е.Н. Галичанина, В.А. Уварова, А.Г. Юрченко [3]. В связи с тем что страны АТР стали в последнее десятилетие ключевым регионом мира, задача, как следует из книги, состоит не в возвращении утраченных в послесоветские годы позиций, а в «создании особых условий, способствующих опережающему развитию этого макрорегиона» [4: с. 3]. Авторы выдвигают амбициозную цель: «На втором этапе (после 2020 г.) за счет опережающего развития превратить этот регион (Дальний Восток России. – *Р.Л.*) в передовую территорию, которая станет одним из главных локомотивов роста в стране» [4: с. 17].

Авторы констатируют, что задача эта не относится к разряду простых. Есть ряд объективных факторов природного и социального порядка, с которыми необходимо считаться при реализации любых планов развития Дальнего Востока: географическая удаленность региона, растянутость транспортных коммуникаций, тяжелые климатические условия, низкая плотность населения, недостаточный уровень развития инфраструктуры, что ведет к повышению уровня издержек в экономике по сравнению с другими регионами России и соответственно к снижению уровня конкурентоспособности многих видов экономической деятельности, осуществляемых в макрорегионе [4: с. 8]. «Но, – заявляют авторы, – в то же время, несмотря на все сложности, государственная политика на Дальнем Востоке вовсе не обречена на то, чтобы быть оборонительной и нацеленной исключительно на латание дыр. Наоборот, существует целый ряд важнейших обстоятельств, которые позволяют придать этой политике наступательный характер» [4: с. 9]. И далее: «...В макроэкономическом смысле активная деятельность государства на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе – это не вынужденная поддержка отстающих периферийных территорий, а важнейшее направление развития всей России» [4: с. 10]. В.И. Ишаев, В.В. Ивантер и Д.Б. Кувалин подчеркивают, что «...можно и нужно рассматривать принадлежащие России восточные территории в качестве особо ценного актива, экономическую, политическую и социальную отдачу от которого страна будет получать на протяжении многих столетий» [4: с. 10].

Итак, перед нами – совершенно иная философия освоения Дальнего Востока. Не плыть по течению событий, ожидая, что «местные общины» наладят неформальные связи и в результате создадут для себя и других комфортные условия жизни, а управлять развитием, программировать его, добиваться реализации задач, отвечающих интересам и региона, и страны в целом. Добавим от себя, что сохранение Дальнего Востока в орбите России соответствует также интересам мира на планете, потому что утрата Россией *такого* ресурса, если она произойдет, неизбежно приведет к потрясениям глобального масштаба.

Обозначенные нами позиции при всей их диаметральной противоположности, однако, в одном отношении тождественны: обе они пронизаны уверенностью в том, что дальнейшая эволюция Дальнего Востока будет протекать по оптимистическому сценарию. Но если оптимизм Л.Е. Бляхера связан с обнаруженной им (и, заметим, только им) тенденцией ухода российского государства от вмешательства в «естественный ход событий», то оптимизм его оппонентов – с идеей усиления влияния центра на развитие региона.

Не станем скрываться под маской беспристрастности: мы отдаем предпочтение позиции В.И. Ишаева, В.В. Ивантера и Д.Б. Кувалина. В их монографии мы находим не только образ желаемого будущего, отвечающего интересам страны и региона, но и глубокую теоретическую проработку всех аспектов намеченной преобразовательной деятельности. Но вот вопрос: насколько их труд повлияет на реальный ход событий? Дело в том, что это далеко не первый подобный труд и далеко не первая научно обоснованная программа развития Дальнего Востока. Так, в монографии [4: с. 46] приведена любопытная таблица, взятая из официального источника (таблица).

Таблица

**Степень выполнения плановых показателей
в рамках различных программ развития
Дальнего Востока и Забайкалья**

Наименование документа, формулирующего основные цели и задачи программы	Степень выполнения показателей программы, %
Постановление ВЦИК и ЦК ВКП(б) 1930 г.	130
Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1967 г.	80
Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1972 г.	65
Государственная целевая программа 1987 г. на 1986–2000 гг.	30
Президентская программа 1996 г. на 1996–2005 гг.	10

Особенно сильное впечатление производит последняя строка. Если государственная программа выполнена всего лишь на 10 процентов, то это может говорить либо о полной недееспособности государства, либо о том, что она с самого начала принималась не для того, чтобы ее выполнять.

В настоящее время принято противопоставлять «лихие» 90-е гг. последующему периоду как периоду экономического роста и стабильности. Поэтому фактический провал программы 1996–2005 гг. можно трактовать как результат ошибочной политики правительства, а не как следствие системных причин. Но что было после того, как срок действия программы истек? Об этом в рассматриваемой монографии написано так: «В дальнейшем эта целевая программа неоднократно перерабатывалась и дополнялась. В частности, в 2006 г. было принято решение о значительном увеличении масштабов финансирования дальневосточной ФЦП из Федерального бюджета. В 2007 г. было решено продлить горизонт действия программы до 2013 г., увязав его с проведением саммита организации Азиатского и Тихоокеанского сотрудничества во Владивостоке в 2012 г. В 2013 г. в ходе очередной доработки действия ФЦП было решено продлить до 2018 г.

Параллельно в 2009–2010 гг. властями страны были приняты решения о разработке еще более масштабного и более долгосрочного документа – государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». Однако первые попытки разработки этой государственной программы оказались неудачными. Поэтому в конце 2012 г. вновь созданному Министерству Российской Федерации по развитию Дальнего Востока было поручено вернуться к решению этой задачи. Работы по подготовке первой и наиболее полной версии государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.», в которых принимал участие широкий круг специалистов из Российской академии наук, ведущих университетов страны, федеральных и региональных министерств и ведомств, а также из крупных корпораций, были закончены в течение трех месяцев. И уже в марте 2013 г. Правительство России одобрило и утвердило эту версию государственной программы [4: с. 84]. Итак, не выполнив одну программу, руководство страны принимает другую, потом продлевает ее действие до нового срока; затем в ураганном темпе разрабатывается и принимается еще одна, срок реализации которой закончится тогда, когда в стране, вероятнее всего, будет другое правительство. Об отчетах по завершившимся программам ни слова не сказано, что заставляет предположить, что никаких отчетов и не

было. И все это нам нужно воспринимать как образец планомерного созидания?

Дело осложняется тем, что последняя программа принималась тогда, когда Россия еще только вступала в полосу масштабного кризиса, когда еще не иссякла инерция сверхблагоприятной нефтяной конъюнктуры на мировом рынке, еще до «революции гидности», воссоединения Крыма с Россией, санкций против нашей страны и резкого обострения международной обстановки. Сейчас условия для реализации программы значительно менее благоприятные, чем в 2013 г., поэтому есть очень серьезные основания сомневаться в том, что она будет воплощена в жизнь, по крайней мере, в полном объеме. Ситуация, в которой оказалась современная Россия, делает весьма вероятным предположение, что судьба принятой в 2013 г. программы будет не более счастливой, чем участь тех, которые принимались в послесоветский период до нее. К такому выводу приводят нас неумолимые факты реальной жизни.

Так, анализируя развитие Хабаровского края, известный российский исследователь Р.Ф. Туровский констатирует, что «...по итогам прошлого (2015. – *Р.Л.*) года ни один новый, или же обновленный старый проект, по большому счету, в Хабаровском крае не заработал. Все утонуло в бюрократических согласованиях и аппаратных противоречиях» [10]. И далее: «С финансовой точки зрения 2015-й год оказался откровенно плохим. Доходы краевого консолидированного бюджета упали на 7,6 % (хуже было только в Еврейской АО), причем произошло это за счет резкого сокращения федеральной финансовой помощи. <...> Парадокс заключался в том, что федеральное правительство одной рукой принимало решения о создании в Хабаровском крае точек роста, а другой — урезало ему финансирование» [10]. «Растущей проблемой становятся долговые обязательства Хабаровского края, который своими силами не справляется с расходной политикой, а от центра получает не так много. К началу 2016 г. государственный долг Хабаровского края превысил 30 миллиардов рублей, и это второй показатель в ДФО после Якутии» [10]. В общем и целом Р.Ф. Туровский оценивает ситуацию со сдержанным оптимизмом, но приводимые им факты красноречивы сами по себе. Самое главное состоит в том, что нет никаких признаков перелома в настроениях местного населения. Как справедливо отмечают В.И. Ишаев, В.В. Ивантер и Д.Б. Кувалин, «...ключевая угроза, которая ставит под сомнение перспективы долгосрочного развития региона, — это масштабный отток населения с востока России. <...> Именно продолжающееся снижение численности населения макрорегиона делает эту часть России уязвимой в геополитическом плане. Огромные раз-

меры восточных территорий, наличие там богатых минерально-сырьевых и других ресурсов в сочетании с низкой плотностью населения создают системное напряжение, которое выражается в усилении угроз, связанных с международной конкуренцией за неосвоенные пространства» [4: с. 68].

Рубежной датой в истории российского Дальнего Востока, бесспорно, является 1991 г. Именно тогда свершился отказ от советского проекта и соответственно от планового ведения хозяйства. В течение последующей четверти века государство пыталось обеспечить развитие дальневосточного региона с опорой на рыночные, т.е., говоря без эвфемизмов, на капиталистические методы. 25 лет — достаточный срок, чтобы сделать вывод о том, насколько они эффективны. Неопровержимый факт состоит в том, что по всем ключевым показателям за это время не удалось даже восстановить советский уровень социально-экономического развития и уж тем более его превзойти. Можно, конечно, еще двадцать пять лет экспериментировать с государственно-частным партнерством, на которое уповают В.И. Ишаев, В.В. Ивантер и Д.Б. Кувалин. Можно ждать, как ждали все эти годы, когда иностранные инвестиции придут в экономику региона. Но есть ли у нашей страны такой запас времени? Не получится ли так, что дальневосточный регион будет все больше и больше погружаться в болото отсталости и деградации и в конце концов этот «особо ценный актив» Россией будет утрачен?

Такое развитие событий в настоящее время представляется маловероятным, однако опыт истории свидетельствует: то, что сегодня кажется совершенно невозможным, завтра может стать абсолютно неизбежным. В 1985 г., в самом начале перестройки, мы жили в СССР. И спустя всего лишь 6 лет Советский Союз был расчленен националистическими элитами на 15 формально суверенных государств. Присоединение дальневосточных территорий к России завершилось в середине XIX в., т.е., по историческим меркам, относительно недавно. Мы, жители России, вправе, конечно, думать, что вопрос об этих территориях закрыт навсегда. Но мы не можем запретить другим народам (или достаточно влиятельным группам внутри них) придерживаться на этот счет собственного мнения, которое не обязательно совпадает с нашим. На планете не так уж много территорий, столь щедро наделенных природными ресурсами, как российский Дальний Восток. И потому вполне естественно, что за пределами нашей страны предостаточно желающих воспользоваться ими. Пока Россия сильна, она имеет полную возможность распорядиться дальневосточными территориями в интересах своего народа. И чтобы так было и впредь, нашей стране необходимо не только сохранять достигнутый потенциал,

но и непрерывно его наращивать. Но фактически дело обстоит так, что за 25 лет движения по пути капитализма не удалось даже удержать созданный в годы советского созидания цивилизационный потенциал. А о восстановлении можно говорить лишь как об очень отдаленной и сомнительной перспективе, которая к тому же с течением времени становится все более и более туманной.

В настоящее время положение в экономике России таково, что для пессимизма оснований гораздо больше, чем для оптимизма. Прогнозы Министерства экономического развития РФ только усиливают это впечатление. Комментируя последний такой прогноз, директор Центра исследования экономической политики экономического факультета МГУ О.В. Буклемишев пишет: «Остается неясным, как Россия собирается реагировать на стратегические вызовы, которые либо вместе, либо поврозь с высокой вероятностью обратят невеселое, но терпимое инерционное прозябание в острейший кризис, причем задолго до наступления далекого 2035-го и, скорее всего, даже раньше ухода со сцены главных героев сегодняшнего дня» [1]. Автор приведенного высказывания видит причину такого положения вещей в «хронической близорукости правящей элиты» [1].

Поэтому волей-неволей мы должны поставить принципиальный вопрос о том, возможен ли цивилизационный рывок столь проблемного региона, как Дальний Восток, если твердо придерживаться экономических принципов капиталистического хозяйствования. Непреложный факт состоит в том, что для такого рывка требуются колоссальные вложения, прежде всего в инфраструктуру и в человеческий капитал. Но отдача от этих вложений наступит через многие десятилетия и даже, возможно, через века. Советская власть могла позволить себе траты, которые не ведут к выгоде в близкой перспективе. По этой причине программы развития Дальнего Востока выполнялись, причем на первых порах даже с превышением намеченных показателей. Но сейчас власть другая, в нашей стране произошла «радикальная трансформация», и вопрос о прибыли, не имевший раньше большого значения, стал, как и положено при капитализме, главным. В затронутой связи уместно привести цитату из фундаментального труда крупного американского экономиста Л. Туроу: «Каждая общественная система имеет свои слабые и сильные стороны. Сильная сторона капитализма – это его способность угождать индивидуальным предпочтениям. Величайшая слабость капитализма – это его близорукость. Он по самой своей сущности имеет ограниченный временной кругозор» [9: с. 338].

На это можно возразить, что капитализм в чистом виде – это некая умозрительная конструкция, поскольку в любом развитом современном госу-

дарстве существуют обширные сферы жизнедеятельности, основанные на некапиталистических принципах. Так, само по себе наличие в развитых капиталистических странах социальных амортизаторов для незащищенных слоев населения – явное отступление от принципов капитализма. В указанной связи уместно напомнить общеизвестный исторический факт: США сумели победить в лунной гонке (или изобразить победу – в данном случае это неважно) именно по той причине, что их лунная программа строилась на сугубо социалистических началах. Отсюда вытекает, что буржуазное государство способно при определенных условиях выделить более или менее обширный сектор деятельности, где принципы капитализма не действуют. Создать, так сказать, зону, свободную от капитализма. Америка в 60-е гг. XX в. смогла такую задачу решить, так почему же с нею не в состоянии справиться Россия в текущий исторический период? В сущности, книга В.И. Ишаева, В.В. Ивантера и Д.Б. Кувалина в неявном виде содержит идею левого поворота. Например, они предлагают следующую меру: взрослым жителям региона, проработавшим в нем не менее 10 лет, выплачивать из средств федерального бюджета так называемый дальневосточный капитал. По их прикидкам, минимальная величина выплачиваемой суммы должна составлять 400 тысяч рублей, максимальная – 500 [4: с. 120–127]. Однако этот поворот, судя по содержанию всего их труда, мыслится ими как временное и вынужденное отступление от принципов капитализма, а не как коренная перемена всего социально-экономического курса страны.

Как известно, критерий истины – практика. Мы имеем неоспоримый исторический факт: советские годы – это годы созидания, годы стремительного сокращения разрыва между Дальним Востоком и развитыми регионами страны. Послесоветский период – время утраты прежних достижений, время сползания в болото недоразвитости. Тот путь дальнейшей эволюции Дальнего Востока, который Л.Е. Бляхер считает «естественным» и желательным, закрепляет эту тенденцию, делает ее необратимой. Кроме того, этот путь сопряжен с рядом опасностей внутреннего и внешнего плана. Проект, детально проработанный В.И. Ишаевым, В.В. Ивантером и Д.Б. Кувалиным, в принципе позволяет вновь выбраться на дорогу созидания, что соответствует интересам и дальневосточников, и России в целом. Однако реализация этого проекта требует столь значительных изменений в экономической и социальной политике как на уровне региона, так и в масштабах всей России, что возникают обоснованные сомнения в способности современной российской политической элиты его осуществить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бляхер, Л.Е. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток / Л.Е. Бляхер. – М. : Европа, 2014. – 200 с.
2. Буклемишев, О.В. Нулевой вариант: почему Минэкономразвития сулит России 20 лет стагнации [Электронный ресурс] / О.В. Буклемишев. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/24/10/2016/580dc52f9a7947976956eba6>
3. Галичанин, Е.Н. Адаптация промышленных комплексов зоны Севера к условиям рынка / Е.Н. Галичанин, В.А. Уваров, А.Г. Юрченко. – Хабаровск, 2003. – 238 с.
4. Ишаев, В.И. Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона. Государственный подход / В.И. Ишаев, В.В. Ивантер, Д.Б. Кувалин. – М. : МАКС Пресс, 2015. – 264 с.
5. Лившиц, Р.Л. Удержит ли Россия свои дальневосточные территории? / Р.Л. Лившиц // Стратегия развития Дальнего Востока: возможности и перспективы : материалы регион. науч.-практ. конф. В 2 т. Т. 2. Политика. Гражданское общество. – Хабаровск, 2003. – С. 19–29.
6. Лившиц, Р.Л. Социально-философский анализ проблемы освоения территорий с экстремальными природно-климатическими условиями / Р.Л. Лившиц // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2006. – № 3. – С. 157–163.
7. Лившиц, Р.Л. Российский Дальний Восток в аспекте геополитики / Р.Л. Лившиц // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 19–21 сентября 2011 г.). – Комсомольск-на-Амуре : ГОУ ВПО «КнАГТУ», 2011. – С. 104–109.
8. Минакир, П.А. Стратегия развития Дальнего Востока / П.А. Минакир // Стратегия развития Дальнего Востока: возможности и перспективы : материалы регион. науч.-практ. конф. (г. Хабаровск, 12–13 февраля 2003 г.). В 2 т. Т. 1. Экономика. – Хабаровск, 2003. – С. 15–20.
9. Туроу, Лестер. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Лестер Туроу. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999. – 431 с.
10. Хабаровский край: итоги 2015 г., тенденции 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eastrussia.ru/material/khabarovskiy-kray-itogi-2015-tendentsii-2016/>
11. Ужас Кушевской. История банды, ставшей властью в отдельно взятой станице [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/society/law/uzhas_kushchevskoy_istoriya_bandy_stavshey_vlastyu_v_otdelno_vzyatoy_stanice

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.
2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.
3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.
4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно
5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.
6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.
 - 6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются диски и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на диске. Если дисков два и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дисках (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.
 - 6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.
 - 6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.
 - 6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.
 - 6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.
7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.
8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.
9. К статье прилагается краткая аннотация, ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод на английский язык аннотации, ключевых слов и названия статьи.
10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы, присланные ценными письмами и бандеролями, не принимаются.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 450 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

<p>Извещение</p> <p>Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p>Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2016 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
<p>Квитанция Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p>Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2016 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, помещённых в журнале «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» за 2016 год

Раздел	Номер	Стр.
Философия		
<i>Арутюнян М.П.</i> Россия–Китай: приоритеты «экоцентризма» на пересечении ценностей культуры и цивилизации	4(52)	41
<i>Арутюнян М.П.</i> Целостность мировоззрения как экзистенциальная мера гармонизации бытия и качества жизни в проекции этнического	1(49)	12
<i>Зангиров В.Г., Зангирова О.А.</i> Жизнь на перекрестке духовных культур: Дальний Восток России на пути к самоопределению	4(52)	53
<i>Маниковская М.А.</i> Дальний Восток на перекрестке культур: коммуникативное измерение	4(52)	17
<i>Молчанова Е.Г.</i> Историко-психологические основания российской ментальности и социальные преобразования последних десятилетий	1(49)	64
<i>Нижников С.А.</i> Духовное познание в культурах Запада и Востока	4(52)	12
<i>Рудецкий О.А.</i> Дальний Восток России: от мультикультурности к мультикультурализму?	4(52)	48
<i>Рудецкий О.А.</i> Русское национальное самосознание в постсоветской России	1(49)	86
<i>Сердюков Ю.М.</i> Трансцендентальный опыт в психофизических трансформациях мастеров «внутренних школ»	4(52)	22
<i>Цыплаков Д.А.</i> «Культурный код» и секуляризация в России	1(49)	114
Психология		
<i>Алдашева А.А.</i> Доверие профессионала к себе в пространстве профессиональной деятельности	3(51)	65
<i>Анчукова Н.И., Шеломенцев И.Р.</i> Агрессивность и ролевой конфликт в профессиональной деятельности машинистов-инструкторов локомотивных бригад	3(51)	152
<i>Баканов А.С., Зеленова М.Е., Алдашева А.А.</i> Использование модуля поддержки принятия решений в системе документационного обеспечения управления	3(51)	52
<i>Вязникова Л.Ф., Гульм О.А.</i> Развитие у школьников толерантности в поликультурной образовательной среде	3(51)	213
<i>Гапонова С.А., Майорова И.А., Ловков С.Г.</i> Эмоциональное выгорание и характеристики мотивационной сферы специалистов помогающих профессий (на примере медицинских работников)	3(51)	100
<i>Григорьева Н.Г., Дрюцкая С.М.</i> Положительный опыт адаптации к учебной деятельности в дальневосточном государственном медицинском университете	3(51)	242
<i>Ермолаева Е.П.</i> Профессионал на переломе эпох: мультидисциплинарный подход	3(51)	29
<i>Ермолаева Е.П.</i> Психологическая безопасность профессионала как комплексная психосоциальная проблема	3(51)	164
<i>Зеленова М.Е., Лекалов А.А., Костенко Е.В.</i> Диагностика психологического здоровья летчиков в практике врачебно-лётной экспертизы	3(51)	114
<i>Зенина С.Р., Бадалян Ю.В.</i> Факторы профессионального самосознания будущих специалистов сферы «человек–человек»	3(51)	203
<i>Иванова Е.М.</i> Современная стратегия изучения развития, формирования и оценки профессионального труда	3(51)	12

<i>Карпов А.В., Синицына Л.В.</i> Деятельностный статус проступка как психологического понятия	3(51)	45
<i>Кутлубаева Р.М.</i> Роль духовно-нравственного потенциала личности в прогнозировании успешности социально-психологической адаптации к вахтовому методу работы на Крайнем Севере	3(51)	136
<i>Лазарева Л.П.</i> Профессиональные качества педагога: психология реальности	3(51)	192
<i>Лактионова А.И.</i> Развитие жизнеспособности человека в онтогенезе	3(51)	79
<i>Левкова Е.А., Савин С.З., Будницкий А.А.</i> Психологические аспекты хронобиологии трудовой деятельности	3(51)	121
<i>Лодде О.А.</i> Структура психологической адаптации операторов к условиям профессиональной деятельности	3(51)	145
<i>Любичкая О.А., Прошина Е.А.</i> Гендерный аспект переживания страха в спортивной деятельности	3(51)	157
<i>Махова И.Ю., Яремчук С.В., Ситяева С.М.</i> Наводнение на Дальнем Востоке в фокусе психологии труда: намерения и эмоциональные переживания военнослужащих-контрактников в экстремальной ситуации 2013 г.	3(51)	184
<i>Невструева Т.Х.</i> Развитие психотехники как практической ориентации в психологии в контексте истории психологии труда	3(51)	23
<i>Олифер О.О., Сокольская М.В.</i> Инклюзивный метод социализации детей с особыми образовательными потребностями в условиях школьного образования Дальневосточного региона	1(49)	147
<i>Опарина Н.М.</i> Эргономика в контексте междисциплинарной интеграции знаний психологических наук о труде	3(51)	60
<i>Плющева О.А.</i> Субъективное представление специалистов помогающих профессий о критериях своей жизнеспособности	3(51)	87
<i>Постылякова Ю.В.</i> Индивидуально-психологические ресурсы и переживание профессиональной востребованности у выпускников вузов	3(51)	126
<i>Серкин В.П.</i> Изменение представлений о себе, своем образе мира и образе жизни при переживании экстремальной ситуации	3(51)	174
<i>Смирнова С.В., Зенина С.Р.</i> Психическая гибкость специалистов помогающих профессий как ресурс реабилитации клиента	3(51)	94
<i>Соболева Т.Н.</i> Профессиональная одарённость как интегральное проявление способностей на природном уровне	3(51)	71
<i>Соболева Т.Н., Хренов Н.Д.</i> Компонентный анализ самоопределения в сфере безопасности движения поездов различных групп специалистов ДВЖД	4(52)	74
<i>Спирина В.В.</i> Коммуникативная компетентность молодых специалистов сферы «человек–человек»	3(51)	131
<i>Харитонова Е.В.</i> Безопасность в структуре ценностной сферы востребованного профессионала	3(51)	169
<i>Харитонова Е.В.</i> Социально-профессиональная востребованность личности в контексте междисциплинарного знания	3(51)	35
<i>Харчевникова Е.В.</i> Перфекционизм как фактор самоактуализации медицинского персонала	3(51)	108
<i>Ясман Л.В., Ясман В.П., Кубанова О.Л.</i> Развитие рефлексивности как профессионально значимого качества у современных студентов разных специальностей	3(51)	208
<i>Яценко Е.Ф.</i> Карьерные ориентации будущих менеджеров в процессе профессиональной социализации и самоактуализации в вузе	3(51)	198

Социология, политология, право

<i>Аноревич В.Н.</i> Некоторые особенности процесса заключения коллективного договора в Хабаровском крае	3(51)	218
<i>Власов Е.Е.</i> Политическая модернизация во Вьетнаме: опыт, проблемы, противоречия (к 30-летию начала политики обновления «Дой Мой»)	3(51)	236
<i>Довгополов Е.Ю.</i> Объективные предпосылки институционализации национальной (этнической) политики на Дальнем Востоке России	1(49)	21
<i>Ким А.С., Довгополов Е.Ю.</i> Институционализация мультикультурализма в Соединенных Штатах Америки в ракурсе регулирования этномиграционной ситуации на Дальнем Востоке России	1(49)	33
<i>Кривоносова Л.А.</i> Социологические подходы к анализу и оценке эффективности региональных программ	3(51)	247
<i>Левушкина А.О., Печерица В.Ф.</i> Территории опережающего развития Приморья: первый опыт становления	3(51)	257
<i>Любичкая Г.С., Спасский Е.Н.</i> Фрагментарное образование как вызов современной системы российского образования	4(52)	69
<i>Моисеева Л.А., Печерица В.Ф.</i> В поисках новой бизнес-модели: политика поддержки опережающего развития Дальнего Востока (с позиций современного исторического знания)	1(49)	55
<i>Новиков Д.В., Печерица В.Ф.</i> Политические партии как элемент системы современного российского политического монополизма	1(49)	69
<i>Смоляков В.А., Захарова Т.И.</i> Малайзия: политическая система и политический процесс в мультикультурном обществе	1(49)	99
<i>Фещенко Н.В.</i> К современной модели экономической интеграции российского Дальнего Востока и стран Азиатско-Тихоокеанского региона	4(52)	64
<i>Шкуркин А.М.</i> Социальная адаптация в неравновесном социуме и трансформация дальневосточного труда	4(52)	59
<i>Ярулин И.Ф.</i> Концепт «доверие» при анализе этнических миграций	1(49)	126

История

<i>Анисимов А.Л.</i> Организация администрацией Восточной Сибири торгово-разведывательных и дипломатических экспедиций в Корею в 60-х годах XIX века	1(49)	7
<i>Аргудяева Ю.В.</i> Переселение русских крестьян в Приамурье во второй половине XIX века	3(51)	227
<i>Белых А.С.</i> Основные виды хозяйственно-бытовой деятельности в семьях русских крестьян Нижнего Амура во второй половине XIX – начале XX века	4(52)	103
<i>Габрильчук М.А., Горшков М.В., Масахиро Фукуда, Куникита Даи</i> Кондонский слой поселения Харпичан-4 (Солнечный район Хабаровского края). Исследования 2015 г.	4(52)	124
<i>Ковальчук М.А.</i> Статус Китайской Восточной железной дороги: формально-юридический и фактический аспекты	1(49)	39
<i>Ковальчук М.А., Гапоненко Ю.Н.</i> «Биробиджанский проект» и судьба Биробиджанского железнодорожного техникума	4(52)	91
<i>Костюченко А.П.</i> Демаркация российско-китайской границы на территории Еврейской автономной области в 90-е годы XX века	1(49)	47
<i>Кузьмин В.Л., Нечитайлов С.М.</i> Возникновение организаций меньшевиков и их деятельность на Дальнем Востоке России до 1917 года	4(52)	96
<i>Кулепанов Р.В.</i> Образ японского солдата в американской информационно-пропагандистской литературе 1941–1945 годов	1(49)	137
<i>Ляхов Д.А.</i> Вопрос о созыве Приамурского Учредительного собрания в деятельности антибольшевистских сил Приморья (май 1921 г. – июнь 1922 г.)	1(49)	143

<i>Маклюков А.В.</i> Сучанская узкоколейная железная дорога (1904-1935 гг.)	3(51)	258
<i>Пикалов Ю.В.</i> Влияние переселения на социальный облик коренных малочисленных народов Дальнего Востока РСФСР (1922–1941 гг.)	1(49)	75
<i>Пиотрович А.А., Ежеля У.В.</i> Стальной путь длиной в 140 лет (к юбилею железных дорог Китая)	4(52)	82
<i>Полутов А.В.</i> Гибель эскадренного броненосца «Наварин» в Цусимском сражении	3(51)	263
<i>Редчун В.М.</i> Некоторые аспекты семантики и иконографической специфики орнитоморфных образов в декоре текстиля славян-переселенцев Дальнего Востока России	4(52)	109
<i>Сливко С.В.</i> Развитие ракетной и ядерной программ КНДР на современном этапе и реакция мирового сообщества (2011–2016)	1(49)	92
<i>Сидоров С.А.</i> Пограничное пространство Дальнего Востока России как зона уязвимости и контактности	1(49)	111
<i>Титорева Г.Т.</i> Ясачная политика в Приохотье: история и практика	1(49)	120
<i>Ульянова М.В.</i> Общественное мнение Запада о Русско-Японской войне 1904–1905 годов (на примере карикатур)	4(52)	118

Филология, культурология

<i>Агранат Ю.В., Рябкова Е.Л.</i> Обучение основам межкультурной коммуникации в контексте подготовки студентов к участию в программах академической мобильности вуза	4(52)	148
<i>Алешинская Е.В.</i> Многоязычные композиции в телевизионном музыкальном шоу «Голос»	2(50)	131
<i>Бахтикиреева У.М.</i> О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии	2(50)	76
<i>Бородина Д.С.</i> Транскulturальная компетенция как фактор идентификации субъектов межнациональной коммуникации	2(50)	113
<i>Бутенина Е.М.</i> Достоевский как современник: рецепция наследия в Англии и США	2(50)	89
<i>Васильева И.В.</i> О некоторых особенностях транскulturального влияния на русское искусство начала XX века	2(50)	125
<i>Гладкая Е.Ф.</i> Дебаты как средство формирования поликультурной компетентности российских и иностранных обучающихся дальневосточного технического вуза	4(52)	151
<i>Еленевская М.</i> Кочевники в сети: заметки путешественников в эпоху интернета	2(50)	94
<i>Кабакчи В.В.</i> Литератор между двух языков и двух культур	2(50)	70
<i>Канагараджа Суреш.</i> Мультилингвальная педагогика неолиберального времени: расчистка территории и планирование движения вперед	2(50)	10
<i>Коваль С.В.</i> Музыкальный образ в музейной экспозиции Хабаровска конца XIX века	1(49)	132
<i>Колесниченко М.А., Пивоварова М.О.</i> Произносительные стратегии в английской речи китайцев: проблема двуязычного изоморфизма	2(50)	37
<i>Лазаретная О.В.</i> Лингвокультурный компонент английского языка как средства международного общения	2(50)	52
<i>Левкова Е.А., Логинов И.П., Савин С.З., Будницкий А.А., Тимошенко Н.А., Чжан Цунпэй, Цзянь Ху.</i> Проблемы обратного перевода в этномедицине	2(50)	157
<i>Максимова Ю.С.</i> Развитие контактов культур через языковой компромисс	2(50)	120
<i>Мальнева Е.Ю.</i> Когнитивный романтизм как когнитивный стиль и «Великая китайская стена»: в поисках мистического «шестого чувства»	4(52)	139
<i>Маринич Л.Ф., Прыткова Ж.И.</i> Современная профессионально-ориентированная учебная книга на английском языке для студентов технического вуза – от теории к практике	4(52)	155

<i>Примаков О.В.</i> Феномен фонетической трансференции в межкультурной коммуникации АТР (на примере китайского английского)	2(50)	42
<i>Прошина З.Г.</i> Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску журнала)	2(50)	6
<i>Прошина З.Г.</i> Смена парадигмы в языковом образовании: от изучения английского как иностранного языка (EFL) к английскому как международному языку (EIL)	4(52)	132
<i>Ривлина А.А.</i> Формирование глобального англо-местного билингвизма и усиление транслингвальной практики	2(50)	22
<i>Садченко В.Т.</i> Аспектуальная префиксация в русских говорах Приамурья	2(50)	165
<i>Семенова А.В.</i> Билингвизм: природа явления, проблемы изучения, классификация типов	2(50)	30
<i>Сенина Е.В., Забияко А.А.</i> Образ русской женщины в китайской литературе 20–40-х годов XX века	3(51)	276
<i>Серкова Н.И.</i> Транскультурный диалог и проблема межкультурного взаимодействия (на материале Романа Надин Гордимер «The Pickup»)	2(50)	81
<i>Татауш Е.А.</i> Проблема корректности устного перевода в общественно-политической сфере	2(50)	150
<i>Терехова Е.В.</i> Транслингвальность композитов в политическом дискурсе	2(50)	46
<i>Файзрахманова Ю.С.</i> Для чего и зачем английский язык в Южной Корее?	2(50)	106
<i>Фёдоров В.В.</i> Языковая актуализация аргументированности в современной японской англоязычной газетно-журнальной публицистике	2(50)	102
<i>Хансен Джули.</i> Как понимать трансязыковой текст: русские имена, культурные аллюзии и игра слов в романе «Жизнь Суханова в сновидениях» Ольги Грушиной	2(50)	58
<i>Харитонова Е.В., Чайковский Р.Р.</i> Авторский перевод как форма транслингвизма	2(50)	136
<i>Цзян Ин, Шипановская Л.М.</i> Сферы официального использования русского языка на северо-востоке Китая	2(50)	169
<i>Шайдуллина Д.С., Завьялова В.Л.</i> К вопросу о трудностях синхронного перевода английской речи носителей языков Восточной Азии	2(50)	142
Полемика		
<i>Лившиц Р.Л., Готного А.В.</i> Стоит ли в наши дни воспроизводить продуктивные заблуждения? (полемика заметки о статье А.М. Шкуркина «Современны ли идеи Эмиля Дюркгейма о роли разделения труда в человеческой истории?»)	3(51)	284
<i>Смирнов Б.В.</i> Разделение труда от Эмиля Дюркгейма до наших дней: прошлое, настоящее и будущее труда	3(51)	292
Критика и библиография		
<i>Лившиц Р.Л.</i> «Конфликт мифологий» или изъятие стратегии? О перспективах эволюции Дальнего Востока России	4(52)	161
Рецензии		
<i>Смоляков В.А.</i> Рецензия на монографию В.Ф. Печерицы «"Восточный экспресс" Путина ускорится на Китай»	1(49)	154

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал № 4 (52) 2016

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *Т.М. Яковенко*
Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2016 г. Поз. 12.8. Подписано в печать 15.12.2016 г.
Гарнитура «Times New Roman». Уч.-изд. л. 24,0. Усл. печ. л. 22,3. Зак. 228. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.